

Колдовские миры

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

Ветана
Дар смерти

Annotation

Лечить людей для мага жизни – призвание.

Но сделать их лучше? Это и Светлому не под силу. А лечить приходится всех. Воров, убийц, бедняков, аристократов... Не разбирая, кто хорош, а кто плох. И благодарность людская тоже разнится.

Кто-то отдаст последнее, кто-то просто скажет спасибо, а кто-то начнет думать, как использовать лекарку в своих целях. Ну или куда благороднее – в интересах страны и Короны.

И с такими труднее всего. А отказаться от их помощи Ветана не может. Опасность из прошлого настигает девушку, и защитить ее могут только те, кто обладает властью и могуществом. Но чем придется расплачиваться за их помощь?

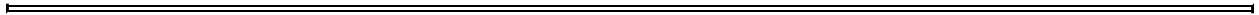
- [Галина Гончарова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Галина Гончарова

Ветана. Дар смерти

© Гончарова Г. Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Я шла по городу. В душе кипела и искрилась радость. Жить! Как же хорошо жить! Смотреть на небо, радоваться солнцу, улыбаться новому дню, видеть игры детей и даже – да! – нюхать цветы шиповника.

Потянулась к кусту и от души вдохнула аромат цветка. Рвать его не хотелось, нет. А вот остановиться на секунду и унести на губах сладость пыльцы и нежный запах розового цвета... Мгновение, всего лишь мгновение, но это – мое. И я счастлива. Здесь и сейчас я довольна и спокойна. И не скажешь, что этой ночью меня хотели убить. А я иду по улице и мечтаю о том, как войду в лечебницу и стану учиться и помогать людям...

Разве это не счастье?

Лечебницу я увидела издали. Приземистое одноэтажное здание из белого камня с зеленой крышей. Еще Алетар Раденор ее строил, и строил – на века. С тех пор перекрывали крышу, меняли двери и окна, ремонтировали перегородки из дерева, а вот каменный каркас как стоял, так и стоит. И еще века продержится. Раденоры вообще выделяют достаточно денег на врачей.

Я положила руку на бронзовую ручку. Поморщилась. Вымыть не могли? Под пальцами появилось неприятное липковатое ощущение. Так бывает, если металлическую вещь долго не чистить.

Грязь. В лечебнице? Мне это уже не нравилось. Но порог я переступила со всей решительностью. В конце концов, у работающих здесь людей есть дела и поважнее, чем начищать дверные ручки, верно?

В нос бросилась смесь запахов. Щелока. Сильный и едкий. Крови и гноя. Не менее сильный. Болезни. Поверьте, больной человек тоже пахнет своим особым запахом, запахом боли и страха. И сейчас все это ударило мне в лицо. Я пошатнулась и крепче схватилась за дверь, чтобы не упасть. А на пальцах вновь остался неприятный липкий след.

И что тут происходит?

Лекаря я узнала по зеленой развевающейся накидке. Цвету жизни. И ухватила за рукав.

– Где я могу найти господина Тирлена?

– Он на обходе...

– И где это?

– В северном крыле. По коридору, третий поворот направо, еще раз

направо и шестая дверь.

Лекарь вывернулся из моих рук, а я медленно пошла по коридору. Лечебница была устроена именно так. Один большой широкий коридор, от которого в обе стороны открывались двери.

За одной пили взвар несколько больничных служителей, за другой на койках лежали люди. Сколько же их! Мужчины, женщины, дети...

Страшно. Мне очень-очень страшно. Я медленно шла, оглядываясь по сторонам.

Вот в той палате женщина сидит на койке рядом с пожилым мужчиной, и до меня долетели слова:

– ...обязательно поправишься...

В другой девчонка – явно служительница – командовала пожилой женщиной:

– Ну-ка хватит лениться! Надо двигаться, иначе потом не встанете. Слезайте, госпожа...

А из соседней двери несло такой болью, что я невольно замедлила шаг. И охнула. За этой дверью сидели трое. Мать, отец, ребенок. Болел малыш, и ему было плохо, очень плохо.

Сила заматалась внутри меня, полосуя когтями внутренности, словно раненый зверь. И я не сдержалась. Ну что такого? Я же просто загляну.

На скрип двери повернул голову только отец. Так...

Рофтеры.

Есть такая народность без земли. Черноволосые, смуглые, с карими или черными глазами, они кочуют от города к городу. И надо сказать, их не очень любят. Всякие попадались – и вороватые, и нагловатые...

Почему не извели?

Народ рофтеров владел какой-то своей магией. И провидицы, и вещуньи, и ведьмы. И проклясть последние могли так, что костей не соберешь. Случалось пару раз. После этого желание загонять рофтеров в какие-то рамки пропало даже у самых упертых.

Сейчас передо мной сидели типичные рофтеры.

Красная рубашка и черные штаны у отца, черная кофта и алая широкая юбка у матери, по спине струятся черные косы, извиваясь змеями на постели, на плечи наброшена шитая шелками шаль. Сидят родители над больным малышом. И не так уж важно, к какому они принадлежат народу. У горя нет национальности.

– Что с малышом?

– А вы кто?

– Ветана. Лекарка. Сегодня здесь первый день, – спокойно

представилась я. – Господин?..

– Арахо. – Мужчина явно смягчился. – Никто не знает, госпожа. Сын весь горит в лихорадке, уже несколько дней, судороги, тошнота, рвота... Яра с рук его не спускает...

И верно, выглядела женщина так, что саму в гроб укладывать можно. Глаза запали, на лице только нос и скулы, кожа желтая...

Если ребенок умрет, она уйдет за ним, – подсказало нечто внутри. – Это ее единственный сын, ты же видишь...

Видела. Каким-то чудом видела и могла дать лишь одно объяснение. Моя сила выходит на качественно новый уровень. Хорошо это или плохо – подумаю потом. А пока...

Я шагнула вперед, мягко коснулась запястья малыша. Темного крабом, ему же года три, жить и жить! Женщина дернулась, как от удара.

– Вы... Кто?!

Она даже не слышала, о чем мы говорили. Я нащупала пульс ребенка. Едва-едва, тоненький, нитевидный, если не вмешаться здесь и сейчас – для него уже не будет ни там, ни потом.

– Ветана. Лекарка. Встань.

Откуда в моем голосе эти нотки? Но я сейчас разговариваю как бабушка.

Мать могла орать, могла гневаться, ее могли не слушаться, но когда говорила бабушка, все замолкали и беспрекословно выполняли ее приказы. Просто потому, что понимали – *так надо*.

Женщина поднялась, глядя на меня, как птичка на змею. Может, и так, но сейчас мой яд – целебен.

– Дай я осмотрю его.

– Я...

– Клянусь, он не умрет.

И столько уверенности звучало в моем голосе, что женщина всхлипнула. А я ведь и правда могла это обещать. Знала, что говорю правду, и она почувствовала ее в моих словах. Здесь и сейчас.

На руки мне легло тоненькое тельце. Горячее, словно его только что вынули из печи. Боги, если бы вы не привели меня сюда, через десять-двенадцать часов все было бы кончено.

Пальцы легли на затылок малыша. Под прикрытием растрепанных мягких волосенок по ним побежали искорки. Почти незаметные, родители их и не увидели.

Да. Воспаление мозга^[1]. Бывает такая гадость, дети на нее податливы. А вот выживают немногие. Даже взрослые умирают, что уж там такие

малыши.

Для проверки я согнула ребенку ногу. Попробовала. Ага, как же, размечталась... С тем же успехом можно пальцами полено гнуть. Мышцы словно железные^[2]. Вот и сыпь на теле, характерная такая... На закрытые веки надавливать даже не стала. И так понятно, что это. Зачем мучить ребенка?

Перевела взгляд на родителей. На господина Арахо.

– Сейчас вы возьмете свою жену и накормите. Можно – насильно. Я побуду с ребенком, пока вы не вернетесь. Обещаю, на шаг не отойду.

Мужчина нерешительно коснулся женской руки.

– Яра...

Женщина дернулась, словно лошадь, которую кнутом ожгли. И я поняла, в чем дело. Не верит. Никому не верит. И боится, что уйдет, а ребенок тут же умрет. Она чувствует его, словно себя. И знает, что только ее жизнь поддерживает его силы.

Да, и так бывает. Если любишь человека, сможешь удержать его над пропастью. Только вот я – маг жизни. И этой пропасти даже не замечу.

– Нет! Я не...

Я видела женщину насквозь.

– Обещаю: он не умрет.

Яра сверкнула глазами, но я покачала головой.

– Если он умрет – убьете меня. Хотите, напишу расписку? Господин Арахо, накормите жену! Там у лечебницы торгуют супом из моллюсков – две минуты туда, две обратно. Пять, чтобы его съесть.

Женщина вдруг шагнула ко мне. Взяла за руку, посмотрела... так...

– Он правда не умрет?

И столько надежды было в ее глазах, столько веры! Она и в храме, наверное, на Бога так не смотрела.

– Как зовут малыша?

– Диан. Моего мальчика зовут Диан.

Я медленно опустила ресницы.

– Клянусь – он будет жить. Своими будущими детьми клянусь! Чтоб мне ни одного не родить.

Да иди ж ты, дура! У своего ребенка время отнимаешь!

Я едва дождалась, пока за ними закроется дверь.

Положила Диана на кровать, отметив серую застиранную простыню и дырки на ней, и коснулась ладонями исхудавшего личика.

– Прости, малыш.

Ладони накрыли виски Диана. Сила гремела и перекатывалась внутри,

словно безумный водопад на реке, и я покорно отпустила ее на волю. Это было вовсе не так, как с маркизом. Нет. Там требовалось встряхнуть все тело, теряющее желание жить. Здесь же...

Легче, намного легче.

Дети вообще больше тянутся к жизни. Они знают, что смерти нет, и это замечательно. Диан не кричал, не стонал и не дергался. Он просто вжался головой в мою ладонь так, что я на миг даже испугалась: показалось, что пальцы, прорвав кожу, впиваются в самую кость.

Но – нет.

И я знала, что сейчас творится внутри малыша. Почти видела, как золотистые искорки бегут по его жилам, как с кровью проникают в самые отдаленные уголки тела, выжигая нечто вроде гадких черных точек. Убивая самую суть заразы. Но это еще не все. Надо убрать последствия. Иначе малышу придется плохо, очень плохо...

Я направила силу туда, где она была нужнее всего. У Диана будут явные проблемы со зрением, когда он выздоровеет. А мы вот так, осторожненько, уберем лишнее количество жидкости. Ее сейчас не хватает в теле, а она тут скопилась. Иди отсюда, милая, рассасывайся. И вот тут беда. Нет, судорог у ребенка тоже не останется. Делать – так до конца...

Мне повезло.

Маг жизни за работой не заметит, даже если на него скала упадет. Я бы тоже не заметила ни зрителей, ни чего-то другого. Но... именно – повезло. Последствий было на удивление мало. Видимо, ребенок просто начал умирать, и болезнь не успела сожрать все, что возможно. Или я пришла вовремя?

Не знаю, ничего не знаю. Сейчас я просто живое приложение к своей силе, которая свободно льется из меня. И понимает, что все уже в порядке, все хорошо.

Я убрала руки с детских висков и машинально отметила, что в этот раз лечение далось легче. Хотя чего удивительного? Взрослые люди менее податливы, да и сил на них требуется больше. Я могу взять на руки малыша, но поднять того же маркиза?

Тяжесть болезни?

Да, и это тоже. Но малыша лечить легче, все равно легче. Со взрослыми я и руки поднять не могла после лечения. А сейчас вот спокойно сижу, держу мальчишку за руку, и даже на стену не опираюсь. И вовремя, видит небо! Потому что за дверью уже слышатся шаги.

Родители ребенка возвращались в палату, как на эшафот. И неудивительно. Когда на твоих руках умирает твой ребенок, когда ты кровь

бы по капле отдал, но некому, и понимаешь, что ты не в силах помочь, когда ты чувствуешь затухающее биение пульса и понимаешь, что малыш уходит... Не хотела бы я такое пережить. Впрочем, я – маг жизни. Но и чужой боли мне довольноно.

Яра стояла в дверях и смотрела на меня. Я была спокойна, малыш лежал на кровати и едва дышал. Почти незаметно под одеялом, которым я его укутала. Бедняга пропотел насквозь, его переодевать надо, а во что?

– Он...

– Жив. Выздоровливает. У него был кризис, – спокойно ответила я.

Яра осела у двери, словно тряпичная. Глаза впились в меня острыми ножей.

Жив? Правда? Выздоровливает?!

Супруг кое-как подхватил несчастную под мышки, поднял и подтащил к кровати.

– Яра, Яринька, все в порядке...

Рука, протянутая к сыну, явственно дрожала. Но лобик под пальцами был прохладным, только очень мокрым. И волосенки на голове слиплись от пота.

– Его бы переодеть. Есть во что?

– Есть! Сейчас найду!

Вот и чудненько. Я встала, умудрившись даже не пошатнуться. Эх, мне бы сейчас хоть чашку воды. Но слабости показывать нельзя, я-то знаю. Да и ненадолго это, я быстро прихожу в себя.

Яра суетилась вокруг ребенка. Господин Арахо посмотрел на это – и коснулся моей руки.

– Госпожа Ветана... спасибо.

– А я при чем? Кризис и сам бы начался, просто я это увидела и отослала вас. Иначе ваша супруга тут бы с ума сошла, – с невинным видом пожалала плечами я. – Знаете, это очень неприятно выглядит.

Господин Арахо закивал, словно и правда что-то знал.

– Все равно – спасибо. Сколько?..

Я фыркнула.

– За что вы меня благодарите? За десять минут рядом с малышом?

Можно подумать, я прошла бы мимо. Тогда, рядом с маркизом, я поняла, насколько страшный дар мне достался. Сейчас вижу это еще отчетливее. Маги жизни – рабы своей силы. И чем лучше я научусь лечить без применения магии, тем спокойнее будет мне же. Потому что там, где опытный лекарь обойдется уколом...

– Лекари говорили – Диан умрет.

– И что? Не умер же? Справился.

Дверь скрипнула. В комнате сразу стало очень тесно и зелено. Три лекаря, штук шесть подручных, все в форме государственных лекарей. Голос господина Тирлена наполнил помещение:

– А вот тут у нас острое мозговое воспаление. Кто назовет мне признаки?

– Сыпь.

– Жар.

– Судороги.

Неуверенные голоса, сомневающиеся лица. И это – подручные лекарей? Если бы я так перечисляла все бабушке? Или старой Марте? Хм-м...

Крапивой они бы меня гоняли долго и безжалостно. Травница всегда повторяла, что неверно распознаешь – угробишь больного. А там и сама можешь жизнью поплатиться. Придут вот его родные с вилами и не посмотрят, что ты плохо училась.

– Отлично. Осмотрите малыша.

Подручные направились к кровати, а я – к Карнешу Тирлену.

– Господин Тирлен, вы меня помните?

Меня удостоили взглядом.

– Госпожа Ветана? Рад вас видеть. Почему вы здесь?

– У ребенка начался кризис, я не могла пойти искать вас.

А что еще я могла сказать? Задержалась, лечила...

– Он мертв?

Я распахнула рот. Может, и не аристократично, но слов не было. Вот так? При родителях, по живому? Ну, знаете ли!

– Н-нет...

Но больше сказать ничего не успела. Яра, растолкав окружающих, кинулась мне в ноги.

– Спасибо, госпожа Ветана!!! Спасибо!!!

Я оступилась и едва не рухнула бедной женщине (хотя при чем тут бедность, ребенок же выздоровел?) на голову, господин Арахо подхватил меня, господин Тирлен бросился осматривать мальчика, растолкав учеников...

Одним словом, отличилась! Молодец, Вета! Может, тебе табличку на шею повесить? С надписью: «притягиваю проблемы»! И так ходить, пока ума не наберешься? Хотя если его при рождении не было, то и потом не добавится...

Дура.

Спустя полчаса в комнате установился относительный порядок. Яра успокоилась, но по-прежнему не выпускала из рук Диана, который уже успел очнуться, напиться и уснуть нормальным сном выздоравливающего ребенка. Господин Арахо кидал на меня благодарные взгляды. Карнеш Тирлен расхаживал по комнате взад-вперед, остальные лекари убирались с его пути. Я устроилась в уголке, подальше от всех. И благодарных родителей, и лекаря. Не задушат в теплых объятиях, так при ходьбе сшибут. Оно мне надо?

– Госпожа Ветана, расскажите еще раз, что вы видели?

– Ничего особенного. – Я пожала плечами. – Искала вас, по дороге заглянула в палату, увидела, что у ребенка сейчас начнется кризис, отослала родителей, чтобы не мешали своими воплями, напоила малыша жаропонижающим...

– Каким?

Я послушно протянула пакетик с корой ивы. Лично собрала, высушила и истолкла в порошок. Карнеш посмотрел недоверчивым взглядом.

– Это? И все?

– Да.

– Но... у мальчика было воспаление мозга. И выжить он никак не мог! Я помотала головой.

– Да нет же! Господин Тирлен, если бы у него все было так серьезно, он бы точно умер! Может, просто что-то похожее? Например, воспаление уха? И если он еще падал...

Карнеш задумался. Прищурился на Яру с супругом.

– Скажите, любезная, а как себя чувствовал ваш ребенок сегодня? Два дня назад я помню, а сегодня?

– Плохо.

– У него был жар? Судороги? Тошнота? Сыпь?

Яра смотрела непонимающими глазами.

– Ему плохо было. Горячница у него была, вот!

– Горячница?

– Ну да! Плохо ему было!

Я прикусила язык.

Готова остричься налысо, если Яра сейчас не разыгрывает тупую рофтерку! Прекрасно она понимает и смысл вопросов, и то, какого ответа ждет лекарь, но...

Он ее ребенка бросил. Вчера не пришел. И сегодня привел учеников показать умирающего. Не помочь, нет. Просто поучить на живом примере, даже не подумав, что матери это будет больно. Рофтеры же! Отребье, отбросы, люди без родины, чести и совести. И чего с ними считаться?

Я понимаю, что учат на живых людях, но меня иначе натаскивали! Никогда, никогда Марта не расспрашивала меня у постели больного! Всегда выводила из дома и носом в промахи тыкала! Потому что не стоит человеку знать, что с ним. Иногда попросту не стоит! А вот так, обсуждать умирающего ребенка в присутствии его матери – это даже не жестокость. Это как у мясника. Для него корова не живое существо, а ходячая колбаса. Вот и для Карнеша Тирлена это не умирающий малыш, а интересный случай. Так он и отнесся. А я пришла и поддержала. Помогла. И меня просто... защищают?

Да, похоже на то.

Непрофессионально так относиться к больным людям? Да, знаю. И неумно, и нелогично, и я себя раньше растрachu, чем кому-то помогу, и... И плевать на все эти доводы! Стоит только заглянуть в глаза ребенка, чтобы отбросить их, как ненужную тряпку. Пусть я неумеха и ничего не понимаю, но здесь и сейчас – я права. И я в своем праве!

– Он бредил?

– У него горячница была! Плохо ему было!

В таком духе диалог продолжался около пяти минут, а потом господин Тирлен махнул рукой. Тупая баба, что тут скажешь? Совсем тупая и безграмотная, спасибо, нос подолом не вытирает. Куда уж ей объяснить что-то серьезное?

И мужчина обратил внимание на меня.

– Госпожа Ветана, я рад, что вы пришли. Жаль, что сегодня вы не участвовали в осмотре, но, думаю, сегодня у нас еще найдется, чем заняться.

И словно в ответ на его слова, в дверь просунулась голова прислужницы.

– Господин Тирлен! Там человека привезли! Ножевое...

Карнеш Тирлен мгновенно подхватился и исчез за дверью. Недолго думая, я последовала за ним.

* * *

М-да. Если это не серьезное ранение, то что называть серьезным? На

полу корчился от боли парень лет двадцати пяти. Из его бедра, ближе к паху, торчал деревянный кол.

Карнеш действовал быстро. Запрокинул парню голову, прощупал пульс на шее, кивнул, вытащил из кармана пакетик с порошком и подал помощнице.

– Спить.

Я узнала резковатый запах. Маковое молочко, так-то. Гадость редкостная, но от сильной боли может помочь.

Пока помощница разводила порошок в воде, Карнеш уже успел разрезать на больном пропитавшиеся кровью штаны. Посмотрел на меня.

– Что скажете, госпожа Ветана?

– Надо извлекать, чистить рану и перевязывать. Кость цела?

– Прощупайте?

Парень едва не шарахнулся от моих рук.

– Это что?! Баба?!

Очень захотелось в лоб стукнуть.

Карнеш фыркнул.

– Привыкайте, Вета. Я могу вас так называть?

– Да, господин Тирлен.

– Карн. Мы здесь все по именам, без церемоний.

– Да, Карн.

Я пробежала пальцами вдоль кости. Служительница спаивала парню разведенное маковое молоко, тот кривился, но глотал.

– Не сломана. Но я бы все равно проверила, слишком близко этот штырь сидит к кости. В ране могут остаться осколки.

– Проверим.

Служительница сноровисто придвинула столик, водрузила на него поднос с разложенными инструментами, Парень смотрел на все это достаточно благодушно. Маковое молочко не слишком быстро действует, но больно ему точно не будет. Пока мы наметили план операции, пока решили, как действовать, прошло не меньше десяти минут. Глаза юноши остекленели.

Карн сноровисто протер чем-то вроде винной выморозки место операции. И принялся извлекать штырь. Рассек ткани. Парень корчился, прикусывал предусмотрительно сунутый в рот жгут, но не кричал.

Полилась кровь. Горячая, красная.

В ране действительно обнаружились и щепки, и даже крохотный осколок кости. Не вычисти мы все это – мальчишка попрощался бы с ногой, а то и с жизнью. Гангрена – штука такая, тяжелая.

Я подавала инструменты и получала искреннее удовольствие. Мастер, какой же мастер! В эту минуту я простила Карнешу все. И его пренебрежительное отношение к рифтерам, и безразличие к гибнущему ребенку. Он работал, словно вдохновенный художник. И я, забыв обо всем, с восхищением участвовала в создании самого лучшего произведения искусства на свете – здорового человека.

Через полтора часа все было кончено, и мы с Тирленом посмотрели друг на друга иначе. Он на меня – с интересом. Я на него – с искренним уважением.

– А у вас хорошие руки, Вета.

– Благодарю, Карн. Я с таким удовольствием наблюдала за вашей работой!

– И не только наблюдали.

– Да. Это было... потрясающе!

Светлые глаза блеснули, губы сложились в улыбку.

– Столько лет прошло с тех пор, как я слышал нечто подобное от юных девушек.

Я посмотрела с опасением. За время своей одинокой жизни я уже поняла, что некоторые мужчины считают себя Божьим даром. Хотя не тянут даже на яичницу. Но потом заметила хитрые искорки в глазах, морщинки, разбежавшиеся от уголков губ, – и тоже рассмеялась.

– Не сомневаюсь, ваша жена вам это говорит регулярно!

– Да. Вот уже больше сорока лет. Эх, старость – не радость.

Из палаты мы выходили почти друзьями.

– Вета, у нас здесь все достаточно просто. Зеленую накидку я вам дам, заодно платья спасете.

– Буду очень благодарна.

Дома у меня было несколько фартуков, но не всегда успеваешь их надеть. Разные случаются ситуации.

– Я закреплю за вами несколько палат. Люди, которые попадут в них, будут на вашей ответственности.

– Благодарю за доверие.

– Нас тут всего шесть лекарей, и мы не можем отдавать все свое время лечебнице для бездомных. А потому...

Подтекст я поняла.

Это не доверие. Это испытание.

– Всего шестеро?

– Есть еще трое, но вы сами поймете, почему на них не стоит рассчитывать.

Я подумала пару секунд.

– Вино?

– Вино, маковый сок, а один – вообще чистоплюй. Сами увидите.

Я кивнула. Увижу, куда ж я отсюда денусь.

– Но я тоже не смогу уделять много внимания. Приходить через день? На несколько часов?

– Этого более чем достаточно. Вам еще нужно на что-то жить. Корона платит лекарям, которые здесь подрабатывают, но это – гроши. Так что если больные станут вам что-то платить – берите. Не обеднеют.

Я прикусила губу, решив не спорить.

Кто не обеднеет, идет к лекарю. Сюда попадают те, у кого нет денег. Или кто оказался в сложной ситуации. Вроде этого паренька с пробитой ногой. И брать с них деньги? Не знаю. Как-то это...

– Вы не наследница состояния Моринаров, так что не спорьте. – Карнеш поморщился. – Сами поймете. Служителям я вас представлю сегодня же, чтобы знали, с кем имеют дело. А то народ у нас нагловатый, не рявкнешь, не пошевелится. Покажу, где хранятся запасы трав и перевязочного материала, инструменты... Ну и работайте. А я помогу и пригляжу. Буду рад, если вы придете ко мне на обход.

– Обязательно, Карн.

Радужная мечта потеряла пару перьев из пышного хвоста. С другой стороны, а что я хотела? Чтобы мной занимались, учили, обратили внимание? Чтобы рядом был кто-то близкий? Мне так одиноко здесь, в Алетаре, сколько бы людей ни было рядом. Просто одиноко. Я не привыкла быть одна.

Сейчас я получила нечто иное. Наставника и возможность практики.

– Ну и если что-то пойдет не так – тоже приходите, Вета. Я помогу.

– А если вас не будет в этот день?

– Ничего страшного. Подождут. Я широко открыла глаза.

Подождут?

Это же люди! Им плохо, больно, они страдают!

Карн словно прочел мои мысли.

– Вета, это не просто люди. Это отребье с городского дна. Даже Желтый город слишком хорош для них. Поверьте, их жизнь и так достаточно коротка. Днем больше, днем меньше.

– Наверное, вы правы, Карн.

Надеюсь, мой голос звучал достаточно убедительно. Но я же аристократка? Мы учимся лицемерить сразу, как только выползаем из колыбели.

Карнеш потрепал меня по плечу и улыбнулся.

Я старательно опускала глаза в землю. Отребье? Из Желтого города? Видит небо, я и сама сейчас живу там и вижу это отребье каждый день! Это – люди! Хорошие ли, плохие, но живые люди! Со своими мечтами, страхами, чаяниями и отчаяниями. И относиться к ним, как к... материалу на платье?

Не могу. Не могу и не стану. И если уж судьба привела меня сюда, я научусь, чему возможно, у Карнеша, но постараюсь остаться человеком.

Я очень постараюсь.

* * *

Стук в дверь никогда не становится неожиданностью для хорошего лекаря. Так что открывала я уже вполне привычно. И была искренне удивлена, обнаружив на своем пороге старую рофтерку.

На вид ей было лет семьдесят, может, даже больше. Полностью белые волосы, изборожденное морщинами лицо, но в то же время – яркие темные глаза, черные брови и ресницы, прямая спина. Темное платье с красной оторочкой по вороту, рукавам и подолу из грубой материи сидело на ней, как на королеве, а наброшенная на голову шаль выглядела почти мантией.

М-да, к такой не проявишь неуважение. Было в ней нечто... королевское.

– Здравствуйте?..

Я посторонилась, пропуская женщину в дом.

Рофтерка зашла, огляделась и кивнула.

– Ты – Ветана? Лекарка?

– Да, я.

– Хорошо. Я не больна, я пришла сказать спасибо. За дочь и внука.

– Я ничего не сделала. Ваш внук выздоровеет сам.

– Врешь.

И настолько безапелляционно это было сказано, что продолжать не захотелось. Да, вру. Только вот не думала, что меня на этом поймают.

– Госпожа...

– Зови меня Ларта.

– Госпожа Ларта, я не считаю свой поступок... необычным. Так обязан был поступить каждый лекарь.

Рофтерка прищурилась.

– Хотя нами откровенно брезгают? Мы же ворует, гадаем? Мы –

другие.

– Больные люди все одинаковы. Разве нет?

– Не врешь. Это хорошо. Я пришла поблагодарить деньгами, а вижу, что тебе нужно другое.

– Мне ничего не нужно.

– Ошибаешься. Я смотрела на судьбу своего внука. Все дороги вели в туман, кроме одной. И на ней повстречалась ты. Могла пройти мимо, но остановилась и помогла. Теперь у него все будет хорошо.

– Я тоже на это надеюсь. Он очень милый ребенок, – честно сказала я.

– А чтобы у тебя все тоже было хорошо... Дай руку!

– Зачем?

– Посмотрю на твою судьбу.

– Я в это не верю.

– А я и не буду ничего говорить. Только самое необходимое. Не то начнешь метаться, наделаешь глупостей. Не стоит вам знать лишнего. Протяни левую ладонь.

И я повиновалась.

Рофтерка взяла мою руку, сжала. И замолчала. Узловатые сухие пальцы были удивительно холодными, словно она куски льда в руках держала. Взгляд ее расфокусировался, поплыл, она чуть пошатнулась. Второй рукой я невольно поддержала пожилую женщину под локоть. Упадет еще, лечи потом.

Дар молчал. Что бы ни делала госпожа Ларта, на него это не влияло.

С побледневших старческих губ сорвались тихие слова.

– Не верь ни свету, ни тьме. Не бойся ни жизни, ни смерти. Это две стороны одной монеты. Иногда убить – значит спасти. За тобой три зла. Зло в прошлом, зло в настоящем, зло в будущем. Два зла могут сожрать друг друга, третье – тебя. Пожалеешь многое – потеряешь все. Зло уже идет. Берегись добра, оно бывает злее.

Через пару минут пальцы медленно разжались. Старуха... да, сейчас уже именно старуха пошатнулась и опустилась бы на пол, не подтолкни я ее к стулу.

– Садитесь! Что случилось?

– А ты не знаешь? Сама, небось, так же выкладываешься? – проворчала рофтерка.

И я поняла.

Да, безусловно, дар у нее был. Какой?

Не знаю. Но воздействие на мага требует куда больше сил. Так что пришлось хлопотать по хозяйству. Выставить на стол малиновый взвар,

который грелся на очаге, достать мед и лепешки...

После третьей лепешки госпожа Ларта заулыбалась и пришла в себя.

– Спасибо, что мимо внука не прошла. Но учти – тебе в ближайшее время придется тяжело.

– Я и не сомневалась.

– Вот и дальше не сомневайся. О будущем я ничего не скажу, кроме одного. Жить тебе в любом случае долго. Пойдешь верной дорогой – будешь счастлива. Все у тебя будет. И семья, и искренность, и... ладно. Это не важно. Но лжи в твоей жизни не будет. Уж к добру ли, к худу...

Я пожала плечами.

– Не знаю. И решать сейчас не стану.

– А ты не дуручка. Что я сказала – помнишь?

Помнила. А вот насчет содержательности... Гадалки на ярмарках примерно так и говорят. Разве что еще мужа обещают, детей и достаток. А так...

– А оно так и бывает. Скажи все простыми словами, вы такого наворотите, что пауки от зависти на паутине повесятся.

Я фыркнула.

– А если серьезно? То, что вы сказали, слишком размыто и расплывчато. Хоть что-то точнее есть?

– С вами, магами, точнее не бывает, – огрызнулась рофтерка. – Сила у тебя есть, сила растет. Что бы ты ни делала, ей это на пользу, я-то вижу. А остальное... Что тебе сказать? Иди вперед и не оглядывайся назад. Прошное тебя само нагонит.

– Но...

– Все зависит от твоего выбора. Не смотри на слова, смотри вглубь. Тогда все получится. И ничего не бойся.

Я помотала головой. Взгляд рофтерки стал почти умоляющим.

– Не могу я тебе больше ничего сказать! Не могу! Ты сейчас в такой паутине, что одно слово судьбу поменяет. А я тебе зла не хочу...

Насчет паутины я и не сомневалась.

Женщина подумала, потом сняла с пальца кольцо. Простенькое, медное, с голубым камушком.

– Примерь на удачу!

Я протянула руку, и кольцо легко скользнуло на безымянный палец. Словно всегда там и было.

– И не снимай. Оно заговоренное, чтобы зло тебя стороной обходило.

– А поможет?

– Не сомневайся. Я сама металл кровью поила, когда кольцо ковали,

сама на перекрестке семи дорог заговаривала. Носи смело.

– Спасибо.

– Хорошая ты девочка. Хоть и знать.

– Я не...

– Не ври. А то я ублюдка от породистого щенка не отличу! Имени я не вижу, а вот корону над колыбелью... Сказать – какую?

Я замотала головой.

– Не надо.

– То-то же. Не бойся, все у тебя будет хорошо.

Я тоже на это надеялась.

* * *

Уже давно ушла рофтерка, мне бы заняться делом, а я все сидела, крутила на пальце кольцо, смотрела в окно. Как-то нехорошо было на душе. Зло из прошлого – кто? Жених? Да, пожалуй, никого другого там не было. Или родители, которые хоть и не со зла решили отдать меня садисту? Оно идет... за мной? Зло в настоящем. Кто? Маркиз? Герцог? Кто-то еще?

Нет, не угадать.

Утешает, что два зла могут сожрать друг друга. А вот третье, из будущего? С другой стороны, мне бы с имеющимися разобраться.

Прошное само тебя нагонит...

Неужели?

Отец, жених... кто? Кто идет по моим следам? И можно ли уйти от судьбы, если я сейчас все брошу и уеду из Алетара?

А уезжать не хочется. Влюбилась я в этот город. И отлично понимаю Алетара Раденора, который его построил. Я влюблена в крики чаек, в запах моря, в темно-синюю полосу на горизонте, в запах можжевельника на берегу и строгие очертания дворца, который закатное солнце окрашивает в нежно-розовый цвет. Влюблена в чистые улицы и дома с красными крышами...

Я по уши влюбилась в золото песка, в заборчики, оплетенные плющом, хмелем, виноградом, в разноголосицу на десяти языках, в шум и суету припортового рынка... Алетар стал частью меня. Он проник в мои вены, и я не хочу расставания. Получится ли у меня здесь остаться?

Не знаю.

Но дом я здесь куплю, и прошение о гражданстве подам. Тойри Ветана, раденорка, алетарка, лекарка. Не так плохо?

Кто-то скажет, что баронесса выше титулом, но я готова уступить барона Артау кому угодно. А мне – достаточно имеющегося. С даром своим еще бы разобраться...

Ничего. Будем практиковаться в лечебнице для неимущих. Те, у кого есть деньги, идут к лекарям. А в лечебницу привозят кого не жалко, вот и...

Кажется, я понимаю, что делает там Карнеш Тирлен. Денег он берет много, тех, кто может воспользоваться его услугами, единицы, да и клиентами он перебирает. Значит, навыки теряются. Богатых-то не просто лечить надо – вылечивать. А где руку набивать? Да вот в лечебнице и...

И выглядит со стороны великолепно: вот какой я милосердный! Помощь людям оказываю. И поле для практики более чем обширное. Да такое, что за многих никто с него и не спросит. Хоть каждого второго умори. Кто жаловаться будет? Моряки, вечное перекатипole? Рофтеры? Нищие? Проститутки? И кто их будет слушать?

А самое плохое, что и я-то тоже отрабатываю на них свой дар. Порядочно ли это?

Нет.

С другой стороны, я и не собираюсь казаться лучше, чем я есть. Пусть это не самый красивый мой поступок, но мы в результате получаем что хотим. Люди – избавление от болезни. Я – рассеивание своей силы и наработку практики. И все довольны. То же и с господином Тирленом. У каждого своя выгода. И так в чем-то честнее, чем прикрываться высокими словами.

Кольцо подмигнуло медным бочком. Странно, медь со временем темнеет, а это... Гладкая голубая пластинка полностью утоплена в медный ободок. Не помешает, не зацепится... Знала старуха, что дарить.

Что ж, положимся на судьбу. Пусть кольцо отведет от меня зло. А сейчас – спать. Завтра будет тяжелый день.

Глава 2

Маркиз Террен посмотрел на верного Лорта. Сейчас мужчина чувствовал себя намного лучше, а потому и окружающим миром интересовался гораздо интенсивнее.

– Так что удалось узнать по нашей девочке?

– Очень мало. В Алетаре она около года.

– Вот как?

– Пришла с караваном, который вел шифф Нарис.

– Откуда?

Лорт замялся.

– Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Возможно, позднее.

– Почему?

– Госпожа Лимира была занята переживаниями за дочь и не обратила внимания, когда девушка прибилась к каравану. Это же не дорогая карета, а дешевые телеги. Кто-то появляется, кто-то уходит...

Маркиз кивнул.

– Насколько мне известно, у шиффа есть записи.

– Да, но шиффа сейчас здесь нет. Он ушел в Мирол, к его западной границе, в загорье.

Маркиз нахмурился.

– Тебе не кажется, что эта... госпожа – врет?

Лорт покачал головой.

– Не думаю. Можете с ней сами поговорить, господин, но... это ж не благородная дама. Это мать, которая ехала к больной дочери и не знала, застанет ли ту в живых. На Ветану она обратила внимание после несчастного случая.

– Какого?

– Была гроза. Молния ударила в дерево, пострадали люди. По свидетельству госпожи, именно наша девочка оказала им помощь и сделала это хорошо. Никто не умер. После этого шифф перевел ее в «чистую» часть каравана и снизил плату, а сама Лимира решила воспользоваться ее услугами.

– И не прогадала.

Маркиз задумчиво потеребил пальцами кустистую седую бровь. Раньше и брови, и ресницы у него были черными, но после того удара поседели. Он весь стал словно лунь, и это огорчало маркиза. Знать, конец

близится. Но хоть дела свои он уладить сможет. А если повезет – то и о сыне позаботится.

– Откуда шел караван?

– Так из Мирола.

– Наша девочка из благородных, определенно.

– Или бастард. Может быть и так, и этак.

– Надо потихоньку навести в Мироле справки. Сначала в той части, которая на нашей стороне гор, потом и в загорье. Искать будем молодую девушку, аристократку, какая она есть. Заметь – мага.

– Именно аристократку?

– Да, Лорт. Не верю я в бастарда. Девочка прячется что есть сил, но внутреннее достоинство не скроешь. Будь она приемышем, вела бы себя иначе. Была бы благодарна, покорна, унижена... Когда получаешь кусок хлеба из жалости, это очень заметно. Ветана не такая. Когда она расслабляется, то ведет себя, как и моей жене не всегда удается.

Лорт непочтительно хмыкнул. Госпожу маркизу он не слишком уважал.

Да, девочку взяли из нищеты, чтобы родить наследника, разыграли втемную, только она-то этого не знала. И клятвы свои брачные нарушала осознанно. К тому же была достаточно легкомысленна, глуповата и простовата. Ну какая умная женщина признается первой встречной лекарке?

Так что маркизу Лорт не уважал, но внешне этого не показывал. Наоборот – отношения у них были самые безоблачные. И это понятно. Маркиз умрет, а наследник его останется. И Лорт будет рядом, как заботливый дядюшка и воспитатель. А для этого Даилина Террен должна быть уверена, что Лорт предан как ее мужу, так и ей. Равноценно.

Маркиз наградил друга насмешливым взглядом.

– Ты все понял?

– Да.

– Шифф Нарис водит караваны только по Миролу?

– Насколько я знаю – да. Но это ничего не дает. Девочка могла сначала прийти в Мирол, а уж потом к нам. И не похожа она на миролку, те светленькие.

– Могла. Но будем надеяться на лучшее.

– Это займет время. Много времени.

Маркиз кивнул.

– Пусть так. В конце концов... Обидно умирать, не разгадав эту тайну!

Лорт хмыкнул еще непочтительнее.

Было в могущественном маркизе нечто мальчишеское. До сих пор не убитое жизнью и временем. И пусть об этом знал только он – не важно. Хорошо, когда твой друг не просто дворянин, но и человек. Очень хорошо.

И все же доверять тайну Ветаны маркизу Лорт не спешил. Еще наделает каких глупостей, потом не расхлебашь. А поискать, кто она и откуда прибыла... При всем своем уме маркиз немного наивен и твердо уверен, что Лорт от него никогда и ничего не скроет. Собственное мнение Лорта в расчет не бралось. А оно имелось.

Лорт был свято уверен: если знает один – не знает никто. Знают двое – знает Алетар. О маге жизни известно пока только ему. Сама Ветана не в счет, молчать будет из чувства самосохранения. А Лорт промолчит... да по той же самой причине!

Жить охота! Долго и счастливо! И чтобы маркиз жил, и семья его. Если о маге жизни узнают, начнется такое... Ветана уцелеет – кто же убивает такое полезное существо. А вот маркиз? Кто он для Храма? А сам Лорт? Даилина?

Их просто уничтожат. Не те, так эти, чтобы никто не проговорился. Потому что Риолон и Теварр не одобряют появления в Раденоре такого полезного субъекта. И могут принять решение в духе: «не мне, так и не врагу».

Так что...

Молчать, молчать и еще раз молчать. И молиться, чтобы тот убитый храмовник никому и ничего не успел сказать. Крепко молиться, авось Светлый услышит.

Но вслух Лорт ничего не сказал. Просто согласился с маркизом и отправился узнавать о прошлом Ветаны, что сможет.

* * *

От градоправителя я выходила счастливая и довольная. Я – алетарка! С этой самой минуты я – алетарка! Хотя далось не просто. Еще Алетар Раденор распорядился так. Если человек хочет переселиться в Алетар, он должен иметь здесь собственность. А Александр Раденор добавил еще несколько примечаний. Хочешь получить гражданство – изволь три года отработать на благо приютившей тебя страны. Официально.

Как?

Да хоть улицы мети, кто тебе запретит? Важно, чтобы официально работал и приносил пользу приютившей тебя стране. А зачем ты иначе

нужен? Просто потому что это ты – и ты хороший?

Раденоров подобное не убеждало. Хороших много, места мало.

Разумеется, узнав о моей работе, градоправитель отправил меня именно в ту лечебницу для бедных. На три года. И я не возражала. Прийти на рассвете, уйти в полдень, а остальное время – мое, личное. Платят, конечно, копейки, пять золотых в месяц, но ведь и подрабатывать не запрещают? Дом мне теперь снимать не надо, одежда есть, а остальное... Справлюсь. Заработаю.

Вот с этими мыслями и приказом я и отправилась в лечебницу.

Карнеш был там.

– Вета?

– Утро доброе. А я тут с приказом...

Тирлен взял у меня из рук свиток. Прочел, подумал пару минут.

– Так... пошли?

– Куда?

– К начальству твоему. Договариваться будем.

– Зачем? – искренне не поняла я.

Пришла к начальнику, показала бумагу, получила работу... Разве нет? К чему тут еще и помощь?

Карнеш потрепал меня по волосам, почти отечески.

– Эх, Вета. И откуда ты такая наивная взялась? Вот смотри. Лечебница – большая. Приходящих лекарей – шесть. Болящих тут несколько сотен, а лекарей, которые числятся на службе, всего три штуки. И тут ты. Четвертая. Являешься и говоришь, что готова работать! Как ты думаешь, что произойдет?

Пожала плечами. Откуда я знаю?

– На тебя повесят обязанности всех лекарей. Ты тут не до обеда работать будешь, а круглосуточно.

Работы я не боялась. Но...

– И учти – ты сейчас в некотором роде существо бесправное.

– То есть?

– Если тебя отсюда выгонят, в канцелярии градоправителя могут и отказать в получении гражданства.

– Почему?

– Потому что у местного главного есть неплохие связи. Так что пошли договариваться.

Карнеш полез в шкаф и извлек бутылку старого и даже по виду весьма дорогого вина.

– «Ирнейская лоза», двадцатилетка.

– А зачем?

– М-да. Учить тебя и учить. Запомни на будущее: в кабинет к начальству надо открывать дверь ногой.

– Зачем?

– Не зачем, а почему. Потому что руки заняты.

Я помотала головой и решила довериться старшему. Авось хуже не будет? Почему-то в комплект умений аристократки (язык цветов, кокетство, язык веера, шитье, варка мыла, ведение домашнего хозяйства и прочее) не входило умение договариваться с вышестоящими личностями. Во всяком случае, *так* договариваться. Вот с королем, с более титулованными... Но и тогда... А с *начальством*? Нет, этого в жизни аристократов не бывает. Нет у них начальства. Увы.

Будем учиться.

* * *

Управляющий лечебницей для бедных оказался мужчиной в возрасте. На первый взгляд лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Седой, полноватый, крепко сбитый, с красноватыми прожилками на носу, которые явственно указывали, зачем Карнеш взял бутылку. Тирлену он обрадовался, как родному.

– Карн! Заходи, дружище! А это кто?

– А это моя девочка, помнишь, я говорил?

– А, Ветана... да?

– Память у тебя, Растум, десятерым бы хватило!

Мужчина расплылся в довольной ухмылке.

– Да вы проходите, садитесь. Как дела, Карн? Как жена, дети?

– Не жалуемся. Жена пилит, дети денег требуют, все как обычно. Ты-то как?

– Мысли читаешь, дружище. Все то же, все так же. Тяжко.

– А куда денешься?

– Это верно. И некуда, и неохота. Так что тебя ко мне привело?

– А если я просто о здоровье справиться? О жене, о детях?

– Э, нет. Ты бы попроще вино взял. А «Ирнейская лоза» двадцатилетней выдержки так просто не распивается.

Карнеш ответил широкой улыбкой.

– Умен ты... Слушай, девочка за гражданство старается, ее к тебе на три года отправили. Поможешь?

– Что, она вообще работать не хочет? Тогда бутылкой ты не отделаешься!

– Хочет-хочет. Просто... Не наваливай на нее сверх меры? На рассвете пришла, в полдень ушла?

– Ты же знаешь: у меня трое, да ты еще...

– Загонишь девочку – хуже будет. Ручки у нее золотые, голова тоже светлая. Поможешь – так она лучше меня будет!

Вот тут я удостоилась заинтересованного взгляда маленьких голубых глазок.

– Серьезно? *Такая же* умница?

– *Пока* – нет. Но надеюсь, что только – пока.

Показалось мне – или что-то свое они вложили в эти фразы? Не знаю, нет, не знаю. Хоть меня родители и учили, но ко двору я не выезжала, практики маловато.

– Тогда Светлый просто велел ее поучить. Значит, так... – Мужчина повернулся ко мне. – Про закрепленные палаты, конечно, забыть придется. Будешь, как и остальные. Пока Карнеш тебя поучит...

– Растум!

– Ну ладно! Месяц будешь в ученицах у Карнеша, потом начнешь работать наравне с прочими. Карн, познакомь девочку с ними!

– И так собирался.

– А я тогда со следующего месяца расписание перекрою. Так что настраивайся, девочка. Три дня с рассвета до полудня, потом суточное дежурство, выходной и опять три дня с рассвета до полудня. Поняла?

Я подумала.

– Да, кажется, понимаю. Спасибо.

Все логично.

Лекарь в лечебнице быть должен круглосуточно. Хоть один. Мало ли что? Мало ли кому плохо станет. Соответственно, если нас четверо, то сутки через трое. И на следующий день отсыпаться. Это правильно.

– Скажите, господин...

– Харни Растум. Можешь просто Растум.

– Господин Растум, а смогу я принимать своих больных, если ко мне придут?

Мужчины переглянулись с непонятым выражением. А для меня этот вопрос был нешуточным. За время жизни в Желтом городе я обросла знакомствами, друзьями и даже постоянными больными, которым могла понадобиться в любое время дня и ночи. И сказать им, где меня искать, или записку оставить...

– А девочка-то не промах, – хмыкнул мой... да, теперь мой начальник!
Так странно...

– Она умничка. Я же говорю – подучить надо.

Растум снова хмыкнул и выставил на стол два стакана.

– Ладно. Подучим. Что, разливай!

– Сейчас. Вета...

Поняв намек, я встала и чуть поклонилась. Вежливо так.

– До свидания. Завтра я прихожу?

– Да, буду ждать, – отозвался Карнеш.

Я закрыла за собой дверь и быстро огляделась. Никого. Да, знаю, аристократки не подслушивают. Только я теперь в мещанском сословии, а значит – можно!

Из-за двери донеслись мужские голоса.

– Ты где эту девочку нашел?

– Сосватали. Сказали – неглупая, руки вроде хорошие.

– А сосватал кто?

– Не поверишь! Моринар. Который палач.

– А он к ней каким боком? Любовница?

– Шутить изволишь? Ты девочку видел? На ней крупными буквами написано – не тронь, укусит!

Не укушу. Но пну. Больно.

– А тогда что?

– Да я точно не понял. Его ж не расспросишь. Сказал – столкнулся.

– А девчонку ты не расспрашивал?

– Раст, ты иногда как скажешь... Ты бы рассказал?

– Нет.

– Вот и она не скажет.

Сказала бы. Чего тут скрывать? Эта история – позор для герцога, а не для меня, вот!

– Так что подождем. Приглядимся, приручим...

– Ты ее в свою команду хочешь?

– Не знаю. Посмотреть надо. Шарт что-то юлить начал...

Послышались шаги. Я совершила громадный бесшумный прыжок и с самым независимым видом направилась прочь. Сегодня дома отдохну. Если получится.

Мимо меня пронесся мужчина лет тридцати. Высокий, худой, усталый, под глазами круги, лицо аж серое... Зеленая форма. Лекарь? Один из моих коллег?

Но дверь к начальству он распахнул пинком.

– Растум! Если ты эту шалаву не уволишь, я тебя сейчас самого...
Дальше пошла такая матерщина, что я сморщилась и ускорила. Фу...

* * *

Отдохнуть дома мне не дали. И часа не прошло, как поскреблись в окошко.

– Госпожа Ветана, можно вас?

Можно меня, можно... Куда ж я денусь?

Девушка выглядела откровенно печальной.

– Что случилось?

– Отец...

Из грустного рассказа выяснилось следующее. Девушка – дочь плотника с красивым именем Хряст. Зовут ее Мелли, еще есть брат и сестра. Отец у нее замечательный. Настолько хороший, что мама сбежала еще лет десять назад, а вот детям бежать было некуда. Остались с любящим отцом – на свою беду.

Папа же с горя (а то не горе, что ли – на свет появился!) запил. И пьет вот уже лет пятнадцать. Мастер он – золотые руки. Мебель ему заказывают часто, и во время выполнения заказов он капли в рот не берет. А вот как выполнит, так и отмечает радость. И проходит это бурно. Очень. С топором за девушкой уж гонялись раз шесть. Почти рутина. Табуретками швырялись, убить грозились. Да нет! Не могли!

Это ж папа! Он хороший, просто несчастный!

Объяснять девушке, что пьяная скотина по определению несчастной быть не может, потому что это – скотина, ей такие высокие эмоции недоступны, я не стала. Просто молча слушала.

У девушки подрос брат. Ему на днях стукнуло четырнадцать лет, и парень вытянулся как-то резко, за год. Когда отец в очередной раз швырнул в девушку табуреткой, мальчишка перехватил ее на лету, да и пустил обратно. Так удачно, что дети до сих пор не знают, жив их батюшка или померши уже.

У меня язык чесался сказать, что я добивать не умею, но пришлось молчать. Хотя зло брало при взгляде на терпеливое личико девушки. Убивала б таких папаш! У тебя же дети, семья, ты за них отвечаешь! И винище жрать?

С-скотина!

Жаль, нет такой магии, которая от вредных привычек излечивает. Маг

воды может очистить тело человека от последствий подобных излишеств, только потом этот тип опять запьет. Или в смолку вцепится. И есть ли смысл трудиться? Хочет кто-то себя гробить?

Кабак в помощь!

Девушка моего состояния не замечала, а я слушала, как она рассказывает про отца, про брата, про сестричку, которая еще маленькая, так что она их, конечно, не бросит...

Конечно.

А спустя десять-пятнадцать лет, когда выдаст замуж сестру, кому будет нужна она сама? Но и уйти, оставив малышей с алкоголиком? И переживать каждый день, каждый час, как они там? Хорошим ли будет брак, где жена на две семьи рвется? И так плохо, и этак. Нет здесь верного ответа. Или себя загубить, или родных подвести.

Дом встретил нас тишиной и неодобрением. Тихо-тихо лежал мужчина на полу. Неодобрительно смотрел парнишка четырнадцати лет, сильно похожий на сестру. Тонкое лицо, вихры над высоким лбом, карие щенячьи глаза...

– Лекарка? К этой твари?

– Лерт! Прекрати!

Я скинула плащ и направилась к мужчине на полу.

Повернула, пригляделась.

– Мелли, погрей воды, пожалуйста.

– Да, госпожа Ветана.

Девушка исчезла на кухне. А я посмотрела на парня.

– А ты ведь его убить хотел, верно?

– Да пошла ты...

Но мне и так подтверждений не требовалось. Я все поняла по расположению раны. Над виском. Повыше, так, что жизни опасность не угрожает, но целились-то явно не сюда! Парнишка хотел убить.

– Я-то пойду. А вот куда отправишься ты, если его жизни лишишь?

Задавая этот вопрос, я успела уже достать ножницы и принялась выстригать место вокруг раны. Надо обработать, проглядеть. Да и заноз от табуретки... Даже странно. Плотник – и такое занозистое дерево?

– Не ваше дело.

– Не мое. Только и твоя сестра с малышкой не выживут, окажись ты на каторге.

Мальчишка насупился.

– Это вы Мелли не знаете. Она сама отцовские заказы до ума доводит.

Вот оно, значит, как? Что-то такое я и подозревала. Только...

– А ты представь, что о ней говорить будут? Репутацию ты ей создашь такую, что только на панель идти. И то – не примут. Какая уж там работа, какие табуретки! Сейчас вы хоть что-то получаете, можете выжить, а потом? Или ты в чудеса веришь?

Парень насупился, но крыть было нечем.

– А что? Ждать, пока он меня зарует? Или Мелли?

Ждать определенно не стоило. Печально, но факт. Если папа имеет привычку швыряться табуретками, однажды ты обнаружишь себя в гробу. Потому как ему надо попасть один раз, а тебе уворачиваться – постоянно. И у кого везение кончится раньше – не вопрос. И так ясно.

– Я сейчас, конечно, ему помогу. Но... ты ему вино доставляешь?

– Я.

– Вот, возьми.

Я вытащила из сумки флакончик.

– Яд, что ли?

– Нет. Слабительное. Очень советую подливать, начиная с третьей бутылки. Опасности нет, но в сочетании с вином появятся у него и боли в животе, и рези, и понос на сутки. Не до табуреток окажется.

Мальчишка злобно усмехнулся.

– Спасибо.

Снотворное или что-то посильнее я давать не решилась. А вот слабительные капли в самый раз. Можно хоть весь пузырек выхлестать – ничего страшного не случится. Разве что из туалета дней пять не вылезешь. Пусть пьет.

– Если что – я к вам еще обращусь?

– Твоя сестра знает, где я живу.

Закончила промывать рану, и теперь шила. Наживую. Все равно у мужика состояние бревна обыкновенного.

Я получила свою плату, попрощалась с ребятами и отправилась домой. Да, теперь это мой дом. Мой. Дом. И как же приятно это звучит!

Я дома...

* * *

Приближенный Фолкс готов был убить. Знать бы только – кого именно? Легко ли найти в Алетаре мага жизни? Сначала казалось – да. Шантр обещал, что-то сделал... И пропал! Вот и гадай теперь: то ли нашел мага жизни и сбежал с ним, обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь, то

ли нашел мага жизни и его убрали хозяева последнего? Не может ведь такое ценное имущество, как маг жизни, быть бесхозным? Не может, правда?

Или?..

Логика помочь не могла. Сведений было слишком мало. А остальное... Шантр Лелуши все же был почти гением. Ни один из отирающихся при Храме магов не мог не то что повторить его творения – даже просто использовать по назначению! Скандальный, сварливый, склочный, но Шантр творил такое, что оставалось лишь завистливо вздыхать. А сейчас...

Что толку, если одно устройство крутится и взблескивает синими огоньками, второе чертит спирали на песке, а третье показывает волны в хрустальном шаре? Результат-то где?

Ученики?

Да, есть такие при Храме. Но безмозглые. Шантр ведь толком их ничему не учил. Казалось, еще успеет. Жизнь распорядилась иначе. А делать-то теперь – что? Куда идти, где искать?

Лекарей вроде как проверили. Кто-то умирает, кто-то выздоравливает. Все нормально. Магов проверили. И где эта тварь прячется? Проверять по второму кругу?

Приближенный подумал и решил, что стоит подождать немного. Вот если будет еще всплеск активности... Надо выяснить, в Алетаре еще маг жизни или нет? Активность приборы установить могут, с этим ученики справятся. А там уж...

Храмы, если кто думает иначе, – это не просто место, куда можно прийти поплакаться и очистить душу. Это место, где из очистков души выуживают иногда настоящие жемчужины. Дать задание всем холопам – пусть расспрашивают прихожан. О лекарях, о чудесах, о магах. И как только что узнают – тут же проверять! Сразу и всенепременно! Иначе-то уже никак не получится!

Чтоб Шантра Темный лично драл, скотину такую!

* * *

На новую работу я шла с опасением. И зря. Стоило найти Карнеша, как все страхи развеялись дымом. Для начала меня проводили в большую свободную комнату. В ней имелся шкаф во всю стену, со множеством вертикальных секций. На дверцах были написаны имена лекарей. Также стояли большой стол, несколько кресел, топчан, застеленный пледом

сомнительной чистоты, а на окне – даже несколько горшков с цветами.

– Смотри, Вета. Это лекарская. Здесь мы отдыхаем, переодеваемся, пьем взвар, обедаем. Одним словом, все для лекарей. Вот свободный шкафчик. Теперь твой. – Несколькими меловыми штрихами на дверце было быстро написано мое имя, и шкаф показал свои внутренности. Не пустые. – Здесь лекарская форма, два комплекта. Советую не стирать самой, а договориться с прачкой. Сюда каждый вечер приходит госпожа Лаури. Платишь шесть серебрушек в месяц – и она стирает твою форму. Оставишь грязное на скамейке, через день получишь чистое.

– А... не перепутается?

– Прикрепи на форму ярлычок со своим именем. Или просто имя вышей, мы все так поступаем.

– Понятно. Спасибо. А...

– Советую в лечебнице хранить запасную обувь. Скоро осень начнется, зима, в сапогах будет тяжело. Да и грязь...

– Я принесу.

– Здесь в шкафчике сладости, вино, заварник, мед, варенье, травы... Обычно сюда идет благодарность от больных. Или если сама захочешь что-то принести.

Подумала, покачала головой.

– Я готовлю плохо, да и времени нет.

– Хорошо ли, плохо ли, а проставляться придется.

– Проставляться?

– За углом есть лавочка. купишь там пирогов, несколько бутылок вина, и принесешь сюда. Скажешь – для коллег по работе. Пироги бери с фруктами. Не знаю, чье мясо туда пихают, но...

Меня передернуло.

– Ладно. Когда?

– Сегодня вечером. Сможешь?

Смогу, куда я денусь.

– С коллегами я тебя по дороге познакомлю. А пока давай проведу по лечебнице. Младшему составу покажу.

– Младшему?

– Уборщицы, служительницы. Учти, с ними лучше не допускать панибратства. Командуй, а иначе на шею сядут. Они здесь не просто так работают.

– А...

– Сама увидишь. Пошли.

Меня подхватили под руку и повели по лечебнице, комментируя

окружающее.

– Здесь перевязочная. Все бинты, все материалы хранятся здесь. Здесь кабинет для процедур. Мало ли, клизму поставить, не на глазах же у всех. Здесь комната для служительниц. Пошли.

Не успела я и «мяу» сказать, как меня втолкнули внутрь. И я захопала глазами перед кучей народа. Это пару секунд спустя я поняла, что их всего семь человек. Но с первого взгляда показалось – толпа. И вся эта толпа воззрилась на меня недружелюбными взглядами.

– Доброе утро. Знакомьтесь, дамы, это госпожа Ветана. Она теперь здесь работает.

«Дамы» отозвались бурчанием разной степени недовольства. Я вглядывалась в их лица.

М-да...

Две девушки – явно «подвижницы». Из тех, кто стремится приносить пользу людям, но быстро перегорает. Еще четверо – дамы разного возраста, но одинаковой эмоциональной усталости. С печатью безразличия на серых от усталости лицах. И одна... Кажется, я поняла, о ком вчерашний лекарь сказал «шалава». Юбка с разрезом, кофта в обтяжку, грудь напоказ, волосы в прическу, краски на лице – соскабливай и стены штукатурь...

Зря вчера мужчина разорялся. Таких не выгоняют. Даже в нашем поместье была парочка. Очень, очень полезны, если знают свое место. Мало ли кто случится: гости, друзья, сына просветить надо, хозяин с женой поссорился, напряжение снять придется...

Все я понимаю, но... не одобряю. Лицемерие?

Да, наверное. Тем более девица смотрела прямо на меня и нахально морщила нос. Ага, все крестьянки, а я дворянка? Так, что ли? Я в ответ прошла по девице пристальным взглядом, но даже хмыкать не стала. Просто отвела глаза, как от кучи навоза на дороге. Есть – и ладно, чего там рассматривать?

Не укрылось это и от Карнеша.

– Тамира, я кому вчера сказал!

– А что не так?

Темного крабом! У нее и голос глубокий, грудной, с придыханием. Тренировалась она, что ли?

– Сиськи закрыть, краску смыть, волосы убрать под платок. У тебя пять минут, потом сам тебя за дверь выволоку, поняла?

Поняла. Не поверила, но решила не нарываться. Медленно прошла мимо нас, выписывая бедрами непонятные фигуры, сильно хлопнула дверью. Оскорбленное достоинство. Неоцененное. Интересно, ей не

приходит в голову, что активнее всего зазывают на гнилой товар?

Потом мне представили оставшихся шестерых дам. Я старательно запоминала имена – по старой привычке аристократов. Это простонародью позволительно спутать знакомых. Мы же держим в голове не просто списки лиц и имен, но и родословные.

И опять повели по лечебнице, показывая кладовые, кухню, палаты... Представили больным в трех палатах и объявили, что теперь я их личный лекарь. Палата с женщинами, с мужчинами, с детьми. Беспризорники с улиц, такие же мальки, как Шими. Всего четверо. Двое в беспамятстве, один со сломанной ногой, один после порки.

Ребенок. Десяти лет. Пойман на воровстве, выпорот, отдан в приют. Раны воспалились, и его отвезли в лечебницу. Лежит теперь на животе, лоб огненный. Жалко их. Взрослых – не так, а эти-то в чем виноваты? В том, что родители идиоты? Разные бывают обстоятельства, но...

Хотя какие, к крабам, «но»? Вот если я сейчас рожу ребенка, а потом со мной что-то случится, где окажется малыш? Да там и окажется. В приюте или на улице. И не факт, что выживет.

От таких мыслей даже слегка замутило. Но я продолжала обход вслед за Карном. Меня познакомили еще с двумя лекарями. Дорт Рональ и Терсан Лиртель со мной знакомиться не пожелали, ибо были – в хлам. От одного разило винищем, от второго – смолкой. Им сейчас что я, что королева – одинаково. С третьим лекарем мы тоже столкнулись, но в коридоре. Бертен Сенар как раз выходил из палаты.

– А, Карн?

– Берт...

Мужчины пожали друг другу руки. И Бертен (да, тот самый, который требовал уволить некую шалаву) перевел взгляд на меня.

– А это еще кто?

– Госпожа Ветана. Будет здесь работать.

– Ты зачем соплюшку тащишь на нашу живодерню?

Я оскорбилась сразу за все. И за «соплюшку», и за «тащишь», и даже за «живодерню».

Хам! Портовый!

– Выражения выбирай, – осек его Карн. – госпожа Ветана – можно Вета – будет работать здесь, чтобы получить раденорское гражданство.

– Понятно. А сами вы откуда?

– Из Миеллена.

– Вроде тоже неплохое место. И какими судьбами к нам?

– Простите, но я предпочла бы не распространяться об

обстоятельствах моей жизни, – поставила я наглеца на место.

Получилось плохо.

Бертен покачал головой.

– Карн, ты с ума сошел. Ее тут сожрут наши бабы.

– Приглядим...

– Это ты за себя говори. Мне и без сопливых девчонок работы хватает.

– Берт...

– Все, я пошел. Работы много.

Мужчина скрылся в следующей палате, хлопнув дверью. Карн посмотрел на меня.

– Вета, вы не злитесь. Берт хороший человек и лекарь отличный, просто он душой за дело болеет. Тяжело здесь работать. Ни лекарств в достатке, ни денег – ничего. А людям-то помочь хочется.

Вот именно. Хочется.

Но я и пришла сюда, чтобы научиться лечить. Все же Марта была хоть и замечательной, но только травницей. Я знаю многое о растениях, могу правильно их собрать, высушить, приготовить, могу принять роды, разобраться с переломами, ранами... А вот так, как Карнеш с тем парнем, – не смогу. Умения не хватит.

Тут ведь и сила не поможет, тут сначала руками нужно поработать. Что толку затянуть рану, если в ней щепки и осколки останутся? Нагноение гарантировано, горячка, вскрывать придется...

Не хватает мне опыта, ой не хватает.

Сила выручает, но ведь на силе не все сделать можно! Так что... Кому живодерня, кому школа жизни. Я буду учиться, и учиться усердно. И лекарскому делу, и распределять силы правильно. Чтобы никогда не терять больного по своей глупости!

* * *

Вечером я «проставлялась». Купила вина, купила пирогов, перезнакомилась со всеми лекарями и даже сама выпила пару глотков. Хотя магам не рекомендуется, дар становится сложнее контролировать. Чем более ты пьян, тем активнее он рвется из-под контроля. Я бы и это не пила, но отвертеться не получилось. А остаток вина из бокала переключал в горшок с цветком. Авось выживет.

Начальник зашел на пару минут, похлопал меня по плечу, выразил надежду, что я приживусь на работе, и отправился домой. На этом

торжественная часть была закончена, и все принялись за вино и пироги.

Лекари отнеслись ко мне по-разному. Бертен смотрел насмешливо и хмуро. Дорт Рональ и Терсаль Лиртен вино пили, но, по-моему, им что я, что свинья. Вот была б я ящиком с вином или комом смолки – дело другое.

Своих учеников Карн не пригласил – сказал, молоды. Приглашения не удостоились и служительницы. В их комнату для отдыха отнесли бутылку вина и несколько пирогов, и тем закончилось.

– Излишнее панибратство ни к чему, – поучал меня Карн. – Ты отдаешь приказы, они повинуются. Дай только волю, мигом на шею сядут и учить начнут. Они-то тут не первый год, а ты новичок, да девушка, да молоденькая.

Я не была с этим согласна, но и спорить не спешила. Карн здесь работает давно, ему виднее. А я пока послушаюсь, но пригляжусь сама, тогда и решу. Все же моя практика была проще, куда как проще. Я одна, наедине с больным, за мной только Светлый. Я и лечу, и убираю, и отвары готовлю, и белье стираю. А здесь куча народа, которым требуется командовать.

Похоже ли это на поместья?

Меня ведь учили быть женой, то есть строить прислугу в две шеренги, и чтобы никто не чихнул без разрешения. У меня неплохо получалось, но сработает ли это – здесь? Там-то я была априори главной. Меня бы слушались, потому что в моей власти было карать и миловать. А как здесь? Но занять свое место необходимо. Только вот как это сделать? Ничего, разберусь.

С этими мыслями я попрощалась и отправилась домой. Ушла недалеко. В десятке шагов от лечебницы меня нагнал Бертен.

– Я вас провожу.

– Благодарю, но я не нуждаюсь в провожатых.

– Женщине не стоит одной ходить ночью по Желтому городу. Все.

– Мне можно. Я лекарь.

Бертен посмотрел на меня уже раздраженно.

– Вета, либо вы соглашаетесь, чтобы я вас проводил, и мы идем вместе и быстрее, либо вы идете вперед, а я за вами. Одну я вас все равно не отпущу.

Я поморщилась, но согласилась. Пусть провожает.

Бертен так и сделал. Взял меня под руку так, что даже самая строгая компаньонка не нашла бы, к чему придраться, довел до дома, распрощался на крыльце и быстро ушел. Просто проводил.

Станный он все-таки. Неплохой, но странный.

Следующие десять суток слились для меня в один бесконечный день. Я поднималась с третьими петухами, завтракала, одевалась, шла в лечебницу. Там меня ждал Карнеш и остальные лекари. Сначала – обход, потом мои личные больные. Их было много, очень много, так что я не могла помочь всем сразу. И это тоже оказалась учеба.

Вот лежит больной ребенок с жаром. Лечить его силой? Или просто прощупать, что намного легче, приказать растереть винными выморозками, закутать теплее и дать малинового отвара?

Первое проще и быстрее, второе требует усилий, но результат одинаков. Я же знаю, что вреда не нанесу, просто выздоравливать мальчик будет дольше. А дар лучше употребить на ком-то другом. Например, вот больной с гангреной. Получил рану, вовремя не обратился к лекарю, денег не было, грязь попала, рана загноилась, жар начался, а там и гангрена. Если она пойдет выше и сильнее, то ногу придется отнять. А если я осторожно, едва-едва касаясь своим даром, придам человеку сил, это и не заметят. Но выше болезнь не пойдет. И опухоль спадет. А силы у меня еще останутся.

Я старалась не выплескивать все сразу. Сдерживала себя, как могла, жестко контролировала, и все равно из лечебницы выходила, словно на мне сутки рыбу возили. Дар вычерпывался до дна. Людей было искренне жалко.

Вот лежит проститутка с громадным животом. Ребенок – обычный риск в их работе, но эта совсем еще девочка. Не как Лита, моложе лет на десять. Забеременела, но не стала избавляться от малыша. Пока могла – работала, есть любители на беременных, потом случилось кровотечение, и она оказалась здесь.

А где еще?

Вообще, проститутки и нищие составляли бóльшую часть клиентуры. Первых целители лечить брезговали, вторым банально не хватало денег на лекаря, вот и... Раненые, которые не могли о себе ничего сообщить, моряки, приезжие...

В лечебнице было несколько видов палат. Общие, на десять-пятнадцать коек, для вовсе уж безденежных, и элитные, на одну, на две койки. Для тех, кто мог заплатить. Разное ведь в жизни случается.

Вот в одной палате лежит проститутка, а в другой рядом с ней оказался младший сын маркиза. Ненадолго, правда. Служители его на улице подобрали, парень в таверне подрался, ну и получил как следует. В грязной драке на титулы не глядят, а дубинка не разбирает, кто твой папа.

Да хоть бы и король! А отоварят по хребту, так вмиг про титулы позабудешь.

Если приглядеться, больные в лечебнице также делились на две категории. Те, кому помощь нужна срочно, вот сию секунду, и те, кто ее уже получил и теперь лежал, выздоравливал. А вот с кем больше проблем?

Не знаю.

Те, кого приносили с улиц, как правило, находились в очень тяжелом состоянии. Требовалось мгновенно принимать решения, часто – резать наживую, зашивать, вправлять вывихи и переломы, принимать роды и лечить тяжелые состояния.

Те, кто уже лежал в лечебнице... Мало вылечить, нужно вы́ходить. А вот с этим большие проблемы. В лечебнице попросту господствовала грязь. Больные лежали на нечистом белье. Если служительница была занята – так и в луже собственной мочи. Это все пахло, пачкало, вызывало пролежни и воспаления. А заняты служительницы были постоянно.

Конфликты начались уже на третий день пребывания в лечебнице.

* * *

Служительницы старались со мной лишний раз не спорить и не сталкиваться, я и так ходила раздраженная. Лечебница мне не нравилась. Я очень не люблю грязь. Она вызывает заражения, больные хуже выздоравливают в грязи. Собственно, грязь – первый враг любого лекаря. Но в лечебнице она царила повсеместно. Проще сказать, что не было грязным.

Потолок. И то побелить бы не мешало. Все остальное...

Выскрести дочиста углы не озаботилась ни одна уборщица, максимум – размазать грязь по полу. Хорошо, если воду в ведре разок поменяют, а то и этого не сделают. Хотя колодец во дворе здания, и тащить ведро – аккуратно десять метров. Тут захочешь – не надорвешься.

Я бы и сама выскребла, но тогда не останется времени на больных. И так день забит до беспредела. На рассвете я прихожу в лечебницу. Там мы встречаемся с Карнешем и его командой, идем на обход. Это примерно на два часа.

Больные, раненые, в сознании и без сознания, одинокие и с родными... Все сливалось в единое пятно. Я и не думала, что их в Алетаре – столько. Моя практика – это даже не капля в море, это капля в мире.

Потом я шла к своим больным. У меня было пока три палаты. Самые

маленькие и самые простые. В одной лежали пятеро беременных, в другой – семь раненых и в третьей – шестеро мужчин. Из них трое без сознания, трое – в тяжелом состоянии. Пока я обходила всех, выслушивала, проверяла состояние, в том числе и своей магией, наступал полдень. И я уходила, вымотанная вчистую.

Дома требовалось навести порядок, приготовить лекарства, да и люди заходили по-прежнему. Надо было оказывать помощь... Два дня так и прошли, на третий мне выпало ночное дежурство. Карнеш предложил заранее попробовать, привыкнуть, и я решила, что это правильно.

Это был кошмар.

Дежурство началось с того, что служители приволокли пьяного матроса. Подрался, получил десять сантиметров стали в бедро, теперь лежал и грязно ругался. При виде меня мужчина оживился, протянул руки, попытался схватить меня за попу и потребовал вина.

Бить больных нельзя, даже если очень хочется. Поэтому я протянула стакан с винными выморозками, который тот осушил одним залпом и впал в пьяное оцепенение. Осталось привязать его покрепче и заняться раной. Извлечь нож, пережать сосуды, почистить, зашить, оставив дренаж...

Служительница по имени Сиента ассистировала, подавая зажимы, иглы, скальпели. Эта усталая хмурая женщина с громадными кругами под глазами была настоящим профессионалом. Даже просить не приходилось, она сама отлично знала, что нужно. Надеюсь, и я не ударила в грязь лицом, потому что смотрела она на меня без прежней неприязни.

Матроса отвязали и потащили в палату.

Я перевела дух ровно на три минуты, потому что в комнату влетела женщина с ребенком двух лет на руках.

– Мой малыш умирает!!!

Малыш выглядел подозрительно здоровым. Орал он так, как ни один больной не сможет. Видимо, из солидарности с мамой.

Я ловко выдернула его у женщины и пристроила на стол, который сноровисто протерла та же Сиента.

– Что с ним?

– Ему плохо!!!

– А почему?

– Он монету проглотил!!!

Как оказалось, малыш дождался, пока мама отвлеклась, и нашел себе игрушку – папины штаны. Вытащил из них серебряную монету и слопал. А что – смотреть на нее, что ли?

Я невольно фыркнула. Прощупала мелкому грудь, живот...

Нет, в пищеводе монета не застряла. Значит, через пару дней есть хороший шанс увидеть ее в горшке. Кормить ребенка кашами погуще и ждать результата. Только если я это скажу его мамаше, она скандал устроит. Как же! Ребенку лекарства пожалели!

Я поманила пальцем Сиенту и шепнула ей пару слов на ухо. Та послушно убежала, чтобы через пару минут вернуться с небольшим синим пакетиком. Проверяю содержимое. То?

Очень даже то.

– Это надо добавлять ребенку в кашу. Три раза в день.

– Его что – одними кашами кормить?! – скандальным тоном возмутилась мамаша.

Понятно. Ответственность спихнули на других. Ребенок вроде как не умирает, в себя она пришла... Теперь надо на ком-то сорваться. Это не на мне. А то сделаю малыша сиротой.

– Будете кормить, пока монету в горшке не увидите, – наредила я голосом. – Вам что – нужно, чтобы сыну плохо стало?

– Да как вы можете такое говорить?!

– Значит, три раза в день варите ему кашу. Что-нибудь обволакивающее и густое, вроде пшенки или овсянки. И добавляйте в нее лекарство. Оно сладкое, так что слопает, никуда не денется.

– Хорошо.

– Через три дня ко мне на осмотр, горшок проверять каждый раз на предмет вышедшей монеты. Ясно?

– Д-да...

– Сиента, проводите маму к выходу.

Я с радостью сгрузила малыша в руки его родительницы. Наверное, я люблю детей, но не когда они пытаются вырвать мне пуговицы, волосы и глаз – по очереди.

Заботливая родительница сунула пакетик с лекарством поближе к сердцу и ушла, не попрощавшись. Я фыркнула. Синий пакетик содержал смесь из сахара, растертого в порошок, молотого имбиря и сушеных листьев малины и черники. Тоже измельченных.

Ничего страшного с ребенком не будет, слопает в каше и не поморщится. А монетка и сама выйдет через пару-тройку дней. Тут главное – мамашу нейтрализовать, чтобы дел не натворила.

Сиента вернулась, кивнула мне.

– Проводила.

Я посмотрела на серое от усталости лицо, на мешки под глазами женщины...

– Отлично. Вы одна сегодня дежурите?
– Нет. Еще Тамира.
– Где она? Пусть придет, подменит вас. А вы сходите, взвара попьете, передохнете.

– Ее нет.

– То есть?

– Ее пригласили.

Слово за слово я вытянула из Сиенты всю историю.

Тамира действительно была шлюхой. Из тех, кто вроде бы как по любви, но обязательно за деньги. Сегодня один из вылечившихся больных пригласил ее посидеть в таверне. Она согласилась и помчалась, наплевав на работу.

Я скрипнула зубами. Ну погоди ж ты у меня... нахалка! Хм-м... А что я могу с ней сделать? Уволить? Вряд ли, у нее такая степень близости с руководством, что мне и не снилась. Да и слышит она эти угрозы по шесть раз на день, то-то испугалась?

Заставить что-то делать?

А вот это ближе. Но как и что? Если я сейчас прикажу хотя бы полы помыть, пошлет она меня далеко и витиевато. Я ведь ей не начальство, да вообще никто. Чем я могу угрожать? Поркой, как мать нерадивым слугам?

Смешно. Хотя...

Смешно?

А вот это идея. Что мне надо от Тамиры? Да чтобы она осталась в лечебнице. Ситуации разные бывают, иногда шлюха нужнее трех врачей. Но чтобы она меня боялась, со мной не связывалась и слушалась. И поможет мне в этом – смех.

Вы знаете, на какие ухищрения идут девушки, чтобы выставить соперницу в смешном виде? Вы этого не знаете. А вот мама у меня бывала при дворе, и рассказывала нам с сестрой... разное. И об этой проделке – тоже. Сейчас и пригодится. Я злобно усмехнулась. Ты у меня, шлюха дешевая, заречешься больных ради хахаля бросать.

И взялась готовить снаряжение. Пришлось посетить кладовку и порыться в лекарствах, потом – комнату отдыха служительниц, и немного там покопаться. Но я же для дела!

* * *

За ночь у меня было еще восемь человек. Два перелома, три ножевых,

одна избитая проститутка, одни срочные роды. Лечебница пополнилась на два человека. Одно ножевое в живот оказалось тяжелым, требовалось постоянное наблюдение, а проститутка решила отлежаться пару дней.

Роженицу забрали почти сразу, как только мы дали знать ее родным. Да и остальных тоже. У меня возникло впечатление, что сюда попадают только самые безнадежные. Кто или сопротивляться не может, или кому дома еще хуже.

Всякое бывает.

Тамира явилась под утро. Растрепанная, раздерганная, воняющая дешевым вином и мужчиной, в съехавшем платье и со здоровущим засосом на шее. В волосах запуталась трава, а не слишком уверенная походка говорила о весело проведенной ночи.

– Шикарное зрелище, – резюмировала я. – Девушка, вы уверены, что не ошиблись работой?

Тамира смерила меня насмешливым взглядом.

– Завидуешь, козявка?

Действительно, по сравнению с ней я смотрелась мелко. И на голову ниже, и грудь в два раза меньше, кабы не в три.

– Помойся, шлюха. А то Растум решит, что я тебя в бордель на заработки сдавала.

Тамира ощерилась.

– Да пошла ты!

Развернулась и хлопнула дверью.

Я усмехнулась. Ничего, если я все правильно рассчитала, недолго тебе нос драть. А я еще Литу шлюхой считала? Наверное, есть какая-то градация. Кто по зову души, а кто по нужде...

Не знаю. Надо об этом подумать.

* * *

Тамира провела рукой по платью. А хорошо она поставила на место эту новенькую! Заречется на нее рот открывать! Ишь ты... Шлюха! Да сама ты... Небось, такую вошь никто и не хошь! Вот и бесится! Завидует.

Тамира невольно повела плечами, обозначая, чему завидовать. И верно, есть чему. Но... Тело было липким от вина и пота. Да и запах... Помыться, что ли? Если эта сопля на нее нажалуется, Харни обязательно вызовет для выговора. Ну... так у него это называется. Особенно на столе выговаривать любит. И лучше подмыться, чем слушать его визги о других

мужиках. А что – только им ограничиваться, что ли? Тогда можно и сразу в монастырь! Там ведь и взглянуть не на что... А на заднем дворе стоит котел с горячей водой. На дровах. Всегда. Мало ли вода срочно понадобится, а греть некогда? Так он всегда там есть, в него просто ведра с водой подливают. И можно позаимствовать кипяточка, пока никто не пришел.

В комнате для служительниц было тихо. Посапывала на лежанке Сиента – небось всю ночь пахала, идиотка. Нет уж, она, Тами, не настолько глупа, чтобы угробить свою жизнь! Она, наоборот, получит от нее все возможное! Пока молода, пока красива... Пусть работают другие, она будет наслаждаться жизнью! Вот!

Тамира подхватила коробочку с мылом, которым пользовались все служительницы, полотенце и направилась на задний двор.

* * *

Вопль понесся по лечебнице. Да такой, что подскочили все. Что больные, что здоровые. Я и так не спала, ожидая результата, поэтому, когда ко мне влетела растрепанная Сиента, даже не дернулась.

– Госпожа Ветана!

– Можно Вета.

– Вета, там...

– Пойдем посмотрим. Кстати, Тамира пришла.

– Нашалавилась?

Сиента смотрела зло, Тамира явно не пользовалась популярностью.

– Видимо, да. Это не она, часом, орет?

– Кажется, она. На заднем дворе. Обварилась, что ли?

Тамира не обварилась. Хотя была близка к этому. Под навесом, на заднем дворе, рядом с котлом, бесновалось... нечто жуткое. В одной рубашке, сейчас насквозь мокрой, все в синих и зеленоватых пятнах. Я отметила, что краска легла неровно. Видимо, смешала плохо или соды добавила многовато. У меня опыта мало.

– Это... к-кто? – начала заикаться Сиента.

Я помотала головой.

– Наверное, Тамира. А что с ней?

– Н-не знаю...

Тамира заметила нас, и завизжала громче. Я осмотрелась. Рядом с женщиной стояло ведро с водой.

– Отвлеки ее, – бросила я Сиенте.

Она замахала руками.

– Тамира?!

«Чудовище» прислушалось. Я шагнула вперед, подхватила ведро с водой и окатила беснующуюся девицу. Та икнула и замерла.

– Что с тобой?

Сиента была в шоке.

Тамира вытянула покрытые пятнами руки, собираясь завизжать, но я не дала.

– Молчать! Это не болячка, но вот что? Ты что делала?

Всхлипывая и трясясь – вода оказалась холодной, – Тамира рассказала, что она решила ополоснуться. Из первого ведра облилась, намылилась, а ополоснуться не успела. На коже... вот!

Еще бы не «вот». Я лично чернильный порошок подмешала к мыльному. Главное было, чтобы Сиента не попользовалась. Но та как легла, так и выключилась. Устала.

– Полотенцем не вытиралась?

– Н-нет.

Тамира уже забыла о неприязни ко мне. Вот что значит – правильно подобрать лекарство!

– Чем мылась?

– Мыльным порошком...

– Дай сюда. Твой личный?

– Н-нет. Общий.

– Да тут ничего и нет, считай...

Конечно. Я лично его и высыпала из коробки. Чтобы оставалось на один раз искупаться или на несколько раз вымыть руки. Тамира сделала так, как я и предполагала. Если в коробке мало порошка, вы его просто высыпаете на ладонь и принимаетесь мыться. И на мокрое тело, и по себе растереть. Вот и отпечаталось. На ладонях, лице, груди, животе... Спине не слишком много досталось.

Конечно, детская выходка, но сработало ведь! Другие-то служительницы придут часа через два! В крайнем случае, Тамира окрасила бы только руки, но я честно ее спровоцировала.

– Вроде нормально. Сейчас попробуем. Сиента, воды принеси.

Я зачерпнула коробкой воду, поболтала и вылила обратно в ведро. Если там что в синий и окрасилось, все равно никто не заметил. Концентрация уже не та.

– Вроде в синий ничего не красится.

Провела пальцем по стенке коробки. Палец тоже остался чистым.

Вот так при дворе с соперницами и расправлялись. Походи-ка в синем цвете несколько дней! Да потом еще пятна на лице будут от воспаления, это ж чернила! Едкие!

Тамире досталось совсем чуть-чуть, но дня три ей точно ходить синей. Сиента с трудом сдерживала истерический хохот.

Я вздохнула.

– Сиента, принеси пемзу. И побольше.

– А это... что?

– Не знаю. Где ты вообще валялась сегодня?

– На сеновале.

– А что из трав у нас дает такой окрас? Сеновал хоть был старый? Или сено свежее?

– Среднее...

– Не знаю. Мыло вроде чистое. Сама видишь, вода не посинела. Значит, где-то ты так удачно повалялась. Вспоминай, что и где... Или пролили, или лицом повозили. И не только лицом.

– Не знаю!

Сиента сунула мне в руки пемзу, я протянула ее Тамире.

– Оттирайся. Попробуй с мыльным порошком, вроде он нормальный. Ототрешь – налей воды в котел, не тебе ж одной надо. И дров подбросить не забудь.

С тем я и пошла обратно. Скоро Карнеш придет, обход начнется. Надо присутствовать.

И только оказавшись в лечебнице, там, где Тамира не могла нас ни слышать, ни видеть, я привалилась к стене и захохотала. Рядом так же беспомощно сползла Сиента. Минут пять мы не могли остановиться, глядя друг на друга. Переглядывались, вспоминали синюю Тамиру – и заливались хохотом еще пуще. Наконец Сиента пришла в себя достаточно, чтобы вытереть слезы и передохнуть.

– Светлый! Это потрясающе! Вета, это – вы?

– Нет. Это ее Светлый наказал за распутство, – ухмыльнулась я.

– А как?

– Не знаю. Но мыльный порошок вы видели, он хороший, значит, где-то повалялась. Что из трав у нас красит в синий цвет? Шалфей?

– Это сколько ж его нужно?

– Есть еще калган, васильки, гречиха, гречавка... [\[3\]](#)

– Что ж ее там – мордой по ним возили, что ли?

Я развела руками.

– Сиента, надеюсь, что вы не станете распространяться об этом

случае. Тамире еще работать здесь...

Сиента послушно закивала головой. Конечно, не будет! Ни слова! Ни полслова! Даже не подумает об этом лишний раз!

А я что? Я поверила...

* * *

Карнеш меня на обход не взял, сказал, что после ночного дежурства надо идти домой отсыпаться. Пришлось уйти. А на следующий день...

– Вета? Отоспалась?

– Да.

– Ты многое пропустила.

– Что именно?

– Харни рвал и метал. Тут кто-то выкрасил одну из наших служительниц в синий цвет.

– Тамиру. Да, я в курсе.

– И что там случилось?

Карнеш смотрел пристально, пытаясь поймать меня на нестыковках. А что мне? Я принялась рассказывать.

– У меня было ночное дежурство. А Тамира куда-то ушла. Вернулась под утро, в непотребном виде, словно ее по сеновалу валяли...

– Там и валяли.

– Я ей сказала помыться. И назвала шлюхой.

Судя по лицу Карнеша, об этом он тоже знал.

– А потом?

– А ничего. У меня свои дела, у нее свои. Потом я услышала вопли с заднего двора, мы с Сиентой туда побежали, а там Тамира в жутком виде.

– И?

– Я проверила полотенце, воду, мыло... Вроде все оказалось нормальным. Ничего не красило. Хотя полотенце все было в пятнах.

– Сиента тоже так говорит.

– Уже вся лечебница в курсе?

– И примерно половина Алетара.

– Я ж ее просила помолчать!

– Плохо просила.

– Мне не понравился поступок Тамилы. Мы с Сиентой с ног сбились, пока эта девка приятно проводила время.

– Вета, только честно. Ты ее?..

– Я не маг. Как бы я ее покрасила?

– Не знаю.

Конечно. Это чисто из бабского арсенала. Устранить соперницу, сделать подлость конкурентке... Детские, конечно, выходки, но ведь срабатывает! И достаточно часто! Наверное, потому, что ждут сложных ходов, пытаются что-то изобрести, а вот самого простого не видят у себя под носом.

– Вот и я тоже. И именно Тамиру? Не Сиенту, которая там работала со мной всю ночь?

Подозрительности в глазах Карна поубавилось.

– М-да... одним словом, теперь ей дней пять дома отсиживаться. Да еще она кожу пемзой разодрала.

– Пемзой – это я. Зря ей сказала, – «огорчилась» я.

Карнеш развел руками.

Тамира явилась спустя четыре дня. Притихшая, слегка отдающая в синеву, и с опаской поглядывающая вокруг. Было отчего. Служительницы и служители перешептывались, хихикали у нее за спиной, скалили зубы. На всю лечебницу нашлось только несколько сочувствующих – и все мужчины с личной заинтересованностью.

Ко мне Тамира даже не подходила. Я тоже не обращала на нее внимания. Я тут ни при чем. Вот.

Теперь оставалось только ждать. Лучше всего спесь сбивает именно смех. Если бы Тамиру обругали, выпороли, выгнали... О, ей могли бы начать сочувствовать. Но при взгляде на синие пятна всем становилось смешно. Какое уж тут уважение? Какие понимание и сострадание?

Только смех.

* * *

Дни летели друг за другом. Я уже отработала три ночных дежурства, это было четвертое. В этот раз мне опять выпали Тамира и уже другая служительница – Нитель. В этот раз Тамира в загул не ушла. Пользы от нее все равно было маловато, но хоть воды горячей принести, в кладовку сбегать...

Крики с улицы донеслись внезапно. Мы бросились наружу, а потом замерли у невысокой ограды.

– Помогите!

– Она бешеная!!!

– Беги!!!

На улице мужчина добивал доской собаку. За его спиной жались женщина и ребенок. Собака огрызалась и ползла. И не надо было видеть ее рядом. И так понятно, что собака – бешеная. Пена из пасти, затянутые белесой пленкой глаза, страшноватое молчание, с которым она кидалась на человека.

Тамира схватила меня за руку. Сейчас ей не важно было, кто я, она просто искала поддержки. Страшно это. Бешенство смертельно в любом случае.

Мужчина отбивался что есть сил – и побеждал. Вот свистнула доска, на землю брызнуло кровью... Я расцепила пальцы Тамиры и вышла из-за ограды. Мужчина повернулся к нам. Увидел мой балахон – и словно что-то переключилось у него в глазах.

– Лекарка?

– Да.

– Помогите!!! Прошу вас, помогите!!!

Я кивнула Тамире.

– Готовь горячую воду. Вас укусили?

– Не меня. Сына...

– Так что же вы стоите! Несите его скорее!

Мужчина подхватил мальчика на руки и метнулся в лечебницу, словно от его скорости что-то зависело. Женщина помчалась за ним, на ходу рассказывая, как что случилось.

Они в Алетаре приезжие, муж – кузнец не из худших, да вот пришлось из дома убираться. Бывает. На корабле приплыли, комнату в таверне сняли, работу искать принялись, нашли, решили вот прогуляться вечером, сын просил на пристань сходить.

Откуда взялась эта собака – никто так и не понял, но первый укус достался ребенку. Мужчина отшвырнул ее, понял, что бешеная, и защищался первым, что подвернется. Оторвал доску от забора. Жена схватила сына, но мальчик бежать не мог, рана на ноге оказалась очень глубокой, спасибо, кость не перекусила. Жена пробовала его утешить, только одна справиться не могла, мальчик крупный. А улица как вымерла.

Кровь текла из раны на ноге ребенка, пятная мостовую.

Я скрипнула зубами.

– Возьмите жену – и за дверь, мешать будете. Тамира, где маковое молочко?

Женщина метнулась за лекарством. А я осталась один на один с мальчиком. Лет десять. Этаким крепыш. Светловолосый, сероглазый, по

щечкам катятся слезы... Я погладила его по волосам.

– Сейчас принесут капли, и больно не будет. Обещаю.

– Я умру, да? Она же бешеная.

– Глупости.

– А это больно – умирать?

– Я тебе говорила и еще раз повторю – выживешь, – огрызнулась я. –

Спорим?

– На что?

– На щелбан, – припомнила я практику спора с Тимом. – Если выживешь, получишь. Если нет...

– Я маму попрошу, – отвлекся мальчишка от боли и плохих мыслей.

А мне того и надо было.

Тамира вернулась со склянкой. Я отмерила две капли макового молочка, развела водой.

– Пей. Это горькое, но надо.

Мальчишка послушно выпил воду. Вскоре глаза его остекленели, и он провалился в забытие. Тамира посмотрела на меня.

– Что вы будете делать?

– Промою рану, зашью, и пусть полежит у нас.

– Я посмотрела. Собака бешеная. Он обречен.

– Зараза могла не попасть в рану, – упрямо возразила я. – Ты же видишь – из него кровь аж хлещет. Могло просто вымыть.

– Я о таком не слышала.

– Ты мне помогать будешь? – разозлилась я. – Или поди вон, а сюда Нитель позови!

– Буду, – отозвалась Тамира.

– Тогда давай сюда воронку. Надо промыть рану как следует.

Вдвоем мы справились достаточно быстро. Надо отдать Тамуре должное, при всей шлюховатости руки у нее были ловкие, крови она не боялась и просимое подавала вовремя. Я завязала последний узел на повязке и кивнула.

– Палату подготовишь?

– Да. Какую?

– Давай в конец коридора. Помнишь, вторая дверь от окна? Там есть свободное место и народ приличный, проживет он там несколько дней.

Тамира кивнула и вышла. А я, не теряя времени, сосредоточилась на малыше.

Ну-ка...

Дар уверенно шевельнулся в кончиках пальцев. М-да...

Повезло мальчику. Собака действительно была бешеной, и зараза таки попала в рану. Но здесь и сейчас хватит короткого импульса, чтобы убить ее. Пока она еще не разнесена по всему телу. Пока не начала жрать мальчишку.

Всего один импульс.

Тепло разливалось из-под пальцев, я стояла спиной к двери, загораживая ребенка, но отлично слышала шаги в коридоре. Еще чуть-чуть... все!

Руку я отняла буквально за секунду до возвращения Тамиры.

– Все готово.

– Вот и отлично. Где его родители?

– Мать на улице ревет, отец ее утешает.

– Позовешь? Пусть сына перетащит. Не нам же его тягать?

Мальчишка был увесистый. Крупный, плотный, по-моему, я не намного больше вешу. Может, и не надорвемся мы с Тамирой, но зачем мучиться, если есть кому его поднимать?

Тамира думала точно так же, потому что через пару минут в дверях появились кузнец с женой.

– Помогите перенести ребенка в палату, – попросила я. – Дня три он у нас побудет, потом заберете.

Мужчина подхватил мальчика на руки и послушно понес вслед за Тамирой. Мать вцепилась мне в руку.

– Скажите, Сай умирает? Да?

Я резко выдернула руку.

– Никто. Не. Умирает. Глупости!

– Я видела, собака была бешеная. И она укусила моего мальчика... Он умре-е-е-ет...

ТЬфу.

Сыном я занималась меньше, чем его матерью. Мальчик уже спал, а мать мы успокаивали втроем, с отцом и Тамирой. Потом накапали и ей макового молочка, уложили на кровать рядом с сыном и наконец-то смогли перевести дух.

В комнате для врачей Тамира оказалась вслед за мной. И тут же вцепилась.

– Госпожа Ветана, зря вы это.

– Что именно?

– Надежду им дали. Ведь не выживет же.

Я скрипнула зубами.

Светлый, насколько ж легче работать одной! И глупых вопросов никто

не задавал.

- Считаешь, лучше им было бы сразу похоронить сына?
- Тамира замялась. Потом тряхнула головой.
- Они бы хоть смириться успели. Попрощаться...
- Лет через сорок. Будут умирать и попрощаются.
- Тамира хлопнула дверью.

* * *

На следующий день меня вызвал господин Растум. Карн только плечами пожал – мало ли что?

- Вета? Заходи.
- Добрый день, господин Растум.
- Вета, день добрый. Что там за история с мальчиком?
- Какая история?
- Мне сказали, что у нас в лечебнице находится мальчик, больной бешенством.
- Нет у нас такого! – возмутилась я. – Ребенка действительно покусала собака, но рану я промыла, прижгла и уверена, что он выживет!
- А если нет?
- Обязательно выживет! – нажала я голосом.
- Учтите, если ребенок не выживет, я вас выставлю на улицу.
- За что?!
- Вы должны были сразу сказать родителям, что шанса нет, а не подавать им необоснованную надежду!
- Тамира нажаловалась?
- То есть вы не отрицаете...
- Я не собираюсь оправдываться. За три дня станет ясно, что с ребенком все в порядке, и мы отпустим их из лечебницы. Я уверена, что мальчик выживет.
- У вас такой богатый опыт?
- Намного меньше, чем у вашей наушницы. Зато он весь лежит в сфере лечения людей! – выпалила я.
- И хлопнула дверью.

* * *

Карн посоветовал не обращать внимания.

– Харни неплохой человек, но шума боится. Что жалобу на него градоправителю накатают, что скандалить начнут...

– Все там будет в порядке!

– Собака была здоровая?

– Нет.

– Тогда ребенок действительно может умереть.

– Карн! Проверь сам! Все с ним в порядке! Рана не тянет, жара нет. Сто лет проживет, еще и своих наплодит!

– Ты так уверена?

– Просто вся зараза с кровью вытекла. Из него хлестало, как из поросенка. Я рану проглядывала, она чистая.

– Не знаю, что тебе сказать. Давай подождем эти три дня.

– Давай. Карн, а почему здесь так грязно?

– Потому что на всю лечебницу четыре уборщицы. Сама понимаешь, им медяшки платят. Тут не до тщательности.

– И белье ужасное...

– А прачек вообще две.

– Но мы же...

– Мы отдаем стирать свою одежду. И сами за это платим. А город не слишком охотно выделяет деньги. Сама понимаешь, тут приличные люди не лечатся.

Я понимала. Но...

– Тут как ни лечи, все равно людям плохо!

– Вета, это проза жизни. Можешь что-то изменить – сделай. Нет? Не стоит и ворчать по этому поводу.

– Несправедливо.

– А тебе никто и не обещал справедливости в жизни.

* * *

Этот вопрос я обсудила с маркизом Терреном при первой же встрече. Но мужчина только покачал головой.

– Вета, милая, вы же понимаете, что сколько на лечебницу ни выдели, грязно там все равно будет.

– Почему?

– Потому что наверняка – уверен! Что ваш... Састум...

– Растум.

- Не важно. Что он ворует.
- Но...
- И воровать продолжит любой, кого туда ни поставь. И градоправитель будет смотреть на это сквозь пальцы, потому что попадают к вам туда те, без кого Алетар чище станет.
- Не всегда же!
- Но там есть палаты получше и палаты похуже, верно?
- Да.
- Вот и ответ. Кого получше – в чистую палату, кого похуже – туда, где погрязнее. И продолжать воровать. Я просто уверен, что... сколько у вас там уборщиц?
- Четыре.
- А по штату наверняка штук восемь. Просто четыре на месте, а еще четыре – или родственницы, или любовницы вашего Растума. Поймать его на этом не удастся, но и работать они не станут. И в остальном та же ситуация.
- Я надулась.
- Неужели ничего нельзя сделать?
- Хотите, я вас переведу в лечебницу в Белом городе?
- Я помотала головой.
- Бежать от первых же трудностей? Ну уж нет!
- Ладно. Подождем. Но когда вам там надоест – скажите.
- Да, ваша светлость.

* * *

Грязь меня бесила. Раздражала. Доводила до невроза и психоза. И я отлично понимала, что если начну отмывать все сама, на больных времени не останется. А ругаться постоянно тоже не выход. Да и не поможет. Вот Бертен каждый третий день ругается, и что? Полы чище стали? Да ни капельки! Но выход таки нашелся.

И подсказала мне его мать покусанного мальчика. Они пробыли в лечебнице три дня, симптомов бешенства не обнаружилось, но Карн предложил оставить мальчика на десять дней. И женщина устроила скандал, требуя оставить ее с сыном. Господин Растум облегченно выдохнул, узнав, что симптомов бешенства у ребенка не наблюдается, и дал разрешение. Карн тоже не противился. Ему было интересно понаблюдать за мальчиком, а мать шла бесполезным приложением.

Против была я. И так мест нет, а тут еще...

Но кузнечиха приятно меня удивила. Когда я зашла в палату, она поднялась мне навстречу.

– Госпожа Ветана, спасибо вам.

– Пожалуйста, – буркнула я, склоняясь к ребенку. – Как мы себя чувствуем? Рана болит?

– Нет. А долго мне тут еще валяться?

– До десяти дней. На всякий случай.

– Понятно.

– Госпожа Ветана... простите, что я вам не поверила сразу.

– Светлый простит.

– Может... может, я могу чем-то отплатить за вашу доброту?

Я прищурилась.

Кажется, мне предлагают взятку? Ну уж нет! Но...

– Можете.

– А...

– Помойте эту палату и две соседние – и будем в расчете.

За эти три палаты как раз я и отвечала.

– Да я вам все палаты отмою!

– Не будем замахиваться на невозможное. Вы здесь пробудете еще семь дней. Если раз в два дня вы станете убирать палаты – меня это вполне устроит. Уборщиц у нас мало, а ведь ваш сын тоже лежит в этой грязи. И вы в ней ночуете.

– Где взять ведро и тряпку?

– Ведро и тряпка в кладовке, горячая вода на заднем дворе. Пойдемте, покажу.

К концу дня палаты сияли чистотой. Отмыто было все.

Двери, окна, стены, полы... кажется, даже до потолков добрались. Во всяком случае, паутина на них больше не болталась. И это радовало.

Попробовать повторить?

Глава 3

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!

Голову от подушки я оторвала с превеликим трудом. И выглянула в окно. За окном маячила бледная как смерть мордаха парнишки... как же его?..

Лерт.

– Что случилось? Сейчас дверь открою.

– Отец Мелли убил. А я – его...

Сон слетел с меня, как и не бывало. Я кинулась к двери, на ходу запрыгивая в юбку и затягивая завязки. Щеколда словно по волшебству отлетела в сторону, и мальчишка почти упал на коврик перед дверью. Вид у него был жуткий. Лерта всего трясло, колотило, зуб на зуб не попадал, глаза бешеные, на руках... кровь?

Да, кровь.

Я схватила из шкафа пузырек с успокоительным и сунула ему в руки.

– Залпом.

Корень валерианы, пустырник, горицвет, полынь, мята плюс ядренные винные выморозки, вкус ужасный, но помогает. Лерт залпом осушил пузырек, задохнулся, икнул – и заговорил.

– Отец пришел пьяный. Свалился, уснул, я побежал рыбы купить с вечернего улова, мне подешевле отдают. Возвращаюсь, а он Мелли держит, кричит что-то и колотит ее головой об стену. А она неживая... Вся белая, в крови... Я на него, он меня отшвырнул, а там топор... И я его топором по голове.

– Что с Мелли?

Я уже оделась и теперь надевала сапожки.

– Не знаю! – И вдруг извернулся, схватил меня за юбку. – Госпожа Ветана, помогите!!! Вдруг она еще живая?! Я Даринку в комнате запер – и к вам сразу!!!

Я подхватила сумку. Дарина? Младшая сестра? Да, наверное.

– Пошли.

Почему мальчишка понесся ко мне? Почему не в стражу? Ну, это понятно. Видимо, у него еще есть надежда, что сестра жива. Да и вряд ли с ним кто за последнее время по-человечески говорил, кроме меня. Вот и всплыло.

По темным улицам мы почти бежали. Пару раз из подворотен

выглядывали какие-то люди, но быстро отступали и сливались с темнотой. Желтый город – место опасное, да. Но лекарей стараются не трогать и здесь, особенно если лекари хорошие. Ты его сегодня ограбишь, а завтра к нему в руки и попадешь. Или твои близкие. Все болеют.

Дом Лерта встретил нас распахнутой настежь дверью и окровавленным трупом на полу. Я склонилась над пьяницей, профилактически коснулась шеи, нащупывая пульс. Но дар молчал. Здесь все кончено.

А где девчонка?

Мелли лежала рядом с очагом, на полу. Действительно вся белая, в крови, но... Я почувствовала, как шевельнулся, запел, пробуждаясь, мой дар. Коснулась шеи.

– Живая.

– Живая!!! Госпожа Ветана!!!

– Цыц! – рявкнула я на Лерта. – Рысью за водой! И чтоб колодезная, ледяная, чистая. Понял?

Мальчишка подхватился, словно я его ударила, схватил ведро, споткнулся о труп отца, но даже не заметил этого, чем-то загремел и вылетел за дверь. К колодцу. И я даже знала, о чем он думает. Пока он что-то делает, его сестра не умрет. А значит, пусть лучше сам Лерт сдохнет. Но – не остановится.

Я коснулась головы девушки, груди, позволила дару раскрыться... Темного крабом! Девчонка доживала последние часы. Это точно. Когда ублюдок бил ее головой об стену... не знаю, что там было и как, но... Пальцы нащупали громадную шишку на затылке. Или стукнул о какой-то выступ, или... С-сука. И что делать? Смогу ли я помочь?

Я прислушалась к себе.

Раньше не смогла бы. Не потянула. И знаний не было, и умений, и дар не так чтобы силен был. А сейчас вот все одно к одному. В ноги надо поклониться Карнешу. Благодаря ему я знаю, что делать в таких случаях. Даже присутствовала при операции. Правда, спасти человека мы тогда не смогли, но там слишком серьезными оказались повреждения. Мой дар – и то не справился бы. А вот на Мелли, может, моих умений и хватит. Но выложусь по полной, меня саму впору будет лечить. Лерт... Справится ли он?

Я подумала еще пару минут.

Выбор стоит так. Моя слабость и беспомощность – или человеческая жизнь. Неплохой, в общем-то, девчонки, которая только жить начинает. И мальчишка без нее пропадет. Должна справиться.

Я вздохнула и принялась доставать инструменты, банки с лекарствами, расстилать на кровати чистую простыню. За этим занятием меня и застал Лерт.

– Мелли жива, – сухо сказала я. – И шансы у нее есть. Сейчас попробую ей помочь, а ты будь любезен, вытащи труп из дома и сходи за стражей. Ни к чему тебе на такое любоваться, да и под руками мешаться будешь. Понял?

Лерт истово закивал.

– Да. Госпожа Ветана, спасите ее, пожалуйста. Что хотите сделаю, в рабы вам запродамся, до конца дней собакой служить буду...

– Обойдусь без собак. Младшая сестра где?

– Наверху. Запер, чтобы не смотрела.

– Вот теперь отопри и отведи к соседям. Понял? Пусть хоть кто за ней приглядит. Мне не до того будет, да и тебе тоже.

– Да, госпожа Ветана. Сразу же...

Я вздохнула, подошла к мальчишке, пригляделась. Понятно. Пошел откат от настойки. От крепкой пощечины голова Лерта мотнулась, словно одуванчик под ветром.

– Возьми себя в руки. Труп сам вытащишь или помочь?

– Сам.

– И рысью за стражей. Пока не позову – в дом не заходить. Дело сложное, вякнете под руку – и, считай, погибла девчонка. Лучше сначала все стражникам там расскажи, а потом сюда. Придете – постучитесь. Понял?

Лерт закивал.

Он все-все понял, правда! И, ухватив труп за щиколотки, без особого почтения потащил прочь из дома. Голова покойника стукалась о ступени, пачкая доски красным. Впрочем, меня это не сильно волновало. Гораздо важнее спасти девчонку, которую убила (да, убила, потому что обычный лекарь тут ничего не сделает!) пьяная скотина.

Лерт вернулся еще раз. Зашел в дальнюю комнату и вытащил оттуда завернутую в плащ девочку лет восьми. Держал на руках и уговаривал не смотреть по сторонам. Ни к чему.

Дверь за ними закрылась. Я перетащила Мелли на кровать, присела рядом, еще раз пробежалась пальцами по голове – и принялась сбрасывать волосы девушки на пострадавшем месте.

Вот здесь...

Трещина в черепе, внутричерепное кровоизлияние, которое очень скоро станет критическим, сотрясение мозга и даже его повреждение. При

прочих равных условиях девчонка бы скоро впала в забытие и умерла. Я же...

Я достала маленькое сверло.

Никогда еще не применяла, никогда. Только видела, как Карн это делал в клинике. Но надо сделать. Высверлить маленький кусочек кости, чтобы дать выход жидкости, потом вылечить мозг. У Карна больной умер прямо на столе. Справлюсь ли я?

Обязана.

Волосы легко поддавались острой бритве. Окончив процедуру, я облила голову девушки выморозками и невольно сотворила знак Светлого.

– Если ты есть – помоги!

* * *

Мне пришлось привязать Мелли к кровати, и слава Светлому, она была без сознания. Иначе не перенесла бы боли. И так пыталась метаться в забытии, но веревки выдержали.

Я прошлась пальцами по черепу. Да, именно здесь надо сделать надрез, чтобы обнажить кость. Чувствую это, словно пальцы покалывает. И скальпель в руках шел уверенно и твердо.

Мелли стонала в беспамятстве, пока я обнажала кость черепа. Потом высверлила кусочек, и из-под него потекла кровь. Тяжелая, темная, со сгустками. Все. Что можно сделать руками, я сделала. Теперь дело за моим даром.

Я еще раз оглянулась, задернуты ли занавески, заперта ли дверь – и положила руки девушке на голову.

Почувствуй себя. Ощути свою силу. Ты – часть мира, и мир с радостью поможет своему ребенку. Он отдаст тебе все, просто протяни руку и зачерпни его силы. Он любит вас, и, даря себя людям, становится сильнее. Почувствуй свое единение с миром...

Мои пальцы медленно засветились теплым золотистым сиянием. Сейчас я видела мозг Мелли так отчетливо, словно он лежал у меня на ладони. Вот здесь повреждены сосуды, вот здесь – разорвана тонкая оболочка вокруг мозга, а вот этот удар мог бы оставить девчонку калеккой на всю жизнь.

Этого не будет.

Под моими руками плоть срасталась в том же порядке, что и до удара. Сила лилась легко и свободно. Девушка глухо застонала, но главное – не

вырывалась.

Нервы.

Сосуды.

Мышцы.

Трещина в кости...

Вот на последнем этапе сила меня и оставила окончательно. Я распласталась на полу, чтобы не тронуть девушку на кровати. Еще не хватало свалиться на нее.

Силы... как же их мало! Но здесь и сейчас иначе я поступить не могла. Я вычерпала себя до доньшка, исправляя то, что искалечил жестокий кретин, и чувствовала себя ужасно. И все же Мелли пока не вылечена полностью. Еще оставалось сотрясение мозга, еще немного не срослась трещина, а та рана, которую я нанесла, открыта, и ее надо зашивать. Сейчас пару минут полежу – и попробую встать.

Где же оно?

Я протянула руку и взяла флакон с укрепляющим. Делала его сама, и получившаяся смесь была омерзительной на вкус, но отлично восстанавливала силы. Я перемалывала в маленькой мельнице орехи, сушеные абрикосы, чернослив, добавляла мед и лимон прямо с кожурой, выдерживала положенное время и ела при упадке сил. Хотя от жуткой приторной сладости подташнивать начинало. Во флаконе была эта же смесь, разведенная лимонным соком, чтобы выпить одним глотком.

Что я и сделала, передернувшись от отвращения.

Полежала еще пару минут. Дар молчал наглухо, но чтобы зашить рану и наложить повязку, никакой особенной силы не надо. Хватит и умения.

Я уже заканчивала, когда в дверь робко постучали.

– Сейчас открою! Пять минут! – рявкнула я, не отрываясь от своего дела. Не затем столько сил вложила, чтобы угробить девчонку грязью, попавшей в рану!

Завязала узел, встала...

М-да, переоценила я себя, серьезно переоценила. Ноги подкашивались, голова кружилась, так что до двери я добиралась по стеночке, цепляясь за все подвернувшееся. Откинула засов – и почти без сил рухнула на руки знакомому стражнику.

– Господин Самир...

Мужчина подхватил меня, правда, охнул.

– Опять поясница? Почему вы мазью не пользуетесь?

– Закончилась, госпожа Ветана.

– А зайти?

– Да хотел, но забегался.

– Сегодня зайдете, – постановила я. – Уж извините, кому-то меня проводить придется, одна я до дома не дойду. Вымоталась.

– Что с девушкой?

Самир не тратил зря времени.

– Не приведи меня Лерт так быстро, умерла бы. Через пару часов.

Мальчишка выдохнул так, словно из глубины вынырнул. Или и правда – из глубины отчаяния?

– А сейчас?

– Выживет. Плохо будет, голова поболит, лежать надо дней десять, а то и побольше... Но если послушается – выживет. И даже последствий не останется.

– Я прослежу, – пообещал Лерт.

– А?..

Спросить не успела. Самир махнул рукой, едва не уронив меня. Хорошо хоть, сама уцепилась.

– Ничего мальчишке не будет. Отработает на благо города с годик, да и свободен. Заодно и семью поддержит, какие-то копейки ему заплатят, чтобы с голоду не помер. Он ведь сестру защищал. И себя тоже.

– Я не раскаиваюсь! – Лерт сверкнул глазами. – Это Мелли все повторяла, что папа один, папа хороший, просто жизнь у него неладно сложилась, вот он горе и запивает. Что он маму любил...

– Любил, убил, – мрачно проворчал Самир. – Сколько ж раз дуракам говорят – пьяный человек опасен! Это не ваш близкий, это животное, которое укусит любую руку! И все одно, никто не верит. А мы... Думаешь, первая твоя сестра такая? Спасибо скажи госпоже Ветане, что спасла дуреху! А мы таких трупов навидались. Потом такие папаши пьяными слезами рыдают, в голос орут, что не хотели, что темный под руку толкнул... Тем, кого эти скоты угробили, думаешь, легче?

Я только вздохнула.

– Вы меня посадите где-нибудь, у меня пока просто сил нет. Знаете, кость сверлить тяжело, да когда еще не знаешь, выживет человек или нет... Мне бы передохнуть часок, да и домой.

Лерт прикусил губу.

– Госпожа Ветана, а вы не могли бы... Пожалуйста, побудьте у нас, а? Пока Мелли в себя не придет! Ну хоть до утра! Я вам в своей комнате постелю, обещаю.

Я вздохнула еще раз. Посмотрела на стражников.

Самир развел руками.

– Госпожа Ветана, дело ваше. Но если что – я вас до дома провожу. А ты, малой, не бойся. Один до утра точно не останешься. Пока труп заберем, пока суд да дело, полдень настанет. Тоже обещаю.

Уйти хотелось до ужаса. Но...

– Стели. Останусь до утра, а утром – на работу.

– Спасибо.

Лерт на несколько секунд замер, а потом подошел ко мне и опустился на колени. Никто и вздохнуть не успел.

– Госпожа Ветана, вы мне сестру спасли. Если что... Я для вас все сделаю.

– Вот и сделай, – сбила я пафос момента. – Белье на кровати поменяй, и до утра меня не трогать, если Мелли хуже не станет. Начнет стонать, метаться – буди немедленно. Начнет просить пить – пои. Понял?

– Д-да...

Я перевела взгляд на Самира.

– Господин Самир, если в ближайшие три дня вы ко мне за мазью не зайдете, я вам ее сама принесу. В казармы.

– Зайду-зайду!

– Взрослый же человек, а того не понимаете, что здоровье важнее всего, – продолжала ворчать я.

Обрадованный Лерт метнулся стелить постель. Его комната оказалась достаточно чистой, так что я стянула юбку с рубашкой и рухнула поверх одеяла.

Спать...

* * *

Проснувшись перед самым рассветом, и первым делом прислушалась к себе. Дар почти полностью восстановился. Вспомнить только, как я госпожу Лиот лечила! Потом пару дней в себя приходила, а тут что? Несколько часов сна – и уже готова на подвиги?

Значит ли это, что моя сила растет?

Да, именно так. И неудивительно. Мы не могли достать книги по магии, сведения собирали по крупицам, обрывочные, но кое-что сложить удалось. Бабушка говорила, что дар – это как вода, которая пробилась себе тропинку в земле. Чем чаще пользуешься, тем глубже русло. Чем глубже вычерпываешь, тем быстрее прибывает. И становится сильнее. Намного сильнее. А я-то постоянно... И что теперь? Не пользоваться своей силой?

Не могу. Так что... Делай что должен, и будь что будет. Другого тут не дано.

Я быстро оделась и спустилась. Верно, дом кишмя кишел народом. Лерт сидел в углу, больше всего напоминая совенка своими хлопающими глазами. При виде меня он подскочил, расплылся в широкой улыбке и едва не сшиб стражника, стараясь поклониться малым не до земли.

– Утро доброе, госпожа Ветана.

– Доброе. Мелли в себя не пришла?

– Нет. А...

– Дышит ровно?

– Да.

Я коснулась пульса на шее девушки, силой на этот раз не пользовалась, да и не надо. И так все ясно.

– Вечером загляну. Лерт, у тебя деньги есть?

– Да.

– Купи курицу, свари ей бульончика. Сможешь?

– Соседку попрошу.

– Так тоже подойдет. Бульончик, сухарики в нем размочить, ничего тяжелого не давать. Завтра кашу можно. Ну, я еще вечером зайду, повязку поменяю и объясню, что и как.

– Да, госпожа Ветана.

Я попрощалась и отправилась на работу. Меня ждал очередной день в лечебнице.

* * *

Обход прошел обыкновенно. Сюрпризы начались потом. Когда я шла в комнату лекарей, а меня тихо позвали из-под лестницы.

– Госпожа Ветана?

Я пригляделась.

Молодая, волосы крашены хной, вид потасканный... Девушка легкого поведения, какие они есть. А откуда меня знает?

– Да.

– Госпожа Ветана, вы меня не помните? Вы у нас заходили в «Дом Розы».

Я нахмурилась, вспоминая Денизу, гвардейца с раной на животе, Криталя с его дуэлью и герцога, крабом его вперехлест!

– Госпожа Риона в добром здравии?

– Более чем.

– А вы...

– Мое имя Алия.

– Госпожа Алия?..

– Просто Алия. Госпожа Ветана, я беременна.

Я не видела в этом ничего удивительного.

– У вас работа такая. Чреватая осложнениями.

Алия впилась глазами в мое лицо, но я не издевалась, не ерничала, не ругалась, просто говорила как есть. И девушка расслабилась.

– Госпожа Ветана, вы не посмотрите, все ли в порядке с ребенком?

Я вскинула брови.

– Мы же приходили с осмотром, разве нет?

– Ну да. Но мужикам я в таком деле не слишком-то доверяю.

– Ладно, посмотрю. Но если бы что-то было не так, уже заметили бы.

А сюда вы как попали?

Алия пожала плечами.

– Плохо на улице стало, вот и притащили доброхоты. Отлежусь пару дней – да и обратно к госпоже подамся.

– Рожать будешь?

– Буду. Кое-что у меня прикоплено, без монетки не останусь, а потом госпожа меня обратно возьмет. Есть любители.

Я кивнула.

– Пойдем, я тебя осмотрю. Не обижают в палате?

– Да нет. Я там не одна такая. Вот Риста...

Риста... Я припомнила беременную проститутку на последнем месяце.

– Ей уже рожать скоро.

– Больно, говорят.

Я вздохнула.

– Больно. А ты как хотела?

– А правду говорят, что это расплата за грехи наши? И у кого грехов больше, у тех и болит втрое?

Я со злости топнула ногой.

– Вот еще глупости! Больно, потому что запихивали предмет поменьше, а вылезает предмет побольше. Сама понимаешь, там не на пуговицах все, расстегнуть не получится.

Проститутка хихикнула.

– Да уж понимаю...

– А насчет грехов и боли – глупости. Знаешь, сколько я холопов и прочей... святости перевидала? И грешат так, что тебе не снилось, а ничего

– не болит!

– Так они ж и не бабы.

– Потому им и говорить легко, – подделалась я под простонародный говор. – Пошли, осмотрю тебя. И не паникуй заранее. Будешь рожать – позовешь. Помогу, чем смогу. Поняла?

– Спасибо, госпожа Ветана.

– Да не за что пока.

И с Алией, и с ее ребенком все оказалось в порядке. На следующий день она ушла из лечебницы.

* * *

Вечером я заглянула к Мелли, как и обещала. Девушка уже пришла в себя, лежала и смотрела в стену. Лерт хлопотал по хозяйству и мне обрадовался, как родной.

– Госпожа Ветана! Проходите!

– Здравствуй. Как ты тут?

– Даринка у соседей, они согласились ее на пару дней взять. Я тут по хозяйству. Стражники сказали, чтобы я завтра к ним зашел, рассказал все, как было. И в суд сходить придется. Но мне скрывать нечего, я честно отвечу.

– Мелли как?

– Пришла в себя. А есть отказывается.

– Это еще почему? – удивилась я.

Лерт зло сверкнул глазами в сторону кровати.

– Дура потому что.

Хм-м... Может быть, и так. Но это не лечится даже магией жизни.

– Выйди погуляй, – попросила я мальчишку. – Сейчас осматривать твою сестру начну, ей будет неудобно.

– Чего я там не видел! – огрызнулся Лерт. – Посудину ей под зад не Светлый, чай, подкладывает.

Но вышел. И даже дверью специально хлопнул. Я присела на кровать рядом с Мелли. Та смотрела в стену тоскливыми глазами.

– Как самочувствие?

– Спасибо...

– Спасибо, хорошо? Или плохо? – дотошно выясняла я, разглядывая зрачки. Определенно, сотрясение еще осталось. На него и моих сил не хватило. Я просто тащила девчонку с того света, а это всегда тяжело. С

маркизом не легче было, но там-то хоть без внешних повреждений обошлось, большая часть силы ушла на устранение последствий. А тут...

– Зачем вы меня спасли?

– Работа у меня такая. Ты недовольна?

Интересные разговорчики. Кажется, я ухватила проблему, но дай мне Светлый терпения. Потому что, если я правильно понимаю суть бреда... Лекарю нельзя бить пациента по свежотремонтированной голове. Даже чтобы ума добавить.

А жаль.

– Это я во всем виновата.

– В чем?

– Что папа умер, что Лерт с грехом на душе жить будет.

Ну... Папу я не знала, но видела, что он с дочкой сотворил. И сама бы прибила скотину. Лерт тоже угрызениями совести мучиться не будет, ему сестра всяко дороже. Это я девушке и высказала бы, прямо в лицо. Только вот нельзя. Настроение пациента – одно из условий успешной работы лекаря. Сколько раз видела: кому и срок уже отмерен, а он стиснет зубы и через силу малым не на коленях ползет. Что-то делает, борется – и мир подхватывает своего птенца. И дарит годы жизни, признавая его право жить.

А бывает и так, что человеку жить бы и жить, и болячка-то не страшнее прыща, а он ноет, и ноет, и сопли разводит на кисель... И мир отторгает подобную братию! Просто вышвыривая человека из числа живых. Вот у Мелли явно наклевывалось второе.

Если я сейчас вычешу ее поперек шерсти, она расклеится окончательно, и все мои труды пропадут впустую. Это плохо. Значит, надо придумать нечто другое.

Разум работал быстро и четко.

– Виновата. Только не в этом. В другом.

Мелли распахнула глаза, глядя на меня. Отлично, внимание поймано.

– В чем?

– А ты не догадываешься? Это вина мнимая. Не ты заставляла отца пьяной скотиной становиться, не ты ему в руки бутылку вкладывала. И что кинулся он на тебя, тоже понятно. Бешеная собака всех кусает, кто рядом. Это не твоя вина. На Лерте тоже вины нет. Он не отца убил, а пьяную тварь. Не грех совершил, а тебя спасал, кстати. А не сбегал бы за мной, так ты бы сейчас и жива не была. Хочешь – в храме в том поклянись? Чтоб детей у меня не было, коли вру.

– Не надо.

Верит. И правильно.

– Выздоровеешь – все равно в храм сходим. В любую минуту. А вина твоя в неуместной жалости.

– К-как?

– А так! Тебе ведь не раз, не два говорили, что может случиться. А ты тянула и тянула. Давно бы от отца ушли, и прожили бы сами, и с голоду не померли. Или замуж бы вышла, да брата с сестрой к себе забрала. Могла ведь?

– Д-да...

– А не сделала. Отца жалела. Хотя и знала, что если человек желает себя в могилу загнать, то ты ему не мешаешь. Вот и ушел он. И тебя едва с собой не забрал, и брата твоего убийцей сделал. Хоть и нет на мальчишке вины, а все же ему долго будет эта боль вспоминаться. Вот за это тебе прощения и просить. И не в храме! А у тех, кому твоя глупость едва жизни не стоила. Думаешь, я бы смогла девочке помочь, если бы он до Дарины добрался? Ты-то здоровая, и то едва успели, а если бы двое вас было? Кого спасти первой?

– Он же...

– Ты тоже его дочь. Помогло?

Мелли молчала.

Я знала, что не убедила ее до конца, но сомнения посеяла, и это уже хорошо. Господин Самир еще добавит. Так, шаг за шагом, и человека сделаем из жертвенной овцы. И не таких в чувство жизнь приводила. Спасибо, сейчас еще не слишком большую цену взяла.

* * *

– Светлейший, маг определенно в Алетаре.

Молодой служитель боялся приближенного, это было видно по дрожащим пальцам, по бегающим глазам, но... Что толку с того страха? Вычислить мага он не поможет. Шантр насколько был склочной тварью, а все же эти подбострастные болваны ему и в подметки не годились.

– И вы не можете даже локализовать район, в котором он работает?

– Светлейший, маг словно рассеян по всему городу. Вспышки то в Желтом городе, то в Белом, то в Зеленем, мы не можем ничего сказать определенно. Возможно, если бы мы попробовали поработать поближе к месту...

– Вы предлагаете возить приборы по городу и ждать, что и когда

сработает?

Фолкс только головой покачал, удивляясь наивности юнца.

К его чести, мальчишка не дрогнул.

– Пресветлый, другого выхода нет. Просто нет. Невозможно засечь мага, который работает от раза к разу и перемещается по городу, как ему захочется.

Как ему захочется? Фолкс поднял руку, и служитель послушно замолчал. Ему. Захочется. А ведь верно. Из чего исходил в своих размышлениях Фолкс? Из того, что маг жизни – обязательно чья-то собственность. А если нет? Если он работает сам на себя? Не лечит хозяина и тех, кого оный хозяин прикажет, а просто живет и работает с теми, кто под руку подвернется? И сможет оплатить его услуги?

Тогда все становится на свои места. И одновременно еще больше усложняется. Если маг жизни не попал никому в руки, он должен, во-первых, быть очень умен, а во-вторых, отлично маскироваться. Так, чтобы даже в Храме его не угадали.

А вот тут можно поработать...

– Приборы, которые распознают активную магию, сложны в изготовлении, я знаю. Возможно ли изготовить прибор, который будет распознавать неактивную магию?

– Нет.

– Почему?

– Потому что пока маг не применяет силу, она находится словно в спящем состоянии, – развел руками служитель. – Это как с грозой. Пока не грянет, не узнаешь.

– Но есть что-то, что предсказывает грозу. Возможно ли это в отношении мага?

– Надо подумать, пресветлый.

– Мы же распознаем таланты в детях.

– Когда они проявляются. И только в этот момент.

– Маг обязан отличаться от обычного человека. Плотность ауры, строение... Кому я это рассказываю! – вспыхнул приближенный. При продвижении по карьерной лестнице он отлично усвоил принцип: «Требуйте невозможного с подчиненных, тогда они сделают все возможное». – Придумайте что-нибудь компактное, чтобы это распознавать! Как маги видят друг друга? Как их распознают животные?

– Если что-то вроде стекла? – задумался служитель. – Не знаю, пресветлый. Надо поработать.

– Так идите и работайте!

Служитель удалился, а Фолкс задумался. Маг жизни был в Алетаре – хорошо. Его не удалось вычислить с налету – плохо. И удастся ли? Но сомнения – не повод отказываться от вкусной добычи. Нет, никак не повод. Если маг жизни работает в Алетаре, он обязан это делать в пользу и на благо Храма.

Или...

Не нам, так и никому.

* * *

Я как раз дежурила. Была глубокая ночь, когда в дверь постучались.

– Госпожа Ветана?

– Да, Силена?

С этой девушкой мы работали вместе уже несколько раз. Нельзя сказать, что она мне нравилась. Я предпочитала тех, кто работает без возвышенных чувств. Силена же готова была объяснять всем и каждому, что ей нравится лечить людей, и поэтому она пошла помогать в лечебницу, а потом пойдет в ученицы к лекарю, только вот выберет кого получше.

Не самое плохое побуждение, но руки у девчонки были деревянные. Просто дубовые. Перевязанная ею рана воспалялась, вдетая в иглоку нитка рвалась, а состав лекарства надо было писать на бумажке. Иначе точно перепутает.

Лично я считала, что с такими антиталантами Силене прямая дорога куда-нибудь в плакальщицы. Там она точно никому не навредит, а рыдать у нее дар. Чуть что – и в сопли.

– Тут к вам...

Ко мне оказалась госпожа Риона. Содержательница борделя. По виду – вполне целая и здоровая. Я вежливо склонила голову.

– Добрый вечер, госпожа Риона.

– Госпожа Ветана, здравствуйте. – В голосе женщины прозвучало... облегчение? – Мне нужна ваша помощь.

– Вы?..

– Не я. Нам надо поговорить.

– Я вас слушаю.

Госпожа Риона вдруг сделала шаг к двери. Второй, тихий, словно кошачий, и...

– Ай!

На лбу Силены наливалась здоровущая шишка.

– Подслушиваем? – грозно поинтересовалась я. – А я вот господину Растуму скажу, кто недавно партию златоглавника загубил!

– Я случайно! Просто хотела спросить: воды вам не погреть для взвара?

Силена даже и не подумала смутиться.

– А ну брысь отсюда! – рыкнула я.

– А как же...

– Шишка? Сейчас еще добавлю по другому месту, для симметрии.

Силена вняла угрозе и рассосалась.

Госпожа Риона покачала головой.

– Давайте поговорим в моей карете? Знаю я таких, теперь под окном подслушивать будет, раз из-под двери прогнали.

– Давайте.

Выходя из комнаты, я оглянулась. Показалось – или за окном белело что-то, смутно похожее на человеческий силуэт? Ну погоди ж у меня, зараза любопытная.

* * *

В карете было уютно и удобно. И никакой дурной роскоши, свойственной той же маркизе Террен. Так я бы сказала, что это карета купчихи из зажиточных, но не слишком богатых. Да и сама госпожа Риона сейчас выглядела иначе. Ни откровенного платья, ни побрякушек.

– Госпожа Ветана, у меня есть племянница.

Я вежливо и внимательно слушала.

– Она беременна, и я хотела бы, чтобы вы приглядели за ней.

– Хорошо. Как ее зовут?

– Лиана Торон.

– Красиво. Но почему?..

– Если она моя племянница, почему окажется у вас? Потому что дура! – вдруг зло бросила госпожа Риона. – И муж ее такой же! Идиоты! В дерьме живут, а морду дерут!

– Простите, не понимаю.

– Сейчас расскажу подробно, – вздохнула женщина.

История была не нова. Две сестрички, росшие в очень верующей, очень религиозной семье. Старшая, повзрослев, решила, что хватит с нее проповедей, хотелось бы и чего-то для тела. Не выходить замуж за достойного молодого человека, которого присмотрели родители, не рожать

каждый год, не надрываться на тяжелой работе. Пожить хоть десять лет, но для себя! И сбежала из дома с первым попавшимся состоятельным мужчиной, благо внешность позволяла рассчитывать на многое. Многое потом и было. И смена покровителей, и работа на улице, и аборт.

Многое.

Наконец ей повезло попасть в бордель, и там она воспользовалась шансом. Не тратила больше денег, а накопила, выкупила дело и заправляла им железной рукой. Но... Аборты сказались. Детей госпожа Риона иметь не могла, а вот сентиментальность, видимо, выиграла. И решила девочка поискать родных. Мало ли что мать с отцом от нее отреклись в ужасе, мало ли что сестра говорила – вдруг за двадцать-то лет передумали?

Нашла.

Мать давно умерла. Молитва, она не слишком от болезни помогает. Отец ушел в Храм, жив еще или нет... Да пес его знает. Госпожа Риона не рвалась его искать.

Братья, сестры...

– Мать ведь каждый год рожала, и считай, каждый год мы маленьких хоронили, – зло рассказывала она, блестя глазами в сумраке кареты. – Отец, тварь такая! Изменять жене нельзя, порывы свои сдерживать нельзя... Он бы работал, как трахался! А то нарожать несложно, а вот вырастить... Как еще мы с Тисой выжили! Повезло, не иначе! Мать, видать, от частых родов и померла. Я ее и не помню без живота-то...

Голод и болезни уносили детей, в итоге в живых осталась только младшая сестренка Тиса.

Младшая.

Отец выдал бедолагу замуж за мужика на двадцать лет ее старше, вдовца с детьми, зато очень верующего! Набожного такого. И тот пошел по проторенной дорожке, награждая сестру ребенком каждый год. К моменту встречи Тиса выглядела вдвое старше своей сестры-проститутки. И – увы.

Умерла два года назад.

На детей вдовца госпоже Рионе было плевать. А вот на единственную выжившую племянку, Лиану, кстати, названную почти в честь тети, – нет. К сожалению, Лиана представляла собой третье поколение дурочек.

Тетю она встретила приветливо и тут же попыталась спасти ее душу. А то ж! Бордель надо продать, девок распустить, деньги отдать на Храм, а сама госпожа Риона... Да она тоже может уйти в монастырь. Грехи замаливать!

Достучаться до крохотного мозга сквозь толстую броню религиозных догматов и объяснить, что она вообще-то себя грешной не считает, уж

точно не больше тех, кто ей платил за продажную любовь, Риона просто не смогла. Не получалось. Да и мужа там подобрали... под стать.

Деньги он не взял, от помощи отказался, Лиане с теткой видаться не запретил, но саму госпожу Риону строго-настрого предупредил, что любое «не такое» слово – и они все отношения разорвут. Ему-де жена нужна, а не шлюха.

– Идиоты, – искренне согласилась я.

– Знаешь, – мы как-то незаметно перешли на «ты», – сколько к нам таких верующих приходит? И храмовники, и обычные мужики... Один так вообще удовольствие получает, когда молится, а голая девушка его плеткой охаживает! Ох. Извини.

– Ничего страшного. Выйду замуж – будет что с мужем обсудить.

Я улыбалась. В Желтом городе сложно оставаться трепетной лилией. Такого наслушаешься! Хотя сильно подозреваю, что это я просто ко двору не выезжала.

Госпожа Риона кивнула.

– Хорошая ты. Слушай, Лиана точно придет сюда. Я же и привезу. Мне нужно, чтобы у нее все возможное было. Палата хорошая, еда... и ты. Видела я, как ты работаешь, эту дуру Денизу мало кто вытащить смог бы. А ты...

– Я вытащила.

– Она уж и замуж вышла, кстати. За какого-то Дирена.

Я аж рот разинула. Вот так новости!

Значит, жениться лучше, чем за границу? Ну... каждый выбирает для себя.

– Руки у тебя хорошие. Вот. Примешь ребенка, и напугай ее как следует. Скажи, что укрепляющее нужно попить.

– Укрепляющее? – прищурилась я.

– Именно.

Мне на колени лег мешочек с травой. Я развязала, понюхала. Аромат был знакомый. Мне. Но хорошо замаскированный мятой и анисом.

– Противозачаточное?

– Именно. Тут на полгода хватит, а потом я еще принесу. И пусть год после родов пьет. А ты сталкивалась уже?

– Хороша б я была лекарка, таких вещей не зная...

Травница, у которой я училась, это практиковала. Нужная трава, подходящее время и доза. Нельзя сказать, что результат стопроцентный, но... помогало. И неплохо.

– Я к магу ходила. Так что год она точно отдохнет. Не хочу, чтобы

девчонка умерла. Сама понимаешь.

Конечно. Молитва молитвой, а ежегодные роды, да с тяжелым трудом, никого до добра не доводили.

– Обещаю.

– Сколько?

Медленно покачала головой.

– Денег не возьму, сплетни у нас широко разносятся.

– Тогда, может, помочь чем?

– Чем тут поможешь? – вздохнула я. – Сами видите: здание старое, лекарей мало, служителей хоть и больше, да грязь везде. Мне вашу племянницу и положить-то некуда. А знаете, что самое худшее? Даже если вы денег уборщицам подкинете, чтобы они мыли тщательнее, все равно ведь схалтурят. И ругайся тут, не ругайся... Этих выгнать, так другие не лучше будут. Просто замкнутый круг какой-то.

Госпожа Риона вдруг усмехнулась. Весело и озорно.

– Не плачьте, госпожа Ветана. Есть у меня одна идея.

Как уж она договаривалась на следующий день с Харни Растумом, я не знаю. Но с результатами договора ознакомилась.

Госпожа Риона посчитала, что проще не искать лекаря, а договориться с лечебницей. Пусть им тут выделяют несколько палат, ну и если с девочками что-то случится – они в любое время приходят сюда. Вне очереди.

Растум, не будь дурак, согласился – и отвел им четыре палаты в самом дальнем коридоре. Грязные донельзя. И едва не сорвал на следующий день всю работу в лечебнице.

Я первый раз видела такую картину.

Два десятка девушек легкого поведения, в ярких платьях, которые где подоткнули, где подвязали, где еще что, вычищали палаты. То наклоняясь в провокационной позе, то вытягиваясь так, что прохожие застывали, рты открыв. Двое мужчин и одна женщина так засмотрелись, что к нам и попали – с забором не разминулись. Пришлось им шишки и синяки смазывать.

И могу сказать точно: после этого дня у нас столько мужчин себя здоровее почувствовало! Никакой магии не понадобилось!

Глава 4

Ночь скользила мимо окон. Касалась занавесок легким ветерком, щедрой рукой рассыпала звезды, подправляла очертания предметов, задевала своим роскошным платьем море, и оно тихо вздыхало вдалеке. Оно тоже дремало под теплым прикосновением ночного ветра. Все было так хорошо и спокойно. В кои-то веки спокойно, что я даже придремала. И подскочила, словно ужаленная, когда с улицы донеслось...

Шум.

Треск.

Лязг.

Грохот.

И в завершение всего этого аккорда безумия – истошные крики боли. Так может кричать только человек, которому что-нибудь ломают или рвут.

Я подорвалась быстрее ветра. В дверях пришлось расталкивать людей, которые сбежались посмотреть на чужую трагедию, но я справилась. И что за мерзкие привычки – прибежать не чтобы помочь, а чтобы полюбоваться на чужое горе?

На улице царил хаос. Глаза просто не привыкли и выхватывали из общей картины какие-то детали. Колесо кареты, откатившееся к стене... Покалеченная лошадь, кричащая от боли... Какие-то красные брызги на стене...

Только через пару невероятно долгих секунд я понимаю, что это – кровь.

– Помогите!!!

Чей-то истошный крик заставил меня встряхнуться, и я наконец увидела все целиком. Словно кто-то сдернул повязку с глаз.

Недавно среди аристократической молодежи появилось такое увлечение. Гонки на каретах.

Берется карета, укрепляется, облегчается, снимается передняя стенка, или делается так, чтобы сидящий в карете мог сам править лошадьми, запрягается четверней, в данном случае, парой, – и вперед, по улицам города. И плевать на всех, кто подвернулся под колеса.

В основном молодежь гоняет по Желтому городу, по улицам, ведущим к морю. Алетар Раденор строил свой город основательно: улицы широкие, вымощены добротным камнем даже здесь. И проходит все это по ночам. Потому что если его величество узнает – гонять без правил молодчики

будут по тюремной камере. Будь там хоть герцоги.

Скоты малолетние!

Ну да ладно. Сначала надо оказать помощь, а убить можно и потом.

– Тамира, мужчин позови! Силена, немедленно ко мне!

Я сбежала с крыльца.

Первым делом – лошади.

Вы даже не представляете, сколько дел может натворить одна испуганная лошадь. Особенно если ей больно, если она пытается сделать свечку, бьет копытами. Хорошо, что я маг жизни, а не смерти. Некромантов животные не слишком любят, а вот меня...

При моем приближении лошадь чуть успокоилась. Достаточно, чтобы я перехватила ее за узду.

– Ну-ка, тихо...

Пара движений – и кожаные ремни упряжи лопаются под моим ножом.

Одна, вторая, третья...

Освобожденные лошади понимают, что здесь их ничего хорошего не ждет, и пытаются ускакать. Я не обращаю внимания. Алетар – город большой, в нем что хочешь потерять можно, не только пару лошадей. Найдутся им хозяева поприличнее.

Теперь участники.

Осторожно открываю дверцу одной кареты, и на руки выпадает тяжелое тело, едва не сбивая с ног. Подхватываю его под мышки, кое-как тяну на себя и распластываю на мостовой. Быстро провожу руками.

Внешние повреждения?

Да, безусловно. Кровь на голове, кровь на губах – ребро пробило легкое или прикусил язык? – сломанная рука повернута не предусмотренным природой образом, видна белая кость. Это надо срочно вправлять, шить, перевязывать.

Рядом оказываются служители с носилками, на них осторожно перегружают мужчину. Тамира командует уверенно. Я специально попросила именно ее позвать мужчин, ей в лечебнице никто отказать не может, да и не хочет.

Ладно, тут все будет в порядке.

– Силена, с ними. Срезать одежду, промыть раны. Справишься.

За спиной что-то мяукают, но я не слышу. Заглядываю в карету. Никого нет? Нет, больше никого.

Вторая карета лежит очень неудобно, на боку. Мне приходится подоткнуть юбки и лезть на колесо, чтобы что-то увидеть. Распахиваю дверцу и вглядываюсь внутрь.

Темного крабом!

В этой карете двое.

Мужчина и женщина, тела переплелись так тесно, что непонятно, где кончается одно и начинается второе. И как же их вытащить?

Через дверь? А если перелом позвоночника? А если... Я навскидку назову больше десятка травм, при которых такие упражнения для них станут смертельно опасными. И я ничего не успею сделать даже с моим даром.

– Слазьте, госпожа Ветана! Я щас помогу!

Гулкий бас снизу приводит меня в чувство. Я прищуриваюсь.

– Имон?

– Ага, я. Щас мы его вытащим!

Я оперлась на протянутую руку, прыгнула на землю, блеснув голыми ногами, и только сейчас увидела топор, стоящий рядом с каретой.

Имон поплевал на ладони, прикинул направление, размахнулся – и только щепки от кареты полетели. Они ж легонькие, дерево тоненькое...

Пары минут не прошло, а я уже оглядывала парочку. И понимала, что женщине уже ничем не помочь. Голова у нее была под таким углом вывернута, что живому не добиться. Перелом шейных позвонков. Она даже почувствовать не успела ничего. А вот мужчина еще дышал. Хотя досталось ему определенно больше, чем первому. Тут и как подступиться-то не знаешь, чтобы выжил.

А выживет – до конца дней своих лежать будет – подсказал мне дар целителя. И поделом бы, но я уже чувствовала, как пробуждается сила в моей крови. Она разворачивалась, пела, требовала выхода на волю. Что ж, этим кретином сегодня повезло дважды. И живы остались, и мне в руки попались.

Я помогла переложить второго пострадавшего на носилки и направилась в лечебницу. Тамира с Силеной ждали в перевязочной. Горели лампы, заправленные вонючим земляным маслом, стояли два стола, накрытые белыми простынями, на одном уже лежал человек.

Я наклонилась над ним, прощупывая обнаженное тело, на этот раз беззастенчиво пользуясь и своим даром. Когда распознаешь болезнь, оно почти незаметно. Жив, и жить будет. Кроме руки ничего страшного, разве что язык прокусил. Ребра, конечно, сломаны, так о карету грянуться, но легкие целы. Тугую повязку наложить, и пусть проваливается.

А, еще зрачки нехорошие. Были б мозги – было б сотрясение, а так...

Полежит, не помрет.

Вот со вторым все намного хуже. Не знаю, чем ему так досталось

посреди спины, но позвоночник хрупнул, как та сухая веточка. Аккурат под ребрами. И ноги ему нехорошо зажало. Ой как нехорошо. Надо срочно чистить, складывать, шить, пока кровью не истек.

Силена накинула мне на платье зеленый балахон, и я принялась за работу.

* * *

Балахон пришлось менять два раза. Кровь брызгала так, что страшно становилось, я иногда не успевала пережать артерию, и все чаще понимала, что если бы не опыт...

Дар тут не поможет.

Он может удерживать человека, не дать уйти за грань, стимулировать выработку крови, запустить остановившееся сердце, благо, когда возишься по уши в крови, даже как-то и не заметно ничего, но дар не сложит кости, не сошьет жилы. Он может заставить их срастись, только вот если оставить все как есть – человек калекой очнется.

Светлый, как же мне не хватает знаний! Обыкновенных знаний.

Наконец мы закончили, и девчонки потащили из перевязочной груды грязных окровавленных тряпок и инструменты, а обратно – ведра с водой. Я посмотрела на усталых служительниц, махнула рукой – и тоже взялась за тряпку, получив в награду удивленные взгляды.

А что ж теперь?

Они стараются, а я буду сидеть смотреть? Это аристократы... Хотя – нет! Бабушка себе такого никогда бы не позволила. И тоже взялась бы за тряпку. Благородство – оно ведь не в золотых кольцах, хоть ты ими себя с ног до головы унижи, и не в том, чтобы руки замарать бояться. Это нечто совсем иное.

В шесть рук мы комнату отскребли намного быстрее, и я махнула рукой.

– Девочки, тут до рассвета часа три осталось. Давайте так: рядом с этими посидеть бы надо, поделим на троих, кому какое время?

Тамира и Силена переглянулись и, конечно, согласились. И даже договорились, что мое дежурство – первое. Я-то сейчас все равно не усну, пальцы до сих пор трясутся, голова легкая и ясная, а хуже всего – дар.

Я ж его почти не выпускала наружу. Так, узнать, где что перехватить, где прижать, где сшить, и он сейчас ворочался во мне мощной приливной волной. Какое там ложиться? Не дай Светлый, вырвется! Наплачусь потом.

Договорились так: сначала дежурю я, потом Тамира, потом Силена. И служительницы ушли к себе, а я осталась. Сидела, смотрела в окно, пока не стало тихо-тихо. Только тогда заложила дверь на засов, проверила занавески на окнах и подошла к раненым. Оба были еще без сознания, и ничего удивительного. Выпили они перед своей эскападой столько, что уместнее говорить – нажрались. В дым и хлам.

Сначала я занялась тем, у которого повреждения были легче. И это понятно – расход сил меньше, его можно кое-как контролировать. Пробуем? Дар радостно рванулся на свободу, вокруг пальцев заплясали золотистые искорки. И как всегда, накатило невероятное чувство свободы и легкости. Ощущение тепла и доброты. Словно ты еще маленькая и сидишь на руках у кого-то очень родного и близкого. И твердо знаешь: никто никогда тебя не обидит. Жизнь разуверяет нас в этом заблуждении, но когда я обращаюсь к своему дару, я ощущаю себя птенцом в теплой ладони мира.

Сначала вот этот, с рукой...

Руку я лечить не стала, только проверила, все ли в порядке. Но все было хорошо сложено, мышца к мышце, сухожилие к сухожилию. Вот их я заставила срастись. На всякий случай. А остальное пусть само заживает, как природой и положено.

Голова...

Сотрясение я тоже убрала. И даже сама себе удивилась. Как так? Раньше если я лечила, то целиком, а сейчас выбираю и что, и как.

А вот со вторым придется намного сложнее.

Я положила руки на грудь больного. Ох... Сложить мы его сложили, но здесь столько сил надо, что на ноги, что на спину... Начнем со спины. Пусть все же сам ходит. Хоть на костылях, но ходит.

И сила полилась из меня, медленно пропитывая ткани. Я видела человека словно в густом тумане разного цвета. Вот зеленоватое облако, которое окружает голову и плечи. Тут все в порядке. Так, небольшие вкрапления желтого – синяки будут, не страшно.

Вот спина.

Тут зелень почти повсеместно сменяется желтизной, и та переходит в оранжевый цвет – и в районе поясницы вспыхивает густо-багровым, с вкраплениями черного.

Под моими пальцами чернота пропадает окончательно, багровое светлеет – и я точно знаю, что происходит. Сейчас срастается перебитый спинной мозг. Уходит отек, расслабляются сдавленные нервы, а кровь... Ничего, походит с синяками. Постепенно рассосется.

Силы убывали, хотя и не так быстро. Уже на последних каплях я

коснулась ног, правя то, что смогла. Сухожилия и нервы. А потом заметила. Глаза больного были открыты. И смотрел он прямо на меня. Темного крабом! Что делать?! Паниковать? Бежать? Это стало бы началом моего конца.

Я протянула руку, положила ее мужчине на лоб.

– Спите. Все будет хорошо.

Глаза медленно закрылись. Что бы он ни увидел, я отоврюсь. Вино, шок, маковое молочко, которое я ему дала... На самом деле обошлись, но кто ж проверит?

Справлюсь. Обязана справиться.

Силы окончательно покинули меня, и я упала в кресло в углу. Вытянула гудящие ноги. Безумная каторга? Да! Кракеновски тяжелая работа, за которую платят копейки? Трижды да! Опыт, который нигде больше не приобретешь и который позволит мне спасти намного больше человеческих жизней.

Пусть это звучит пафосно, пусть даже чуточку смешно – смейтесь. А я... Бабушка говорила, что дворянин – это тот, кто первым встает на защиту родной страны. Кто по благородству души берет на себя больше и отдает намного больше. Кто в любой момент отдаст и жизнь, и душу, лишь бы его страна жила мирно. Вот эти избалованные щенки – они не дворяне, они просто никто. Титулованные ничтожества, которые по иронии судьбы родились не конюхами, а баронами и графами.

А я могу причислить себя к благородным? Не знаю. Я живу в трущобах, я работаю в лечебнице для бедных, я каждый день вижу столько крови и боли, сколько иной за год не увидит. Так что – вряд ли. Благородство – это нечто иное.

И показалось мне – или за окном мелькнула темная тень?

Смерть сегодня хотела забрать троих. Вместо этого она получила лишь одну, а эти двое... словно высокая женщина в черном с серебром одеянии скользнула мимо, коснулась полой платья моих ног.

Ты не победила. Меня невозможно победить. Но... Я подожду.

* * *

– Вета, ты...

Харни Растум слов не находил. Едва не обнимал меня, приплясывал на месте, улыбался так, словно ему к углам рта завязочки пришили и на затылке в узел стянули.

– Ты чудо! Ты сокровище! Я тебе премию выпишу! Золотой! Нет, два золотых! И отдохнуть можешь! Десять дней!

Я мило улыбалась и лепетала положенные слова благодарности.

Столь бурный прилив любви и щедрости был вызван отнюдь не моей скромной особой. Просто наездники оказались весьма высокородными тварями.

Один, со сломанной рукой, сын герцога Ришарда. Пусть младший, но их всего-то двое! Второй – любимое и единственное чадушко маркиза Леклера. Как – единственное... Дочки там есть, но что такое женщина? Всего лишь инструмент для скрепления сделки. Замуж выдал – и забыл.

Поспорили два высокородных болвана, слово за слово, бутылка за бутылкой, приятели подзуживали, девица еще та, погибшая, пообещала, что отдастся победителю...

Догонялись.

Если бы не я, кончилось бы весьма печально. А так...

На следующий же день нашу лечебницу атаковали аристократические семьи. Ришарда забрали сразу, а вот Леклера пока лучше было не трогать. Поэтому к нему нагнали магов, те пролечили, что смогли (повезло – у меня выходной как раз был, не столкнулась!), и сообщили маркизу, что если бы не лекари...

Маркиз подумал – и выразил благодарность Растуму лично. А тот сейчас благодарил меня. Было, было у меня искушение бросить ему под ноги эти два золотых, но... нельзя. Так может себя повести другая женщина, которой я уже не являюсь.

Я спрятала монеты в карман и мило улыбнулась.

– Да, Вета, милая, зайди, пожалуйста, к виконту Леклеру!

– Зачем? – искренне удивилась я.

Карнеш Тирлен там и дневал, и ночевал иногда, и маги заходили, и... Я-то там зачем?

– Он просил.

Я сделала большие глаза.

– Что он просил? Я же ничего плохого не сделала?! Наоборот!

Харни успокаивающе замахал на меня руками.

– Веточка, милая, да что ты! Я тебя лично на руках носить готов! Если б ты сразу им помощь не оказала... если б кто из них умер, тут бы такое началось!

А погибшая девушка никого не волнует? Потому что по рождению она не принадлежит к знатной фамилии? И плевать всем на ее могилу?

С-сволочи...

– Просто... есть у меня подозрение, что этот Леклер тобой увлекся. Сильно.

У меня глаза, наверное, стали как у морского рака^[4].

– Когда он успел?!

– Как пришел в себя, так и рассказывает всем, что ему явилась посланница Светлого.

Вдобавок к выпученным глазам у меня и рот открылся. Некрасиво, но...

Харни отечески похлопал меня по плечу.

– Вета, милая, да ясно ж, что он головой ударился. Тут и в посланников уверуешь, и в кого хочешь! Увидел тебя, и – как удар молнии. Бывает же!

Бывает.

Только боюсь я, что дело там намного серьезнее. И видел он не удар молнии, а меня за работой. Вот тут-то и могло его... затянуть. Магия же! Я не обольщалась – внешность у меня не самая выдающаяся, та же Тамира намного более эффектна.

Кстати!

– Так, может, он Тамиру увидел? Вот уж кто красotka!

– Ходила к нему и Тами, и Лена – бесполезно. Говорит, другая была. Красивая – невероятно! Вся такая...

Я от души рассмеялась.

– Господин Растум!

– Вета, милая, для тебя – Харни. Можно – дядя Харни!

Это сколько ж ему «благодарности» отвалили?

– Харни, да вы на меня посмотрите?! Я – и невероятно красивая? Смешно ж сказать!

Харни посмотрел. Вздыхнул.

– Вета, ну что я сделаю? Аристократы ж! Сходи к нему, будь ласкова!

Что-то подсказывало, что отказ не принимается. Оставалось вздохнуть – и идти.

* * *

Палата, в которой лежал виконт Леклер, выглядела... невероятно. Словно из дворца ее перенесли. Роскошные драпировки, цветы, мебель из благородных пород дерева, ковер на полу... Я-то сюда не заходила, вчера отдыхала, с утра даже на обход не попала, меня Растум вызвал, но...

– Темного крабом!

Вырвалось непроизвольно, ну да и ладно. Я – девушка из простонародья. Надо бы не забыть нос рукавом вытереть для пущего правдоподобия.

Лежащий на кровати виконт Леклер повернул голову в мою сторону.

– Вы!

И, естественно, попытался двинуться.

Каким чудом я подлетела к нему и успела остановить – сама не знаю.

– Вы с ума сошли, виконт?! Я вас по кусочкам собирала для того, чтобы вы обратно все порушили? Вам же двигаться нельзя!

– Вы...

И так это удовлетворенно-счастливо было сказано, что мне стало жутковато. Словно меня невесть сколько искали, и вот – представили пред ясны очи.

– Я, конечно. Господин Растум сказал, что вы хотели меня видеть?

– Да. Вы ведь Ветана?

– Госпожа Тойри Ветана, к вашим услугам, ваше сиятельство.

Реверанс получился чуточку неуклюжим, но я себя одобрила. Так и должна двигаться девочка из низов, которая недавно движение выучила.

Только вот виконт не обратил на это никакого внимания.

– Вета, посиди со мной?

Просьба. И – приказ.

– Я не давала вам права на подобную близость, – осекла я мужчину.

Хотя... какого там мужчину?

Тогда, ночью, он для меня был не человеком. Переломанным позвоночником, поврежденными ногами, которые пришлось собирать малым не из осколков, громадной кровопотерей. Чудом выжил, и я даже знала имя чуда. А сейчас могла и приглядеться.

Обычный юноша.

Каштановые волосы того сочного оттенка, которым обладают только свежие каштаны, освобожденные от колючей кожуры, карие глаза, похожие на щенячьи, молодое лицо, на котором пока не оставили свой отпечаток пороки и излишества. Приятное лицо, кстати. Тонкий прямой нос, высокий лоб, резко очерченные скулы – порода чувствуется. И кость узкая, изящная.

– Простите, госпожа.

И это было сказано не без иронии.

Встреться мы в ином обществе, и разговор бы шел иначе. Но с лекаркой из трущоб виконт не в состоянии быть галантным. Подумаешь – девка. Сколько их таких по лечебнице бегают?

Я спокойно кивнула, не проявляя никаких чувств.

– Я вас внимательно слушаю, ваше сиятельство!

Садиться, впрочем, не спешила. Юноша собрался с духом, раскрыл рот...

– Какой еще лекарь?! Что тут вообще происходит?!

Мужчина, который вошел в палату... подавлял. Одним своим присутствием. Не важно было, сколько ему лет и какая у него внешность. Честно говоря, она была самой заурядной. На улице встретишь – и лишней раз головы не повернешь. Русые волосы, серые глаза, простоватое лицо с курносом носом и лучиками морщинок у глаз, простая одежда: серые штаны, куртка из кожи.

Он мог бы равно одеться и в парчу, и в нищенские лохмотья – это не имело бы никакого значения для окружающих. Даже не будь я магом, я бы поняла, что он наделен силой. По той властности, с которой он нес себя, по давящей ауре.

– Добрый день!

Я машинально присела в полупоклоне.

– Добрый. Девушка, оставьте нас. Вернетесь, когда я закончу.

– С удовольствием, – улыбнулась я.

Удрать. Мне как раз отпуск дали – вот я его и отгуляю. Десять дней, и ни часом меньше!

– Это госпожа Ветана, – подал голос аристократ. – Та самая.

Я скрипнула зубами.

Кто ж тебя за язык тянул, выс-сокородный?!

На мага же мое имя оказало потрясающее действие.

– Госпожа Ветана? Та самая? Невероятно!

В следующий миг меня схватили за руку и вгляделись так, словно надеялись сквозь меня Миеллен увидеть.

– Даже странно! Никакой силы – и такие удивительные результаты! Девочка, вы просто чудо, уж поверьте старику! У вас золотые руки! Этому сопляку повезло, что вы им занимались! И ни нагноения, ни воспаления – ничего! Я уж думал, придется королю в ножки кланяться – у нас только он мертвых поднимает, ан нет! Жив молодец, и здоров будет! А все благодаря вам!

Я встряхнула головой. Серые глаза глядели... с любопытством? Меня что – пытаются подчинить? Но это же маг воды, я вижу его ауру! Это так... по-особенному. Но этот мужчина подобен приливной волне, которая накатывает – и нет сил освободиться. И рядом с ним невольно слышишь шум волн, крики чаек, тебя захлестывает – и уносит в открытое море.

– Простите, мы не представлены.

– Ах я болван! Ренар Дирот, маг при дворе его величества Эрика Четвертого.

– Ваше сиятельство...

И еще один поклон. Весь Алетар знает, что это не просто маг, а полноправный граф. Жалованный, конечно, но пользы от него намного больше, чем от иного урожденного аристократа.

– Девочка, для тебя просто Ренар! Таких талантливых лекарок, как ты, слишком мало!

– Вы преувеличиваете мои способности.

Я решительно выдернула руку.

– Я их преуменьшаю! Уж поверь мне!

Покачала головой, лихорадочно размышляя. Мою силу отлично прячет амулет. Бабушка, еще раз спасибо. Следы моего воздействия он тоже заметить не мог, это ведь сама жизнь. Все и так зажило бы и срослось, просто чуть позже. Но кто знает, в каком состоянии оно попало мне в руки? Значит – что?

Да просто развлечение. А коли так...

– Полагаю, надо вас оставить, господа?

– Да... нужно лечить господина виконта. Но хотелось бы побеседовать с вами, госпожи Ветана.

– Мне тоже, – подал голос виконт. – Леклеров никто не называл неблагодарными!

Я нежно улыбнулась.

– Господа, жаль вас разочаровывать, но в ближайшие несколько дней мы точно не увидимся. Поэтому должна сказать сразу: я счастлива, что господин виконт остался жив. И благодарна за столь высокую оценку моих скромных способностей. Здоровье человека – высшая награда для лекаря.

– Вы уезжаете? – прищурился маг.

– Позвольте мне не распространяться о моих *личных* делах.

Получилось очень убедительно. Мужчины переглянулись – и кивнули. А я удрала за дверь.

Благодарность? Темному под хвост вашу благодарность, виконт! И интерес придворного мага туда же! Что ж за невезение такое? Не могли вы, паразиты титулованные, на другой улице гонки устроить? Или вообще насмерть разбиться? Прости меня, Светлый, но скрытность сейчас – все, что мне надо от жизни! Только-только что-то начало налаживаться!

Дом, гражданство, работа, пусть и не в лучшем месте Алетара, а все ж верные деньги, и нате вам! Все может пойти прахом потому, что

аристократы решили поразвлечься! Ей-ей, я уже не жалею, что Тойри Ветана вписана в мещанское сословие. Но очень жалею, что все произошло в мое дежурство!

Как же неудачно все сложилось!

* * *

Десять дней я наслаждалась жизнью. Не надо было вставать на рассвете, бежать на обходы, а вместо этого можно встать попозже, пойти прогуляться на берег моря, потом – на рынок... Есть что-то такое... приятное в отдыхе. Особенно незапланированном.

Шестой день ознаменовался цветами. Даже не так.

ЦВЕТАМИ.

Ими была засыпана улица, ими засыпали мое крыльцо, часть моего палисадника. Они лежали и беспомощно умирали, отдавая миру последнее, что у них осталось, – аромат. А я смотрел, и на глаза слезы наворачивались, до того их было жалко.

– Вета!

Виконт Леклер улыбнулся, гордясь своим жестом.

– Моя благодарность вам не знает границ! Вы великолепны! Восхитительны! Очаровательны! Скажите, могу ли я надеяться хоть на один ваш благосклонный взгляд?

Меня затрясло. Интересно, что предполагалось далее? Восхищение дамы? Далее поцелуй и продолжение в ее кровати? Не знаю и знать не хочу. Вместо этого я впились глазами в Леклера. И видимо, такая «радость» была написана у меня на лице, что даже до самодовольного юнца что-то дошло.

– Господин виконт, – можно гордиться собой, голос звучал ровно и спокойно, только пальцы впились в ткань юбки, едва не прорвав ее, – я сейчас уйду по делам. Надеюсь, к моему возвращению, улица будет очищена от последствий вашей... благодарности? Что до меня, я ее оценила.

И хлопнула дверью.

Цветы пахли еще сильнее под моими ногами, к подошвам прилипали лепестки, а мне почему-то было тоскливо и больно. Последовать за мной виконт не рискнул. И правильно. Я была в таком состоянии, что ему ни один маг потом не помог бы. Даже я сама.

Пришла в себя только у моря. Сидела на камне, пересыпала песок из руки в руку и размышляла. Почему мне было так больно? Только из-за цветов? Ой ли?

Нет.

Цветы мне неприятны, особенно когда они умирают на моих глазах, но я бы выдержала. А вот отношение виконта ко мне выдержать намного сложнее. Он ведь уверен, что я просто ломаюсь и набиваю себе цену. Ему что я, что Тамира – одно и то же. Простолюдинка, которая должна быть счастлива, что благородный обратил на нее внимание. Принять кошелек с золотом, позволить ему позабавиться и не надоедать просьбами при расставании. И не плодить бастардов.

Принять, что у меня может быть чувство собственного достоинства? У простолюдинки? Он ведь даже не считает меня равной себе. Просто еще одна смазливая мордашка, вроде той, которая погибла в перевернувшемся экипаже. И я его забавляю своим сопротивлением. Виконт твердо уверен, что охота кончится его победой.

А самое ужасное, что это действительно может быть именно так.

Я ведь ничего не могу ему противопоставить! Это не Дэйв Крамар, которого так славно напоил Рудик, не десятник, очнувшийся в обнимку с хавроньей. Случись такое с виконтом – квартал с четырех концов запалят и землю потом солью посыплут. И люди это отлично понимают. Никто меня не защитит, по принципу «у бабы не сотрется, а неприятностей не будет».

Что же делать, что делать?

Думать, вот что! Я словно наяву увидела бабушку, которая весело улыбалась. *«Вета, паниковать никогда не поздно. А думать – никогда не рано».*

Итак.

Есть два пути. Первый – я уступаю виконту. Интерес у него быстро пропадает, и он возвращается к своим делам. Что получаю я? Деньги и, возможно, приятные мелочи вроде гражданства, своего дома, выезда... Как буду стараться. Не надо говорить, что это мировоззрение шлюхи. Уверяю вас, многие аристократки думают примерно так же. Только Тамира берет медяками, а они – бриллиантами. Разница в цене, а не в подходе.

Только вот ведь беда... Пока нельзя никому – никому и нельзя. А если кому-то можно... Считай, мне из Алетара уехать придется, потому как у молвы ноги длинные. Месяца не пройдет – отбиваться замучаюсь. По

принципу: «аристократу можно, а нами, значит, брезгуешь? Н-на тебе... опыта в копилку!»

Нельзя уступать, никак нельзя.

Второй – я не уступаю. При таком раскладе меня могут попробовать изнасиловать. Говорю «попробовать», потому что я – маг жизни. И случись что...

Темного крабом! А ведь это идея!!!

Я подскочила на камне. Вот именно! Я – маг жизни. А то, что виконт хочет получить от меня... Мне срочно нужен наставник по очень сложному предмету, которому не учат. А надо!

Как лечить, я знаю, но мне позарез надо знать то, что благонравным девицам не объясняют. А именно – как у мужчин происходит один очень важный процесс. А кто может помочь?

* * *

Госпожа Риона еще спала, но я не настаивала. Сидела в мягком кресле, беседовала с «девочками». Успела осмотреть шесть человек, пообещать приготовить несколько склянок с мазью и даже обнаружить у одной девушки нехорошую болезнь. Из тех, которые годами живут в человеке, передаются всем желающим тесно пообщаться и плохо лечатся. Пришлось пообещать несколько отваров и настоев. Что-то пить, чем-то мыть.

Поможет, но придется около месяца не работать.

Поговорить с грамотным лекарем местные жительницы могли не слишком часто, поэтому когда госпожа Риона спустилась к нам, я уже успела получить с десятков приглашений заходить в любое время. И даже консультацию по интересующему меня вопросу.

Ведь если знаешь, как вызвать интерес, то поймешь и как его нейтрализовать.

Я уже примерно представляла, что делать. И дар мой от этого, кстати, не пострадает. Но это – на крайний случай. А виконта попробуем убеждать словами. Я ведь ему не нужна, просто новые впечатления.

Но с госпожой Рионой я все равно решила поговорить. И не прогадала.

– Леклеры? – Женщина кивнула. – Виконт? Молодой? М-да... попала ты, Ветана.

– Я догадываюсь.

– Нет, еще не догадываешься. Леклеры, чтоб ты знала, родня Ришардам. А Ришарды традиционно королевскую власть не любят. Уж

лет... много, в общем. То ли кто-то из них с королевской семьей неудачно породнился, то ли на плахе оказался, но... Подумай сама – ты «протеже» герцога Моринара.

– Век бы я герцога не видела, – от души высказалась я.

– Допустим. А как это выглядит со стороны?

Я вспомнила, где и по какому поводу пересекалась с герцогом, – и скисла. Выглядело все очень плохо.

– Хотите сказать, что Леклер не отступится, потому что через меня...

– Да нет. Насолить герцогу через тебя нельзя, верно ведь?

– Да.

– А вот поиграть его игрушкой – можно. И даже нужно. И приятно. Особенно когда отвечать за это ни перед кем не придется.

Картина складывалась еще более печальная. Оставалось только надеяться, что виконт не наведет обо мне справок, но...

– Думай сама. Тебе или замуж выходить надо, или уезжать. Хотя бы на время. Третьего пути я тут не вижу.

– Я и первого не вижу, – вздохнула я. – Госпожа Риона, если я выйду замуж, виконт ведь не обязан отступить? Ему какая разница? А мне еще от мужа достанется, когда он наиграется.

– М-да. Тебя не каждый защитит сможет.

И стоило сбегать, чтобы попасть из шторма в бурю?

Мы проговорили больше часа. Госпожа Риона рассказывала мне то, чем я не интересовалась, и мне становилось все грустнее и грустнее. Везде, везде идет грызня за власть.

Ришарды и Леклеры интригуют против короля, Моринары охотятся за ними. Пропади оно все пропадом! Если еще раз герцог попыбует сделать меня наживкой на крючке...

А что я могу сделать?

Да ничего. И это – самое обидное.

* * *

Улица была чистой.

Ничего не напоминало о брошенных на мостовую цветах. Только рядом с моим домом стояла карета, и я отлично понимала, кто в ней находится.

Стоило приблизиться, как дверца кареты открылась, и виконт облагодетельствовал своими сапогами скромные камни мостовой.

– Вета!

– Добрый день, господин виконт, – так же громко, на всю улицу ответила я.

– Ну что же вы так скромно...

Виконт сделал ко мне пару шагов и попытался завладеть моей рукой. Я тут же убрала ее за спину.

– Ваше сиятельство?

– Вета, вы можете называть меня просто Ронтен.

– Простите, ваше сиятельство, но мне это не по чину.

Я даже не сделала попытки пригласить виконта в дом. Нет уж. Чтобы потом весь квартал обсуждал, что у нас там происходило да как? Сплетни – штука кусачая. Сегодня я приглашу в дом мужчину, а завтра скажут, что я полк солдат принимала с известными целями. Надо все прояснить здесь и сейчас.

– Вы мне жизнь спасли.

Виконт начал... нет, не злиться, но ситуация его точно раздражала. Какая-то девчонка ему отказывает. И не ценит оказываемого внимания.

Куда мир катится?

– Я каждый день спасаю чью-то жизнь, ваше сиятельство. Работа такая.

Намек был толстым и ясным. Спать с каждым, кому поможешь, – кроватей не напасешься. Тонкие брови сдвинулись, на красивом лице проявилось недовольство.

– Могу я отплатить вам добром за добро? Например, пригласить прогуляться по набережной? Моя карета к вашим услугам.

Я покачала головой.

– Простите, ваше сиятельство. Но если я поддамся порыву принять ваше любезное приглашение, это плохо скажется на вашей репутации.

Виконт задумался. Дураком он не был и отлично понимал, что я хотела сказать.

– Тогда, возможно, я могу для вас что-то сделать?

– Можете. В лечебнице решительно не хватает перевязочного материала и лекарств. Если бы вы могли *закупить* их, мы были бы вам очень признательны.

– Именно закупить?

– Ваше сиятельство...

Я смотрела с улыбкой. Молодой человек быстро понял, что деньгам руководство лечебницы найдет лучшее применение. В самом деле, к чему тратить деньги на каких-то бедняков и заботиться об их лечении, если

можно приобрести много всего приятного и полезного лично для Харни Растума?

К тому же я подсказывала виконту другой путь. Он ведь не дурак, и, будем надеяться, не окончательная скотина?

Не компрометируй меня. Лучше встречаться в лечебнице.

Молчание и поединок взглядов завершились моей победой. Виконт склонился в поклоне.

– Повинуюсь приказам очаровательной женщины. Завтра же в лечебнице будет все необходимое.

– Это станет лучшей наградой и благодарностью для меня, – вежливо ответила я.

Даже и не рассчитывай, что я отдамся тебе в благодарность. Это самое малое, что ты должен за спасение твоей жизни.

Дураком виконт точно не был. А потому раскланялся, поцеловал мне руку – и уехал.

Я перевела дух и зашла домой.

* * *

Искренне надеюсь, что в следующие три часа виконту икалось, чесалось, кашлялось и спотыкалось. Потому что у меня перебивали по очереди двенадцать человек. То за солью, то за настойкой от кашля... и все за ценными сведениями. Всех очень интересовало, где это я подцепила такого выгодного кавалера, что я с ним буду делать и не водятся ли там еще свободные особи?

Приходилось скрежетать зубами про себя, а вслух вежливо рассказывать о происшествии в лечебнице, о пользе вовремя оказанной помощи и жаловаться на судьбу. Я девушка бедная, но честная! И уступать никому не намерена. Вот!

Кажется, мне не верили, но вслух ничего не говорили. И правильно. Может, я и дура. Но быть продажной душой мне не хотелось категорически.

* * *

На одиннадцатый день в лечебнице меня встретили понимающими взглядами. И было отчего. Вчера днем доставили такое количество лекарственных трав... Похоже, виконт просто проехал до рынка и ткнул

пальчиком. «Все травы с этого ряда. И полотно вон с того». Ему и отгрузили.

Теперь служительницы разбирали эти стога, поглядывая на меня и перешептываясь. Я скрипнула зубами, но что делать? Не оправдываться же? Тогда точно жизни не дадут. И принялась переодеваться для обхода.

Отношение у лекарей было разное. Карнеш погладил меня по руке.

– Вета, спасибо тебе. Только будь осторожнее с благородными. Леклеры – те еще твари.

Я кивнула. Спасибо, уже догадалась.

Харни Растум покачал головой.

– Вета, спасибо, конечно...

Ему было грустно. Он как раз успел закупить необходимое на следующий месяц. А тут еще добра свалилось. И на сторону не продашь, и деньги не выручишь.

Тамира и Силена смотрели с завистью, остальные служительницы – как на шлюху. Любви к виконту мне это не прибавляло. Но после обхода я приняла участие в разборках с травами. Знаю я, как тут все организовано. Если не успеешь отложить для себя то, что нужно, останешься на бобах. И будешь долго выпрашивать необходимое у Харни Растума.

Так-то.

Я как раз откладывала в сторону серый мох^[5], стараясь не раскрошить хрупкие веточки, когда за спиной кашлянули.

– Вета?

Пришлось обернуться. Бертен Сенар взирал на меня с непонятным выражением.

– Да?

– Можно с вами поговорить?

– Я вас внимательно слушаю.

И горечавка мне тоже пригодится.

– Виконт Леклер только и говорил что о вас, пока лежал здесь.

– Я в курсе. Спасибо.

– Вы хотите ответить на его... интерес?

Медленно развернувшись, я встала и уставилась прямо в глаза Бертену.

– Полагаю, это не ваше дело, господин Сенар.

Бертен скривил губы.

– Это – результат вашего общения?

– А это тем более не ваше дело.

Мужчина смотрел мне прямо в глаза. И видимо, что-то понял.

– Простите, Ветана. Я не хотел вас обидеть.
– Вам это удалось, – холодно отозвалась я. – Это все?
– Нет. – Берт запустил руки в волосы, взъерошивая их до состояния пшеничного поля под ветром. – Простите меня, пожалуйста. Я совершенно не умею разговаривать с девушками.

– Да, я заметила.
– Я хотел предложить помощь.
– Берт, какая тут может быть помощь? – вздохнула я.
– Любая, – просто отозвался мужчина. – Я ведь вижу вас каждый день и понимаю: вы девушка порядочная, не такая, как... Не важно. Вам это внимание ни к чему, но как отказать, вы наверняка не знаете.

Я опустила на табуретку и горестно посмотрела на Бертена.
– Не знаю. А вы знаете, как отказать – такому?
– Догадываюсь. Например, найти себе мужчину.
Бертен улыбнулся.
– Я думала над этим. Но...
– Вета, вы только не думайте, что я...
– Что – вы?
– Я... Если вы позволите, мы просто скажем всем. А потом, когда этот щенок от вас отвяжется, вы...

Бертен краснел, отводил взгляд, запинался – и это не выглядело игрой. Да, бывает и такое. Работа, на которой себя не помнишь, ничего кроме работы, а потом вдруг появляется необходимость общаться с девушками, а ты уже разучился. Потому что обычные подходы не действуют. Не идет тут речь ни о благодарности, ни о легкодоступности.

Я подумала пару минут.
– Спасибо, Бертен. Попробую справиться сама, но если не получится – ваше предложение будет действительно еще какое-то время?

– В любое время, Вета.
– Спасибо.

Я не собиралась пользоваться его помощью, это бессмысленно. Кто такой Бертен Сенар против виконта? Раздавят и не заметят.

Но предложение меня тронуло.

* * *

Дальше стало только хуже. Виконт перешел в атаку. Вышла я после работы, а тут как тут карета. Стоит, из нее голова высовывается:

– Госпожа Ветана, вас до дома доставить?

Чего мне хотелось, так это меч поострее. И чтобы я его поднять могла. Вот бы... взмахнуть – и голова отдельно, виконт отдельно.

Не дождавшись моего ответа, голова убралась, дверца распахнулась, и виконт спрыгнул на землю.

– Госпожа Ветана, вы позволите вас проводить?

– Нет, ваше сиятельство.

Виконт скорчил недовольную гримасу. Видимо, не привык к отказам.

– Неужели за сделанное я не заслуживаю хоть капли внимания?

Я пожала плечами.

– Содержание лечебницы оплачивает король. Ваш поступок очень мил, но... вы мне цену назначили, виконт? Как приятно знать свою рыночную стоимость. Десяток охапок сена.

Виконт побагровел. Видимо, так это никто еще не формулировал.

– Я не думал вас покупать!

Высказать бы ему все – от и до! Что у бедной девушки может быть своя гордость? Репутация? Планы на жизнь? Или он всерьез относится к беднякам, как к куклам? Поиграл, сломал, выкинул? Глупый вопрос. Ответ-то я уже знаю.

Из окон лечебницы за нами наблюдали не меньше десятка человек, я эти взгляды всей кожей чувствовала.

Ронтен скривился – и перешел в наступление.

– А что вы хотите, чтобы я на вас женился?

Я так шарахнулась, что даже лошади занервничали.

– НЕТ!

Глаза у виконта стали выразительные. Кое-как я взяла себя в руки.

Ах, как мне хотелось ему сказать сейчас в лицо: *«Ваше сиятельство, больше всего на свете я хочу, чтобы вы забыли о моем существовании. Не оказывали мне знаков внимания, не приезжали, не помнили об этом месте. У нас разные дороги и разные судьбы. Я спасла вам жизнь – не заставляйте меня пожалеть об опрометчивом поступке»*.

Хотелось.

Нельзя. Я – горожанка, каких много, он – виконт. Даже если меня сейчас запихнут в карету и увезут, никто пальцем не пошевелит.

И я звонко рассмеялась.

– Ваше сиятельство, вы всегда так... интересно ухаживаете за девушками?

Виконт моргнул. Глупое выражение лица сменилось на понимающее. Ну да, к этому он и привык в высшем свете. К торгу высокородных

продажных девок.

Меня ведь тоже так продавали...

– Госпожа Ветана, ни в коей мере я не хотел оскорбить ваши чувства, принося свой подарок. Надеюсь, вы примете его в знак моей глубокой признательности.

Я склонилась в низком, почти придворном поклоне.

– Господин виконт, могу заверить вас, что вы сделали великое дело. Составите мне компанию, прошу вас?

– Разумеется.

Мне была предложена рука, и я оперлась на нее. И уверенно развернулась обратно в лечебницу. Ронтен посмотрел непонимающими глазами, но пошел вслед за мной. Что, думаешь, я тебе прямо здесь отдамся, в кладовке?

Э, нет.

И я толкнула дверь в первую же палату. Четверо человек. Всех я знаю, все их болезни.

– Знакомьтесь, виконт. Это Саймон Торн, плотник. Сильное повреждение ноги, воспаление. Требуется настойка из коры белой ивы, чтобы снять жар, а еще – примочки из колючника^[6], болотной клюквы, эвкалипта... Благодаря вам у нас есть теперь эти средства.

– Спасибо, милорд.

Плотник смотрел с кровати.

Хороший мужик, детей трое, вот и не обращался, пока уж вовсе плохо не стало. Монету сшибал, да и жене одной сложно. И денег лишних на лекаря нет.

– А это Дейв Митар, у него сильное воспаление в груди. Ему требуется очень многое. Отвар серого мха, бузины, с добавкой ядерных орехов^[7], припарки с хреном на стопы... Благодаря вам, ваше сиятельство, мы сейчас можем лечить этих людей.

Дейв хотел что-то сказать, но закашлялся. Сильно, жестоко, едва не до рвоты. Тощее тело скрючили жестокие спазмы, заставляя корчиться на кровати, вырывая слезы. Недолго думая, я поддержала бедолагу, влила в него несколько ложек настойки, подождала, пока приступ стихнет, потрепала по волосам.

– Все будет хорошо. Справимся.

Одна палата, вторая третья, больные лица, воспаленные глаза, слова благодарности... На пятой палате виконт сломался.

– Простите... Мне надо выйти.

Я проводила его на улицу. Сама заскочила в лечебницу, быстро плеснула кипятка в стакан с травами, добавила пару ложек меда, размешала.

– Выпейте.

– Что это?

– Ничего особенного. Смородина, мята, малина, мед, немного ягод. То, что вы купили и прислали. Поможет прийти в себя.

Виконт послушно осушил стакан, кивнул мне.

– Спасибо. И вы так... каждый день?

– Да. А благодаря вам эти люди выживут. Понимаете? Король выделяет средства, но сюда доходит не так много. Чиновники всегда... О, я не говорю, что они воруют, но...

– Не надо, Ветана. Я понял.

Я сжала его руку.

– Вы хотели произвести впечатление на девушку, но не поняли, сколько добра принесли людям.

Ронтен посмотрел на меня. И впервые – иначе. Не как на объект охоты. Нет, на девушку, которую хотят уложить в постель, так не смотрят. С робким любопытством и даже зародышем уважения.

– Неужели вам не противно? Не тяжело?

– Ваше сиятельство, если бы я так думала – вы бы уже умерли. Поверьте, это тяжелая, грязная, каторжная работа, но зрелище здорового человека, который уходит из лечебницы на своих ногах, счастливые глаза его семьи искупают все.

Ронтен сжал губы.

– И так изо дня в день? Чужая боль, кровь, грязь...

Я поднесла пальцы к вискам.

– Этого хватает в любой жизни. Виконт, я не стану произносить красивых слов. Я работаю, получаю деньги за свою работу, далеко не все умею, здесь есть лекари лучше меня. Просто делаю, что могу. Вот скажите, зачем вы – виконт?

Такого вопроса от меня не ожидали.

– Я родился...

– Понимаю. Ваше сиятельство, а зачем? Для чего вы живете? Чтобы гонять по улицам, заполняя пустоту? Или все же иное? Вы же аристократ, у вас есть земли, там живут люди, и они зависят от вас.

Судя по глазам виконта – управляющий разбирался с людьми. А благородного господина это не касалось. Но не признаваться же?

– Ваше сиятельство, мы, лекари, так же отвечаем за этих людей, как и

вы за своих подданных. Только вы – от рождения и до их смерти, а мы – на короткое время. Но за эти дни мы делаем очень многое. Отдаем им все силы, все время, часто вырываем куски из своей жизни, отнимая их у родных, близких, детей. Вы деретесь на дуэлях, а мы сражаемся со смертью. Постоянно, безжалостно. И часто, очень часто она побеждает.

– И вы опять поднимаетесь в атаку после победы?

– Говорят, что у каждого лекаря – свое кладбище. Знаете, ваше сиятельство, страшно, когда кто-то умирает. Когда ты не можешь помочь, потому что не хватает знаний, умений, когда можно было бы спасти человека, и, может быть, кто-то другой смог бы, но не ты. Он уходит, а ты смотришь в глаза его близким и понимаешь, что такое настоящая боль. А еще страшнее, когда не можешь помочь потому, что не хватает самого простого. Лекарства, бинтов. Мы ведь тут медяки получаем. Поневолe взвоешь волчицей. Не накупишься, потому что жить на что-то надо, а люди умирают. Вы не поняли, сколько вы для нас сделали. Вы просто не поняли.

Я почти шептала.

Виконт смотрел на меня, а потом провел рукой по моей щеке.

– Не надо плакать. Все будет хорошо.

Я плачу?

Как странно...

* * *

Виконт уехал, не приглашая меня с собой. И выглядел оглушенным. Не стану обольщаться на его счет, он вскоре придет в себя. Привычная жизнь поманит, потянет, и все начнется заново. Гонки, пьянки, девки... Но мне хотелось, чтобы он увидел. Увидел то, что каждый день вижу я и стараюсь не сойти с ума от боли.

Отчаявшиеся лица, гримасы боли, запавшие глаза.

Он на лошадей тратит больше, чем корона на лечебницу в месяц. А скольким людям он мог бы помочь? А все его титулованное стадо?

То-то и оно.

А если уж совсем глубоко, у меня была и другая цель. Я не хочу иметь с ним ничего общего. Моя жизнь здесь, его – там. Пусть проникнется отвращением и к местной грязи, и ко мне.

Так будет лучше всего.

Глава 5

– Госпожа Ветана!!!

Тамира влетела ко мне, словно штормовая волна. Накатила, схватила за руку.

– Идемте! Скорее!!!

– Что случилось?

– Там эта... шлюха!

Уж не Тамире бы кого так называть. Но...

Темного крабом!

Риста корчилась на постели. Хрипела, задыхалась, царапала горло ногтями.

– Срочно за служителями. Она сейчас сама себя убьет! – рявкнула я на Тамиру и подсела к женщине.

Риста лежала в отдельной палате – заслуга госпожи Рионы. Для «девочек», как она их называла, у нас теперь были выделены две отдельные комнаты. Госпожа настаивала на четырех, Растум отвел, потом передумал, долго упирался... Сошлись на двух палатах, которые были вымыты, вычищены и приведены в порядок. Сами девушки и отмывали, регулярно наведываясь в лечебницу. Подозреваю, это были те, кто провинился перед хозяйкой, но полы они скребли без малейшего протеста. Случись что – где их лечить будут? То-то...

Сейчас в одной из палат лежала Риста, а в другой – девушка с улицы, которая попалась под руку клиенту в плохом настроении и получила россыпь синяков, а заодно – пару переломов ребер.

Дар послушно выглянул наружу. А в следующий миг я едва не задохнулась от удивления. Яд?! Здесь?!

КАК?!

Кому помешала проститутка? А что с ребенком? Оп-па! Оказывается, она уже родила. Просто живот после родов еще не втянулся, такое бывает. Видимо, пока меня не было в лечебнице.

Но – яд?! Да еще такой? Времени оставалось совсем мало, обострившимся слухом я уже угадывала шаги в коридоре, мне бежали на помощь – и я сделала единственное, что могла.

Ладони полыхнули золотистым светом. Женщина на кровати изогнулась и хрипло закричала. Наверное, сейчас ей было больно, очень больно. А потом ее начало рвать.

Служители ворвались в палату как раз вовремя, чтобы подхватить бьющееся в судорогах тело. Я подставила поганое ведро из-под кровати – и в него полилась темная, почти черная жидкость.

Желудочное содержимое? Да. С кровью, сгустками желчи, с чем-то неопределимым.

Я взглянула на Тамиру.

– Срочно за соленой водой. Как можно больше.

Если будет пить и пить – выживет. Надеюсь.

* * *

Спустя два часа я уже могла точно сказать, что опасность миновала. И пошла досыпать. Девушку я спрошу утром, после обхода.

Остаток ночи, к счастью, прошел спокойно, а когда я рассказала о случившемся Карну, тот только плечами пожал.

– Вета, это может быть что угодно. Может, она у кого-то мужчину отбила.

– Беременная?

– Так смотря от кого ребенок.

Это показалось логичным. И после обхода, вместо того чтобы уйти домой, я отправилась к девушке.

Риста, едва дыша, вытянулась на постели. Я присела рядом, положила ей руку на лоб.

– Жить будешь. Что ты такого съела?

Медленно, очень медленно губы разомкнулись.

– Ни... чего.

– Врешь. Ты пойми, это был яд. А если сегодня тебя отравили, то завтра могут и на твоего ребенка замахнуться.

– Он... у тети...

В тетю верилось плоховато, но что я могу сделать? Я не королевский дознаватель.

– Я могу в следующий раз и не успеть, ты понимаешь?

– Спасибо.

– Тамире скажи спасибо, она тебя вовремя нашла. Еще бы час-другой, и все было бы кончено.

Несмотря на всю шлюховатость, Тамира работать могла. Особенно когда хотела.

– Ска... жу.

– Мне ты точно ничего рассказать не хочешь?

– Нет.

Я только рукой махнула. Ладно, не хочет рассказывать – пусть сама разбирается, взрослая уже женщина. И опыта у нее побольше, чем у меня.

С тем и отправилась домой. А когда вернулась в лечебницу через день, узнала, что Риста уже освободила палату. Бертен, у которого я осторожно попыталась узнать подробности, только плечами пожал.

– Не знаю. Мне она ничего не говорила, просто ушла.

– Так, может, у нее горячка? Или бред?

– Вета, а что мы можем сделать? Искать ее по всему Алетару? Подозреваю, она этому не обрадуется.

Я вспомнила запавшие глаза и плотно сжатые губы и задумчиво кивнула.

– Да, наверное. Что ж, надеюсь, на ее ребенке эта глупость не отразится.

– Сама родила, пусть сама и разбирается. Вета, с виконтом... что?

Я улыбнулась.

Вот этот момент меня радовал. После того визита по палатам виконт никак себя не показывал. Не приезжал, даже мимо не проезжал. Приятно!

Уже целых десять дней приятно.

Это я и сказала Бертену. Мужчина задумчиво посмотрел на меня.

– Вы так отличаетесь от остальных женщин. Многие здесь были бы в восторге, если бы...

– Им предложили стать на какое-то время содержанками? Вы ошибаетесь, Бертен. Все девушки, которых я знаю, достаточно порядочны.

Бертен вскинул брови.

– Все?

– Девушки, – уточнила я.

Мы рассмеялись.

Да, Тамиру сложно назвать девушкой. А как было бы хорошо, увлекись виконт именно ею. Просто замечательно! Ему удовольствие, а ей деньги, и все счастливы.

– Вета, скажите, могу я пригласить вас прогуляться по набережной? Разумеется, в выходной день. Не сочтите это за навязчивость...

Бертен смотрел такими глазами, что отказать ему язык не повернулся. И я вздохнула.

– Буду рада принять ваше приглашение. Только прошу учесть, что я много работаю и сильно устаю.

– Учту.

И что плохого в том, чтобы прогуляться по набережной с симпатичным мужчиной? Посмотреть на море, на чаек...

Я ведь живой человек, я не могу жить одной работой!

* * *

– Тужься! Сильнее! Ну!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

– И не ори! Я кому сказала – тужься! Давай, на выдохе...

– А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

И в следующую минуту к воплям матери добавился крик младенца. Я выдохнула и вытерла пот со лба. Темного крабом, опять забыла, что руки в крови! Ладно, умоюсь!

Алия попала к нам на месяц раньше срока. Работала слишком активно, вот и спровоцировала преждевременные роды. А визгу-то было, визгу! Последний раз я такое на скотном дворе слышала, когда поросенка резали.

Но родила.

Я лично приняла на руки малышку, осмотрела, проверила пальчики-глазки-ротик... Отличная здоровенькая девочка. Всем бы так. И не скажешь, что недоношенная. Хотя с такими, как Алия, сложно. Срок определить можно плюс-минус месяц.

– Дайте мне ее...

Роженица протянула руки, и я отдала младенца.

– К груди приложи.

Алия послушалась.

Я занялась последом и прочими не слишком приятными процедурами. Все же страшно рожать, как насмотришься. Хорошо, что мне это не грозит. Нельзя так рисковать. Вдруг мое проклятье передастся ребенку. Сама я живу под угрозой обнаружения, а каково будет защищать еще и малыша?

– Госпожа Ветана, спасибо!

– Да не за что. – Спина болела неприятной тянущей болью. – Как назовешь малышку?

– Делайла.

– Красиво.

– Мне тоже нравится.

– И пусть у нее судьба будет счастливая.

Алия кивнула.

– Все для этого сделаю! Кровиночка моя, солнышко, сокровище...
Словно и не она пару минут назад орала от боли и корчилась на кровати. И этого у меня тоже никогда не будет.
Больно...

* * *

– Госпожа Ветана, можно у вас травок попросить?
Сиента вежливо поскреблась в дверь.
– Да, проходи. Сейчас я, минуточку.
Надо было записать все про Алию. Не одна ж я здесь лекарка. Вот и пишем друг для друга, что было с человеком, что ему давали, чем лечили...
– У вас такой сбор ароматный!
Я улыбнулась.
– Сама составляю.
Секрет был прост. Я добавляла лесную малину. Не садовую, которую собирали летом дети, а именно лесную. Специально покупала у одной бабушки. Разница потрясающая. Запах у лесной малины просто невероятный, намного лучше, чем у садовой. Растолчешь пару ягодок в отваре, и уже вся кухня благоухает. Но делиться секретом я не спешила.
– Да, руки у вас золотые. И человек вы хороший, нос не дерете.
Я фыркнула, не отрываясь от листа серой бумаги. Только шевельни рукой... Чернила для лечебницы покупали плохие, сажевые, бумага тоже была тростниковой, волокнистой, и перо цеплялось за нее, оставляя некрасивые кляксы. Только зазевайся.
– Одно дело делаем.
Сиента поняла, что я эту тему обсуждать не хочу, и перевела разговор.
– Про эту девку пишете?
– Пишу.
– И плодятся же такие...
Я вскинула брови, но промолчала. А Сиента, ободренная моим «участием», продолжила:
– Порядочным женщинам Светлый детей не дает, а эти, как крысы в чумной год! И куда рожают, зачем рожают! Ясно же, что девчонка такой же шалавой, как мамаша, вырастет!
Я встала, достала из шкафа пакетик с травами и поставила перед Сиентой.
– Полагаю, Светлому виднее, кому детей посылать.

Женщина заморгала глазами в коротких ресницах.

– Вы же понимаете! Это как грязная пена в океане...

– Что-то еще нужно?

Вот сейчас я воспользовалась мамиными уроками. Ее голосом, ее интонациями. И Сиента, вздрогнув, сгребла пакет.

– Н-нет...

– Тогда попрошу не отвлекать меня.

Я опустила голову к листку бумаги, показывая, что разговор меня более не интересует, – и через несколько секунд услышала шаги. Хлопнула дверь.

Надо же!

Перо вернулось в чернильницу. Ах ты, ханжа старая! Грязная пена! Не берусь судить обо всех, но я видела, как Алия смотрела на свою малышку. Как светились ее глаза, как она улыбалась, как прикладывала девочку к груди...

Я это видела. И судить не стану. Поумнела за последнее время.

Надеюсь...

* * *

Так получилось, что я не была в лечебнице два дня. Мой выходной после тяжелого дня плавно перешел в общий – один день из десяти. И два дня я наслаждалась жизнью. Отсыпалась и занималась своими делами.

Обход шел своим чередом. Алия лежала на кровати, повернувшись лицом к стене. Карн привычно повернул ее, прощупал. За те два... да что там – полтора дня, которые я ее не видела, Алия изменилась разительно! Словно бы постарела на десять лет. По лицу пробежали морщины, глаза запали, губы обметало...

Заговорить с Карном я решилась, только когда мы вышли из палаты.

– Что с ней?

– У нее ребенок вчера ночью умер, – равнодушно ответил Тирлен.

Я ахнула, прижала руку к губам.

– Бедная...

– Успокойтесь, Вета. Это дело совершенно житейское. Бывает.

– Но что могло случиться с малышкой?

– Иногда дети просто перестают дышать. – Карн смотрел словно бы сквозь меня. – Судьба.

Я кивнула. Его слова были вполне убедительны. Только вот... не для

мага жизни. Знаю, что так бывает. И случается это, когда в ребенке не хватает жизненной силы. Но эту малышку я лично взяла на руки. И готова поклясться своим даром, что она так просто не умерла бы! Не могла!

После обхода я заглянула к Алие.

– Принести тебе попить?

– Не надо.

Потухшие глаза, тоскливое лицо. Я прислушалась к своему дару.

А ведь она умирает, – отчетливо сказало нечто внутри меня. – Три-четыре дня – и она сведет себя в могилу, лишившись дочери. Ей сейчас жить не хочется, и она стремительно теряет жизненную силу.

Я присела рядом, коснулась исхудавшей за пару дней руки.

– Алия, поговори со мной!

– Зачем?

– Потому что я единственная, кто держал Делайлу на руках. Этого мало?

Женщина повернула голову ко мне. И столько боли было в ее глазах!

– Моя зайнька. Я все-все уже приготовила. И домик у нас есть, и нянюшка, а дочки нет...

Она не плакала, но это было только хуже. Слезами горе вымывается, а у нее все копилось внутри, грозя разорвать сердце.

– Как это произошло?

– Ты же лекарка, должна знать.

– У меня вчера выходной был.

Алия глубоко вздохнула.

– А вот так. Я ночью ее покормила, потом уснула, да так крепко... А когда проснулась, мне сказали, что она дышать перестала. А я даже не заметила. Если бы я не спала, если бы...

– Тебе ее показали?

– Д-да...

По запинке я догадалась об остальном.

– Тебе было плохо? Истерика случилась?

– Да.

Я погладила Алию по руке, но с тем же успехом я могла бы прикасаться к деревяшке. Она даже не заметила.

– Моя девочка, моя доченька. Я даже похоронить ее не смогу. Я не знаю, где она, я никогда ее больше не увижу, не прикоснусь... Родная моя, даже могилы у нее не будет, даже прийти я к ней не смогу...

Понятно. Когда Алие сказали о смерти ребенка, она впала в истерику, а когда очнулась, все было уже кончено. С утра к лечебнице приезжают

могильщики. Забирают неопознанные тела, хоронят на кладбище для бедных. Не всегда им есть пожива, но приезжают они каждое утро. И кто будет считаться с продажной девкой? Кто будет ее слушать?

И все же, все же... Убивайте меня, режьте, с кашей ешьте, как говаривала нянюшка, а я не верю! Не верю в смерть малышки!

Час я потратила на то, чтобы успокоить Алию. А когда вышла из лечебницы, у меня сложился план. Только сама я сделать ничего не могла. Требовалась помощь королевского мага. И кого-нибудь из знатных людей. Только вот к кому пойти?

К маркизу? Но будет ли он что-то делать ради продажной девки? Впрочем, не попробуешь – не узнаешь, верно ведь?

И я решительно зашагала по улице. Вопрос «что тебе, больше всех надо?» не стоял на повестке дня. Я попробовала его озвучить – и махнула рукой. Не надо. И не больше всех. Просто глаза у Алии были такие...

Страшно это – смотреть на мать, которая потеряла ребенка. И если что-то можешь сделать, но не сделаешь – да будет ли у меня потом право называться человеком? Лекарь – это не только тот, кто лечит тела. Души тоже в нашем ведении, потому что разлад в душе рано или поздно разрушит даже самое здоровое тело.

И вообще, мне не перед кем ни оправдываться, ни отчитываться. Мне не надо больше всех. Просто когда сто человек говорят, хотя бы один должен молча сделать.

* * *

Мне нужен был дом королевского мага. Где живет господин Ренар Дирот, знал весь Алетар. И дорогу к его дому мне указали охотно. А вот потом...

Дом был роскошным. Даже у моих родителей такого особняка не было. Роскошного, с садом, с видом на море. Что печально – с роскошными коваными воротами, в которые мне пришлось стучать добрых десять минут, прежде чем привратник соизволил обратить на меня внимание.

– Ты чего ломишься?

Все правильно, так и должно быть. Явилось тут чудо в простеньком платье, в грубых башмаках, и требует, чтобы ее немедленно пропустили к магу. Конечно, слуги поостерегутся. Но мне надо пройти – и я пройду.

Я выпрямилась. Повела рукой, как учили, плавно, изящно... Жаль, кружевного манжета нет, но и так сойдет.

– Откройте ворота, любезнейший.

– А ты... вы...

В таких домах слуги дураками не бывают. С одной стороны – опасно меня пропускать, с другой – не полная ведь я дура, чтобы мага беспокоить? Еще проклянет!

– Не помню, чтобы у вас было право мне «тыкать». Его сиятельство дома?

– Да... госпожа. Только он занят.

– Будьте любезны проводить меня. Я подожду, пока господин маг освободится.

Привратник растерялся. Одета я была не бог весть как, а вела себя, как знатная дама. И что делать? Самым простым выходом оказалось переложить ответственность на кого-нибудь другого.

– Я сейчас дворецкого позову. А сам, уж простите, впустить вас не могу. Приказа не было.

– Вы мне предлагаете ждать на улице?

Тон, поза, интонация – тут все имеет значение. И привратник сдался. Ворота даже не скрипнули, открываясь, – слуги тут работают не за страх, а за совесть.

– Э... госпожа...

– Ветана.

– Госпожа Ветана...

– Будьте любезны проводить меня к дворецкому, если вы не в состоянии проводить меня к господину Дироту.

Этот вариант всех устроил. Привратник открыл ворота и пошел по тропинке передо мной, показывая путь. Впрочем, до особняка я не дошла.

Темного крабом!

В эту минуту я горько пожалела о своем поступке. Я раскаялась, но было поздно. Необратимо поздно. Его сиятельство граф Ренар Дирот, королевский маг, маг воды, вышел в сад. А рядом с ним шел человек, которого я бы век не видела. Его светлость герцог Моринар.

Белесый палач.

Наши глаза встретились, я увидела, как на его лице появляется насмешливая улыбка, и сделала единственное, что мне оставалось: присела в придворном поклоне, сохраняя остатки собственного достоинства.

– Ваша светлость. Ваше сиятельство.

Моринар вскинул брови.

– Госпожа... э-э-э...

– Ветана, – спокойно подсказала я.

Сияющий, вот за что? Это не мог быть хоть кто-то другой?!

– Да, я помню.

И не сомневалась.

– Вы хотели меня видеть, госпожа Ветана?

По глазам мага я поняла, что он меня уже забыл. Жизнь не стоит на месте.

– Ваше сиятельство, мы виделись с вами в лечебнице для бедных. Вы приезжали к виконту Леклеру.

Вот теперь в глазах появилось узнавание.

– Как же! Девочка с волшебными руками! Помню-помню! Госпожа Ветана, что привело вас в мой дом?

– Ваше сиятельство, я хочу обратиться за помощью. Знаю, что ваши услуги дорого стоят, но готова их оплатить.

– Каким же образом? – Это опять герцог. – Отрезав себе руки?

Я вскинула брови, подчеркивая глупость вопроса, и посмотрела прямо в глаза мага.

– Мне нужно узнать, где ребенок этой женщины. Я знаю, что по крови проводят поиск, и уверена, что девочка еще в Алетаре.

Я вытащила из кармана маленький флакон с кровью и протянула магу. Тот машинально взял склянку из моих рук.

– Госпожа Ветана, я дорого беру за свои услуги.

– Я наслышана, ваше сиятельство. Этого будет достаточно?

Браслет легко соскользнул с моей руки. Я потянула за толстую шерстяную нитку, распуская узлы.

В простое плетение из шерсти были ввязаны три жемчужины из тех, которыми расплатились со мной контрабандисты. Как человек, постоянно готовый к бегству, я носила браслет с собой. Связать такой несложно. Даже если кто-то увидит его на запястье, подумает, что для здоровья: полезно носить шерстяную нитку на левой руке^[8].

Ренар протянул руку, но на полпути на моем запястье словно волчьи челюсти сомкнулись. Герцог Моринар вмешался в разговор:

– Полагаю, госпожа Ветана, сейчас мы пройдем в дом, сядем, и вы подробно расскажете, что это за женщина, откуда взялся ребенок и какое вы имеете к этому отношение.

– Я не склонна к пустым разговорам, ваша светлость.

– Вы будете со мной спорить?

И такое искреннее удивление в голосе! Словно камень мостовой заговорил и попросил не топтать его ногами.

Пришлось опять поклониться.

- Ни в коем случае, ваша светлость. Мы все – верные слуги Короны.
- Как я рад, что вы об этом помните. Прошу?

Мне предложили руку, и пришлось опереться на локоть герцога. Отказ выглядел бы хамством. Мы направлялись обратно в дом под изумленными взглядами слуг, наблюдающих герцога под руку с простолюдинкой. За нами следовал маг.

Я шла рядом с самым блистательным аристократом королевства и безумно жалела о своем хорошем воспитании. Конечно, оно дает защиту в трудной ситуации, но обратной стороной является полная незащитность перед теми, кто пренебрегает этикетом.

* * *

Герцог Моринар чувствовал маленькую руку на своем предплечье даже через камзол и рубашку. Тонкие пальцы обжигали, словно угли. И почему его так раздражает эта девчонка? Ей-ей, иногда сиятельный герцог из самой знатной семьи королевства, с кучей побочных титулов, чувствовал себя мальчишкой, который дергает девочку за косички. Странное чувство. Давно забытое, еще со времен, когда они носились по серым скалам Торрина.

Конечно, он сразу узнал эту малышку. И сложно было забыть ту, которая в глаза назвала его палачом. За глаза шептались многие, а вот так, в лицо... И откуда у нее столько храбрости?

«Вы бросили меня сюда, как кошку в собачью стаю, и пока шавки лаяли под деревом, перебили самых наглых. Кошка уцелела, но не ждите от нее любви или благодарности».

Но как она тогда стояла над трупом старого пьяницы!

«Ваш поступок недостойн герцога. Подставлять слабых, дабы избавиться от сильных, – подло».

И вот сейчас. Что привело ее к Дироту? Рамон чувствовал себя обязанным вмешаться.

Жемчужины. Смешная девочка. Дирот таких, как ты, перепробовал не одну сотню. И цену за свои услуги назначил бы иную. Согласилась бы ты?

Рамон не знал, но мысль о черноволосой девчонке в руках Дирота вызывала... неприятие.

Узнаю, что привело ее сюда. Из любопытства. И если это глупость – вылетит она из особняка мага впереди своего визга.

В роскошной гостиной, обставленной в синих тонах, я уселась на оттоманку, обтянутую темным бархатом, и опустила взгляд.

– Не знаю, с чего начать, ваша светлость.

– Лучше – с начала. Почему вы пришли именно сюда?

Почему именно сюда? Да потому, что больше попросту некуда. Никто из моих знакомых не сможет быстро и эффективно решить эту проблему. Осталось уговорить мага.

– К нам в лечебницу поступают самые разные люди. В том числе и уличные девки, ваша светлость. И лечить их приходится, и роды принимать. Первой была Риста...

Я рассказывала о том, как увидела Ристу без ребенка. Как шлюху попытались отравить, и мы ее едва спасли. Как радовалась рождению дочки Алиа. Как мы разговаривали с Сиентой. И о смерти девочки.

Герцог слушал меня внимательно. Не перебивал, не спорил, не ругался, не задавал дурацких вопросов вроде «какое ваше дело?». Вопросы начались после моего рассказа, только какие-то странные.

– Ради этой девушки вы и пришли?

Я кивнула.

Это действительно так. Ради Алиа, ради ее малышки, ради того, чтобы не видеть боль в глазах женщины...

– Зачем вы в это лезете?

Я пожала плечами.

– Так сразу и не скажешь, ваша светлость. Скажите, а если бы это была не уличная девка, а дама из высшего света? Ей бы не помогли?

Рамон Моринар прикусил губу. Было видно, что сейчас он думает о чем-то не слишком приятном. Я даже догадывалась, какими путями шли его мысли.

Дамы из высшего света, по сути, не слишком отличаются от уличных девок. Та же продажа человеку, который больше заплатит. А любовников у них иногда перебивает больше, чем у шлюх. Разница лишь в оплате их труда. Но разве это делает первую лучше или вторую хуже? Или наоборот?

Мне сложно судить, могу только сказать, что порядочность человека определяется не ценой, а чем-то другим. Наверное. Это раньше я бы высказалась резко. Раньше у меня были ориентиры, принципы, я жила в мире с четко очерченными границами. А сейчас... Я словно ребенок в темноте. И совершенно не знаю, на что опереться. Придется самой

разбираться в этом сложном мире.

– Эта девица, Алия, не знает о том, что вы делаете. Верно?

– Верно.

– Вы рассчитываете на какую-нибудь благодарность?

Темный взгляд впивался в меня остриями иголок. Но скрывать мне было нечего.

– Нет, ваша светлость.

– Милосердие?

И с такой издевательской интонацией было произнесено это слово, что я не удержалась. Стоило громадных трудов ответить спокойно, но я справилась!

– Ваша светлость, мы слишком разные люди, поэтому мои мотивы кажутся вам дикими. Мне жаль.

Моринар сверкнул глазами, но крыть было нечем. А потому...

– Давайте сюда вашу кровь. Дирот, будьте любезны поглядеть, что с малышкой и где она.

Ренар Дирот сдвинул брови, но вместо возражений вежливо кивнул.

– Сейчас принесу чашу из лаборатории.

– Не стоит. Мы просто составим вам компанию. Госпожа Ветана?

Я послушно поднялась с диванчика. Присела в поклоне.

– Благодарю, ваша светлость. Ваше сиятельство...

– А жемчуг оставьте при себе. Корона оплатит.

– Простите, ваша светлость, но я не хотела бы...

– Вы будете со мной спорить?

Я привычно промолчала. Интересно, образуются ли мозоли на языке? От слишком частого прикусывания?

* * *

В лаборатории было светло и уютно. Журчал маленький фонтан. Конечно, магу воды лучше рядом с открытой водой.

Ренар Дирот достал с одной из полок большую хрустальную чашу, зачерпнул воды прямо из фонтана, потом взял у герцога флакон с кровью и вылил его в воду. Не было ни заклинаний, ни ритуалов.

Грубый макет Алетара на одном из столов, простертая над ней чаша, кровавая вода, которая волновалась все быстрее и быстрее, пока не стала вращаться, словно маленький водоворот, а потом выплеснулась и поползла по улицам города.

В два места.

Одно – в Желтом городе, и я поняла, что это наша лечебница. А второе – в Зеленом городе.

Моринар смотрел прищуренными глазами. Перевел взгляд на меня.

– Вы были правы, госпожа Ветана. Девочка жива.

– А можно...

– Я сейчас отдам приказ. Думаю, пятерых гвардейцев хватит, чтобы арестовать всех, кто находится в этом доме.

– Благодарю вас, ваша светлость.

– Не стоит. Закон в Алетаре един для всех.

Я опять поклонилась.

* * *

Сержант гвардии Элетон Лоури меня помнил. И тепло улыбнулся.

– Госпожа Ветана! Рад встрече!

Я тоже улыбнулась в ответ.

– Господин Лоури! Приятная встреча.

– Надеюсь, у вас все в порядке?

– Да. А когда вернем девочку – станет еще лучше.

– Лоури, задача вам ясна?

Герцог смотрел на сержанта, и под темным взглядом мужчины вытянулся во фрунт.

– Да, командир!

– Приступайте. А я проеду в лечебницу, посмотрю на месте.

Я вскинула брови.

Герцог Моринар, один из знатнейших сановников королевства – и собирается ехать в лечебницу, чтобы выяснить, кто украл ребенка у шлюхи? Причудливы пути твои, судьба. Но спорить я не стала. Глупо. Я же не могу знать всего! Я вижу только верхушку айсберга, а сколько еще скрыто под поверхностью воды? Сколько остается для меня загадкой?

Мне хватит того, что ребенок жив и будет возвращен Алие.

Ренар Дирот протянул флакон с остатками крови.

– Возьмите. Я наложил чары, на один раз хватит. Когда склянка окажется рядом с ребенком, кровь поползет к крови.

Суть я не поняла, но...

– Благодарю, господин маг. И простите, что отняла у вас время. Надеюсь, это послужит достаточным извинением?

Жемчужины легли на ладонь мага.

– Корона оплатит, госпожа Ветана.

– Ваше сиятельство, не обижайте меня. Пожалуйста.

Серьезно я к этому жемчугу не относилась. Легко пришло, легко ушло. Забавно, что деньги, полученные за нарушение закона, я отдам ради восстановления справедливости.

Ренар подумал пару секунд, а потом взял у меня одну жемчужину.

– Корона оплатит. А это – на память.

Мы обменялись улыбками. Не знаю, о чем думал маг, но я почувствовала к нему симпатию. Хороший он человек. Понятно же, чем мог кончиться мой визит. Могли и выгнать, и на посмешище выставить, и собаку спустить, и... да что угодно, фантазия у магов богатая! А вместо этого...

Правда, минус в том, что я подставилась по полной. Приличные лекарки из Желтого города так себя вести не должны. Они не станут ломиться в дом к уважаемому магу ради дочери проститутки, не станут платить жемчугами, не станут...

Да плевать!

Я еще раз вспомнила убитую горем Алию. В буквальном смысле – убиваемую. И вот это надо было оставить как есть?! Да?! Какая я тогда, к Темному, лекарка? Я бы и человеком-то себя считать не смогла!

– Спасибо вам, ваше сиятельство.

– Нет. Это вам спасибо, госпожа Ветана.

– Если вы уже закончили с благодарностями, отряд может выступать? – ехидно уточнил герцог.

И чего он злится?

* * *

Для меня тоже нашлась лошадка. Без дамского седла, но я уже давно забыла, как в нем ездить. Подоткнула подол и уселась по-мужски. Нарушение приличий? А вы панталоны стирайте почаще, и все будет прилично. У меня нижнее белье чистое! Вот!

Куда ехать, я не знала, так что Лоури просто забрал у меня поводья, и мой конь последовал за его. Мы двигались по улицам, на которых я так и не бывала, а флакончик в моей руке дрожал все сильнее и сильнее.

– Госпожа Ветана, может, вы расскажете подробности? – поинтересовался сержант.

Гонять по улицам не стоило – день, люди ходят, дети играют. Кони шли достаточно медленно, и я могла пересказывать всю историю. А когда закончила, Лоури сдвинул брови.

– Вот с... Простите, госпожа.

Я благовоспитанно не заметила ругани.

– Подло разлучать мать с ребенком.

Гвардейцы ответили сочувственным ворчанием.

Как бы ни относились к прихоти начальства, как бы ни шипели, как бы ни морщили носы при виде уличных девок, но мать есть мать, а боль есть боль. Да и кто сказал, что Алия – первая?

Мы остановились у симпатичного особнячка. Весь в зелени, с кованой оградой...

Лоури прыгнул, взялся за бронзовый молоточек, и пошел звон. Привратник появился тотчас же.

– Эт-та... гвардия?

– А ну открывай, каналья! – грозно рыкнул сержант. И выглядел он так, что я бы ему открыла.

Привратник исключением не оказался.

– Господа...

– С дор-роги!

Мы ехали мимо ухоженных кустов, подстриженных деревьев, зеленой лужайки. А на лужайке... Флакон завибрировал в моей руке так, что я невольно взвизгнула.

– Ай!

– Госпожа Ветана?

– Вот она!

Склянка все сильнее рвалась к установленной на лужайке колыбели. Рядом сидели две женщины. Одна – явно кормилица, а вторая... Я смотрела, и ничего не находила в ее лице. Самое обычное, простое. Русые волосы, светлые глаза, высокий лоб, прямой нос...

И все же она украла чужого ребенка! Мне казалось, что такое зло должно отпечататься в каждой черте, но – нет. Ни печати, ни оттиска – ничего. На нас тоже обратили внимание, повернули головы, застыли.

Лоури прыгнул с коня, помог слезть мне.

– Пойдемте, госпожа Ветана. Именем короля!

Женщина вскочила на ноги.

– Что случилось?! Я буду жаловаться!

– Жалуйтесь, – щедро разрешил Лоури. – Ваше имя?

– Я – Тильда Деран!

- Ваш муж? Отец?
- Мой муж – Лиам Деран! Поставщик двора его величества!
- Вы, госпожа Деран, и ваш супруг арестованы за кражу ребенка.
- Ах-х...

Женщина в картинном обмороке осела на траву. Подхватывать ее никто не стал. Вместо этого я прошла к колыбели, решительно отодвинув кормилицу.

Флакон раскачивался в руке, словно маятник, тянулся к младенцу, но мне этого и не надо было. Кто-то говорит, что младенцы похожи? Это не так. Они все разные. Разные личики, выражение глаз, ощущение жизни на твоих руках.

И эту малышку я знала. Сама помогла ей появиться на свет, так что ж удивляться.

- Она, госпожа Ветана?
- Да. Это Делайла.
- Ах ты...

«Очнувшаяся» женщина попыталась кинуться на меня, но гвардейцы перехватили ее и теперь смотрели на бьющуюся в истерике Тильду с явной брезгливостью.

Неудивительно.

Меня поливали такой отборной бранью, что трава краснела. Впрочем, это было не важно. Все было не важно, потому что Элетон Лоури поглядел на меня и махнул рукой.

– Найдите карету. Мы тут разберемся, а ты, Стен, сопроводи госпожу Ветану с ребенком в лечебницу.

Хотелось остаться и узнать, чем кончится дело, но ребенок на руках... Девочку надо срочно доставить матери.

* * *

Алия так и лежала, уткнувшись в стену.

Я присела рядом. Кашлянула.

– Оставьте меня.

– Я-то оставлю. А вот Делайла скоро захочет кушать. У тебя молоко не пропало?

Алия медленно повернулась от стены, готовая растерзать меня за глупые шутки. А потом увидела сверток в моих руках.

Я покачала головой.

– Твоя дочь не умерла. Посмотри...

Медленно, очень медленно, двигаясь, словно во сне, Алия откинула кружево с лица малышки, коснулась розовой щечки.

– Да... Делайла. У нее еще на переносице отметка... это она! Она! Но как?!

Я улыбнулась.

– Разве это важно? Твоя дочь опять рядом. Она жива. Но... Из лечебницы я бы рекомендовала ее забрать. Вам ведь есть где жить?

Алия закивала. Броситься мне на шею ей явно не давала только малышка. Но лицо женщины... Такой свет лился в эту секунду из ее глаз, столько счастья, столько любви...

– Вета...

Я быстро встала с кровати.

– Завтра к вам зайду.

И удрала. Из палаты и из лечебницы.

Ввязываться в неприятности я готова. Разбираться с проблемами – тоже. А вот принимать благодарности... Это не ко мне.

Слишком утомительно.

* * *

Стук в окошко заставил меня оторваться от плиты и выглянуть наружу. И вульгарно, на глазах у всей улицы, раскрыть рот от изумления. Потому что рядом с моим домом стоял королевский маг Ренар Дирот. Стоял и улыбался во все белоснежные зубы.

– Вечер добрый, госпожа Ветана. Не пригласите?

Самообладания хватило только на кивок. Остальное пришлось добирать, пока я шла к двери, отряхивая платье от частичек трав.

Открыла дверь, присела в поклоне.

– Ваше сиятельство, я счастлива приветствовать вас под крышей моего скромного дома.

– Что вы, госпожа Ветана, у вас очень мило, – улыбнулся маг. – Уж позвольте к вам заглянуть ненадолго?

– Ваш визит – честь для меня.

– Я с подарком и с новостями.

Я с интересом посмотрела на мага. Подарок – Светлый с ним, не так важно. А вот новости...

– Взваром не напоите?

– Простите, ваше сиятельство. Растерялась.

Мне послали снисходительную улыбку.

– Вот это вам, госпожа Ветана.

В небольшом свертке оказалось...

– Что это?

Больше всего «подарок» напоминал бобы, но только странного оттенка. И пахли они совсем незнакомо.

– Бобы теонового дерева^[9].

Мне это ни о чем не говорило.

– Эти деревья растут на островах. Там с них собирают бобы, сушат на солнце, потом слегка обжаривают и употребляют в пищу. Можно есть просто так, а можно размолоть в порошок и заваривать кипятком. Вкусно и полезно.

– Давайте попробуем, ваше сиятельство? – предложила я.

– Что ж, первый раз я составлю вам компанию, госпожа Ветана. У вас есть ручная мельница?

– Да, ваше сиятельство.

Напиток из теоновых бобов действительно оказался потрясающим. С таким привкусом, что я невольно облизнулась.

– Это просто великолепно! Благодарю, ваше сиятельство. Эти бобы привозят в Алетар?

– Да, только совсем немного. Для ценителей.

Я поняла, что тоже к ним отношусь. Напиток восстанавливал силы, придавал бодрости, а для меня это очень важно. Выставила на стол орехи, фрукты, выпечку, и мы с магом сидели друг напротив друга, как старые друзья. Мужчина улыбался.

– Решил зайти к вам, поблагодарить.

Я вскинула брови.

– За что, ваше сиятельство?

– За то, что вы пришли ко мне с этим делом. Это... сам я бы никогда и не задумался. Но я видел женщину, которой вы вернули ребенка.

Я кивнула, но промолчала.

– Ее глаза... знаете, я ведь был недоволен, когда вы пришли. Если бы не герцог, я бы вас выставил на улицу. Или...

– Потребовали бы с меня ту плату, на которую я не смогла бы согласиться.

– Вы догадались?

Я хмыкнула. Тоже мне – закрытая книга. Да все у тебя было на лице написано. И недовольство, и интерес, и намерения... В каком-то

отношении высокородные маги ничем не отличаются от грузчиков из Желтого города.

Ренар опустил глаза.

– И я еще раз хочу извиниться. Обладая силой, часто теряешь связь с землей.

Мне оставалось только улыбнуться.

– Вам это не так страшно, ваше сиятельство. Вы – маг воды.

Несколько секунд Ренар Дирот просто смотрел на меня, а потом расхохотался.

– Принято. Вы, наверное, хотите узнать, что произошло?

Я хотела. От герцога не дождешься, Алие не до того, а откуда я еще что узнаю? А любопытно же... Маг откашлялся и поведал всю историю.

Как оказалось, Алиа не первая и не последняя. Сиента давно уже промышляла в лечебнице, и не одна, а в тесной связке с Терсаном Лиртелем, которому нужны были деньги на смолку – и с каждым годом все больше и больше. Пара сработалась случайно: у богатой дамы случились преждевременные роды, ребенок получился мертвым, ее привезли в лечебницу прямо с улицы, а там она разрыдалась. Ребенок был ее последним шансом родить, почувствовать себя матерью, и муж ребенка ждал, а что теперь? Вокруг ведь столько женщин, которые детей иметь могут, а она... а-а-а...

И надо же было такому сложиться: в тот же день родила женщина из бедной семьи. У которой уже было пять штук!

Сиента подумала...

Подменить младенцев оказалось несложно. И обе матери остались довольны. Одна получила ребенка и семейное счастье, и Сиента была уверена, что ребенка будут любить, холить и лелеять, вторая же избавилась от лишних расходов. А Сиенту щедро отблагодарили. Правда, пришлось поделиться деньгами с дежурившим в тот день Терсаном, но это же мелочи? Хотя... не такие и мелочи, примерно половина.

Дальше было проще. Сколько женщин не могут иметь детей? А сколько семей я могу сделать счастливыми?

Сиента уверяла, что думала о всеобщем благе. Ну к чему дети беднякам, шлюхам, прочей грязи? Они же их просто не смогут вырастить, стащат в ту же грязь, в которой копаются сами! А она сделает как лучше! У ребенка появятся любящие и заботливые родители, а эти... Да еще нарожают! Все равно плодятся каждый год, что те мухи!

Сильно они не зарывались, подменяли по пять-десять младенцев в год, и хватало. Но в последнее время Терсан как с цепи сорвался. Ему все

больше нужны были деньги, он встречал в аферы и тянул за собой Сиенту.

Вот к этому шел и ее разговор со мной. Она пыталась прощупывать почву, чтобы сменить компаньона, но получила от ворот поворот и затаила зло. Может, и сквиталась бы, но не успела. Терсану подвернулась чета Деран.

Тильда Деран не хотела ребенка. Такая беда, у нее была старшая сестра, умершая при родах. И Тильда решила детей не заводить. Жить хочется!

А тут – беда.

Лиам Деран имел весьма властного и жесткого отца, который сообщил, что составил завещание. Все, что у него есть, он завещает внуку. Или внучке, кто родится. А если детей не будет, деньги отойдут Короне. Сам нажил, сам и разбазарит, его дело!

Что оставалось Лиаму? Только сообщить отцу, что Тильда беременна, просто они не хотели афишировать этот факт. И начать готовиться к «родам».

Но не каждый день в лечебнице рождает подходящая женщина. Сначала пара положила взгляд на Ристу, но проститутка оказалась достаточно проницательной. То ли что-то услышала, то ли увидела, но ребенка срочно отдала сестре, за что и поплатилась. В гневе на то, что уплыл подходящий ребенок, Сиента просто подсыпала мерзавке яда. Едва откачать успели.

Именно поэтому Риста так быстро сбежала из лечебницы, именно поэтому молчала. Не зная, кто еще и в чем замешан, предпочла быстро унести ноги. Сейчас проститутку нашли в доме двоюродной сестры, где она жила с ребенком. Кормить, правда, сама не могла после яда, пришлось найти кормилицу, но в остальном Ристе повезло.

А вот Алие – нет. Или – наоборот? Не отравили, не успели, ребенка вернули, а день отчаяния... Что тут скажешь? Спасибо, легко отделалась.

Я схватилась за голову.

– Ох-х! То есть у нас одним лекарем меньше? А работать кто будет?

– Герцог сказал, Корона выделит средства. У вашего знакомого, Карнеша Тирлена, есть ученики. Вот двоих и наймут.

Новость меня порадовала не меньше остальных. Справедливость – это хорошо, но разве правильно за добрые дела добавлять мне еще работы?

Мы просидели с его сиятельством больше часа, выпили несколько чашек нового напитка, болтая о том о сем... А когда господин Дирот откланялся, я подумала, что серьезно вляпалась. С меня взяли обещание «не забывать старика, заходить по-свойски». Пообещали, что «буду заглядывать в гости, не погоните?». И судя по тому, как поблескивали глаза

мага... Не могу я себя вести как простолюдинка. И он в мою игру не поверил. А вот какие у него планы...

Я не настолько самонадеянна, чтобы думать о себе как о привлекательной женщине, вовсе нет. Но я – интересная игрушка. А когда это маги бросали что-то интересное, не разобравшись? Особенность характера. Надеюсь, хоть герцог обо мне думать не будет, а то вообще хоть в петлю.

Поразмыслив, я решила срочно соглашаться прогуляться с Бертенем по набережной. В ближайшие же два дня.

* * *

Ветана ошибалась. Именно о ней сейчас и думал герцог Моринар, глядя в бумаги. Нельзя сказать, что это дело сильно затрагивало безопасность государства, но все же... Граждане Раденора получают королевскую защиту, пока не нарушают законов. А вот такие махинации с детьми – не к добру. Ох не к добру. Допустим, кто-то и рад пристроить кровиночку в хорошую семью, но не все ведь?

Нет, не все.

Совершенно случайно маленькая лекарка оказалась в нужном месте и в нужное время. И набралась ведь храбрости? Пришла к королевскому магу, готова была последнее отдать... Последнее ли? Интересно, откуда у нее жемчуг? Впрочем, красивым девушкам мужчины и не такие подарки делают. Да и жемчуг в Алетаре не редкость, его неподалеку и добывают.

И все же...

Он читал протоколы допросов и прекрасно знал, что Алиа ничего не обещала лекарке за помощь, не говорила, не просила.

«Я даже не знаю, что говорила, как все было... Сейчас как-то легче, а тогда я просто умирала. Словно болото затянуло и не отпускало. Только и помню, как мне сказали, что малышка моя умерла, – и потом вспышкой света, как госпожа Ветана мне дочку протягивает...»

Рамон искренне сомневался, что в таком состоянии можно попросить о помощи.

А теперь скажите, много ли народа на свете, который в такой ситуации бросится на помощь совершенно незнакомому человеку, будет готов свои деньги отдать, в глаза людям лезть... да еще в лечебнице для бедных? Где любой лекарь... Видел он Рейнешарда. И получше жизнь у него, чем у Ветаны была, а все одно – оскотинился.

Сам себе Рамон мог признаться, что мужество девушки произвело на него впечатление. Сколько они раз встречались? Дуэль Польмера с Реньи, первая их встреча, и надо признать: лекарка вела себя с большим достоинством. Аристократам бы поучиться.

Дуэль Раштеля с Шерроном – вторая. Но и тут, и в первой дуэли вина Верандуа. Повадился таскать девчонку! Надо его отправить куда-нибудь в глушь. Пусть подумает о своей жизни шалопутной.

Случай с Рейнешардом, их третья встреча, после которой он основательно прошерстил гвардию и многих научил жизни. И чем дальше, тем хуже. Его осмелились отчитывать как мальчишку! Едва ли не в лицо называли палачом, упрекнули в бессовестности и бесчестии! И откуда только смелость взялась?

И вот сейчас – четвертый случай. И он пляшет под дудку сопливой девчонки. Рамон внезапно фыркнул в темноте спальни. Теперь только жениться на ней осталось?

Х-ха!

А любопытная девочка. Поступки у нее... не самые обычные. И держит себя не так, как должна, судя по месту жительства. Так себя и девицы из высшего общества вести не смогут, он-то насмотрелся. Но девочка не маг, это он тоже проверил. Даже следов силы не чувствуется, он бы знал. Уж сколько поколений Моринары рождаются с королевской семьей! У всех есть тот или иной талант. Вот он – огневик. И если выпустит себя из-под контроля, то гореть здесь всему от воды и до воды. А то и вода вспыхнет – бывали случаи. Говорят, это умение у Раденоров было изначально. Сейчас у них три дара в крови. Некромантия, конечно, главный, еще есть огонь и воздух. А вот что будет преобладать? Неизвестно, но бездарных детей в королевском роду не бывает.

У Моринаров, кстати, тоже. Как породнились еще при Александре Раденоре, так и продолжают рода смешивать кровь. Впрочем, следя, чтобы ближе четвероюродных потомков никто не женился. В той или иной степени все Моринары талантливы. У отца – воздух, дядя Алонсо тоже им владеет, но в меньшей степени, а вот Рамону досталась безумная огненная стихия. Хотя он не возражает. Иногда это очень помогает в жизни. А, не важно. Лучше и не вспоминать то время. Проще подумать о сероглазой девочке.

Тойри Ветана.

Имя вполне простонародное, а поведение – нет. Кем же она может быть? Навести, что ли, справки? Из любопытства. Хотя, скорее всего, она окажется бастардом или кем-то вроде. Так часто бывает: нагуливают, не

признают, но и не бросают. Обычно девочек определяют куда-нибудь по монастырям, но жизнь крутит по-всякому.

Да, завтра он отдаст приказ разузнать все о лекарке.

* * *

Приближенный Фолкс с интересом рассматривал карту Алетара, утыканную иголками с красными головками.

– И что это значит?

– А это наш неуловимый маг.

Служитель держался подобострастно и смотрел робко, но уже не так испуганно. Явно работал и мог что-то предложить начальству.

– Поясните?

– Мы постепенно локализуем области, в которых он бывает чаще всего. Всплески силы, проявления...

– Желтый город?

– Случается и Зеленый, и Белый, но чаще всего – Желтый и нищие кварталы.

– Интересно...

– Когда накопим достаточно материала, будем обходить по улицам и локализовывать. Опрашивать, искать уже более простыми методами...

Фолкс кивнул.

Да, это не Шантр, но хоть так-то...

Этот не станет рисковать, играть в свою пользу, крутить и вилить. Что найдет, то и доложит в надежде выслужиться. Или хотя бы не получить выволочку.

– Сколько времени это может занять?

– В зависимости от активности мага. Мы же не все выбросы можем заметить, а только самые сильные. Вы понимаете...

Фолкс понимал. Не сказать, чтобы ему это нравилось.

– У вас есть какие-либо предположения?

Нет. Судя по лицу – ничего интересного предложить служитель не мог.

– Ладно. Продолжайте работать.

– Слушаюсь, Пресветлый.

Да... это не Шантр. Но с талантливыми людьми слишком сложно. Поди удержи их под контролем! Вечно норовят сыграть свою игру. Этот хоть и не слишком умен, зато управляем.

Глава 6

– Вы все здесь сволочи!!! Я выведу вас на чистую воду!!!

Женский голос, визгливый и раздраженный, разносился в чистом утреннем воздухе, вонзался в мозг, словно иглы, заставлял поморщиться. Я прибавила шаг.

На крыльце лечебницы стоял Бертен Сенар и что-то втолковывал тощей горожанке с желтоватым лицом записной склочницы.

– Не было у нас такого! – расслышала я.

– Да как это не было, когда точно был!

– Могу записи показать! Соврали вам. Или... Как вашего мужа звали?

– Томас Райнен.

– Лежал у нас Томас – имя-то частое. Только не Райнен, а Райшен.

– Не верю я вам! А ну пусти меня, гад!

Бертен встал стеной. И правильно. Ворвется эта тетка в лечебницу, перебудит всех, истерику устроит...

Я сунула руку в сумку, которая неизменно сопровождала меня. Есть успокоительное. Отлично.

– Доброе утро, Бертен. Госпожа?..

– Морни. Линда Морли. А вы?

– Тойри Ветана. Я работаю здесь лекаркой. Вам нужна помощь?

Бертен посмотрел на меня с искренней признательностью. Тетка развернулась и уперла руки в костлявые бока.

– А то как же! Конечно, нужна! Стояла б я тут, если б у меня дел не было!

– Пройдемте? – Я подхватила ее под руку. – Предлагаю, пока у нас рабочий день не начался, выпить по чашечке отвара, и вы мне расскажете, в чем дело.

Пузырек с успокоительным уже перекочевал в карман.

История была незамысловата.

Линда познакомилась с очаровательным мужчиной на причале, где удачно торговала рыбу. Там рыбаки торгуют прямо с лодок, свежельюловленной. Шла домой, оскользнулась, и уже предвкушала падение на камни, когда ее подхватили сильные руки. Храбрый спаситель оказался матросом с корабля «Стерегающий». У них как раз была стоянка в Алетаре.

Он назвал себя, предложил проводить красивую девушку до дома – и получил согласие. В доме мужчина оказался тоже очень кстати, руки у него

росли из нужного места, так что прибить-починить-покрасить мог. Это и сделал.

А в награду...

Тут Линда зарделась, но все было понятно. Только вот немного не так, как думала женщина. Не верилось мне в великую любовь. Скорее уж предприимчивый морячок оборудовал себе в каждом порту по временной стоянке. И получил крышу над головой, кормежку и согласную на все женщину под боком.

— А вы не женаты? В храме?

Ой, зря я это спросила. Линда тут же разразилась целой речью, из которой я сделала вывод о своей правоте. Видите ли, капитан корабля «Стерегающий» платит хорошо, но самодур. Он сам несчастлив в браке, у него жена пила и язва, а потому женатых матросов он быстренько списывает на берег. Все равно они нормально работать не смогут.

Каково? Кто поверит в такую глупость, кроме влюбленной женщины? Но Линда верила, и разочаровывать ее я не собиралась. С этим и жизнь прекрасно справится.

Что ей нужно в лечебнице?

Сам счастливый возлюбленный! Разве она не сказала? При разгрузке судна морячок случайно получил по голове. Та выдержала, но у бедняги начало двоиться в глазах, голова кружилась, и он пошел в лечебницу. Да, вот в эту.

И пропал!

«Стерегающий» в порту, морячка на борту нет, здесь тоже, говорят, нет... Так где он?! ГДЕ ее личное сокровище и счастье? Верните свет в жизнь влюбленной! А не то она сейчас эту лечебницу всю! И вдребезги! И пополам! Вот!!!

Я прикусила язык, хотя так и чесалось сказать, что наверняка морячок себе присмотрел другую дуру. Но смолчала. И вместо этого предложила тихонько провести ее по всем палатам, чтобы она убедилась в отсутствии неверного возлюбленного. Линда, может, и согласилась бы, но тут вмешалась судьба. Вошел Карнеш Тирлен.

— Вета? Уже здесь? Отлично. Ты готова к обходу?

Я кивнула.

— Да, сейчас хламиду накинута...

— А это кто?

Я крепко пнула под столом Линду, чтобы та промолчала.

— А это моя знакомая, Линда. Хотела попробовать у нас работать вместо Сиенты. Я предложила пройтись с нами, с обходом. Пусть

посмотрит, сколько у нас лежит больных, какие, чего ждать...

Линда сначала смотрела ошарашенными глазами, но потом поняла и включилась в игру.

– Да, я от работы не бегаяю, но госпожа Ветана говорит, что здесь трудно...

Карнеш послал мне грозный взгляд.

– Что вы, Линда! Разве же здесь сложно? Вы и сами убедитесь, что здесь просто чудесное местечко...

И второй грозный взгляд в мою сторону – мол, не смей расхолаживать персонал! И так зашиваемся!

Я изобразила раскаяние.

– Линда, давай я дам тебе накидку, пройдешь с нами по всем палатам. А то сейчас обход.

Кто бы сомневался в согласии женщины?

* * *

– Спасибо, госпожа Ветана.

Линда прощалась со мной на крыльце лечебницы. Уже не так грозно, даже со слезами на глазах.

Морячка мы не обнаружили. Бертен, по счастью, тоже нас не выдал. Увидев Линду в моей накидке, он искренне удивился, но шепнула, что все объясню на прогулке по набережной, например, завтра вечером, и Бертен тут же умолк. В конце концов, у Карнеша и так от пяти до десяти учеников на обходе присутствует, еще один-два человека ничего не изменят.

– Да что вы, Линда. Я бы и рада помочь...

Врушка.

Я как представила, что она обнаруживает «коварного изменщика» в лечебнице, или того хуже, в объятиях другой дамы, и начинает скандал... Конечно, я держалась рядом, но «С глупой женщиной не сладишь...»^[10], как писал один поэт.

Но и выставить ее не получилось бы. Линда нацелилась на скандал, и малой кровью дело не обошлось бы. А лечебницу из-за Сиенты и так склоняют на все лады.

Да...

Обошлось нам это дело достаточно дорого. Пришлось оборудовать несколько палат для матерей с детьми. Иначе женщины отказывались оставаться, норовили сбежать сразу после родов, а это вредно. Надо хоть

пару дней понаблюдать человека, прежде чем его выписывать.

И даже сейчас роженицы косились на лекарей злыми глазами и пододвигали детей к себе поближе. Мне, конечно, было обидно, но – спасибо герцогу. Мое участие представили не так, как все произошло на самом деле.

Все сошлись на том, что Алия родила девчонку от кого-то высокопоставленного, ему же и нажаловалась. Отец и порадел о судьбе чадушка. Я ему записочку отнесла по просьбе женщины, и все завертелось.

За отца считали и королевского мага, и герцога Моринар, и еще с десяток человек – народная фантазия работала не за страх, а за совесть. Я же никого просвещать не торопилась, а Алия уехала из лечебницы к вечеру того же дня. Теперь я навещала ее на дому, и женщина поговаривала, что хочет позвать меня в имянареченные матери^[11].

Я отказывалась, но что-то подсказывало, что Алия своего добьется. Ладно! Главное, и с ней, и с малышкой Делайлой все в порядке. Даже по деньгам – Алия оказалась умной женщиной. В юности она пользовалась большим спросом, но не шикovala и понимала, что золотые годы быстротечны. Откладывала и откладывала на то время, когда не сможет работать, тащила в банк каждую монетку, каждый подарок. Когда смогла – прикупила маленький доходный дом, и сейчас вполне могла прожить с малышкой безбедно еще лет пятьдесят.

– А может, и правда у вас поработать? – протянула задумчиво Линда. – Я могла бы...

Я только руками развела.

– Могу вас отвести к господину Растуму – он заведует лечебницей. Но, Линда, если что-то...

– Госпожа Ветана, я все понимаю. Уж поверьте, не подведу.

Я посмотрела с подозрением.

Интересно, что ведет сюда эту женщину? Желание поработать? Ой ли...

– Не похоже, что вы нуждаетесь.

– Остались от мужа сбережения, не бедствую. Но деньги не только тратить, но и зарабатывать нужно. Я шитье на дому беру, только глаза уж устают.

– У нас тоже шитье случается. По живому, – неловко пошутила я.

Линда пожала плечами.

– Крови не боюсь, а людей мне жалко.

– Смотрите. Если вы так настроены, я помогу. Но решать вам.

– Может, и Тим сюда вернется?

Я едва не фыркнула. Ах вот оно что? Шитьем зарабатывать можно, но это – дома. Сидя в одиночестве, перед окошком. А тут люди, мужчин хватает, с кем-то и познакомиться можно. Глядишь, чего и срастется.

И то, молодая ведь женщина, около тридцати, просто овдовела рано, а детей не получилось. Чем себя заживо хоронить, лучше об устройстве личной жизни подумать, не обязательно с пройдошистым морячком.

Мы переглянулись с Линдой, и я махнула рукой.

– Знакомить вас с заведующим?

– Да.

Харни Растум был на месте. Через полчаса Линда была принята на место служительницы, а я отправилась работать дальше.

* * *

– Как же здесь красиво!

Мы с Бертенем гуляли по набережной Алетара.

Давным-давно, когда Алетар Раденор строил город, он предусмотрел и место для прогулок. В Желтом городе набережной не было – пирс, причал, порт. В Зеленом ее тоже не получилось – так был построен город. Но в Белом городе Алетар отыгрался за все.

Набережная Белого города поражала великолепием. Здесь были и террасы, нависающие над морем, и деревья в кадках, и дорожки из мрамора, и маленькие беседки на двоих, и даже большая дорога, по которой катались дамы и господа в открытых ландо. Причем пешеходные дорожки и проезжая находились друг от друга на достаточном расстоянии. Мало ли – лошади понесут, карета опрокинется...

Алетар Раденор был предусмотрителен.

– Красивое место, красивая девушка...

Я лукаво улыбнулась.

– Спасибо, Бертен. Вы мне льстите.

– Я преуменьшаю действительность. Не обижайтесь, Ветана, но вы похожи на берилл. Вроде и не алмаз, а как взглянешь – глаз не оторвать. Сердце радуется.

Бертену досталась еще одна улыбка.

– Могу я предложить вам сока? Или что-нибудь сладкое?

От сладостей я решительно отказалась, а вот пить хотелось. Ну их, эти сладости. Они все с сахаром, с сахарной пудрой, а на набережной ветер. Дунет – и самая красивая дама превратится в чумазое недоразумение,

осыпанное сахаром. Фу. «Пчелиная радость» называется.

Бертен оглянулся на продавца сока. Рядом с ним стояла очередь в шесть-семь человек.

– Вета...

– Я не стану толкаться. Вы идите, Берт, а я подожду вас вот здесь.

Я указала на приглянувшееся местечко. Большое дерево в кадке чуть скривилось и выглянуло за край набережной, нависая над морем. Рядом росло такое же второе. А между ними можно было очень удобно облокотиться на парапет и посмотреть на небо. И видеть, как линия моря сливается с горизонтом, а внизу разбиваются о серые скалы темно-зеленые волны. Море красиво... И я никогда не пожалею, что судьба привела меня в Алетар. Здесь просто чудесно.

Я скользнула между деревьями – и почти слилась с ними. Для прогулки выбрала темно-зеленое платье с узором в виде веточек. Хотя как – выбрала. Просто оно мне удачно попало у старьевщика. На подоле красовалось жирное пятно, но я его вывела, постирала тонкий муслин, отгладила, подновила кое-где вышивку и подобрала воротник, манжеты и пояс. Теперь платье не узнала бы и прежняя владелица.

Мне оно очень шло, что подтвердили и восхищенные искорки в глазах Бертена. Сам он оделся в серый камзол и выглядел тем, кем и являлся, – зажиточным горожанином. Мы гуляли уже около часа, и скучно вместе нам не было.

Комплименты Бертен делал из рук вон плохо, зато случаи в лечебнице с ним можно было обсуждать бесконечно...

– Моя дорогая Илона...

От этих слов я дернулась, пребольно ударились плечом о дерево – и тихо охнула от боли. И была ей благодарна. Боль меня отрезвила. Не дала убежать с криком или запаниковать и наделать глупостей. Я что есть сил вцепилась в спасительное дерево, сдвинулась так, чтобы оно закрывало меня почти полностью, и подвинула ветку.

И – вцепилась еще сильнее.

Потому что говорящий продолжал:

– К сожалению, я не женат. Но помолвлен, и потому не могу должным образом восхищаться вашей красотой.

– Ах, барон, вы такой льстец...

Барон Артау сидел в открытой коляске и оглядывал набережную с видом короля, снизошедшего до кучи навоза на скотном дворе.

– Поверьте, Илона, прекраснее вас я никого не видал!

– А ваша невеста?

– Она еще молода. Мы соединим наши судьбы в следующем году.
– Что ж, барон, я вам искренне сочувствую... Но не сомневаюсь, что вашу невесту ждет счастье.

– О да, я постараюсь. Но стоит ли мне сочувствовать?

– Конечно! Ведь женатый человек лишается стольких радостей жизни!

Красивая женщина, сидящая рядом с бароном в ландо, лукаво похлопала его по плечу веером. Красивая, богатая, замужняя – это видно. Или вдова – из тех, что побойчее. Может быть, даже второе. Хоть нравы в высшем свете и свободные, но не настолько.

– И скольких же радостей я лишусь, милая Илона?

– Барон, так долго перечислять! А я устала, хочу пить...

– Прикажете добыть вам сока?

– Здесь? О нет! Поедьте ко мне?

– Смею ли я?..

– Барон, вы же не откажете даме? Или я умру у вас на руках от жажды и усталости!

– Этого я никак не могу допустить! Кучер!

Мужчина послушно принялся разворачивать коляску, а я опять вздрогнула, потому что моего плеча коснулись чужие пальцы.

– Вета?

Бертен с соком.

Стаканчик я взяла, но пальцы так дрожали, что пришлось его поставить на парапет. Иначе расплескался бы.

Коляска уезжала, а я смотрела ей вслед и думала, что все плохо. Очень плохо. Барон в Алетаре. У кого он гостит, что здесь делает и как долго намерен оставаться? Вот вопрос. Ответа нет.

Зато он помолвлен. И что-то подсказывает, что его невесту я знаю. Вряд ли родители соизволили выплатить свои долги, а значит... сестренка?

Что же делать, что делать? А что я могу сделать? Для начала – успокоиться и подумать о собственной безопасности. Потому что я беззащитна.

И первым делом – ничего не показывать Бертену.

– С вами все в порядке?

– Да. Благодарю вас. Просто голова на миг закружилась от высоты. Знаете, это затягивает. И когда вы до меня дотронулись, а меня тянуло вниз... это такое странное ощущение.

– Да, так бывает. Например, когда поднимаешься на башни.

Стаканчик с соком почти не дрожал в руке в этот раз.

Каких усилий мне стоило сохранять спокойствие, не оглядываться ежеминутно по сторонам и не подавать виду – знает только склянка с успокоительным. Стоило закрыться двери за Бертенем, как я ринулась к шкафчику, схватила ее, откупила прямо зубами, сплюнув пробку в угол – и отхлебнула больше половины.

Прямо из склянки.

Горечь обожгла горло. Я закашлялась, едва не до тошноты, но это тоже помогло: не до волнений, когда тебя скручивает спазмами так, что едва можешь вдохнуть. Я корчилась на полу, даже не вытирая слез, крепко схватившись за ножку стола, словно за единственный якорь в этом ненадежном мире. И постепенно начала успокаиваться.

Барон Артау в Алетаре. Что привело его сюда? Как бы это узнать, не выдавая ни своего местонахождения, ни... Да просто – ничего!

Я перебирала одну идею за другой.

Побывать в родном городе? Нет, на это я не решусь. Может быть, и никогда. Или лет через десять приеду к бабушке на могилку, тайно. Она меня поняла бы. И наверняка простит.

Написать леди Райвен? А как? Не стоит считать барона Артау глупее себя! Нет, не стоит. Бабушка ехала именно к леди Райвен в тот проклятый день. Если он захочет меня выследить, достаточно просто установить наблюдение за поместьем леди. Отслеживать, откуда придут письма, при желании несложно. Подкупить секретаря леди – и я попалась. Дело ведь не в том, чтобы дать о себе знать, а в ответе. Как я получу его, не угодив в лапы барону?

Есть, конечно, королевские гонцы, но роскошь сия не для лекарки из Желтого города. Есть и магические вестники, но чтобы создать их, нужна какая-нибудь вещь леди Райвен, и опять-таки – крупная сумма денег. К тому же послание, доверенное этому вестнику, становится известно и магу воздуха. Магов, которым я могу довериться, у меня нет. Это не выход.

Навести справки здесь? Хм-м... Я задумалась, припоминая герб на дверцах ландо. Собака с лилией в зубах. А кто у нас знает весь высший свет, гарантированно готов со мной посплетничать, считает лекарку по имени Ветана своим лучшим другом и принадлежит к высшему свету?

Ответ только один.

Маркиза Террен. Вскоре я должна нанести плановый визит в особняк маркиза, осмотреть одного на предмет выздоровления, а вторую – по

беременности. Вот заодно и посплетничаю с маркизой. Последнее время, с тех пор как супруг, более-менее встав на ноги, обеспечил безбедное будущее ей и ребенку, разогнав поганой метлой «любящую родню», я для маркизы ближе родной сестры. Уж пользы от меня точно больше. Почему не попробовать разговорить маркизу? Зная барона, зная его пристрастия и прочее...

Кстати! Госпожа Риона! Вот кто еще может помочь! И не сомневаюсь, что скоро увижусь с ней. Вот как попадет в лечебницу ее племянница, так и встретимся. Более чем уверена. Только там надо осторожнее, это не Даилина Террен. Это дама жизнью битая и жеванная. Она и меня, если что, загрызет. Не поморщится.

Да, надо быть очень осторожной. И... как-то изменить внешность?

Я кое-как поднялась на ноги. Коленки подкашивались, но стоять уже можно. Ничего, я сильная, я справлюсь.

Медленно, очень медленно, по стеночке, я подошла к маленькому зеркальцу. Вгляделась. А ведь барон может меня просто не узнать. Мы с ним виделись три раза, как сейчас помню. Первый – в честь нашей помолвки. Я тогда была причесана и накрашена матерью, все как положено, глаза, губы, брови, ресницы, локоны, уложенные в башню и украшенные шпильками с драгоценными камнями и нитями... Как же у меня потом голова болела! Кто бы знал! Но барон остался доволен. Хотя, ей-ей, под этой штукатуркой я бы сама себя не узнала.

Второй раз мы виделись, когда я оплакивала бабушку. И... кстати говоря – да! Вновь я была на себя не похожа. Поскольку ревела не переставая. Опухшее лицо, нос как груша, губы словно две лепешки, – красotka. Страшна, как шестичасовая проповедь. И волосы под траурным покрывалом.

Третий раз – я уезжала в городской дом. Вот это – самое плохое. Барон как раз видел меня без прикрас. Волосы все равно были под покрывалом, лицо я подкрасила, но не так сильно, как стоило бы. Не подумала.

Может он меня опознать? Сложно сказать. Если короля одеть в лохмотья и выпустить на причал, отличат ли его от нищего? Придет ли кому-то в голову, что это – его величество, лично? Вряд ли. Ожидает ли барон увидеть меня в Алетаре в роли лекарки? Тоже весьма сомневаюсь. Так что лучше не паниковать, но и на глаза ему не попадаться. Не прятать волосы, следить за осанкой и жестами, за голосом, манерами и окружающим миром. Проверки я не выдержу, значит, нужно просто под нее не попасть.

Справлюсь? Обязана. Иначе все будет напрасно. Закон в этом случае

не на моей стороне. Увы... Родители обещали мою руку, договор подписан, мое согласие до совершеннолетия не требуется, а наступает оно еще не скоро. Я сбежала, нарушив клятвы, с меня и спрос. Могут даже в тюрьму отправить. Хотя если выбирать между постелью барона и каторгой – я однозначно за последнюю. Там люди, говорят, выживают.

Есть и еще один выход – срочно выйти замуж. Только кто защитит моего мужа? Барон вполне может убить его, сунуть в карету и увезти меня. И? Польза от брака в этом случае ничтожна, а проблем множество. Так что это не выход.

Может, барона кто-нибудь убьет? На дуэли, например...

Я вспомнила Раштеля. И на пару минут позволила себе помечтать. Мало ли? У барона тоже своеобразные наклонности! Неужели на него не найдется ни одного брата, свата, мужа, отца?

Ах, если бы. Но надеяться надо на лучшее, а рассчитывать – на худшее. Так что делаем единственное, что мне доступно. Потихоньку, исподволь, собираем информацию. И не паникуем. Это всегда успеется.

Я посмотрела на бутылочку с успокоительным в своей руке и полезла за пробкой. Нечего злоупотреблять. Подумаешь – барон! Был барон, будешь – баран! Жертвенный! От стрелы в спину ни один титул еще не защитил, а знакомства на дне Алетара у меня есть. Лучше уж до конца жизни преступников лечить, чем закончить эту жизнь в неполные двадцать лет.

А ведь...

Под-дарочек на день рождения. Чтоб ты сквозь причал провалился, женишок. И никакие угрызания совести за дурные пожелания в адрес барона меня не мучили. Первая я в его сторону и шага не сделаю. Но защищаться буду всеми силами. А тем, кто меня осуждает, могу посоветовать попробовать баронские вкусы на себе. Говорят, после первой десятки синяков склонность морализаторствовать весьма и весьма уменьшается.

* * *

В доме Терренов мне был оказан самый теплый прием. Первым я осматривала маркиза. Мужчина уже вполне пришел в себя, передвигался по дому, опираясь то на трость, то на руку доверенного слуги, и выглядел весьма бодро.

– Что скажете, госпожа Ветана?

Я посмотрела в окно. Лил дождь.

– Сегодня, пожалуй, не стоит, а вот в сухую теплую погоду вы вполне можете попробовать выезжать в город. Хотя бы в карете по набережной.

– Отлично!

Я подумала недолго, потом попросила маркиза отослать слугу, что тот и выполнил.

– Я бы хотела попробовать осмотреть вас с помощью магии, ваше сиятельство.

Маркиз только кивнул.

– Что я должен сделать?

– Улечься на кровать и закрыть глаза. И не открывайте их, пожалуйста. Я маг очень неопытный, собоюсь мгновенно.

Его сиятельство еще раз склонил голову и медленно опустился на кровать. Вытянулся во весь рост, прикрыл глаза. Я взяла мужчину за руки, и сосредоточилась. И сила послушно хлынула сквозь мои ладони. Она текла свободным сильным потоком через наши переплетенные пальцы, сквозь тело маркиза, заставив его вздрогнуть от удовольствия. А я отметила, что это теперь для меня легко. Просто посмотреть – и немного подправить. Вот здесь сосуды опасно сужены, вот здесь какие-то наросты на стенках, а вот в этот участок надо просто влить силы – и побольше. Тогда он расправится и оживет.

Золотые искорки танцевали вокруг моих рук, окутывали кисти и голову маркиза, плясали под тяжелым балдахином. Но растягивать мероприятие я не стала.

Сила медленно схлынула.

– Ваше сиятельство?

Маркиз медленно расправил плечи, потянулся на кровати.

– Спасибо, госпожа Ветана.

Произнесено это было хоть и официально, но теплота, вложенная в тон, значила намного больше, чем десяток самых теплых уверений в дружбе и симпатии.

– Мне надо еще осмотреть вашу жену. Надеюсь, вы не против?

– Поверьте, госпожа Ветана, я не доверяю так нашему придворному магу, как доверился вам. И знаю, что вы не причините зла ни Даилине, ни моему ребенку.

Я опустила ресницы.

– Стараюсь, ваше сиятельство.

Сила бурлила и играла внутри меня. Ластилась, как послушный с виду котенок, а только дай волю – обернется тигром, прыгнет и понесется по дому, оборвав занавески и разбив окна. На маркизу с лихвой хватит, еще и

останется.

– Мне повезло, что Даилина нашла вас.

– Благодарю, ваше сиятельство.

– А я вот не знаю, как вас благодарить, госпожа Ветана. Пожалуйста, возьмите хотя бы это.

Книга лежала на столике у кровати. Большая, толстая, в тяжелом сафьяновом переплете и с золотыми уголками. Я коснулась ее пальцем.

– Ваше сиятельство?

– Откройте.

Я послушалась. И взгляд пробежал по заглавию. «Наставления, упражнения для развития силы и самоконтроля для юных магов».

– Ваше сиятельство!

– Понимаю, что по какой-то причине вы не хотите афишировать свои умения. Но надеюсь, книга будет для вас не лишней.

– О да! – Я крепко прижала книгу к груди. – Благодарю вас, ваше сиятельство!

– Вы для меня сделали намного больше, госпожа Ветана.

Взаимные расшаркивания продолжались недолго. А потом я захватила книгу и отправилась к маркизе. Том выпускать из рук я не собиралась. Нечто подобное нашла для меня когда-то бабушка. Только та книга была намного меньше. А эту...

Я уже знала, что прочитаю ее от корки до корки. Любая крупица знаний для меня бесценна. Со своим даром я бреду на ощупь в колючем кустарнике. И я стараюсь, очень стараюсь, но стоит ли открывать заново то, что уже пройдено до меня? Лучше воспользуюсь чужим опытом.

В случае с магами земли неудачи чреваты неурожаями и землетрясениями. С магами воды – наводнениями. Но стихийные бедствия пережить можно. А мои неудачи – это чья-то жизнь и здоровье. Так что – учиться и еще раз учиться.

* * *

Даилина Террен рада была меня видеть.

– Вета!

– Ваше...

– Мы же договорились! Даилина!

– Я только что была у вашего мужа, Даилина.

– И как он?

– В порядке – насколько это возможно для его возраста и болезни. Вы же понимаете, что от старости не лечат.

Даилина чуть расслабилась. Муж пока нужен был ей живым, чтобы признал ребенка, а маркиз твердо собирался дотянуть и до родов, и сколько можно дольше. Тут их цели совпадали. Только вот быть маркизой при старике еще лет десять Даилине не хотелось.

Она пошла на сделку, она продала себя, у маркиза появился наследник, но плодами сделки ей хотелось бы попользоваться не через десять лет, а хотя бы через два-три года. И тут я тоже могла ее успокоить. От старости лекарства нет, и даже то, что я сделала, – не отменит естественного хода событий. Смерть всегда возьмет свое. Не мозг, так сердце, не сосуды, так почки.

Маги жизни не смогут уследить за всем и сразу. Хотя, говорят, есть ритуалы, с помощью которых жизненную силу одного человека можно полностью перелить другому – и нужен для этого именно маг жизни. Но я бы на такое никогда не пошла.

Как я могу решать, кому жить, а кому умереть? Свою силу я отдать могу, а вот так, за счет другого... это вампиризм. Это гадко и противоестественно.

– Посмотришь ребенка?

– Разумеется.

Маркиза стрекотала без умолку. Рот у нее оставался закрытым, только когда я слушала сердцебиение будущего малыша. А иначе ничего бы не услышала.

Даилина болтала о том, что в нынешнем сезоне модно носить украшения из агата, что полоски – это чудо, но не всем они к лицу, что приемы, которые устраивает графиня Теорин, просто ужасны, что...

– А чей это герб – собака с лилией в зубах?

– Клодетты Лорист. Мерзкая особа. А что?

– Да просто любопытно. Пока добиралась, меня карета с этим гербом с ног до головы водой окатила, – соврала я. – Вот и решила спросить.

– Точно Клодетта. Она обожает гонять по столице.

– Хоть бы колокольчик на карету подвесила – чтобы народ разбежался, – проворчала я. – Похоже, она из низов выбилась?

Этого Даилине оказалось достаточно – сплетни полились потоком.

Клодетта была такой же, как и сама маркиза. Только замуж вышла раньше. Родила двоих детей, и муж у нее уже умер. А в остальном – все то же, все там же. Девочка из бедной семьи, стареющий любитель зеленых яблок... Интересно, его дети – от него? Уж очень Даилина осуждала

неизвестную мне Клодетту за то, чем грешила сама. Да и я, наверное, не лучше. Забавно, но мы очень часто не прощаем людям то, чего не решаемся сделать сами.

Сейчас Клодетта развлекалась как могла. Заводила и меняла платья, кареты, лошадей, любовников – старалась получить как можно больше удовольствия от жизни и плевать хотела на любые сплетни.

– А сейчас у нее новая игрушка. Какой-то барон из этого... Миеллена!

– У нас разве не война с ними?

– Идут переговоры. Воевать с нами – дураков нет.

Я кивнула.

Со времени Александра Проклятого никто не воевал с Алетаром. Так король-некромант тогда напугал соседей, что при одном его имени у всех родимчик приключался. Может, оно и правильно.

– Говорят, король пообещал, что все военные действия будет вести герцог Моринар. Палач – и миелленцы тут же заколебались.

Я мысленно посочувствовала герцогу. Да уж, врагу не пожелаешь. Сделали из человека главное пугало страны.

– Интересно, этот барон не боится, что герцог с него начнет?

– Кто ж его знает? Там такая история...

– Какая?

Мне стало ужасно любопытно, и Даилина это поняла.

– Говорят, от него жена сбежала. Или невеста, но прямо из храма. С другим мужчиной, в день свадьбы!

– Кошмар какой!

– Да, у некоторых женщин просто нет совести! Такой позор на всю семью!

– Просто ужасно! – согласилась я. И подумала, что Даилина была бы в шоке, увидь она исполосованную плеткой и покрытую ожогами Миру. Или нет? Это ведь девка из простого народа, а с равными барон так обращаться не будет.

Голос матери, словно наяву, прозвучал в моих ушах. Захотелось даже зажмуриться и помотать головой, но – нельзя.

– Вот! Договора подписали, барон, бедненький, пришел в храм, а там... такой ужас! И все начали над ним смеяться. Пришлось ему уехать из Миеллена!

Жаль, что сюда. Лучше бы куда подальше.

– А здесь над ним не смеются? Такой позор...

– Позор – на его невесте! Нельзя же осуждать человека за выходки глупой девчонки! – отрезала Даилина. – К тому же он помолвлен! Семья

его невесты, эти, как их... а, неважно, согласились выдать за барона свою вторую дочь, и свадьба назначена через год. Как раз и слухи забудутся, и невеста подрастет.

Я скрипнула зубами. Лаура, моя младшая сестренка. Младше меня на четыре года, она добилась от матери разрешения выезжать на балы с шестнадцати. Обожала флиртовать, танцевать. Это меня туда было палкой не загнать, а Лауре на балу было, как рыбке в озере. Уютно, спокойно...

И ее выдать замуж за этого садиста? Родители вообще озверели в своей жажде удовольствий?! Но о чем я? Родители делают так, как лучше им. А дети... а что – мало? Они их уже родили, уже вырастили и имеют полное право получить хоть какую-то прибыль с дармоедов!

Гр-р-р-р-р!

– Ветана?

Кажется, что-то отразилось у меня на лице, потому что в голосе Даилины звучало удивление.

Я улыбнулась.

– Прости пожалуйста. Я подумала – война войной, а женитьба не отменяется?

Даилина хихикнула.

– Жизнь продолжается.

И за мои выходки придется расплачиваться другому человеку? Не хочу! А что я могу сделать? Нанять убийц для барона? Объявиться в храме и потребовать справедливости, устроив скандал на весь Миеллен? Выплатить родительские долги?

О, а вот это мысль! Только непонятно, где столько денег взять.

– И в твоём случае – она будет продолжаться мальчиком. Как мне кажется.

– Правда?!

Маркизы, бароны и прочая начисто вылетели из головы Даилины. Женщина с радостным визгом бросилась ко мне на шею.

– Мальчик?!

– Задушишь!

– Мальчик!!!

Кстати – я не лгала. Было у меня такое ощущение.

* * *

Дома я заходила из угла в угол. Р-родители! С-сволочи! А чего я

ждала? Что папа с мамой благородно заплатят барону скромный долг, которого хватит еще один замок прикупить, откажутся от удовольствия ради детей и просидят невесть сколько в деревне? Особенно если можно просто перенести договоренность с одной девушки на другую? Не я – так сестра, не старшая, так младшая, вам же лучше, из нее что хочешь вылепить можно...

Конечно, барон согласился. Лаура симпатичнее меня, она выше, стройнее, и волосы у нее не черные, а каштановые, а кожа – очень белая. Сестричка у меня красивая. А вот какая она станет после свадьбы с этим... этой тварью?!

Я еще раз вспомнила Миру и содрогнулась. Родители сильно должны барону. Но самое ужасное, что даже если я заплачу долг... Я-то этого сделать не могу! Должна буду отдать деньги отцу, а тот уже – барону. И? Кто-то верит, что деньги попадут по назначению? Если можно получить и двух девушек, и деньги, и массу удовольствия?

Я вот не верила ни на минуту.

Можно упасть в ноги герцогу, но барон приходится ему какой-то дальней родней. Так что неизвестно, в чью пользу будет решение.

Украсть Лауру?

И как это должно выглядеть? Это я достаточно страшненькая, чтобы жить в Желтом городе. А появись здесь такая красавица – смогу ли я ее защитить? Обеспечить? Выдать замуж за достойного человека?

И вновь ответ – нет.

Брат? Тут я на помощь не рассчитываю, он вырос копией отца. Только симпатичнее.

И где выход? Пойти к другому магу и напустить на барона порчу? Я могу, только это карается виселицей. Если порчу обнаружат, снимут, найдут мага...

Найдут. В Алетаре с этим строго.

Уехать куда-нибудь и всю жизнь радоваться своей подлости и трусости? И так плохо, и этак нехорошо. И кто сказал, что барон не приедет и туда? Вот куда я уеду? Явился же он в Алетар? Просто так – или по моим следам?

Мысль словно плетью хлестнула.

Мог ли он меня выследить? Сложно сказать. Я не самая приметная девушка, это на сестру и мать оборачивались даже огородные пугала. А я – так. Воробей.

«За тобой три зла. Зло в прошлом, зло в настоящем, зло в будущем. Два зла могут сожрать друг друга, третье – тебя. Пожалеешь многое –

потеряешь все. Зло уже идет. Берегись добра, оно бывает злее»

Слова старой рофтерки звучали в ушах. Зло в прошлом – барон Артау? Это он уже идет? Я вдруг фыркнула – и принялась смеяться до слез. Видимо, истерика началась. За мной три зла? Замечательно, на всех хватит! Два могут сожрать друг друга? Авось барон окажется в числе съеденных! Третье – меня? Тогда надо повышать уровень костлявости и ядовитости. Чтобы встать у любого зла поперек глотки. Не подавится, так отравится!

Что еще остается? Только смеяться. Потому что плакать... Неужели я плачу? Да. Это я сижу за столом, опустив голову на расшитую ирисами скатерть, и рыдаю так, что самой страшно. Это именно я.

Какая же я дура. Дрянь и дура.

* * *

Дура или не дура, а на работу идти надо.

Лечебница встретила меня привычным запахом карболки^[12]. Сейчас здесь стало почище. Нельзя сказать, что стали чаще убирать или число уборщиц увеличилось. Но я в качестве благодарности от больных принимала только уборку. Помыть полы, окна, что-то постирать... Постепенно, шаг за шагом, в лечебнице становилось чище.

Обход прошел как обычно. Ничего нового, ничего удивительного. Беременности, роды, болезни, раны, переломы и ушибы – что принесли за ночь. Ночь у нас пора богатая, уж сколько дурачья несут из портовых районов...

Вот и еще один пострадавший. Лет семнадцати, огненно-рыжий, с большими голубыми глазами и тонкими длинными пальцами. Я пригляделась внимательно.

А ведь... Пальцы тонкие, длинные, с аккуратно обработанными ногтями, без заусенцев, руки чистые, без мозолей... Будь мы на приеме у короля – я бы сказала: «аристократ». А здесь – нет. Карманник. Синяк на пол-лица расплылся, видимо, кто-то заметил, как его «ощипывают», да и угостил рыжика чем потяжелее.

Это понимали и остальные лекари. Карнеш быстро осмотрел бедолагу и принял решение.

– Два дня еще лежишь, потом гуляй. Проблем быть не должно. Но сегодня-завтра лежи спокойно, а то потом начнет голова болеть или в глазах двоиться.

Судя по лицу парня – хоть пять дней пластом пролежит, лишь бы без

последствий. В его профессии такое недопустимо.

Но к воришке мы относились спокойно. Ни следить за ним, чтобы что-то не стащил, ни приглядывать никто не собирался. Лечебница же. Сегодня ты в ней пошакалишь, а завтра сюда же и попадешь. И отнесутся к тебе безо всякой любви и симпатии, были несколько раз прецеденты. Так что я могла спокойно оставлять одежду и обувь, даже деньги в комнате отдыха.

Никто не возьмет.

С тем я парнишку из головы и выбросила.

Поболтала с Бертенем, согласилась прогуляться с ним в выходные, но уже не по набережной. Вдоль побережья ходили лодочки. Получше – для аристократов, и чуть попроще и подешевле, но для «чистой публики». Можно было поплавать несколько часов, пристать к берегу, устроить завтрак на траве... Я согласилась и пообещала что-нибудь приготовить. Бертен довольно улыбнулся.

Хороший он...

А вот я поступаю подло. Он – простолюдин, я аристократка, то есть у нас ничего быть не может. Разве что короткая связь после того, как я выйду замуж. Конечно, за кого-нибудь своего круга. А я подаю ему надежду. Порядочно ли это? Нет. Тем более что замуж за него я не пойду. Но... хочется хоть какой-то иллюзии тепла. И нормальной жизни. Хотя бы ненадолго.

День шел как обычно. Два перелома; одна дурочка, которая на седьмом месяце принялась тазы с бельем таскать, едва спасти успели, что ее, что ребенка, теперь будет у нас месяц лежать как миленькая; рваная рана... Ничего нового, ничего интересного.

Разве что доставили целую охапку лекарственных растений. Харни сказали, что это от виконта Леклера. Господин Растум порадовался, мы тоже, и принялись за разборки. Сам виконт не явился, так что Харни Растум решил отправить ему благодарственное письмо. Вдруг еще чего пришлет?

Мне об этом размышлять было некогда. Я читала книгу, которую раздобыл для меня маркиз, делала упражнения, с радостью понимая, что многое уже умею, и прикидывала, как бы попрактиковаться. Хотя это себя ждать не заставит. С моей-то работой...

Глава 7

Женщина лежала на боку и стонала. Симпатичная, высокая, с темными волосами, светлыми глазами и правильными чертами хорошо вылепленного лица. Сейчас лицо искажалось болью, расплывалось, смазывалось... Она обхватывала живот руками, выгибалась, жалобно вскрикивала.

Роды. Тяжелые, болезненные, и... Темного крабом! Вообще, лекари говорят так: отошли воды – начались роды. А тут воды, похоже, давно отошли. А она еще не родила. И даже...

Я привычно принялась прощупывать женщину. М-да. Потуги есть, а вот собственно родовой деятельности и не наблюдается.

– Принеси обезболивающее, – попросила я служительницу, а стоило той выйти, пустила в ход свои умения.

Паршиво.

Если кто не знает, роды – это мероприятие, которое требует от женщины всех ее сил и еще немножечко сверху. А у нее силенок и не осталось, считай. Не знаю, что эта дурочка делала, но вымоталась она до изнеможения. Критического, в ее случае.

Роды начались, а силы на них и нет. Вообще.

– Вот.

Линда Морли протянула мне стакан с разведенным маковым молочком.

Женщина оказалась настоящей находкой для лечебницы. Неглупая, не брезгливая, не боящаяся крови, расторопная чистюля стала хорошей помощницей. Я знала, что она выбирала дни, когда я дежурю, и старалась работать именно со мной. Видимо, потому что я отнеслась к ней по-человечески, сюда привела, посоветовала... Линда работала не за страх, а за совесть, и даже про морячка своего вроде как призабыла.

Я поднесла к губам женщины стакан, постепенно напоила ее, и с удовлетворением увидела, как из больших голубых глаз уходит боль.

– Тебя как зовут?

– Лиана. Лиана Торон.

Лиана, Лиана...

– Скажи, а госпожа Риона тебе не знакома?

– Это моя тетя. А...

Я кивнула Линде:

– Надо девчущку перевести в другую палату. Те две, в конце коридора, одна вроде как свободна? Принеси туда белье и приготовь все для родов. И найди, кого послать к ее тете.

– Я не... мой муж...

Я прикрыла Лиане рот ладонью.

– Пока ты здесь – слушаешь меня. Хочешь, чтобы с тобой и с ребенком все было в порядке?

Женщина закивала.

– Тогда слушайся. И рассказывай, почему ты так поздно у нас оказалась?

Линда ушла готовить палату, а Лиана заговорила, вцепившись в мою руку.

Я слушала, смотрела в большие голубые глаза и скрипела зубами. Девочки, милые, что ж вы дуры-то такие бываете? Хотя мне ли ругаться? Лиана была тяжелым случаем. Воспитанная забитой матерью и властным отцом, она и свое предназначение видела в том, чтобы выйти замуж, отрожаться, вырастить детей и умереть. Шаг влево, шаг вправо... А зачем его делать? Грех ведь! Светлый не одобрит! Ничего особо страшного в этом не было, так живут многие женщины, но...

– Ты почему сразу не пришла, как только воды отошли?

– Муж... Мы хотели...

Ага, «мы»! Просто супруг заставил девчущку отстоять службу в храме. Воды у нее отошли как раз, когда они в храм собирались, ну и... если супруга пойдет рожать к повитухе, значит, ему самому придется вести детей в храм, потом домой, потом кормить их завтраком, договариваться с соседкой... Не мужское это дело!

Вот мужчина и распорядился. Мол, вы, бабы, все равно, как кошки, рожаете, сначала все дела переделай, а уж потом рожать иди. Да не к повитухе – дорого! В лечебницу для неимущих!

Я скрипнула зубами.

– Сколько у тебя детей?

– Трое...

– Я бы не сказала, что ты рожала.

– А это мужа, от первого брака. У него первая жена тоже родами умерла.

И вот это «тоже» мне чрезвычайно не понравилось.

– Если ты умереть надеешься – так зря! Я тетке твоей обещала, что тебя вытащу.

– Она была здесь?

– Госпожа Риона мне про тебя рассказала. Так что готовься.

За этим разговором я положила руку несчастной дурочке на спину, и незаметно подпитывала ее силой. Оказывается, так тоже можно. Лиана чувствовала только тепло от моей ладони, а я точно знала, что крохотные золотистые искорки сейчас скатываются с кончиков моих пальцев, проникают внутрь роженицы, и она вместе с ребенком напитывается силой. Еще немного – и она отлично справится.

Но какая ж дрянь ее муженек! А еще в храм ходит!

Впрочем, это вполне совместимо, сколько раз убеждалась. Искренне считаю, что на половину верующих в храмах вторая половина приходится тех, кто считает: «пришел, помолился, и делай гадости дальше, Светлый простит». Муж Лианы явно относился ко второй половине.

Ну погоди ж ты у меня.

– Все готово.

Это вернулась Линда.

– Помоги мне. Надо ее перевести в другую палату. И... нам будет весело.

* * *

И нам таки действительно было «весело». Роды и сами по себе мероприятие болезненное и кровавое, а уж тут-то... Пришлось выложиться до доньшка. Когда Линда не видела, я подпитывала девчонку силой, потом, когда ребенок пошел, оказалось, что движется он вперед ножками, и это бы полбеды. Но пуповина захлестнулась в петлю.

Пришлось распутывать, а каково это на ощупь...

Не будь я магом жизни – сегодня бы мы потеряли и мать, и ребенка. Кстати – симпатичную маленькую (хоть тут повезло, была бы крупная, порвали бы бедолажную мамашу в лоскуты) девчушку с темным пушком на головке.

С меня семь потов сошло, Линду несколько раз начинало тошнить, и она вынуждена была выходить, чтобы не рухнуть в обморок, да и другие больные не давали покоя. Кому перевязку, кому помощь...

Хорошо, что их тоже взяла на себя Линда.

А я вытягивала с того света Лиану. Зашивала разрывы, останавливала кровь, подпитывала силой... М-да, не попадись она мне, даже кормить малышку не смогла бы. Организм девчонки был вымотан до такой степени, что даже на молоко энергии не оставалось.

Когда я наконец оставила спящую мать рядом с малышкой в колыбели и выползла в коридор, выглядела так, что госпожа Риона побледнела, пошатнулась. Прислонилась к стене.

– Лиана...

– Да жива она, жива. И дочка ее жива, – проворчала я. – И все с ними будет нормально, если отлежится.

Госпожа Риона всхлипнула. А потом, не обращая внимания ни на кровь, ни на пот, который стекал по мне ручьями, ни на свое дорогущее шелковое платье, шагнула вперед и крепко обняла меня.

– Веточка... спасибо тебе, родная. Спасибо...

И столько чувства было в этих словах! Любит она племянницу. И малышку любить будет, и все ради них сделает, я-то вижу.

– Да ладно... вы же нам тоже сколько добра сделали.

– Я...

Линда подхватила меня под руку.

– Отпустите ее. Ишь, повисли. Видите же, госпожа Ветана едва на ногах стоит! Ей бы сейчас взвара послаще и медку летнего. У меня уж все готово, стоит.

Вот тут она попала в точку. Сладкое очень хорошо восстанавливает силы, поэтому...

Госпожа Риона подхватила меня под руку и потащила в комнату отдыха для лекарей. Только там, прихлебывая из чашки обжигающе горячий малиновый взвар и отправляя в рот ложечку с медом, я и начала приходить в себя в достаточной мере, чтобы поведать сидящей напротив женщине о родах ее племянницы. Охать и ахать госпожа Риона не стала, не тот характер, но глаза у нее сузились.

– Ах ты, сукин сын! Мало того что на пятнадцать лет старше, что Лианка его детей нянчит, так еще и это?

Неизвестному мужчине я искренне посочувствовала. Кажется, когда до него доберется любящая тетя, ему еще долго будет икаться и чесаться.

День потек своим чередом: несколько переломов, два ножевых ранения, тяжелый ожог – в порту мужчина не уследил и плеснули ему на ногу кипящей смолой – и пьяная драка со множеством синяков.

Когда за мной прибежала Линда, я даже сразу не поняла, что происходит. А когда вникла, решительно отстранила женщину и направилась по коридору, кипя праведным негодованием.

Палата. На койке лежит бледная и растрепанная Лиана. В люльке рядом качается малыш, которую женщина решила назвать Тисой, в честь матери. А над койкой возвышается здоровущий мужик лет сорока. Этакая гора плоти с красным складчатым затылком. Квадрат на ножках, что положить, что поставить. Редкие светлые волосы острижены под горшок, здоровущие ручищи уперлись в бока, ноги в грязных сапогах широко расставлены. От Лианы я знала, что муж у нее работает мясником, ну так вид у него был, словно он одним мясом питается. На завтрак, обед и ужин.

– ...домой! Нечего тут прохлаждаться! – расслышала я.

И форменным образом рассвирепела.

Кошки в таком состоянии раздуваются втрое, шипят и норовят доходчиво разъяснить общеизвестные истины нахалам. Сначала когтями вдоль, а потом и поперек. У меня руки тоже скрючились на манер птичьих когтей, но потом я справилась с собой и шагнула внутрь. Так, чтобы остановиться в дверях.

– Служителей позови. Не ровен час, что...

Линда унеслась прочь, а я постучала по дверному косяку кончиками пальцев. Тук-тук-тук. Тук-тук.

– Не помешаю, господа?

Мужчина обернулся. М-да. Искренне надеюсь, что девочка не в него пойдет. Лиану можно было назвать красавицей, этого же... боровом на откорме. Учитывая реалии – хряком.

– Вы еще кто?

И голос такой же неприятный, словно хрюканье. Или это я пристрастна?

– Воспитанные люди представляются первыми, – мой голос стал опасно низким, – но так и быть. Госпожа Ветана, лекарка. А вот кто вы, любезнейший? И по какому праву вы нарушаете покой больного человека и порядок в лечебнице?

Сразу хряк и не испугался. Прищурился.

– Варгос Торон. А это жена моя, Лиана Торон.

– Будем знакомы. Итак?

– Что?

– По какому праву вы нарушаете покой больного человека и порядок в лечебнице?

Я сбросила маску. Выпрямленная спина, надменное лицо, ледяные глаза, и главное – тон. Сейчас высокородная дама требовала ответа от плебея, который посмел явиться в грязных сапогах в ее дом.

Не важно, что за мной сейчас не стоит мой титул. Я – лекарь! Это –

моя больная. И любого, кто может сделать ей хуже, я сама порву на ленточки. Это мое право и обязанность. А сила... На всякую силу найдется другая.

И подействовало. Мясник стушевался, вильнул взглядом.

– Я... жену домой забрать.

– Придете через месяц, – спокойно сообщила я.

– Что?!

– А чему вы удивляетесь, любезнейший? – К холоду добавилась изрядная доля яда. – Вы сегодня едва не стали убийцей. Вам надо срочно идти в храм и замаливать тяжкий грех, потому что только мое вмешательство не позволило вам погубить жену и дочь. И то, часом бы позже...

Варгос засопел.

– Это мы сами разберемся! А месяц...

– Месяц – это слишком мало, – согласилась я. – Ваша супруга сейчас даже ходить не может.

– Я... могу...

Лиана попыталась шевельнуться на кровати, но не с ее разрывами и швами!.. Может, дня через три-четыре она и сможет ходить, а до того... Дай Светлый, малышку бы кормила.

Госпожа Риона уже обещала прислать сиделку.

– Вот видите, все она может! – обрадовался Варгос. – Так что жену я забираю.

Я мило улыбнулась.

– А у вас помощники есть? Или один делом занимаетесь?

Мужчина аж рот открыл. Но от неожиданности ответил:

– Есть, как не быть. Дело наше такое, иногда один и не справишься.

– Так вы, как домой придете, помощнику скажите, чтобы дело принимал, – мурлыкнула я. – А то из тюрьмы-то сложно...

– Тюрьмы?

У мужчины глаза открылись шире рта.

– А то как же, – я почти выпевала слова. – Как только вы супругу отсюда забираете, сразу же иду в стражу, да и сообщаю, что вы ее хотели в могилу свести, как и первую жену. И по сей день хотите. А потом и к вам. Думаю, двух часов хватит. Лиана, можешь малышку не забирать, все равно сюда вернешься, проголодаться не успеет.

Варгос побагровел.

– Да кто ты такая, чтобы...

– Вы, любезнейший, на ухо туги?

Мужчина двинулся на меня, грозно сопя. Я заметила, как съежилась на кровати Лиана, и поняла, что это означает. Я была ниже мясника на голову, но двинулась вперед не менее целеустремленно. Так, что Варгос даже опешил от неожиданности, остановился...

И подошла близко-близко.

От него пахло несвежим мясом. Воняло кровью и потом. Старым, прогорклым. Смердело. Ничего, потерплю ради хорошего дела.

– Только пальцем шевельни, – выдохнула я гадючьим шипением. – Привык жену безответную колотить? Я тебя на каторгу вмиг отправлю, хрюкнуть не успеешь! Вся городская стража сюда ходит, я их всех по именам знаю!

– Да я тебя... Пока стража сюда доберется, тебе самой лекарь понадобится!

Мужик напирал на меня, и требовалась вся сила воли, чтобы не шевельнуться, впиваясь яростным взглядом в его зрачки.

Я сильнее. Видит Светлый, я справлюсь! Не могу я отпустить девчонку, это все равно что угробить ее! Ей лежать и лежать, а дома этот гад ее тут же закрутит! Подай, принеси, полежи...

Тяжелая лапища легла на мое плечо. Я собралась с духом. Убивать моей силой нельзя. Но что-нибудь приятное я тебе сейчас устрою. Спасибо маркизу, в книжке много полезного. Ты у меня узнаешь, что такое мужское воспаление!^[13]

Не успела. Поверх лапищи легла еще одна рука.

– Госпожа Ветана, что случилось?

– Господин Самир!

Стражнику я обрадовалась, как родному. Но сказать ничего не успела.

– Эта девица мне мешает жену забрать! Вконец обнаглели!

Мясник раздулся втрое от праведного гнева. Но на господина Самира впечатления не произвел.

– Вы бы, господин хороший... Звать вас как?

– Варгос Торон.

– Вы бы руку-то убрали? А то ведь нехорошо получиться может...

– Очень нехорошо, – прогудели из коридора. – Рука, она и сломаться может. Аж в трех местах. Полы здесь скользкие...

В коридоре, небрежно опираясь о стену, стоял здоровущий служитель. И выглядел так устрашающе, что Торон сглотнул. А потом осторожно убрал руку с моего плеча.

– Извините. Погорячился.

А злобные искорки в свинячьих глазах говорили о другом. Не

погорячился. Разозлился. И зло сорвет на безответной жене, как только ее в руки получит. Что ж, постараемся оттянуть этот момент.

– Господин Самир, вы пришли вовремя, чтобы предотвратить убийство.

– Убийство?

Я кивком головы показала на Варгоса.

– Господин Торон не упомянул, что госпожа Лиана, – я специально не назвала ее по имени мужа, – находится в тяжелом, критическом состоянии. Кстати, по вине супруга. У несчастной рано утром отошли воды и начались схватки. Ребенок лежал неправильно. Вместо того чтобы сразу бежать к повитухе или хотя бы отвезти жену к нам, сей достойный господин заставил ее отстоять службу в храме, потом полдня бегать вокруг него и его детей от первого брака, а когда несчастная попала к нам, было уже поздно для естественной помощи. Пришлось вынимать ребенка, резать, накладывать швы. Она выжила чудом – и супруг хочет забрать ее домой, чтобы она там умерла, обслуживая все его семейство? Я не для того полдня здесь мучилась, чтобы мою работу на нет свели!

Господин Самир нахмурился.

– Это правда?

– Да не говорила она ничего! И вообще, может, это...

Не подействовало. Стражник покачал головой.

– Давайте-ка выйдем. Больная...

– Да она сама хочет со мной уйти! – взвился мясник.

Я непреклонно выставила вперед руку.

– Не может она сейчас думать! И здраво отвечать – тоже не может. Ее резали и шили под обезболивающими, она ничего не соображает. Ее перевозить-то страшно, кровотечение откроется, и обратно донести не успеете.

Конечно, я преувеличивала. Подобные рассечения делают десяткам женщин, и кровью никто не истек. Ну, будет ходить, скорчившись в три погибели, помучается, пока все подживет, но есть одна загвоздка. Супружеский долг девчонке исполнять месяца три нельзя. Лучше даже больше. А кабан этот сдерживаться не привык, Лиана обмолвилась, что он ее до последних дней на кровать таскал. Порвет сейчас швы, а я каждый день штопать буду?

Нашли вышивальщицу!

– Выйдем отсюда, – надавил Самир. – Выйдем, а там поговорим.

Так мы и поступили.

В комнате отдыха для врачей сидели трое. Я, господин Самир и господин Торон. Сидели, злобно переглядывались.

Первым начал господин Самир.

– Я правильно понимаю, господа? Вы, господин Торон, хотите жену забрать, а госпожа Ветана считает, что для здоровья ей бы еще тут полежать?

Я кивнула.

– Господин Торон, а почему вы не хотите ее здесь оставить? Здоровье ведь, потом его ничем не восполнишь.

– А дом? Дети? Хозяйство? – возмутился мужчина. – Я один, что ли, буду со всем этим управляться?

– Как приятно знать, за что тебя ценят, – съязвила я. – А вы что – даже помощницу по хозяйству жене не нанимали? На последних месяцах? Чай, семья не бедствует?

Мясник побагровел, но ругаться здесь и сейчас ему было не с руки. А вот хамить – это мы можем, это у нас в крови. И как в одном сословии уживаются и благороднейшие люди, и откровенное быдло?

– Вы бы, госпожа, чем в чужие семьи лезть, своей обзавелись. Глядишь, и времени на глупости не останется.

– Благодарю за совет, обязательно ему последую, – оскалилась я, – но речь сейчас о том, что я лекарь. И вашу супругу домой не отпущу. Пусть на ноги встанет.

– Она сама хочет со мной уйти.

– Вот пусть завтра и скажет об этом. А пока она недееспособна, – отрезала я.

Мясник засопел.

– Думаю, завтра к вечеру и будет ясно, – подвел итог стражник. – Идите домой, господин хороший, а жена ваша пусть в себя придет. Тогда и разберемся, куда ей ехать.

– Но я же...

– Вы что, хотите, чтобы ваша жена померла раньше времени? Нехорошо это, никак не хорошо, – Самир смотрел укоризненно.

Варгос не нашел, что на это заявить, и удалился. Господин Самир перевел взгляд на меня.

– Госпожа Ветана, а ведь если девчушка завтра уйти захочет, вы ее не удержите.

- И не стану, – согласилась я.
- Он супруг, все права у него...
- Право свести ее в могилу – в том числе?
- Вы же понимаете...

Самир выглядел смущенным.

– Все я отлично понимаю. Тот случай, когда и сделать что-то нельзя, и ничего не делать – тоже нельзя. Но закон обещаю не нарушать, – согласилась я.

Получила в ответ почти отеческое похлопывание по плечу, и стражник откланялся. А я проводила его до ворот и отправилась в палату к Лиане.

Как и ожидала, госпожа Риона была уже там. Линда полумерами не ограничивалась, она послала посыльных ко всем заинтересованным лицам.

– Ушел козел? – вежливо осведомилась дама, покачивая люльку с малышкой Тисой.

Лиана спала и просыпаться не собиралась, макового молочка мы ей дали более чем достаточно.

Я почти рухнула на соседнюю кровать.

– Ушел. Сегодня мы ее отстояли, но завтра он вернется. А спорить с мужем ваша племяншка не сумеет.

Госпожа Риона кивнула.

– Госпожа Ветана, вы же понимаете, что нельзя ее бросить на растерзание вот этому...

– Нельзя, – согласилась я. – Ей бы еще дней десять, лучше двадцать, полежать, а потом и от близости с мужем месяца три воздерживаться. А то и побольше, все же досталось ей сегодня знатно. Только у этого кабана на лбу написано, что все для его удобства. И как только угораздило?

– Так вот. Мать умерла, отец замуж выдал. А теперь эта дуреха мне в глаза твердит, мол, что Светлый соединил, человек да не разлучит. Хотя у меня денег на три жизни вперед хватит, голодать не придется. И развод я бы устроила, есть возможности, но ведь отказывается!

Я задумчиво смотрела в окно.

– Сегодня я дежурю. Сами понимаете, дел много, да и случись что – я женщина хрупкая, слабая, беззащитная...

Госпожа Риона оскалилась.

– Вета, милая, век тебе обязана буду.

– Лучше вы племянницу сберегите, – отмахнулась я. – Если правильно понимаю, она же к мужу назад рваться будет! Человек такой...

– У меня есть имение. Отсюда на корабле плыть и плыть. И с корабля никуда не денутся. Вредно для нее такое?

Вообще-то да. Но я подозревала, что ни один корабль не нанесет Лиане столько вреда, сколько нанес уже законный супруг, а потому вздохнула.

– Вы возьмите ей кого в помощь. И лекаря наймите, что ли? Хоть ученика. Успеете?

– До ночи времени много.

Госпожа Риона откланялась.

Я посмотрела на спящую женщину. Ты меня, конечно, не поблагодаришь за такое вмешательство в судьбу. Но хоть жива останешься. А там, глядишь, и поумнееешь.

* * *

Вскоре после полуночи наша лечебница лишилась одной больной. Лиану осторожно вынесли на носилках, забрали малышку, забрали ее вещи, вплоть до стоптанных туфель, в которых пришла несчастная. Я бы от мужа только из-за этих башмаков ушла. Грубая свиная кожа, дыры и заплаты, сбитые носы и ободранные каблуки. Эти ботинки, наверное, Алетара Раденора помнили.

Бр-р-р...

Помахав госпоже Рионе, я отправилась дежурить. Работа, работа и еще раз работа. Переполох начался с обеда. Я его уже не застала, поскольку ушла домой отсыпаться, но вечером в мое окошко постучался Бертен.

– Вета, в гости непустишь?

Я пустила. И услышала интересную историю.

Как оказалось, никто не хватился пропажи аж до обеда. А в обед явился Варгос Торон и потребовал обратно жену, которую злонамеренно удерживает в лечебнице не менее злонамеренная лекарка. Наткнулся он на Карнеша Тирлена, который кротостью не отличался, а мне симпатизировал, и попал как петух в ощип.

Карнеш принялся допытываться, что было с женой, что сказала лекарка, что сказал стражник... Спустя полчаса окончательно взмокшему и взбесившемуся Варгосу было сказано, что молиться на лекарку надо, не дала грех взять на душу. Это разозлило мясника еще больше, и он потребовал встречи с женой.

Увы – в палате было пусто. Срочно вызванная Линда клялась и божилась, что женщина была. Но куда она делась, Линда даже и не подозревает. Госпожа Ветана? Да нет, они всю ночь работали не покладая

рук. Какое там – чужих жен воровать? Да еще неясно – зачем? И где держать-то мать с младенцем?

А вообще, господин Нехороший (от хороших жены не бегут), вы бы за собой смотрели. Как вы вчера лекарку обижали – все слышали. Что с женой сделали – тем более. Другой бы на вашем месте сидел тише воды, ниже травы, а вы невесть что устраиваете! Если вы жене дороги, она обязательно к вам вернется. А если нет... Судьба у вас такая. Ничего, в Раденоре разводы законом дозволены.

Варгос орал, топал ногами, звал стражу, но... бесполезно. Все было безрезультатно. Лиана пропала, как и не было. Мужчина пообещал разобраться с вопросом и хлопнул дверью.

Бертен рассказывал и посмеивался, глядя на меня.

– Вета, а куда его супруга делась?

Я невинно развела руками.

– Не знаю, Берт. Никак не могу догадаться. Но я бы на ее месте бежала и далеко, и быстро.

– Будем надеяться, она с мужем не встретится. Зол он не на шутку.

– Наплевать, – отрезала я. – Лучше пусть он злится, чем она умрет. Ты бы ее видел! Тощая, бледная, в чем душа держится, синяков россыпь...

– Да понимаю я. Отец у нее изрядная сволочь, нашел мужа дочери...

Я пожала плечами. Кто бы спорил? А самое страшное, что все из лучших побуждений! Из самых лучших!

* * *

В этот раз в мое окно не скреблись. Я проснулась, когда меня осторожно потрогали за плечо.

– Доброй ночи, госпожа Ветана.

Каких усилий мне стоило не подпрыгнуть на кровати, не заорать, не выругаться и даже не описаться – сказать страшно. А могла бы.

– Вы... кто?

– Позвольте свечку зажечь?

Я проверила одеяло – оно плотно укутывало меня до кончика носа – и кивнула.

– Зажигайте.

– Соседей не беспокоим?

– Они не побеспокоятся, даже если вы ко мне будете с фанфарами ломиться. Всякое бывало. А как вы сюда вошли?

– Замки, госпожа Ветана, у вас только от честных людей. Вы бы засов запирали...

– А у меня есть что красть?

– Вы девушка симпатичная...

– И вы влезли в мой дом, чтобы меня порадовать этой новостью?

– И умненькая. И храбрая, судя по вашему поведению.

Стукнул кремень, вылетели несколько искорок – и в комнате чуть посветлело. Свеча зажглась. Я прищурилась на гостя. Высокий, рыжий, нескладный, но удивительно обаятельный, лет сорока на вид... Кого-то он мне напоминал?

Минуту...

– Скажите, а у вас сына нет?

Рыжий расцвел улыбкой.

– Госпожа Ветана, умная женщина – просто подарок мужчине. Любому. Узнали?

– Был у нас в лечебнице один рыжик. Очень на вас похож. Сын?

– Угадали.

– А... с ним что-то не то?

Лицо мужчины стало жестким.

– Откуда вы знаете?

– Вы на больного не похожи, – объяснила я. – А раз так, чего сюда лезть?

– Верно. Я не болен. А вот что с моим сыном – не знаю.

Я вскинула брови. Мужчина заметил гримасу и вздохнул.

– Сынок мой пропал, госпожа Ветана.

– В лечебнице?

Мне невольно припомнилась Линда с ее морячком. Второй уже? Не многовато ли?

– А вот сложно сказать. В лечебнице ли, рядом ли с ней... Из лечебницы он ушел, а домой не пришел. И где он – непонятно, и что с ним – неясно.

Я потеряла виски, постаралась сосредоточиться.

– А с чего вы взяли, что я могу что-то знать?

– Конечно, вряд ли вы знаете, – согласился мужчина, – но с кого-то начинать надо. Я ведь на городском дне человек не из последних, а вы в своей профессии личность известная.

– Откуда?..

– Такое прозвище – Угорь – вам знакомо?

Я скрипнула зубами. Ну, к-контрабандист, чтоб тебе рыбы крабами!

- Знакомо.
- Он мне рассказывал, что штопал его хороший лекарь. И имя называл. Когда я узнал, что сын пропал после лечебницы, начал справки наводить и про вас услышал. А там и вспомнил.
- Мне считать себя польщенной?
- Мы ведь разговариваем по-хорошему, а не с ножом у горла? – вежливо осведомился собеседник.
- Кто ж вам помешает его достать, – хмыкнула я. – Вы здесь один или с подручными?
- Один. Ни к чему им такое знать.
- Я припомнила рассказы про городское дно и понимающе кивнула.
- Судя по всему, я не ошиблась в догадках.
- Ваш сын учился ремеслу карманника? Щипача?
- Угадали.
- А вы вор, да?
- И вновь угадали, госпожа Ветана. Догадливая вы...
- Я не гадала, я предполагала. У него руки такие были... не рабочие. А если вы сына ищете втихорца, значит, нельзя вам о нем рассказывать. Почему? Либо вы вельможа, только уж простите, вы так не выглядите, либо вор.
- Знаете про наши обычаи?
- Так, немного. В Желтом городе живу.
- Странно было бы не знать. Есть воры, а есть короли воров. И вот королям нельзя иметь семьи, детей, нельзя к кому-либо привязываться – закон. Если его кто-то нарушит, может и жизни лишиться.
- Симус – мой сын. И даже он об этом не знает. Считает, что мать его невесть от кого нагуляла. Госпожа Ветана, вы понимаете, что за такие тайны...
- Вы мне голову с косой оторвете? Понимаю. Сразу отрывать будете или подождете?
- Подожду, пожалуй. Скажите, что произошло с моим сыном?
- Я попыталась вспомнить.
- Вы знаете, ничего серьезного. Получил по морде от благодарного клиента, синяки страшнее выглядели, чем грозились. Разве что голова кружилась. Мог пару дней у нас отлежаться, а потом уходить. Но я помню, отметила, что его нет, да и забыла. Больных много, места мало.
- Вот-вот. Был, да ушел. Но до места не добрался.
- А по дороге с ним ничего случиться не могло?
- Не знаю. Узнавать буду. Госпожа Ветана, и вас я попрошу:

поспрашивайте по лечебнице. Может, кто-то что-то и знает...

Я пожалала плечами, спохватилась и прижала к себе сползающее одеяло.

– А почему вы считаете, что я вам стану помогать?

Мужчина ухмыльнулся. Недобро, как бешеная лиса.

– Я мог бы напомнить вам про вашу помощь Угрю. Но шантажировать не стану. Лучше подумайте, чего вам хочется? Денег? Так я заплачу.

Я покачала головой.

– У меня пока деньги есть. Не надо.

– Тогда?

– Подумаю, – решила я. – Если ничего не узнаю, то и платить мне не надо. А если что-то полезное услышу – оплатите мне услугой за услугу? По ценности?

– Интересное предложение. Но я согласен.

Честно говоря, чтобы защититься от барона Артау, я готова была кинуться в объятия столичного дна. Там у меня есть надежда выжить. А вот с любящим супругом – вряд ли. Лиане еще позавидую. Попробуем порасспрашивать? Да, пожалуй. Много я не сделаю, мужчина и сам это прекрасно понимает, но есть вещи, которые скажут мне и не скажут ему. Просто потому, что я лекарь, что я своя в лечебнице, что я могу заметить *нечто*, которому здесь быть не полагается.

Случается и такое.

– Я к вам наведаюсь через день. Расскажите, что узнаете.

– Расскажу, – кивнула я. – Не из страха, вы не подумайте...

– Знаю, что вы не боитесь. Но вам что-то нужно, а попросить это что-то вы стесняетесь. Ладно, если благодаря вам я своего сына найду... Много смогу сделать.

В это я верила.

– Вы, пожалуйста, не вламывайтесь вот так. В окошко постучите, я открою...

Мужчина ухмыльнулся еще раз.

– Ладно.

И резко дунул на свечу.

В комнате сгустилась темнота, и прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем я поняла, что осталась одна. Собаку, что ли, завести? По спине стекал ледяной пот, пальцы, вцепившиеся в одеяло, дрожали, волосы были мокрыми.

Я медленно заставила себя вытянуться на кровати, расцепила руки и принялась дышать. Точь-в-точь, как в подаренной мне книге. Глубокий вдох на три счета, глубокий выдох на пять счетов. Удары сердца приходятся на

каждый второй счет.

Спокойно, главное – дыши, не надо паниковать.

Первыми согрелись ноги под теплым одеялом. Последними – руки. Но спала я отвратительно плохо. Ладно, собаку заводить пока не стоит, но засовами обзаведусь. И в трубу что-нибудь колючее подсуну. Так, на всякий случай.

* * *

И вновь Бертен провожал меня домой. Сейчас в этом особой нужды не было, белый день, но мы закончили работу примерно в одно время, а раз так – почему бы и не прогуляться?

Бертен жил в Зеленем городе, но на предложение прогуляться я согласилась. Мы медленно, рука об руку, шли по улицам, беседуя о том о сем...

– Торон приходил, орал, ногами топал...

– Что у него не так?

– Жену украли. Кричит, что всех на чистую воду выведет. Что у нас разбойничий притон, что кругом одни мерзавцы...

– Не сомневаюсь, его жена должна вору ноги целовать.

– Там все так плохо?

Бертен не слишком был осведомлен о ситуации. Я подумала пару минут и рассказала то, что могла. Мол, женщину едва не угробили. Где она сейчас – даже не представляю. Может, и украли. А может, и сама сбежала.

– Скандал муженек устроил – дай дорогу, – хмыкнул Бертен. – Орал, ругался, возмущался, стражу обещал натравить...

Я подумала, что стоит дать знать госпоже Рионе. Если я правильно понимаю, племянницу та отправила в морское путешествие, а сама сейчас в городе. Отводит от себя подозрения. Но мало ли...

– Пусть скандалит, сколько ему нравится, – отмахнулась я. – Как ты думаешь, кровохлебка – хорошее кровоостанавливающее? Или калина лучше?

– Я предпочитаю окопник...

И разговор перешел на профессиональные темы.

* * *

Рамон Мори́нар удивленно поднял брови.

– И это все?

Стоящий перед ним человек занервничал. Герцог был крут и быстр на расправу. Да и репутация... Прозвище «Палач» просто так не дается.

– Ваша светлость, больше узнать ничего не удалось.

– Госпожа Тойри Ветана, лекарка и травница. Двадцати лет от роду...

– Почти двадцати. Через два дня у нее день рождения.

– Даже двадцати лет нет. Прибыла неизвестно откуда, поселилась в Алетаре, сначала дом снимала, потом его выкупила... На какие средства?

– Поспособствовал маркиз Террен. Хотя она об этом и не знает.

– Террен? Да ему лет сто?

– Семьдесят девять. Недавно у него удар случился, госпожа Ветана его буквально с того света выволокла, он и озаботился.

– А как она к нему попала?

– Посоветовали. Баронесса Верандуа рекомендовала госпожу Ветану Даилине Террен в качестве хорошего лекаря. Госпожа маркиза, будучи беременной...

– Молодец старичок.

Осведомитель позволил себе легкую улыбку.

– Даром усилие не прошло. Потому у господина маркиза удар и случился. Но лекарка его выходила. Сейчас, говорят, по дому сам передвигается.

– Понятно. Как она попала в лечебницу – я знаю. И это все?

– Да, ваша светлость.

– Откуда она родом?

– Предположительно, из Риватола. Внешность у нее характерная.

Герцог пожал плечами.

– Предположения мне не нужны. Она подала запрос на гражданство Алетара, и мне хочется знать, откуда она приехала.

– Из Миеллена.

– Герцогство большое. Откуда?

– Неизвестно.

– Как приехала?

– С караваном шиффа Нариса. Но расспросить его не представляется возможным. У нас сейчас напряженные отношения с Миелленом, и он ушел слишком далеко, чтобы его можно было найти.

Герцог сдвинул брови.

– Что она сама рассказывает про себя?

– Ничего, ваша светлость.

– Женщина? Ничего? – Изумление герцога было ненаигранным. – Так не бывает.

– Ваша светлость, я опросил всех соседей. Все отмечают, что госпожа Ветана чрезвычайно милая, вежливая и воспитанная девушка. Все ей благодарны за помощь, за исключением нескольких людей, но там такие личности, что им Светлый руку подай, так в нее плюнут.

– И что же говорят нехорошего в ее сторону?

– Заносчива, нахальна. Не уважает старших, водится со всякими темными личностями.

– С какими?

– Эм-м-м... затрудняюсь ответить. Утверждение было слишком общим.

– Понятно.

Герцогу действительно все было ясно. Не в силах найти грязь, люди начинают ее сами придумывать. Чего это к лекарке мужчина пошел? Ясно же, любовник. А чего у него полголовы снесено, рука сломана и бок в крови? Для конспирации, вестимо.

– У нее есть мужчина? Друг, любовник?

– В последнее время она сближается с коллегой-лекарем по имени Бертен Сенар. Не из благородного сословия, но вполне зажиточная купеческая семья.

– Насколько сближается?

– В рамках совместных прогулок до дома, не больше.

– Как я и предполагал. Не то происхождение, чтобы мужиков собирать, – хмыкнул герцог. – Копайте. Мне хочется знать о ней больше.

– Что именно, ваша светлость?

– Я подозреваю, что она – бастард достаточно знатного рода. Ее поведение указывает на благородную кровь и воспитание.

– На этот счет нет никаких сведений, ваша светлость.

– Так найдите их! За что я плачу деньги?

– Ваша светлость, я сделаю все возможное, но это займет больше времени. Вы же понимаете...

– Понимаю. – Рамон бросил на стол перед собой тяжелый кошелек. Зазвенели, раскатываясь, золотые монеты. – И плачу вам в том числе и за скорость.

– Я сделаю все возможное, ваша светлость.

– Невозможное тоже. Как можно скорее.

– Да, ваша светлость.

Когда за осведомителем захлопнулась дверь, Рамон Моринар

потянулся в тяжелом кресле, поглядел в окно. Скоро осень. Яркое горение золотой листвы, когда Желтый и Зеленый город сливаются воедино, а Белый оказывается со всех сторон окружен золотом и огнем.

Красиво. Осень в Алетаре – пора воды и огня, и когда-то осенними вечерами совсем юный герцог любил гулять по старым улицам, разглядывая дома, гадая о чужих судьбах. Завернувшись в простой плащ, надвинув шляпу, он смотрел на чужие жизни. А потом его собственная дала крен. И исправить ничего не получилось.

Удастся ли ему увидеть эту осень? Или придется отправляться в Миеллен с войском? Посмотрим на результаты переговоров. Воевать герцогу решительно не хотелось, но вполне возможно, хватит его репутации.

Палач. Страх окружает его, как некогда терпкий запах моря и палой листвы, смешивающийся на улицах Алетара. Страх и ненависть. Герцог давно смирился с ними, научился использовать в своих целях, даже получать удовольствие от ужаса в глазах придворных. Но иногда...

Для палача. Не для лекаря.

Интересно, что таится в прошлом маленькой лекарки? Что дает ей такую стойкость и бесстрашие? День рождения через два дня. Это тоже... интересно.

* * *

В лечебницу я шла вполне спокойно.

Предыдущим вечером мы побеседовали с госпожой Рионой. Та прониклась и заверила меня, что Лиану найти ни у кого не получится. Связать госпожу Риону с ее исчезновением – тоже. Но на всякий случай госпожа пожалуется кое-кому из посетителей «Дома Роз». Найдется кому приструнить нахального простолюдина-мясника. Что за наглость – едва не угробить собственную жену, и еще скандалы устраивает? Хамло!

Но во дворе лечебницы я увидела пятерых стражников. Правда, одного я знала.

– Господин Мирий? Доброе утро. Как ваше здоровье? Рана больше не беспокоила?

– Доброе утро, госпожа Ветана. Что вы, после того случая я про нее и думать забыл!

– Что-то случилось? Почему вы здесь с утра пораньше?

– Госпожа Ветана, произошло убийство.

Я пожала плечами. Убийства не были новостью в Алетаре.

– Я неправильно выразился. Убийства.

– Убийства?

– Сегодня ночью была убита девушка. И мужчина.

Стражник замялся, и я взмахнула рукой.

– Господин Мирий, я лекарка, а не трепетная девица. Их к нам принесли?

– Да, госпожа Ветана. Но зрелище там...

Я только вздохнула. Да, бывало и такое. Приносили нам стражники трупы и просили узнать, от чего человек умер. Закон должен работать, а как наказывать за убийство, не выяснив, кто, как, чем убил?

Из мертвецкой (маленькое здание во дворе, совершенно отдельное и не отапливаемое) выглянул Карнеш.

– Вета? Хорошо, что пришла. Помоги быстренько...

Не могу сказать, что мне хотелось.

– А...

– Да блюет он в лопухах. Что за мужики пошли? Сплошные бабы!

Я бы с удовольствием присоединилась или сделала вид, что меня здесь не было, но работа есть работа. Да и Карна подводить не хотелось.

– Иду.

На столах лежали два тела. Оба раздетые, оба уже прошедшие стадию трупного окоченения. Я вгляделась. И тоже вылетела за дверь мертвецкой.

Одним из покойников оказался Варгос Торон. Несчастливого мясника убили ударом ножа в печень, да там нож и оставили, чтобы не вытаскивать и не мараться кровью. Лицо у него было удивленным и непонимающим. Он просто не верил, что с ним – С НИМ! – могут так обойтись. Но в ужас меня привело второе тело. Я знала эту женщину. Знала.

Перед глазами, словно вживую, поплыла набережная.

– *Моя дорогая Илона...*

Руки барона, его жабье лицо... и тело женщины на столе. Истерзанное в лохмотья. Ожоги, синяки, ссадины... Совсем как у Миры.

Меня тоже затошнило, но я оказалась слабее, и если бы не поддержка стражника, рухнула бы прямо в пыль, на колени.

Карнеш выглянул еще раз из дверей, ругнулся – и скрылся обратно.

– Говорил же я, не надо вам, госпожа Ветана.

– Господин Мирий, помогите мне до лечебницы дойти, – слабо попросила я.

Десятью минутами позже, умывшись ледяной водой, я размышляла над неприятными вещами.

Итак, есть два трупа. Первый – Варгос Торон. Сочувствовать мяснику я не собираюсь, дело в другом. Его убили по приказу госпожи Рионы – или нет? Надо это узнать, надо сообщить ей, надо разобраться с его детьми. Отца нет, мачеху увезли – что с ними будет? Так что я написала записочку госпоже Рионе и попросила Шими, который привычно крутился в лечебнице, отнести ее в «Дом Роз». Малек, которого и называть-то так уже было совестно, кивнул – и сорвался с места.

Шими вообще отлично прижился в лечебнице. Сначала приходил со мной, теперь уже и один сюда прибегал, а лекари воспринимали его как общего помощника. Как сказал Харни Растум, пусть пока бегает, как «подай-принеси», пару монет за помощь ему найдем, не обедняем, а подрастет – польза будет. Видно же, что лекарь из мальчишки получится хороший и рукастый. Так что Шими, вместо того чтобы платить за обучение, еще и деньги себе на конфеты зарабатывал. Мэт Шаронер им откровенно гордился. Да и мне было приятно. Хороший мальчишка. Умный и серьезный.

На том я и выкинула Торона из головы. Убили и убили, хватит об этом. А вот женщина... Значит, появляется в Алетаре барон Артау, появляется он в карете с этой женщиной – и тут же начинается? Почему я не удивлена? Если у барона такие специфические вкусы, понятно, что он будет их удовлетворять. Служанок ему и раньше не хватало, а тут вдова, Клодетта Лорист...

Хотя... минутку?

Я отлично помнила, как барон называл спутницу Илоной. Это ее второе имя? Или просто другая женщина? Да что угодно, я все равно ничего не могу ни узнать, ни сделать. Допустим, скажу стражникам про барона. Что будет дальше?

А ничего.

Придут они к барону, тот от всего отопрется, да еще и я подставлюсь. Наверняка ведь захочет поквитаться. На набережной он меня не узнал, но там он и не смотрел. А в другой обстановке, при встрече нос к носу – мало ли?

Внимание к себе привлекать нельзя. А оставлять убийцу безнаказанным – можно? Что же делать, что делать? Подметное письмо написать? И что? Поможет? Лично я в этом сильно сомневалась. Такими анонимками стражники печку разжигают, знаю, слышала.

Сказать кому-то? Кому? Маркизу Террену? И нарваться на вопрос: «А откуда, госпожа Ветана, вам про баронские наклонности известно?» Я бы точно спросила. Да и что сможет сделать маркиз? Он сейчас не в силе,

возраст у него не тот. А оставлять вот так? Это сколько женщин еще погибнет?

Дверь хлопнула, вошел Карнеш.

– Ну, что я скажу. Мужик этот, мясник, помнишь, жену еще искал? На кого уж он нарвался – не представляю, а удар хороший. Правильный такой удар, чтобы и не хрюкнул лишний раз.

– Помню, – кивнула я.

– А вот женщина странная какая-то.

– Странная?

– На продажную девку похожа. Но платье дорогое, да и ароматическая вода, которой она пользовалась, – не дешевая. Наверное, какой-нибудь клиент развлекся.

– А она не может быть дамой из высшего света? – осторожно уточнила я.

– Нет, что ты. Навидался я их. Там руки не руки, ноги не ноги, а этой явно и ходить пришлось, и пальцы у нее неухоженные...

Я мельком глянула на свои руки. М-да, мать бы с ума сошла от ужаса.

Мамины пальчики, мягкие, надушенные, с тонкой белой кожей, через которую сосуды на просвет видно, с ухоженными ноготками, с пятью-шестью кольцами, – и мои ладони. С мозолями, с коротко остриженными ногтями, чтобы грязь не забивалась, с шелушащейся кожей – забываю кремом смазывать, а уж чтобы спать в специальных перчатках – тем более забываю. С ожогом – уголек стрельнул, с одним-единственным кольцом от старой рофтерки – так оно хорошо к пальцу пришлось, что я про него и думать забыла. Даром что медяшка дешевая. Но и снимать его не хотелось. А вдруг и правда – талисман? Я бы сейчас и сушеную куриную лапу на шею подвесила, лишь бы помогло.

– Следить за собой она следила, но не знатная дама, нет. Хоть руками и не работала. Пусть стража по борделям посмотрит, есть повод.

– А от чего она умерла?

– Придушили. Как я понимаю – в припадке страсти.

Я кивнула. Кажется, все дороги опять ведут к госпоже Рионе.

* * *

Госпожа себя ждать не заставила. Прикатила на карете и опрометью кинулась в мертвецкую.

Вышла оттуда довольная, словно кошка, и отправилась ко мне.

– Вета, спасибо!

У меня аж глаза округлились.

– За что?!

– За хорошие новости. Лианка теперь в безопасности, а нового мужа я ей хорошего подберу, не страшно будет доверить.

Я покосилась на дверь палаты, в которой мы разговаривали. Пока тут никто не лежал, но это ненадолго.

– Госпожа Риона, я все понимаю, но...

– Не я, – даже не дослушала меня женщина. – Хочешь, малышкой Тисой поклянусь, что не я? Думала, собиралась, хотела, но не сделала. Не успела бы.

Насчет последнего я сомневалась, но клятва Тисой меня убедила.

– Верю. А ведь у него и дети есть...

– От первого брака, – выразительно скривилась госпожа Риона. – Наверняка копии папеньки. Но я тебя поняла. Съезжу пригляжу, что там и как. В крайнем случае найму им няньку. Да управляющего делом, чтобы не пропало. Там же и Лианкина доля...

Я кивнула.

– И малышки тоже. Вырастет Тиса, приданое понадобится.

– Меня больше волнует, чтобы племяншка обратно не бросилась. Пусть выздоравливает и не беспокоится за всю эту семейку. Вета, а с кем поговорить, чтобы мне тело отдали?

– Вам?

Госпожа Риона оскалилась, став похожей на большую крысу.

– Я бы его в овраге закопала, сукина сына, но придется хоронить как положено. Ради Тисы, ради Лианки... Ладно! Дохлого я его потерплю. Может, даже любить больше буду.

Морализаторствовать я не стала. Как правильно говорит поговорка: «О мертвых или хорошее, или правду». А что здесь правда? Что одну жену мужик в могилу свел, что вторая чудом этой участи избежала, что жил он для себя, и хоть в храм ходил, да только в Светлого не верил. Просто религиозным был, а это ведь вещи разные. Вера – она в душе. Снеси завтра храмы, Светлый все равно будет. И верить в него не перестанут. А религия – это напказ, в храме, это когда души не хватает.

Может, я и не права, но мне так кажется. Есть Светлый, есть я. Зачем в наши отношения кого-то третьего вмешивать? Это как в супружескую постель постороннего тащить.

Но Светлый с ними, с храмами. Не мое это дело. Тут каждый решит для себя и только для себя. А у меня дело другое...

– Госпожа Риона, а женщину вы не узнали?
– Я на нее и не смотрела. А что?
– Карнеш Тирлен сказал, что она может быть... эм-м...
– Да скажи уж как есть! Из наших девочек?
– Были у него такие предположения.
– Пойду посмотрю.
– А я поговорю с господином Растумом, чтобы вам тело Варгоса отдали.
– Это он решает?
– Да.
– Тогда даже не трудись, я сама к нему загляну. Думаю, он согласится.
Я тоже так думала.

* * *

Второй раз госпожа Риона оставалась в мертвецкой намного дольше, и вышла оттуда серьезная и расстроенная. Намного сильнее, чем из-за Торона. Я без лишних раздумий налила ей чашку взвара, накапала в него успокоительного. Женщина приняла с благодарностью и отпила несколько больших глотков.

– Хороший отвар. Рецепт скажешь?
– Даже трав наберу.
– Спасибо.

Несколько минут мы молчали, потом госпожа Риона заговорила. Медленно, подбирая слова.

– Прав Карнеш. Только не до конца. Это явно чья-то содержанка или любовница.

А ведь и верно – похоже! И руки, и уход за собой, и...

– Подыскивала себе нового покровителя?
– Вполне возможно. Я одежду посмотрела, она не из богатых, но и не из самых худших.

– Госпожа Риона, – медленно начала я, словно шла босиком по колючкам, – а она одна такая за последнее время? Или есть слухи? Или, может, кто-нибудь пострадал?

Женщина задумалась.

– Надо поспрашивать. У меня дом, сама понимаешь, приличный. Если такое с моими девочками сделают, я найду, как расквитаться. Но есть и другие дома. Алетар же. Портовый город. Есть и такие, где девочек

предоставляют для любителей остренького.

– Может, она оттуда?

– Нет. Знаю я девушек, которые там работали. У них вся шкурка уже к концу года работы в шрамах. А эта – чистенькая, аккуратная. Нет, не то.

– Понятно.

– Вета, а почему тебя это интересует?

Я опустила глаза.

– Госпожа Риона, я ведь и на дому людей принимаю. Не первый случай таких изуверств, ой не первый. А все молчат, никто ничего не делает.

– Поэтому ты решила говорить?

– Не знаю. Может, расспросить, а если что-то, так и страже сказать?

– Не лезь в это дело. Слишком опасно.

– Но люди...

– Вета, садисту наплевать, над кем издеваться. Лекарка тоже сойдет.

Я вздохнула.

– Понимаю, что опасно.

– А раз понимаешь, то сиди тихо. Есть стража, они не зря деньги получают. Они и разберутся, а ты целее будешь. Ясно?

– Да, наверное, вы правы, – кивнула я.

– Без всяких «наверное».

Я молчала. А что можно сказать? Видела такое на жертвах барона? Видела барона? Полагаю, это именно его работа? Замечательно. Пойдем к барону? Нет? А почему – нет?

Безвыходное положение. И я ничего не могу сделать. Вообще ничего.

Темного крабом!

Глава 8

День рождения. Когда-то мы отмечали его совсем иначе. Рядом всегда была бабушка. И дарила она мне то, чего больше всего хотелось. Не платья или украшения, а толстенные книги, лекарские инструменты, иногда – симпатичные игрушки. И всегда угадывала. И как ей это удавалось?

Родители на наши дни рождения внимание обращали редко: столица, развлечения, гости... Только у младшей сестренки удавался праздник, и то потому, что приходился на солнцеворот. А родители всегда на солнцеворот закатывали бал, ну и Лаурин день рождения заодно отмечали.

А сейчас я одна. И отмечать тоже буду сама. Что там надо? Угощение для всех, кто заглянет, можно простенькие подарки – и церемониальный пирог. Печется пирог с гречневой кашей и куриными яйцами, а на закате его относят к реке и бросают в воду. И гадают по нему. Потонет – плохой год будет, поплывет – жди перемен, рыбы начнут кормиться – год обильный жди... Там много примет. Мы с бабушкой ходили, гадали, а сейчас не с кем. Но отнести пирог к морю и бросить в воду мне никто не помешает.

Тесто я еще с вечера поставила, меня бабушка научила. Она вообще настаивала, что пироги печь надо уметь. Умения и знания лишними никогда не бывают.

Ну вот и... В одной миске ждала своего часа ягодная начинка, во второй – рубленое мясо, в третьей рыба, в четвертой – гречка с яйцами. А что мне – ради одного пирога затеваться? Нет уж! Пироги я планировала взять с собой на работу. Выходной-то у меня еще не скоро!

* * *

В лечебнице я угостила коллег и служителей, выслушала поздравления и опять принялась за работу. Долго мы не праздновали, некогда. Я отнесла пироги Харни Растуму, удостоилась масленого взгляда (ах, какая женщина, какие пироги), услышала, что если день рождения, то так и быть, завтра могу денек отдохнуть, и пошла работать дальше. Болезни-то никто не отменяет. Если ты лекарь – тебя и со свадьбы сдернут, и с похорон, и откуда угодно.

Я обходила палаты, выслушивала жалобы больных, назначала лечение, проверяла, перевязывала, ассистировала Карнешу там, где не справилась

бы сама, и все это время мысли были не о дне рождения. О нем думать как раз не хотелось. И о прошлом – в том числе.

Когда мне исполнилось девятнадцать, бабушка была жива. Она подарила мне роскошную книгу о лекарственных травах, пирог мы пекли вместе и относили тоже вместе. И бабушка тогда смеялась, видя, как пирог атакуют даже не рыбы – невесть откуда взявшиеся на пруду утки. «Даже не к богатству – и правнукам твоим потратить не хватит...» И потом уже серьезно: «Помни: деньги не главное. Заработать ты всегда сможешь, с голоду не помрешь. А вот живая душа человеческая – это сокровище».

Чтобы не вспоминать и не вытирать ежеминутно слезы, я выбросила все из головы и сосредоточилась на визите ночного гостя. Точило мыслью неприятное совпадение. Линда жаловалась, что у нее ухажер пропал. Может, сбежал, всякое бывает. Теперь у рыжего вора сын пропал. Тоже сбежал? И все что-то убегают, как из лечебницы выйдут? Чтобы точно сюда не попасть?

Ой неубедительно. А сколько тех, о ком никто не думает? Нищие, попрошайки, бродяги, рофтеры, люди без дома и родины, которых хватает в любом городе, о которых никто и не задумается. Только кому и зачем они нужны? Ритуалы есть разные, но сколько их можно проводить? И сколько человек должно пропасть?

Я подумала, и решила для начала поговорить с Линдой.

Госпожа Морли отнеслась к моим словам серьезно.

– Вы знаете, госпожа Ветана, я думала, он просто сбежал. Но если что случилось...

– Даже не знаю, могло ли с ним что-то случиться. Линда, не приглядишься к лежащим здесь людям? Я тоже буду присматриваться, кому есть куда идти, кому некуда. Есть у нас сейчас такие?

– А то как же. Целых три человека. Показать?

– Покажи...

Оказались двое мужчин и женщина. Из мужчин один был стариком лет шестидесяти (считай, ему и пятидесяти нет, улица не щадит). Второй – явно моряк. Крепкий, лет двадцати, парень со сломанной рукой. Я его помнила, отвратительный перелом. Если не лечить, так и калекой остаться можно, так что корабль ушел без него. А третья – явно девица легкого поведения, избитая сутенером. Такие к нам тоже попадают. Эта еще не старая, лет двадцати, наверное, тоже, а выглядит уже на пять лет старше меня.

Я бы сказала, что из этих троих... А для чего вообще могут пригодиться люди? Молодой парень, моряк средних лет, кто еще? Линда

пожала плечами и сказала, что порасспрашивает. И мне все расскажет послезавтра. На том и порешили.

Домой я шла намного медленнее, чем на работу. Грусть опять накатила. Год назад, в этот день, родители были в столице, и бабушка придумала развлечение. Мы с ней отправились на пикник. Взяли с собой корзинку с разными вкусностями, сидели под большим деревом на природе, потом пошли собирать ежевику, я запуталась в колючем кусте косищей, и бабушка со смехом отпугивала меня от игольчатых плетей, а я грозилась отрезать клятые лохмы... Но ежевика была удивительно крупной и вкусной. Бабушка, родная, что же случилось тогда на дороге?

А если...

Мысль ударила молнией. Заставила вздрогнуть, остановиться на месте. *Если это – барон Артау?* Подонок знал, что бабушка не в восторге от сватовства, знал, что она собирается просить денег у друзей, что свадьба наверняка сорвется, и... мог он? Или не мог?

Раньше я бы о таком не подумала, но повзрослела... Надеюсь. Я многое видела, я живу своим трудом, я стала совсем иной. Какое отношение госпожа Ветана имеет к... Не думать! Даже не вспоминать и имени не произносить! Не было такой...

Я купила у уличного торговца корзиночку с крупной ежевикой и решительно зашагала домой.

Дома было тихо и спокойно, уютно и тепло. Пахло пирогами и травами. Я присела за стол, налила в большую чашку малинового киселя, бросила в рот ягоду. Ум-м... Люблю ягоды.

Гадальный пирог остывал на подоконнике, накрытый полотенцем. Что-то меня ждет в этом году? А, что бы ни случилось, это будут только мои решения! Мои решения, мой ответ.

Я справлюсь.

* * *

До вечера у меня в гостях побывала госпожа Лимира, подарила роскошное, вышитое шелком покрывало. Осенние листья в лесу. Огненный ковер раскинулся на моей кровати. Я потерлась об него щекой и зажмурила глаза. Как живые...

– Спасибо.

– Тебе спасибо, Веточка, что ты у нас есть.

– Это же ужасно дорого.

– Сами шили. А самое дорогое у нас жизнь и здоровье. Остальное купим, выбросим, починим или вовсе забудем. Так-то...

И я была с ней согласна.

Отдарилась травяным сбором по своему рецепту, попила с гостьей взвара с пирогами, выслушала жалобы. Дети Таниль были невыносимы, дочка с ног сбивалась, зятю тоже приходилось тяжело. Да еще эта курица с каторги письмо прислала, дескать, заболела и серьезно, если что – не оставьте деточек милостью. Зять весь взметался, ехать к ней хочет, помилования добиваться, а она небось Карису не помиловала, травила без жалости! Но не скажешь ведь такое в глаза зятю-то...

Я согласилась, что мужчины иногда бывают очень глупыми. Прислушалась к себе. А ведь лечить Таниль мне вовсе не хочется. Почему? Потому что она – убийца? Наверное, да. Она приняла решение убить человека. Хладнокровно и безжалостно травила жену и мать и знала, что дети Карисы останутся сиротами. Она просто мразь. А самое печальное то, что появившись она на моем пороге – и я буду лечить ее. Это моя судьба. Хочется, не хочется, а надо. Есть дар, но есть и обязанности. И одного без другого не бывает.

* * *

Бертен постучался ко мне незадолго до заката. Пришел, принес букет цветов и маленький шелковый шарфик, как раз на грани приличия. Что-то более серьезное я принять бы уже не смогла, но цветы, сладости, те же перчатки – спокойно. Так что я поблагодарила.

Шарфик был красивым, голубым...

– С ним твои глаза становятся небесными, – коряво выразился Бертен.

Я мило улыбнулась в ответ. Назвать мои глаза небесными – сильное преувеличение. Они ведь самые обычные, серые. Иногда чуть светлее, иногда темнее, но голубого оттенка в них точно нет. За мной ухаживают, и это приятно.

Мы как раз пили взвар и обсуждали интересного больного со странными болями в желудке, когда в дверь постучали. Я развела руками и отправилась открывать. Ох, зря я в окно не глянула! А так – застыла на пороге дура душой и смотрела круглыми глазами.

А в мой дом входил один из самых опасных людей королевства. Герцог Мори́нар. Белесый палач. И как-то так у него ловко получилось, что я и не поняла, когда оказалась за столом, а герцог уже дружески (эта́к вежливо-

гадючьи) улыбался Бертену.

– Работаете вместе с госпожой? И навещаете ее в свободное время? Похвально, очень похвально...

Прозвучало так, словно мы тут оргии устраивали.

Я стиснула зубы, но помогло откровенно плохо.

– Ваша светлость, счастлива видеть вас. Что-то случилось?

– Что вы, госпожа Ветана. Разве к такой очаровательной женщине приходят с проблемами?

С-сволочь.

– К женщине сюда не приходят, – скрежетнула я голосом. – Только к лекарю.

Герцог одарил меня еще одной наглой улыбочкой, за которую захотелось ему в глаза вцепиться. Да что ж такое?! Если я не маркиза, то и не человек уже?!

– Госпожа Ветана, к лекарю я не прихожу. Его ко мне приводят. А лично я пришел поздравить вас с днем рождения. У вас ведь он сегодня?

На стол мягко опустился футляр для драгоценностей. Дорогой, из черного дерева, с инкрустацией перламутром. Посмотреть очень захотелось, но я даже руки за спину спрятала, чтобы не поддаваться искушению.

– Благодарю за внимание, ваша светлость. К сожалению, мы не настолько хорошо знакомы, чтобы я могла принять от вас подарок.

– Разве это подарок? Так, безделушка. Серебро, хризолиты... Думаю, даже господин лекарь может подарить нечто подобное.

Герцог усмехнулся, протянул руку и нажал на одну из завитушек. Крышка футляра откинулась.

Браслет, лежащий на черном бархате, мог бы показаться безделушкой. Мог бы – но кому-то другому. А я отлично видела: это не серебро, это платина. И камни не самые простые. Лиственный изумруд редкого оттенка, я знаю. У меня мать отлично в этом разбирается, еще и других поучить может. Ювелирам до нее далеко. Может, тоже дар?

– Ваша светлость, за эту скромную безделушку можно купить несколько лечебниц. Ее впору носить королеве.

Герцог подвинул ко мне футляр.

– У нас разные представления о дорогом, госпожа Ветана. Королева такое не наденет.

Бертен посмотрел на меня. Браслет действительно выглядел безыскусным. Простое плетение, скромная застежка... Не только купить несколько лечебниц, но и безбедно содержать их лет так десять.

– Ваша светлость, прошу вас не оскорблять меня подобными подарками, – сухо произнесла я.

– И что же тут оскорбительного?

Сказать все напрямую? Ах, как бы это было соблазнительно! Ваша светлость, ваш подарок стоит как треть Желтого города. Если я возьму его, на мне повиснет долг перед вами, а чем его отдавать – я не знаю. И мне это не нравится.

Только вслух такое не произносят.

– Ваша светлость...

– Можете называть меня просто Рамон.

Бертен перевел на меня удивленный взгляд. Я ответила таким же. Да что здесь, Темного крабом, происходит?!

– Это недопустимая фамильярность между герцогом и простой девушкой, ваша светлость, – отрезала я.

В темных глазах поблескивали искры.

Я... я тут нервничаю, переживаю, а он... забавляется?! Мои руки невольно сжались в кулаки.

– Госпожа Ветана... Я могу называть вас просто – Вета?

– Ваша светлость, не в моей власти запретить что-либо второму лицу после короля.

Я опустила глаза, скрывая злость и бессилие.

– Отлично. Вета, я надеюсь, вы примете этот подарок в знак моей искренней симпатии.

Яснее выразиться нельзя.

Я выпрямилась. Шутки кончились.

– Ваша светлость, если вы действительно питаете ко мне какую-либо симпатию, я надеюсь, что эта встреча станет для нас последней.

– И почему же?

Герцог и не думал оскорбляться. Сидел за столом, смотрел насмешливо.

– Не думала, что мне придется объяснять вам очевидные вещи, ваша светлость.

– А вы попробуйте, Вета. Господин лекарь сейчас нас оставит, а вы мне объясните...

Бертен поднял голову, хмуро посмотрел на герцога.

– Я никуда не уйду.

– Да неужели?

– Вы, ваша светлость, можете меня хоть на каторге сгноить, хоть заживо сжечь, – в воздухе так и повисло злое «вам не привыкать», – но

ведете вы себя непорядочно. Ворвались в дом к девушке, оскорбляете ее...

– Подарить подарок на день рождения считается теперь оскорблением?

– Вы знаете, о чем я, ваша светлость.

Герцог прекратил улыбаться. Лицо стало жестким.

– Знаю. А потому сейчас ты выйдешь отсюда на своих ногах. И отправишься домой, а не на каторгу. А узнаю, что ты питаешь к девушке какой-либо интерес, кроме служебного...

Угроза не успела прозвучать. Меня уже затрясло всерьез. В таком состоянии я сама себя боялась.

– Ваша светлость, извольте покинуть мой дом.

Герцог даже не шевельнулся.

– Вета, вы девушка умная и отлично понимаете, что я никуда не уйду, пока не получу того, что мне требуется.

– И что же вам требуется?

– Поговорить с вами. Пока – просто поговорить.

Я вдохнула. Медленно выдохнула. Разжала кулаки.

– Берт, я прошу тебя подождать пару минут. Господин герцог скажет мне все, что хотел, и уйдет восвояси.

Бертен посмотрел на меня, на герцога...

– Вета...

Мой голос был нарочито спокоен:

– У господина герцога не лучшая репутация, но я надеюсь, он не опустится до низких поступков?

– Разумеется, не опущусь. Идите, молодой человек, дама просит.

Рамон сделал жест кистью, словно собаку разгонял.

Бертен вспыхнул.

– Вы... вы...

– Я – герцог Моринар. И вы знаете, что я могу с вами сделать.

Бертен знал. Это было видно по его глазам, по жестам. Он явно думал, как уйти, не потеряв лица. Осознавал, что они с герцогом несопоставимы, но...

«А вот до конца не выстоял, – подсказал противный внутренний голос. – Он милый, добрый, отличный лекарь, но не герой. Увы...»

Я улыбнулась Бертену, и он таки вышел из дома, бросив на меня извиняющийся взгляд. А чего я ожидала? Не знаю. Но привкус от ситуации противный. Словно дешевого мыла наелась.

Посмотрела на герцога, молча предлагая начинать разговор.

Герцог молчал.

Я тоже, поскольку опасалась открыть рот. Здесь и сейчас я себя почти

не контролировала, а это опасно, очень опасно. Молчи, Вета, молчи.

Наконец герцог нарушил тишину.

– Вы меня заинтересовали, Вета. Скажите, сколько вы хотите?

– Поясните?

– Сколько вы хотите, чтобы с полгода побыть моей любовницей?

* * *

Я вцепилась в стол, чтобы не упасть. Перед глазами поплыли красные круги. Да я... Да как он... Что за наглость?!

– Вон из моего дома...

Я услышала низкий холодный голос и даже не сразу сообразила, что это рычу – я.

– Свой дом в Белом городе? Драгоценности? Титул?

Герцога спасла только отличная реакция. Взвар был еще горячим, а рука у меня не дрогнула. Сама покалечу, сама и вылечу.

Мраз-с-с-с-сь!

Моринар увернулся, а спустя минуту меня прижали к твердой груди, да так крепко, что нос почти сроднился с золотой пуговицей.

– Все. Успокойся.

– Пус-с-с-сти. – От ярости получалось только шипеть.

Герцог и не подумал слушаться.

– Сначала успокойтесь, потом отпущу.

Вырываться было бесполезно, я это оценила. С тем же успехом можно было уговаривать водоворот. Я медленно вдохнула и выдохнула. Раз, другой, третий.

Руки герцога разжались, когда я расслабила сведенные судорогой мышцы. Меня отпустили и смотрели с интересом.

– Садитесь, госпожа Ветана.

Я осталась стоять где и была. Герцог покачал головой.

– Садитесь.

На этот раз я опустилась за стол. После волны бешенства пойдет откат, я знаю. Как бы не упасть. Колени уже ощутимо дрожали.

Герцог смотрел совсем иначе. Холодно, рассудочно. Какие там грязные намерения?

– Кто вы, госпожа Ветана?

– Что?!

– Хватит этой комедии масок. Кто вы?

Я помотала головой.

– Ваша светлость? Я не понимаю...

– Если будете уверять меня, что вы лекарка из бедных травниц, прикажу оттащить вас в тюрьму на пару дней. Или больше – как получится. Хватит вранья.

Меня затрясло уже вовсе не притворно.

– С чего вы...

– Вета... это ваше настоящее имя?

– Да.

– А полностью?

Я вдохнула. Выдохнула. Представила себе, как рассказываю герцогу всю правду – и уперлась намертво. Плевать уже на все! Мне что так, что этак не выжить.

– Это не важно.

– Мне кликнуть стражу?

– Зовите, – согласилась я. – Чай, и в тюрьме люди живут. И на каторге.

Герцог усмехнулся.

– Вета, вы кто угодно, только не простолюдинка. Вы неплохо играете свою роль, но некоторые детали выдают вас с головой. Вы узнали платину с изумрудами, не стоит отказываться. Вы не приняли с благодарностью украшение, вы не кричали, не кокетничали, не пытались пользоваться своей красотой... Вы даже сейчас не пытаетесь сказать что-нибудь глупое. У вас слишком много выдержки и воспитания, свойственных лишь аристократам.

– Поверьте, ваша светлость, благородство – привилегия не одних только герцогов.

– Фамильярность, извольте покинуть, репутация, низкие поступки...

– Что в этом удивительного?

– Простонародье выражается иначе. Так как, госпожа Ветана?

Я опустила голову на сплетенные пальцы.

– Если скажу правду – вы уйдете?

– Возможно.

– Только возможно?

– Не зная правды, я не могу дать ответ. Но узнаю ее в любом случае. Вы меня заинтриговали, Вета. Алетар – мой дом, а я не люблю загадок в своем доме.

Я вздохнула. Выдохнула.

– Я старшая дочь, ваша светлость, но никогда не наследую титула. Любвеобильность аристократов известна крестьянам не понаслышке. И

иногда она приносит плоды.

– И?

– Мой отец – граф. Меня воспитывали, учили, мной занимались в меру сил, мне дали возможность получить знания и умения. Я уехала, чтобы не бросать тень на свою семью.

– Вашу семью?

– В нас одна кровь. Признают меня или нет, не так важно. Вы должны понимать, что за совершенное одним членом семьи своей репутацией расплачиваются все.

Моринар задумчиво кивнул.

– Имен вы, конечно, не назовете.

– Нет, ваша светлость.

– Даже если я начну угрожать?

Я позволила себе поднять голову и улыбнуться. Уже спокойнее. Поверил. Да я и не лгала. Я – старшая. И никогда не наследую титул, потому что есть мой брат. Наследник – он. И остальное так же верно. Просто толковать можно по-разному.

– Я уехала, когда умер близкий мне человек. Мой мир рухнул, бегство было самым лучшим выходом. Вы можете не просто угрожать, вы можете и выполнить свои угрозы. Наверное, я сломаюсь, но не сразу. Надеюсь, что не сразу.

– Пытать вас – это ломать интересную игрушку, – усмехнулся герцог. – Извините, что спровоцировал.

Я повела рукой, что значило: «какие пустяки». Или «не стоит извинений». Можно подумать, ко мне тут по три раза на дню врываются герцоги с изумрудами наперевес и хамят в лицо.

– Ваша светлость, загадка разгадана?

Моринар сдвинул брови.

– Надеетесь избавиться от моего внимания, госпожа Ветана?

Я промолчала. *Надеюсь? Век бы вас не видеть, жить и радоваться!*

Герцог прочел мои мысли, потому что укоризненно покачал головой.

– А если вам потребуется моя помощь? Не стоит зарекаться, госпожа Ветана, не стоит...

Я хотела гордо отказаться, но вспомнила барона Артау.

– Ваша светлость, никто из нас не знает, что принесет нам завтрашний день. Возможно, это вам потребуется моя помощь.

Улыбка у герцога оказалась неприятной. Блеснули белые зубы на очень загорелом лице, но глаза оставались холодными.

– Все возможно, госпожа Ветана. Все возможно.

Я так же улыбнулась в ответ, одними губами.

– А потому... Это, конечно, не изумруды...

Футляр скрылся в кармане камзола. Вместо него на стол лег простенький медальон, уже не платина. Золото, обычная цепочка с пластинкой, на которой выбит герб Моринаров.

– Наденьте. По предъявлении медальона вас пропустят ко мне в любое время дня и ночи.

Я взяла цепочку в руки. Не слишком толстая, витая, порваться не должна, пластинка небольшая, как половина ивового листа, с одной стороны выбит герб Моринаров, с другой – три буквы: «Р», «А», «М». Инициалы?

– Благодарю, ваша светлость.

– Думаю, от этого подарка вы не откажетесь. И прошу простить мое поведение.

Я выдохнула.

Ладно. Провокацию прощу. Но не забуду.

– Ваша светлость, я могу понять ваши мотивы. Вы не хотели причинить мне вред, вы хотели знать правду – и только.

– Очень точно подмечено, госпожа Ветана. Я знаю, что вы неглупы. И все же, если хотите выдавать себя за простолюдинку, прикладывайте больше усилий. Заглянуть за вашу маску несложно.

– Ваше сиятельство, вы первый, кому это понадобилось.

– Алетар – мой дом. А вы мне решительно непонятны.

– Мне поклясться, что я не замышляю ничего дурного ни Алетару, ни его правителю, ни лично вам?

– Поклянитесь!

Я подняла правую руку. Положила на сердце, ощутив под пальцами сильные быстрые удары.

– Ваша светлость, я клянусь своей кровью и родом, что не злоумышляю против Алетара или его граждан. Я просто хотела жить здесь. Я приехала не со злом. Да услышит Светлый мою клятву.

Моринар испытующе посмотрел на меня.

– Верю.

Я опустила руки.

– И все же, госпожа Ветана, вы кажетесь чужеродным элементом в Желтом городе. Здесь одно простонародье, и среди этого быдла вы торчите, как драгоценный камень из песка.

Я не смогла удержаться.

– Ваша светлость, за все время, которое я живу среди простых и

грубых людей, никто не оскорблял меня так изощренно, как аристократы.

Моринар откинул голову и расхохотался.

– Госпожа Ветана, вы уверены, что не хотите... скрасить мое одиночество?

Я усмехнулась в ответ.

– Простите, ваша светлость. Думаю, на такую завидную добычу и без меня охотницы найдутся. А я не буду становиться у них на пути. Тут и моего таланта лекаря может не хватить.

Герцог помрачнел, но ненадолго.

– Поверьте, репутация палача и мерзавца надежно защищает меня от охотниц.

Я покачала головой.

– Уж позвольте не поверить, ваша светлость. Вы слишком выгодная партия.

– Хм... Госпожа Ветана, а вы точно бастард? Как-то слишком хорошо вы осведомлены о нравах высшего света.

Я заставила себя усмехнуться.

– Разумеется, я не бастард, герцог. Я благородная дама из приличной семьи, а в Желтом городе практикую развлечения ради.

И улыбку насмешливее.

Герцог покачал головой. Не поверил.

– Госпожа Ветана, надеюсь, что мы друг друга поняли.

Я заправила медальон под одежду.

– Вы выразились вполне ясно, ваша светлость.

– Тогда позвольте откланяться.

Я встала из-за стола, провожая гостя. Герцог склонился к моей руке, коснулся губами запястья. Выпрямился.

– Найдите мне хоть одну простолюдинку, Вета, которая не покраснеет, когда герцог поцелует ее руку? Не смутится? Не...

Я вздохнула.

– Ваша светлость, я все понимаю. Мне уехать из Алетара?

– Это как вы сами решите. Но если останетесь – я буду рад.

Я улыбнулась и присела в поклоне, мысленно желая герцогу провалиться в самую глубокую яму самого глубокого омута. Какое?! Его?! Дело?!

День рождения определенно не удался.

Бертен ждал за оградой. Ждал все-таки. Не ушел. Я понимаю, что он не решился бы противостоять герцогу, но и меня одну не бросил. А это уже неплохо.

– Вета?

Я улыбнулась. Аристократы привыкают играть, держать маски – и это хорошо.

– Герцог больше не вернется. Могу угостить тебя взваром?

– Буду благодарен.

И все же я заметила, как взгляд Бертена обежал комнату, остановился на открытой двери в спальню. Интересно, чего он ждал? Что я здесь и сейчас отдамся герцогу? Фу. Пятно взвара привлекало внимание. Интересно, удастся ли спасти коврик? Он уютный такой, связан из лент...

– Вета?

– Герцог сделал мне недопустимое предложение, – сухо произнесла я. – Я повела себя не лучшим образом и не смогла сдержать гнев.

– Ты в него кинула кувшином?

Я опустила глаза.

Да, кинула. И жаль, что не попала.

– Вета, он...

– Не причинил мне вреда. Слова не считаются.

Бертен кивнул.

Ну да, у аристократов не считается зазорным плохо подумать о человеке, предложить нечто недопустимое. А я... Здесь и сейчас – я простолюдинка. И все же, все же... Как бы мне хотелось увидеть герцога, будучи самой собой! В блеске украшений, титула... Но – кого увидит он? Я и в рубище, и в золоте останусь все та же. Если уважают не меня, а титул, кому нужно такое уважение? Точно не мне. Гадко.

– Он... больше не придет?

– Надеюсь.

– Палач что-то сказал? Дал тебе слово?

Я удержала брезгливую гримасу. Сказал, сделал... Понимаю, что герцог и ты, Бертен, величины несопоставимые, что ты сделал все возможное, что от других я бы и этого не дождалась, но почему мне так гадко?

– Все будет в порядке, Берт, – мягко произнесла я. – Герцог – человек чести.

Бертен ощутимо расслабился. Как же люди любят слышать то, что им нравится, удобно, приятно...

– Рад, что это... так.

– Я тоже рада, что все хорошо кончается, – согласилась я.

Бертен посмотрел на пятно.

– Принести воды?

– Да, пожалуйста.

Мы вместе оттерли пятно, замочили коврик, выпили еще взвара. Потом Бертен ушел, а я завернула гадальный пирог в полотенце и отправилась к морю.

* * *

Закат... Солнце медленно опускается в море, и оно окрашивается бездонно-алым, темно-багровым, вскипает, и кажется, что в него пролилась кровь миллионов людей. Все мы вышли из моря и уйдем в море, и волны смоят наши следы на песке. А что останется? Суета, и пустота, и тишина. И только плеск накатывающихся на берег пенных барашков.

Я выбрала небольшой мыс, выдающийся в море. И прогуляюсь, и успокоюсь, и пирог бросать удобнее. Обратно не приплывет. Развернула пирог, размахнулась... До воды он, кажется, так и не долетел. На лету его подхватила какая-то птица. Чайка? Альбатрос? Кто-то еще?

Я плохо в них разбираюсь.

Во всяком случае, у этого летучего хищника сегодня будет хороший ужин. А у меня? Думаю, это значит, что моя судьба еще не определена, вот и все. С дрожью вспомнила барона Артау.

Золотая пластинка под платьем показалась теплой. Я невольно коснулась ее рукой. Что ж... Ваша светлость, вы сегодня взбесили меня до предела. Но... если вы поможете избавиться от барона, я прощу вам многое.

Только вот как выдать Артау, не выдавая себя? Не знаю. Но обязательно что-нибудь придумаю! Сестренку я ему не отдам! Вот!

* * *

Рамон Моринос с удовольствием вспоминал сегодняшний вечер. Забавно? И даже очень. Можно было приказать схватить непонятную девчонку, выбить из нее информацию, но захотелось развлечься.

М-да, развлекся. Чуть кувшином голову не проломили.

И... Он был бы разочарован, согласись девчонка на его предложение.

Это как... золотая монета вдруг оказалась бы фальшивой. Обидно почти до слез. Но – нет. Игрушка обещала много интересного.

Смешная девочка. Но разозлилась она не на шутку. И не назвала ни имени, ни рода, к которому принадлежит. Не врала, но и называть не стала. Что ж, он все равно узнает правду.

Хотя... какой из нее бастард? Это просто смешно. Незаконные дети реагируют совсем иначе, если они, конечно, не королевские отпрыски. У нее слишком много гордости, слишком много самоуважения, она совершенно не стесняется и не боится... Нет, она определенно законный ребенок. Графский?

Да, вполне возможно.

И как она пыталась лгать ему в лицо. Ему! Смешная девочка! Но стойкость заслуживала только похвалы. Хотя... Сильно он не давил, но ведь она не первая. Рамон отлично понимал, кто сломается, а кто нет. Ветана не сломалась бы. Дави, не дави... Она бы не дрогнула. Выстояла. Интересно, откуда у соплюшки такой внутренний стержень?

И откуда она сама?

Рамон подумал еще недолго, а потом решил начать проверку с соседних государств. Дать задание, и пусть проверят, не пропадали ли в Риолоне, Теварре или Мироле девушки-дворянки?

Все возможно.

Скажи кто-то герцогу, что его игрушки – живые, что им больно, что... Он бы искренне удивился. Такие мысли в голову Рамона Моринара не приходили уже очень давно.

Глава 9

– Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!

Тихий вечер мне не удался. Только-только расслабилась, только взялась за книгу, как в окно забарабанили. Никогда не закрываемая дверь распахнулась, и в комнату влетел малек, неуловимо похожий на Шими. Впрочем, все они там, в порту, на одно лицо. Чумазое и растрепанное.

– Госпожа Ветана, помогите, а?

– Что случилось?

Я отложила книгу и принялась обуваться.

– Госпожа Ветана, у нас Шнырька избили. Помогите, а?

Я нахмурилась.

– Шнырька?

Выяснилось, что ребята сбились в стайку и оборудовали под жилье одну из прибрежных пещер. Подрабатывали в порту, то принести чего, то позвать кого, и не всем это нравилось. Стайку решили выжить из порта более решительные конкуренты. Принялись отлавливать мальков по одному и лупить что есть мочи. А мне предлагалось пойти и полечить одного, особо избитого. Кстати – бесплатно.

Мальчишка обещал отработать или помочь чем, но я не приняла эти слова всерьез. Впрочем, и лечить не отказалась. Что ж я – полная скотина? Мальчишке плохо, а я буду плату трясти? Но...

– Тебя как зовут?

– Шнурком кличут.

Я едва не хихикнула. Мальчишка был действительно похож на шнурок – длинный, тощий, нескладный. Да и забавно – Шнурок и Шнырек. Сдержалась, понимая, что мне этого в жизни не простят.

– Шнурок, давай договоримся? Что я вам помогу – никому ни слова. Сам понимаешь.

– Да понимаю я. Помогите, госпожа Ветана. А мы чем сможем – отслужим. Хороший он, Шнырек...

Я вздохнула и махнула рукой. На то и маг жизни, что в помощи никому не откажет.

Нам пришлось выбираться из города и идти достаточно далеко по берегу. В туфли тут же набился песок, я подумала пару минут и разулась. Босиком намного удобнее. Да и кто меня тут видит, чтобы читать лекцию о хороших манерах? Песок приятно охлаждал ноги, то там, то тут попадались ракушки, выброшенные на берег жестоким приливом, иногда ступни щекотали клочки водорослей. Мне вдруг захотелось побегать босиком по воде, но я сдержалась.

Больной ждет.

Пещерка оказалась небольшой, но очень уютной. Вход был устроен так, что ее не заливало во время дождя, мальчишки натащили в нее старых ящиков и бочек, устроили нечто вроде кроватей, засыпали все соломой и сухими водорослями, в центре пещеры горел костерок в специально огороженном очаге, а неподалеку лежал мальчишка лет двенадцати и тихо поскуливал. Видимо, боль была такая, что сдерживаться не получалось.

Рядом сидело еще шестеро ребят разного возраста, лет от восьми до двенадцати. Все они смотрели на меня настороженными глазами, а один – так и откровенно зло. Но молчали. Первой пришлось заговорить мне.

– Мое имя Ветана. Я лекарка. Пришла помочь.

– А чего за это хочешь? – независимо шмыгнув носом, поинтересовался один из мальчишек.

– А чего с вас взять?

– Нечего.

– Вот я ничего и не хочу.

– Так не бывает...

– Тогда я сейчас помогу вашему парню, а вы сделаете вид, что меня здесь не было, – отрезала я.

Я не боялась, хотя такие стайки могут быть опасны. Но – не получалось вот. Я видела перед собой только мальчишек. Опасных, жестоких, но детей, которые беззащитны перед окружающим миром, как и я сама. Просто... У меня хоть дар есть, а у них – вообще ничего.

Мальчишки нехотя расступились. Я опустилась на колени рядом с парнем.

– Ну-ка, погляди на меня...

М-да, измолотили его – словно пшеницу обмолачивали. Лицо – сплошной синяк, глаз не видно, из носа засохшая струйка крови, явно сотрясение мозга, а сколько кровоподтеков... рука вывернута... ну тут вывих, ребра, кажется, сломаны, повезло, что легкие не пострадали, оп-па...

Еще и нога сломана.

– Как он сюда доковылял-то? – вслух подивилась я.

– Увидели, разогнали тех, – высказался кто-то из детей, – а его сюда принесли.

Я кивнула.

– Значит, так. Воды нагреть. Ему надо раны промыть. Есть в чем?

Для этого нашелся котелок, дырявый с одной стороны и тщательно залатанный. Вода из него не выливалась, но подвешивать приходилось полубоком. Я осмотрела его и признала достаточно чистым. Потом поглядела на Шнурка.

– Иди мой руки. Да посильнее три. Помогать будешь. Подавать, что скажу.

Сама я уже деловито выкладывала на чистую холстину бинты, залитые воском, пинцеты, щипчики, лубки, которые по моей просьбе выстругивали из дерева. Хорошо, что взяла с собой. Попросила подбросить топлива в костер – и приступила к работе.

Дар послушно пел в кончиках пальцев. Мальчишки и не заметят пару случайно проскользнувших искорок в тенях от костра, а я знаю, что больному станет полегче. Выздоровеет быстрее, опять же последствий не будет – сломанные кости болят к непогоде...

Шнурок послушно держал, вытягивал, подавал. Мальчишки поглядывали с уважением – зверями на меня посмотрели только один раз, когда я рывком поставила мальчишке руку на место, и тот заорал что есть силы. Маковое молочко – и то не помогло. Большую дозу я давать боялась, а маленькая все не сняла. Эх, детидети...

Наконец все было сделано, ребра туго перебинтованы, лубки наложены, а я откинулась спиной на большой камень, отдыхая от тяжелой работы. Часа два возилась.

– Фу-у-у... Попить дайте?

Воду мне поднесли в глиняной чашке грубой работы, но чистой. Видно было, что мыли. Я попила и поблагодарила.

– Спасибо, ребята. Все, теперь вашему другу только лежать.

– Долго лежать-то? – говорил со мной тот, кто смотрел самым неприязненным взглядом. Видимо, вожак стайки. А Шнурок то ли его распоряжение нарушил, то ли еще что.

– Дней двадцать. На ногу ему пока наступать нельзя, костыль сделайте, что ли? Останется хромым на всю жизнь – плохо будет. Но это дня через четыре. А до того и не вставать даже. Поняли?

Сотрясение мозга никто не отменял. Я его подлечила, но полностью убрать не смогла – возможности не было. Когда я закончила работу, уже

давно стемнело.

Вымыла руки, тщательно отряхнула платье и посмотрела на ребят.

– Проводите меня домой? Шнурок?

– Да, госпожа Ветана.

– А завтра за тебя кто работать будет? Полночи пробегаешь?

Главаренок ворчал привычно, только я вдруг отчего-то разозлилась.

– Вы бы, молодые люди, своего друга в лечебницу принесли. Ведь умереть мог.

И вот тут словно по пещере холодом потянуло. Тут и так тепло не было, но... Ребята смотрели на меня так, что я растерялась. Словно я только что предложила им с обрыва кинуться.

– Туда? Никогда!

Главареныш вдруг стал серьезным, словно на похоронах. Я окончательно растерялась.

– Лучше уж сразу сдохнуть, – протянул кто-то из ребятни.

– Объяснитесь!

– Чего вам объяснять?

– Что не так с лечебницей? – резко спросила я. Ответом стало молчание. – Рассказывайте, – надавила голосом я. – В одном городе живем, так что знать я должна. Мало ли что?

Аргумент был признан убедительным. Главарь посмотрел на Шнурка.

– Ты ее привел, ты и говори.

Мальчишка кивнул – и принялся рассказывать.

– Госпожа Ветана, в лечебнице нечисто. Там люди пропадают...

– То есть?

После десятиминутного рассказа, обильно пересыпанного непристойностями, выяснилось следующее.

Городское дно – это совершенно особый мир, спаянный своими взаимоотношениями, интересами, деловыми и родственными связями. И глядя на нищего возле храма в Белом городе, отродясь не догадаешься, что брат у него – рыбак из Желтого города, да и сам нищий мог быть в прошлом рыбаком. Просто не повезло, потерял ноги, вот и вынужден просить милостыню. И что у него есть дети и жена – тоже. А еще – сколько он отзвывает старшине нищих каждую десятидневку, сколько вносит в общий котел артели, сколько...

Или что проститутка, работающая в порту, может быть компаньонкой пожилой дамы из Желтого города. Дама старая, спит много, вот девка и ищет себе развлечения. По-разному бывает. А уж воровские связи... Тут лучше и не разбираться. Запутаешься быстрее, чем что-то поймешь.

Ребятня же артель тесно связана с рыбаками, нищими, грузчиками, а вот воров они стерегутся. С теми свяжись – остальные три группы мигом от артели откажутся, а то и разгонят ее, как тараканов. Тут все строго. Поэтому в их компании никто не ворует. Клянчить можно, а воровать не смей. А еще они работают в порту. С недавнего – года два-три – времени стали проходить слухи...

Первыми забеспокоились продажные девки.

Пропадали те, кто недавно пришел на улицы. Вроде бы и ничего страшного, пропала и пропала, всякое бывает. Если под причалы Алетара заглянуть, там небось костяки лежат в три ряда. Но... Свой мир. Свои связи.

Люди зашевелились.

Потом начали пропадать моряки. Потом – ворье. И такие мальчишки, как они, тоже пропадают. Всегда – те, кто помоложе, посвежее, кто может еще долго и тяжело работать, или... Использоваться по назначению. Как девчонки из нищих и вора.

Я уже давно не обращала внимания на то, что сижу на холодном песке. Вылечусь, маги жизни не болеют. Никогда. Слушала внимательно, сопоставляя информацию. Значит, мальчишка-вор... Морячок Лианы...

– Ребята, вы подозреваете, что кто-то наладил работорговлю? – прямо спросила я.

Мальчишки переглянулись.

– Не дура, – кивнул главаренок.

Я смерила его холодным взглядом.

– Нет, не дура. Просто это напрашивается.

В Алетаре за торговлю живым товаром положено пожизненное заключение. Не казнь, нет. Но ходят слухи, что те, кого осудили на пожизненное, очень часто оказываются на алтаре у короля. Он ведь некромант, короли Раденора уж сколько времени некроманты.

Говорят.

Но даже говорят об этом шепотом, с опаской и оглядываясь по сторонам. Его величество очень не любит подобные разговоры. Хотя не о том я думаю.

– Значит, торговля...

– Да.

– Кто наладил, что, как – неизвестно?

– Если кому перо в бок охота – может поинтересоваться, – ухмыльнулся главаренок. – Нам же жить охота.

Очень правильное желание. Непонятно только, почему у меня оно

молчит. А я тем временем интересуюсь:

– И вы полагаете, что лечебница...

– Многие, кто туда попал, оттуда не вышли, – просто произнес Шнурок.

Без аффектации, без напряжения.

Эти мальчишки живут на улице, ходят под смертью, не знают, что будут делать завтра и где ночевать, они привыкли, что завтра для них может и не настать. Но в рабство им не хочется.

– Там... канал?

Я выразилась неточно, но ребята меня поняли. И Шнурок кивнул.

– Есть там кто-то. А кто – пес его знает.

– Но там же не один человек работает! Неужели никто не замечает? Не видит?

– А кому оно надо?

Я немного подумала. Вообще-то... Мы же дежури́м посуточно. Есть возможность и присмотреть «товар», и вывезти, пока идет дежурство нужного человека. А я могу и не заметить. Вот как с тем воришкой. Вчера был, сегодня ушел. Куда? А мне какая разница?

Вот если бы его с проломленной головой принесли, я бы его лечила еще раз, а если нет... значит – нет. Не было бы у него любящего папы, так и век не хватились бы. И Линда... Не подними она скандал насчет своего морячка... Порт же! Моряком больше, моряком меньше...

– Но это же люди! Их должны как-то выносить, грузить на корабль, где-то держать...

Главарь вдруг серьезно посмотрел мне в глаза.

– Не лезь в это. Без головы останешься.

Я вздохнула.

– Я-то не лезу. А вы уверены, что случайно – хуже не получится? Лучше уж знать и не лезть, чем не знать и вляпаться...

Возражение было логичным, но мальчишки лишь закачали головами. Они от таких дел держались подальше, справедливо полагая, что жизнь одна, а оказаться в трюме рабского корабля никому не хочется.

Я подумала пару секунд и поднялась.

– Все же прошу проводить меня. Я здесь раньше не бывала и местности не знаю. Не хочется заблудиться в темноте и забрести невесть куда.

Главарь только рукой махнул.

– Ладно, Шнур. Проводи эту. А завтра останешься здесь. Пожрать сготовишь и за этимдохлым присмотришь.

– А через два дня опять ко мне. Приду, осмотрю бедолагу. Если ему будет хуже – сразу за мной, поняли?

Шнурок закивал. Этот – точно понял. Сделает.

* * *

Я медленно шла по берегу вслед за своим провожатым.

– Шнурок, а как тебя зовут на самом деле?

– Это не важно.

– Почему?

– Понимаете, госпожа Ветана, имя – это очень личное. Мы не просто так на улице оказались. А имя – все, что у нас осталось от *той* жизни.

Я молча кивнула.

Действительно, имя – это очень личное. Шнурок – пусть так и будет. Когда-то он был обычным мальчишкой, с семьей, с родными, а потом что-то случилось, и его больше не стало. Как не стало и меня. И на обломках старого родились и Шнурок, и Ветана. Смогут они построить новое или нет – это никому не известно.

Море тихо шумело в такт моим мыслям. А ведь есть и еще одно, о чем стоит подумать. Варгос Торон. Глупый мясник кричал на весь Алетар, что у него украли жену, что он разберется и заставит всех заплатить... Не потому ли его убрали, что он мог привлечь внимание к неблагоприятным делишкам? Или...

А могли, могли.

Или это все же госпожа Риона? Только вот она не признается, даже если это сделала. И угрызений совести не испытает. И я ее понимаю. Сама бы прибила скотину, не особо задумываясь.

Так она или не она?

Почему-то мне казалось, что не она. Могла бы, но вряд ли успела сделать. Все же содержательнице борделя для благородных – назовем вещи своими именами – такое повернуть сложнее, чем работоторговцу. И на кого падет подозрение?

На нее же, на кого ж еще...

Кажется мне, что и исчезновение людей, и смерть Варгоса – звенья одной цепи. И надо быть очень осторожной, чтобы не удлинить ее еще больше.

В лечебницу я шла... с опаской. Конечно, я не буду кидаться на людей и спрашивать, кто поставляет товар работорговцам. О таком молчать и молчать, и никому, ни за что, даже Линде ни словечка, ни вздоха, ни взгляда. Кто возится в этой грязи – неизвестно. Подозревать можно любого.

Бертен? Почему нет... Карнеш, Дорт, даже Харни Растум – он хоть и не дежурит, но возможностей у него хватает. Кто их подручные? Служительницы? Служители? Скорее, есть и те, и другие. Может, один-два человека, но этого хватит. Служительница добавит макового молочка в воду, и все, лежащие в палате, крепко уснут. Служитель вытащит и погрузит тело. А в порту... О, там что угодно можно спрятать.

Искать со стороны порта? Шаронеры, Шими... Ну уж нет! Их я подставлять тем более права не имею. А жить с *этим* на душе – и молчать? Понимать, что кто-то не увидит свою семью, кто-то погибнет в рабстве... кстати, в Алетаре за это было лишь одно наказание.

Смерть. Медленная и мучительная. Закон суров, но справедлив. Иногда могли пощадить вора или убийцу, как пощадили несчастную дурочку Юнис, по уши влюбившуюся в подонка Литорна, как заменили смертную казнь каторгой для той же Таниль.

Но работорговля... Здесь жалость неуместна. Закон Алетара гласил: «Тот, кто отнял у другого человека право на свободу, недостоин жизни». Коротко и по делу.

Что я могу сделать? Без истерик, без риска собственной головой, без криков и стонов о жестокости жизни? Что я могу? Хм-м... А ведь могу. Если герцог Моринар почтит меня визитом еще раз, я найду что ему рассказать. А до тех пор попробую присмотреться, посплетничать, собрать информацию...

Не бывает так, чтобы негодяи работали без единой ошибки. Да вот хотя бы... Расспросить Линду, когда пропал ее морячок. Или вспомнить, кто дежурил, когда ушел рыжий мальчишка. Начать можно с этого, а потом уж присмотреться к человеку.

Я справлюсь, обязательно справлюсь. А пока – работа. Лекарке расслаживаться некогда, ее люди ждут.

Дар привычно покалывал кончики пальцев, готовясь выплеснуться наружу. Я улыбнулась приятному ощущению и принялась переодеваться.

Служитель Светлого воткнул в карту еще одну булавку. Поглядел на очерченный круг. На несколько скоплений по карте... Да. Примерно шесть мест, в которых он замечал всплески активности. Шесть мест в Алетаре. Маг жизни еще здесь, в городе, его еще можно найти.

Эх... господин Лелуши мог бы это сделать куда как проще! Только он был гением. А Гентль, увы, только учится. Но что такое талант без кропотливой ежедневной работы? Вот господин Шантр этим пренебрегал. У него, конечно, получалось многое, а только где он теперь? Нет уж, Гентль на рожон не полезет.

Шесть мест в Алетаре будут осмотрены. Служители и холопы, которые проповедуют в этих районах, – осведомлены о поиске... Нет, не мага жизни, слишком уж велико искушение оставить эту ценность только для себя. О колдуне. О твари, занимающейся жертвоприношениями, и которого – или которую – надо обязательно остановить. Чем скорее, тем лучше. Они составят списки тех, кто посещает эти места, а потом в главном храме эти списки примутся сверять, пока не найдут человека, который отмечался везде. Так-то...

Хотя ты, маг жизни, и хитер, и умен, а все же и на тебя управа найдется!

Странное только расположение. Три места в Желтом городе, два – в Белом, одно – в Зеленем... Не живет ведь маг жизни в этих трущобах? Кто ж такую ценность от себя отпустит?

Мысль о том, что маг жизни бывает и сам по себе, парню даже в голову не приходила. Маги сами по себе не бывают. Никогда. Ни за что. Они всегда служат либо Короне, либо Храму, либо... преступному миру? Но последнее – это вряд ли. Слишком накладно. Любой неглупый маг рано или поздно понимает, где его выгода, и неплохо устраивается в жизни. А сделать так, чтобы его не преследовали... О, у любого мага есть такие возможности. Еще как есть. Иногда это заканчивается смертью мага, но не слишком часто. Ценное имущество стараются не портить до самого конца, на том они и выигрывают.

Гентль задумчиво посмотрел на карту. Алетар велик, и даже при самой тщательной прорисовке в этом круге помещается пара немаленьких улиц. Искать мага будет тяжело и сложно, но все же, все же... Храм справится. И поставит себе на службу еще один талант.

Гентль отпил из кубка и позволил себе помечтать. Маг жизни, между прочим, большая ценность. Может и от дурной болезни излечить, и от ее последствий, а то...

Помолишься так-то неудачно, вот оно всю жизнь и аукается... Но кто

ж знал, что та девчонка больной окажется? Хороша была что суккуб. А наградила – на всю жизнь. Самое страшное убрать удалось, но другой человек давно бы помер.

Гентль держался на своей магической силе, не очень, прямо скажем, великой, и на поддержке Храма. Найти мага жизни у него были и свои резоны.

* * *

Я присматривалась. Спокойно, рассудительно, без лишних эмоций. Уж насколько смогла.

Получалось откровенно плохо.

Оказалось, что дежурили в разное время разные люди. Линда не могла сказать точно, когда пропал ее ухажер. Она его дня три не навещала, большой заказ попался, так сидела, работала. Вот в какой-то из этих дней. Тут кто хочешь мог дежурить. А когда исчез мальчишка, дежурил Бертен.

Только вот подозревать его я не могла. Мужчина просто расцветал при виде меня, улыбался, дарил цветы и сладости... Видимо, понял, что герцог получил от ворот заворот, и оценил по достоинству. Или решил, что это из-за него. Вслух он пока ничего не говорил, но мне было откровенно неуютно.

Ох, лишний раз понимаю, что нельзя, нельзя ничего себе позволять на работе. Никаких личных отношений. Или уж выбирать – так раз и на всю жизнь, а то добром не кончится. Вот как сейчас.

Могу ли я выбрать Бертена? Довериться ему и в большом, и в малом, сказать – милый, я не простая девчонка с улицы, я немножко благородных кровей, маг жизни и... И все остальное?

Страшновато.

А и не доверишься – как потом в глаза смотреть будешь, когда все откроется? Правду, как и нос, на лице не спрячешь. Хоть ты платком по брови умотайся, рано или поздно, так или иначе...

Страшно.

А тут и служительницы подметили, что Бертен ко мне равнодушен. Пошли шепотки, сплетни... Я махнула рукой и не прислушивалась. Пусть болтают. Чем больше обсуждают мои дела, тем меньше будут обращать внимание на мои интересы. А они были...

Мы ведь на каждого человека ведем нечто вроде карточки. Попал он к нам, так записали, чем болел, как лечили. А второй раз попадет, достанем,

да и посмотрим. Мало ли... И в том числе пишем, сколько лет, кем работает, какого числа больной пришел, какого ушел...

Нужно просмотреть записи и попробовать вывести нечто вроде закономерности. Но вот как сортировать? По лекарю? По числу? По молодости-работе... Мы ведь не спрашиваем, одинок ли человек, есть ли у него семья... Это служительницам рассказывают, когда те спросят. И я опять возвращаюсь к тому, с чего начала. Как угадать, что этот ушел, а того – ушли?

Я и отдаленно не представляла. Только начинать с чего-то надо!

* * *

– Госпожа Ветана...

Когда моего плеча легонько коснулся мужчина, я даже не вздрогнула. Просто открыла глаза. Полежала пару минут, привыкая к происходящему вокруг, всмотрелась в темное пятно.

– Здравствуйте.

Рыжий ворюга, имени которого я так и не знала, улыбнулся в ответ. В темноте блеснули зубы.

– Доброй ночи.

– Я вас ждала раньше.

– Уж простите. Жизнь у нас тяжелая, иногда и хочешь прийти, а не получается. Работа...

Я кивнула.

– А у меня для вас новости, только вот хорошие или плохие – не знаю.

– О моем сыне, госпожа Ветана?

Я вздохнула и поведала все то, что узнала от мальчишек, не упоминая источник информации. Потом добавила свои наблюдения и развела руками.

– Кажется мне, что это – так.

Мужчина слушал, глаза его в темноте вспыхивали недобрыми огоньками, а когда я закончила, молча поднялся, прошелся по комнате.

– Спасибо, госпожа Ветана.

– Я удивлена, что вы об этом не знаете.

– А ничего удивительного тут нет. Мои интересы лежат в другой области. Но надо будет кое с кем поговорить.

Я покачала головой.

– Прошу вас, не упоминайте обо мне.

– Разумеется, госпожа Ветана.

– Почему-то у меня дурное предчувствие.

– Вот как? Что ж, буду вдвойне осторожен.

Только сказано это было без души. Так, чтобы я успокоилась и отвязалась. Ох, плохо.

Вор откланялся и ушел. Я же долго не могла уснуть. Лежала на кровати, смотрела в потолок, думала, что хорошим это дело не кончится. Кто бы ни наладил работоторговлю, он умен, хитер и осторожен. И защищать себя наверняка умеет. Но что я могу сделать?

Ничего. Только то, что уже сделала.

* * *

– Госпожа Ветана! Срочно!!!

Предраассветный час у нас самый сложный, ни разу без гадости не обошлось. Вот и сейчас...

Я в ужасе глядела на несчастную девушку. Наверное, она была красивой. Может быть. Сейчас же... М-да, лицо из-за синяков не видно, тело все... изуродовано, иначе не скажешь, клочка чистой кожи нет. Где не синяк, там ссадина, где не ссадина, там ожог... А еще ее явно изнасиловали. И выкинули из кареты в воду у причала, надеясь, что она утонет.

Не дождались.

Холодная вода привела девчонку в чувство, кое-как ей удалось зацепиться связанными руками за плавающую в воде доску, и она – держалась. Долго бы не вытерпела, да только Светлый помог. Или Темный подшутил, учитывая ночное время? Вынес на причал исключительно недобропорядочного гражданина. Что уж он там делал – краденое толкал или контрабанду принимал, – история умалчивает, но, увидев девчонку в воде, нырнул и вытащил ее. Позвал стражу, а сам скрылся.

Стражники пришли в ужас, закутали бедолагу в плащ и опрометью кинулись в лечебницу. И попали аккурат на мое дежурство.

Теперь бедолага лежала у меня на столе, и надо было что-то делать.

– Все – вон! – скомандовала я. – Линда, живо за кипятком.

А сама принялась осматривать девчонку более тщательно, уже не пряча свой дар. Пока никто не видит, а ей все равно. Ее сейчас хоть чем и как.

Ага. Внешние повреждения – это не страшно. А вот внутренние... Разрывов у нее там – страх сказать. И не только спереди, но и сзади...

извращенцы клятые! Темного крабом – и им в глотки! А еще переохлаждение, кровопотеря и опасность воспаления легких.

Вот последнее и...

Золотистые искорки ручьем потекли с моих рук, впитываясь в кожу. Сейчас я уже могла ими управлять, сколько уж учусь. Внешние раны не заживут, нет. Но последствий не будет. И самые страшные разрывы подсократятся, и детей она иметь сможет, и не заболеет ничем. Хватит уже – досталось девчонке.

Ох-х. А это что? В самом дальнем уголке тела теплилась новая жизнь. Беременность? От насильника – или от кого-то другого? Как тут определишь? Вроде как недавняя, может, день-два, может, чуть больше. Но я ж не знаю, что и как?

Знай я точно, что это от насильника, вызвала бы спазм, и не было бы этого зародыша. Капель крови больше, капель меньше – не страшно. Все одно от дурного семени не жди доброго племени. От некроманта целитель не родится, окрас не тот. Но я не знала. И... не хотелось этого делать. Спасать жизнь – одно, прерывать – другое. Как магу жизни, мне это решительно не нравилось.

– Вот, госпожа...

Линда послушно лила мне на руки. Я тщательно отмыла пальцы – еще не хватало грязь занести в рану; маг ты там, не маг, она не разберет – и приступила к работе.

Вычистить, зашить, перевязать... Вычистить, смазать, наложить повязку... Вычистить, зашить, перевязать... Через два часа я себя так чувствовала, словно на корабль мешки с мукой грузила. Спина болела, глаза болели, руки тоже болели.

Когда я вышла в коридор и попросила служителей отнести девчонку в палату, меня и ноги-то едва держали. Подошел один из стражников. Я рассеянно посмотрела на мужчину. Молодой, лет двадцати пяти, крепкий, светловолосый и сероглазый, даже симпатичный... кажется. Мне уже было все равно, только спать хотелось все сильнее.

– Госпожа Ветана, она не...

– Жива. Может, и здорова будет.

– Может?

– Она девушка сильная, должна справиться.

По лекарскому суеверию я привычно избегала четких ответов вроде «обязательно поправится» или «через пять дней бегать будет».

– А поговорить с ней когда можно будет?

Я едва по голове стражнику не постучала. Ну баран-с...

– Вы с ума сошли? Какие разговоры?
– Так знать же надо, кто ее так, – насупился стражник.
В лицо я его знала, а вот по имени – запомнятовала.
– Знать – надо. Согласна. Но раньше утра, а то и полудня, вы с ней поговорить не сможете.
– Это еще почему?
– Не проснется.
– Почему?
Точно баран.
– Скажите, вы давно в страже работаете?
Мужчина насупился.
– А к чему вы спрашиваете?
– Господин...
– Стерл.
– Господин Стерл, так давно или нет?
Судя по тому, что я помнила только лицо, но не имя...
– Месяца два. А что?
– Вас ведь еще ни разу не ранили, правильно?
– Да. Но...
– Не обижайтесь, ладно? Она вся, там, внизу, просто в клочья изорвана. Не зашивать же ее было наживую? Конечно, мы ей макового молочка дали. Теперь поспит. Как проснется, ей плохо будет. Потом уж отойдет, вы и поговорите, – перешла я на простонародный говор.
Стражник понимающе кивнул.
– Вот оно что...
– Да. Думаю, к вечеру узнаете, что с ней и как. А до того – не обессудьте.
– И ни имени... Ничего?
Я развела руками, показывая, что ничего. И отправилась в комнату для лекарей. Хоть полежать пару минут на твердом, пусть спина отдохнет.

* * *

Девушка оказалась дочкой купца из Зеленого города. Из хорошей семьи, с любящими родными...

По-разному в жизни бывает. Шла девочка домой от подруги, остановилась рядом карета, и ее туда мигом втянули. Она и пискнуть не успела. Мешок на голову, кляп в рот, а дальше... Дальше было очень

больно и страшно. Очень.

Я только головой покачала, когда об этом узнала. Все было плохо, еще хуже. Только вот как сказать девчонке, что она беременна от насильника? Подумала и решила сказать это кому-то из ее родных. А они уж пусть сами разбираются.

Мне приглянулась мать девушки. Крепкая особа лет сорока пяти, в достаточно скромных одеждах, но сшитых из такой дорогой материи, что простота кроя ее только подчеркивала. Держалась купчиха с достоинством, больше подходящим небогатой дворянке, и к служителям и лекарям относилась ровно и спокойно. Уважала и себя, и других. Девушку собиралась забирать, как только ее можно будет перевозить, через пару дней. Так что надо было поторапливаться.

Я выбрала время и отозвала мать в сторонку.

– Госпожа, вы позволите с вами поговорить?

– Да. Госпожа... э-э-э...

– Ветана. Ваша дочь попала ко мне... тогда.

Купчиха кивнула.

– Мы благодарны вам. Лекари говорят, если бы не вы, все было бы намного хуже. И поверьте, наша благодарность...

Я вспыхнула. Она решила, что я вымогаю у нее деньги?

– Извините, госпожа, но дело не в благодарности.

Темные брови приподнялись.

– Нет?

– Дело в беременности.

Купчиха схлынула с лица. Словно в одну секунду ей на плечи обрушилось лет двадцать.

– Бе... ремен... ности?

– Да. У нас есть свои признаки. И мне кажется, что ваша дочь в тягости. Скорее всего – от насильника, она ведь...

– Да. Милона была девушкой.

– Тогда точно от насильника.

Купчиха схватила меня за руку. Просто впила пальцами.

– И что...

– Зачем я вам это сказала? Я такими делами не занимаюсь, могу посоветовать хорошую повитуху. Пусть даст зелье. А хотите – оставьте ребенка.

Женщина задумалась.

– Госпожа Ветана, вы ведь...

– Я никому об этом не скажу. Поклясться в храме?

Судя по выражению лица, купчиха не отказалась бы. Но намекать не стала. Поблагодарила меня и отправилась восвояси, чтобы вернуться через несколько часов.

– Госпожа Ветана?

– Да?

– Скажите, если сейчас вытравить этот плод, сможет ли моя дочь иметь детей?

Я задумалась.

Вот тут я точно ответить не могла. Да, плоду только несколько дней, но тела-то у всех разные, и зелья разные, и действуют по-разному! Кто-то после такого век бездетным остается, а кто-то живет и рождает что та кошка. Тут и чутье мага жизни не поможет, не настолько уж я им умею пользоваться, себя раньше выдам.

Я медленно покачала головой.

– Таких признаков нет. Тут, госпожа, не скажешь, тут надо каждому для себя решение принимать.

– Вы бы не советовали, верно?

Я покачала головой.

– Мне в такой ситуации выбирать не приходилось. Доброго от подонка ничего не уродится, но – как знать?

Купчиха стиснула кулаки.

– Попалась бы мне эта мразь высокородная...

– Высокородная? – насторожилась я. Подозрения у меня были, но...

– Милона говорит, что от него дорогими благовониями пахло. Такие не каждый себе может позволить. Такие... мускусные.

И кажется, знала я этого человека. От барона Артау так пахло, я помнила. Собственный запах у него был неприятным, вот он и заливался духами, аж мухи на лету падали. Но сказать я ничего не могла. Вместо этого...

– Я могу посоветовать повитуху. А могу назвать семью, в которой нет детей. Пусть родит да отдаст.

– Мы над этим подумаем. Мне бы хотелось знать и то, и другое.

– Тогда дайте клятву, что никому...

– Обещаю.

– И мужу? – прищурилась я.

– Имена ему знать ни к чему. Сама справки наведу.

Я поверила. Дама была – железная. Такая и справки наведет, и все обставит наилучшим образом. А подвернись ей насильник – удавила бы, и ни на минуту не пожалела. Так что записала ей на клочке бумаги несколько

строчек и отдала.

– Удачи вам.

– Госпожа Ветана, если что-то... Я могу на вас рассчитывать?

– И на меня, и на мое молчание.

На стол передо мной лег небольшой кошелек.

– Спасибо.

Я медленно убрала его в стол.

– Мы можем принести клятву в храме в любой момент, когда вы пожелаете. Но и так я буду молчать.

Я не лгала, и женщина поняла это. Улыбнулась дружески, пожала мне руку и вышла вон. А я осталась сидеть, глядя в стену. Барон Артау сорвался с цепи? Шлюхи, теперь девочки из хороших семей, кто следующий? Девочка, кстати, была чем-то неуловимо похожа на мою младшую сестренку. Те же каштановые волосы, та же фигурка с округлостями в нужных местах – красавица. И ею останется.

Что же делать с бароном? Что делать мне? Рассказать все герцогу при встрече? И про барона, и про работоторговлю? Или самой поискать с ним встречи?

Но пока я примеривалась и прикидывала, что к чему, столица взбурлила. Пропала и нашлась Клодетта Лорист.

* * *

Вдовая дворянка успела стать заметной фигурой, и ее исчезновение взволновало многих. Кому-то она была должна, кто-то был должен ей, с кем-то она спала, с кем-то нет... Нравнодушных не нашлось. А теперь она пропала.

Даилина Террен рассказала мне об этом, трепеща от оживления ресницами, словно сумасшедшими бабочками, с частотой до шестидесяти взмахов в минуту. Клодетты не было несколько дней, так что забеспокоились, стали искать, по приказу его величества стража перетряхнула всю столицу, и ее нашли. В покойницкой у стражи. Да в таком виде... На бедолаге, говорят, живого места от синяков не было. И ее... это... того-с... ну, вы же понимаете...

Я понимала. И сильно подозревала барона Артау. Только вот сказать ничего и никому не могла. Что тут скажешь? Он это, держи гада? А если не он? Как я его обличать буду?

Все же нужно поговорить с маркизом. И чем раньше, тем лучше. Но,

как обычно, человек предполагает, Светлый располагает.

* * *

Следующий визит к маркизе Террен состоялся через два дня. С Даилиной и ребенком все было в порядке. Маркиз тоже не жаловался на здоровье. И я решилась...

– Ваша светлость, вы позволите затронуть постороннюю тему?

– Госпожа Ветана, для вас – все, что угодно. Что случилось?

– Госпожа маркиза рассказала мне о Клодетте Лорист.

Маркиз насупился.

– Ох уж мне эти сплетни. Ведь знает, что ей волноваться нельзя, а все туда же...

На мой взгляд, госпожа маркиза не волновалась, воспринимая все эти истории как страшную сказку, которую приятно послушать, но в которую никогда не попадет она сама. Но об этом я говорить не стала.

– Ваша светлость, я не стала говорить об этом госпоже маркизе, но... это не единственный случай.

– Вот как?

– К нам, в лечебницу, много кого привозят. Мы навидались. И... в таком состоянии – тоже.

– Продажных девок?

– Не только, – сказала я чистую правду. – Были и девочки из хороших семей, а картина одна. Все избиты, искалечены, изнасилованы, и похоже, виноват один и тот же человек.

– И у вас есть подозрения?

Я покачала головой.

– Как-то раз, на набережной, мы с Бертенем видели госпожу Лорист с мужчиной. Но это наверняка не единичный эпизод...

– Если все эти эпизоды перебирать, по столице с ума сойдешь, – махнул рукой маркиз. – Скольких наша жизнь ежедневно калечит, убивает, уничтожает, просто мы не видим, а если не видим, то можем и не думать. Или... что вы знаете, госпожа Ветана?

– Мало. Выжившие говорят, что насильник из благородных. Лица они не видели, но есть вещи, которые не спутаешь и не подделаешь.

Маркиз нахмурился.

– Вы считаете, что...

– Это маньяк. И он вошел во вкус, – спокойно подтвердила я. –

Шлюхи, потом девочки из порядочных семейств, теперь богатая вдова... Маркиза рассказала мне, что ее нашли в ужасном состоянии. Вы знаете подробности?

Я нервно крутила подаренное рофтеркой кольцо вокруг пальца.

– Лорт! – позвал маркиз.

В дверь проскользнул слуга, которого я уже видела.

– Ты можешь узнать, что там с Лорист?

– Да, ваша светлость.

– Завтра?

– Госпожу Лорист нашли избитой и изнасилованной. Ожоги, следы от плети, кнута... Похоже, она умерла от боли и кровопотери. Кто-то мучил ее достаточно долго.

Маркиз кивнул, повернулся ко мне.

– Это – оно?

Я медленно кивнула.

– Да, ваша светлость. Оно.

– Задали вы мне задачку, госпожа Ветана.

К чести маркиза, он не стал говорить, что насильник – не его дело. Или не его проблема. Вместо этого мужчина подумал и протянул руку за бумагой.

– Я думаю, стоит написать знакомому. Разумеется, не упоминая вас, госпожа Ветана. Итак, это человек из высшего общества, пользующийся мускусными духами...

– А еще одна из жертв припомнила, как его называли «господин барон», – добавила я.

Да, соврала. Но угрызения совести меня за это мучить не будут. Ни капельки. Если это Артау – пусть его остановят, и как можно скорее. Вот!

– Кто именно?

– Девушка из низов общества. Она... торгует собой за деньги.

Маркиз чуть поморщился и кивнул.

– Понятно. Что ж, так и напишем.

Я улыбнулась и склонилась в поклоне. Нет, не зря я лечила маркиза.

* * *

Когда лекарка ушла, маркиз немного подумал над разговором. Еще раз проговорил с Лортом основные моменты, прокрутил в голове и так, и этак, а потом принялся отдавать приказания.

Нельзя сказать, что Лорту все понравилось, но слуга отлично понимал, что это – необходимость. Он выполнит приказ господина. И, пожалуй, не без удовольствия. Все же речь идет о человеке, который будет полезен маркизу.

* * *

Есть такая работа – особый королевский дознаватель. Опасная, неблагодарная, тяжелая и часто заканчивается смертью. Потому что простые дознаватели и работают среди простонародья. Там все опасности известны, и их чуточку меньше. А вот особый королевский дознаватель работает со знатью.

И тут уж опасность может подкараулить на каждом углу.

– Клодетта Лорист, баронесса, вдовствующая...

Сведений было много. Очень много.

С кем спала, пила, гуляла, у кого брала, кому давала... Дознаватель просто тонул в море сведений. А вот выцепить из них нечто логичное не получалось. Поэтому записку от маркиза Террена он воспринял как дар Светлого. Сунул ее в карман и отправился с визитом.

Маркиз не заставил дознавателя ждать в прихожей. Не прошло и пяти минут, как мужчину пригласили в кабинет.

– Господин?..

– Элот Синор, ваша светлость. К вашим услугам.

– Особый королевский дознаватель. Расследуете дело Клодетты Лорист.

– Да, ваша светлость.

– Что ж. У меня есть информация, которая может вам помочь.

Дознаватель достал блокнот и грифель.

– Я весь внимание, ваша светлость?

– Клодетта Лорист – не первая жертва. До нее было еще несколько. Я только говорю «несколько», но их наверняка достаточно много, можете узнать в городской страже. И все – с теми же повреждениями.

Элот вскинул брови.

– Ваша светлость...

Маркиз поднял руку.

– Прошу не перебивать. Это девушки из низов общества. Были. Потом маньяк переключился на девушек более высокого положения, а последней его жертвой, надо полагать, стала баронесса Лорист.

– Могу ли я спросить, откуда...
– Можете, – маркиз позволил себе легкую улыбку. – Мой слуга, Лорт, – позвать его?

– Я был бы благодарен, ваша светлость.
– Хорошо, но чуть позднее. Так вот, мой слуга знает, что мне скучно быть прикованным к постели, а потому развлекает меня сплетнями. В том числе и этой. На днях он пил со знакомым стражником, а вернувшись, рассказал все. Сам он не сопоставил факты, но я решил не молчать.

Дознаватель кивнул. Это можно понять.
– И что же...
– Это благородный человек. У него есть карета, несколько подручных, а еще – от него пахнет мускусными духами. И одна из жертв слышала, как его называли «господин барон».

Дознаватель сделал стойку.
– Вот даже как?
– Имени, к сожалению, никто не произнес.
Но дознавателю и этого хватало.
– Господин маркиз, я вам очень благодарен!
Маркиз Террен покачал головой.
– Не стоит, господин Синор. Это долг каждого порядочного человека.
А вот и Лорт.

С Лорта дознавателю удалось получить немного. Были, пили, говорили. Да, вот такое проскользнуло. Что барон? Кто сказал? Да кто ж его знает, все уже хорошие были, сами понимаете, иначе-то о таком и не поговоришь...

Дознаватель понимал. Спросил имена собутыльников и откланялся, обдумывая полученную информацию.

Лорт лирически помахал ему ручкой вслед и отправился к маркизу.
– Все сделано, ваша светлость.
– Он точно ничего не заподозрил?
– Абсолютно.
– Тем лучше, друг мой. Тем лучше.

Мужчины переглянулись и улыбнулись одинаково кровожадными улыбками. Маркиз специально не отослал письмо сразу. Позавчера Лорт отправился в кабак, где пили его знакомые стражники, и там они так нажрались... Кто пил, что пил, о чем говорил, кто говорил... Может, они что-то и припомнят. Но это – вряд ли. А про барона там точно звучало. И про запах тоже. А что от Лорта, а не Лорту... кто ж там что вспомнит? После второго бочонка?

Пусть дознаватель расспрашивает, у него работа такая, ему за это деньги платят. Да и нечего тут маньякам по Алетару гулять. И без них тесно.

* * *

– Госпожа Ветана!!!

Дар иногда счастье, а иногда – проклятие. И в очередной раз я в этом убедилась. Кто бы ни был бедолага, принесенный служителями, жить ему оставалось пару минут. Даже если я волью в него всю силу, его это не спасет. Нет, не спасет.

Пробита голова, сильно повреждены внутренние органы, переохлаждение... Чудо, что он еще жив. Все, что можно тут сделать, – облегчить агонию. Маковое молоко в этом отношении – благо. Дать побольше, чтобы уснул без боли и проснулся в новом мире, в новом теле. И это тоже – обязанность лекаря. Самая ненавистная.

Все же я прощупала пульс и, как требовалось, принялась за осмотр. Тело под руками дернулось, открыло глаза. Знакомые, Темного крабом! Залитый кровью до полной неузнаваемости, передо мной на столе лежал тот самый вор. Мой ночной визитер, отец несчастного рыжика Симуса.

Что же с ним делали? Схватили, где-то держали, долго били, пытали, как могли, потом оглушили и сбросили в море. Каким чудом он остался жив – не знаю.

Я бросила взгляд за спину. Никого не было. Линда тоже пошла за водой, чтобы хоть кровь смыть. И я решилась. Это было как удар. Мгновенный, жгучий, почти физически ощутимый. Сила рванулась из моих рук, плетью хлестнула бесчувственное тело – и мужчина застонал, приоткрыл глаза.

Сейчас я себя почти ненавидела. То, что я делала, было жестоким, чудовищно гадким в своей простоте. Я добавляла ему жизненных сил. Даже в разбитый кувшин можно налить воды. Конечно, долго она там не удержится, но напиться человек успеет. Мне же и не требовалось долго.

– Госпожа Ветана?

Меня узнали.

– Вы умираете в лечебнице. У вас не больше пяти минут, – тихо произнесла я.

И по глазам видела – мне поверили.

– Мой сын...

– Обещаю, сделаю все, чтобы найти работоторговцев и вернуть ему свободу, – так же ровно произнесла я.

– Я нашел их. – Речь мужчины была невнятной. – Это тиртанцы, я знаю их корабли. «Черный заяц» и «Зубастая девушка». Там потайной трюм, на берегу есть склад, в нем подвал, где содержат рабов. Если что – его можно затопить. Все умрут.

– Моринары в этом не замешаны?

У меня не было времени на церемонии.

– Нет.

– Я постараюсь рассказать герцогу.

– Обещайте...

– Клянусь.

На губах мужчины появилась легкая улыбка. Уже нездешняя.

– Я ничего не сказал про вас. Они спрашивали...

– Спасибо, – искренне ответила я.

Глаза вора закатывались, на губах пузырилась кровавая пена.

– Таверна «Зеленый кот». Микль...

Я положила мужчине руку на лоб. Почувствовала, как по телу прошла последняя судорога, подождала пару минут и закрыла ему глаза. Прощай.

По щекам почему-то текли слезы. Кто мне был этот вор? Да никто! Я его и не знала никогда. И все же я почему-то плачу. Почему?

Не понимаю, ничего не понимаю...

* * *

Ах, как же хорошо... Сегодня у меня выдался выходной, и я отправилась на рынок. Нет. Не так. Отправилась. На. Рынок. Поверьте, это только звучит приземленно, а выглядит совсем иначе.

Алетар – город у моря. Здесь тепло летом, и потом торговля начинается на рассвете, а к полудню на рынке уже никого не остается. И чтобы попасть к первым рыбакам и торговцам, надо встать пораньше.

Проснуться на рассвете, распахнуть окно и увидеть, как пробуждается вместе с тобой окружающий мир. Сначала, на границе более светлой и темной тени, там, где смыкаются небо и земля, проявляется светлая полоска. Потом она начинает расширяться, захватывает и растворяет звезды, и ты уже можешь различить дюны, неожиданно лиловые на фоне розоватого неба, а потом из-за них робко выглядывает краешек солнца, окрашивая все в родные ему золотистые тона. Солнца такого нежного и

чистого, словно оно искупалось ночью в море, хорошенько выспалось и теперь решило заглянуть к нам в гости. *Как вы тут без меня? Скучали?*

И, не удержавшись, я подмигиваю ему в окошко, а сама принимаюсь одеваться, чтобы через несколько минут выскользнуть за калитку.

Алетар просыпается с восходом солнца и наполняется жизнью. Откуда-то доносятся птичьи голоса, деревья стряхивают с листьев набранную воду, небо медленно, но уверенно набирает цвет: от нежно-инеистого оно уверенно переходит к цвету барвинка, а потом густеет до лазури, вбирая в себя краски моря. И солнце все быстрее и веселее выкатывается на небосклон, глядя лица людей своими горячими ладошками, заставляя вспыхивать искрами жизни и цветы, и деревья, и даже камни мостовой.

Я люблю этот город. И весело стучу каблучками по мостовой в ритме его дыхания. С кем-то здороваюсь, кому-то машу рукой, а потом выхожу к рыночной площади и прижимаю рукой кошелек. Обычно у лекарей не воруют, но не может же меня знать в лицо все ворье Алетара?

– Пироги! Горячие, с пылу, с жару, два медяка пара!

– Рыба! Свежая рыба!

– А кому птицу! Сама кормила, сама прибила, сама щипала, сама била, да денег мало!

– Налетай, народ! Носки из овечьей шерсти!

– Да врешь ты все, собачья это шерсть!

– Сама ты собака! И лаешь похоже!

– Ах ты... овца нестриженная!

Голоса сотен людей сплетаются в причудливую мелодию. Лица, краски, запахи... Я придерживаю корзинку на рукаве и углубляюсь в это веселое кишение и смешение.

Сегодня мне нужна рыба. Свежая, ночного улова. А еще с десятков яиц и головка сыра. Хочу рыбу в кляре. Всю ночь мечтала!

Сейчас куплю, принесу домой, разделаю (еще бы лекарька этого не умела?), смешаю кляр (натереть сыр, добавить специи, пару яиц, муку до густоты сметаны), пожарю рыбу и буду таскать прямо со сковородки.

Страх сказать, когда-то я и готовить не умела! К чему аристократке? Вот приглядеть на кухне, знать, сколько чего нужно, – это другое. А самой сыр тереть, ручки пачкать... нет! Для такого слуги есть.

Хорошо хоть, госпожа Лимира пожалела меня, еще когда я у них жила, дала пару уроков. И соседки с удовольствием делятся рецептами, за что им громадная моя благодарность. Иначе жила бы я на хлебе с вареньем и желудок себе испортила в пару месяцев.

Рыба нашлась быстро. Пара морских языков, выловленных ночью, заняла свое место в корзинке, яйца я тоже прикупила, остался сыр.

– Аи-и-и!!!

Визг был такой, что я и не раздумывала.

Когда так орут, помощь лекаря очень даже может потребоваться. Ноги действовали вперед головы и несли свою хозяйку к источнику звука. Кстати. Очень кстати.

На рыночной площади, среди почтительно раздавшихся в стороны людей, на брусчатке билась в припадке падучей молодая женщина... Девушка? Почти девочка, кажется. Хотя пойми по ней сейчас возраст, когда все лицо перекошено в судороге! Светлая коса разметалась по мостовой, тело несчастной выгибалось дугой, изо рта шла пена...

– Пропустите, я лекарь!

Корзина полетела в сторону. Жалобно крикнули мне на прощание яйца.

Я огляделась, сбросила с плеч плащ, кое-как свернула его, подсунула под голову девушки – еще разобьет себе что-нибудь о мостовую...

– Помогите придержать ее! Да нет же! Не хватайте жестко, не надо! Просто придержите. И на бок, вот так...

Зубы я ей не разожму, но повернуть, чтобы язык не запал – вполне возможно. И сунуть руку под волосы, на затылок, вот так...

Вспышка силы прошла незамеченной для окружающих, под такими косами-то! Да и не требуется ее много. Так, чуть-чуть, чтобы снять скрутившие тело судороги.

Постепенно женщина расслабилась под моими пальцами, утихла... Чьи-то руки придерживали ее, не давая покалечиться. Не сильно, но твердо и уверенно. Это хорошо. Понимая, что смертей сегодня не будет, начала шуметь толпа.

– Эта... упала...

– Пена изо рта...

– Лекарка...

– Лечебница у Растума...

И словно ножом по нервам, чей-то внимательный взгляд. Кто? Я оглянулась, но поздно, необратимо поздно. Кто бы ни стоял за моей спиной, он ушел, и вместе с ним исчезло ощущение враждебности. Женщина глухо застонала под моими руками, и я переключилась на пострадавшую.

– Как вы?

Бессмысленный взгляд в ответ. Я вздохнула. Да, где-нибудь бы ее положить на часок, чтобы передохнула. И родным дать знать. Но...

– Скажите, где бы ей полежать немножко?

Ненавижу повышать голос, он у меня становится на редкость мерзким и пронзительным, но по-другому толпу не перекричать. Люди отвлеклись от Очень Важных Обсуждений и поглядели на меня. Мол, что еще надо этой лекарке? Пусть занимается своим делом! Лечит! А мы заняты, мы сплетничаем!

– Кто может приютить на пару часов эту женщину?!

Я бы распорядилась отнести ко мне домой, но не стоит. Далеко, неудобно... Больше вреда будет, чем пользы.

На мое плечо опустилась теплая ладонь. Подняла голову и столкнулась взглядом с пожилым мужчиной. Полноватый, в простой темной одежде, но ткань! Крой! Нет, это не слуга. Скорее, купец.

– У меня тут лавка рядом. И мальчишку пошлем к ее родным.

Я кивнула, не поднимаясь с булыжников. А как тут поднимешься?

Мои пальцы по-прежнему массировали шею несчастной, разминая сведенные судорогой мышцы. Заодно и силы добавляли.

– Нам бы носилки. Или...

– Сейчас решим!

Мужчина кивнул кому-то в толпе, бросил пару слов, а я могла им только восхищаться. Двое парней уже снимали дверь с ближайшей лавки, не обращая внимания на верещание торговца, и даже успели поувещевать его. В одном я узнала Лорта, слугу маркиза. С утра? На рынке? Пришел тоже свежей рыбки купить? Конечно, все возможно, да верится с трудом.

– Да потерпи ты! Не сопрем же! Что ж, девчонке на камнях лежать?

Я приглядывала за тем, как девушку – совсем молодую, лет пятнадцати – кладут на носилки. Она начала приходить в себя, взгляд голубых глаз стал более осмысленным, зрачки расширились от ужаса. Я сжала ее запястье.

– Все в порядке. Лежи, расслабься, сейчас все будет хорошо.

Лавка, в которую мы занесли девушку, торговала тканями. Мужчины аккуратно переложили пострадавшую на скамью и удалились. Лорт, поймав мой взгляд, картинно вздохнул.

– Госпожа Ветана, я вас подожду за дверью?

– Пожалуйста, – машинально согласилась я.

Сейчас меня все больше занимала девчонка, которая бледнела на глазах. Э, нет. Так и до повторного припадка недалеко. Не надо!

Я положила ей руку на лоб.

– Тебя как зовут, девочка?

– Мила...

– А живешь где? Родных позвать бы?

– У папы лавка... он пекарь...

С третьего раза Миле удалось объяснить, куда послать гонца. Мальчишка, который терся при купеческой лавке, сорвался с места так, словно ему в штаны краба кинули. Я погладила девушку по волосам.

– Успокаивайся. Ничего страшного не произошло.

Не верит. По глазам вижу.

– Я лекарка. И знаю, что с тобой было. Успокойся. Ты это перерастешь.

Дар умнее меня, и я сейчас понимаю, что произошло с девочкой. Так бывает иногда. Если сначала развитие задерживалось, а потом слишком быстрый рост, да еще крови пошли неожиданно, и дома сложности... Все реагируют по-разному. Кто-то и во сне ходить начинает, кто-то на улицу от более выйти не может, кого-то рвет по-черному, а эту вот – так скрутило^[14].

– Послушай меня внимательно, Мила. То, что с тобой сейчас случилось, – не приговор. Не надо ходить по лекарям, знахаркам, не надо глотать настои и читать заговоры. У тебя это в первый раз?

– Т-третий...

– Может повториться еще пару-тройку раз. Потом ты вырастешь, и все прекратится. Обещаю.

– А...

Я снова погладила девочку по волосам, объясняя, что так бывает. Просто тело растет, а разум не справляется с нагрузкой. И сбрасывает ее вот так.

Постепенно она затихла. А потом в лавку ворвались двое. Родители. Это точно.

– Мила!!!

Мать взревела так, что тоненько зазвенело стекло в окнах. Отец не лучше. Вместо того чтобы оттащить свою вторую половинку и успокоить, он остановился в дверях и посмотрел на девушку так, словно она лично была виновата в своем припадке.

– Опять? Эх-х... И кто тебя замуж возьмет, такую-то!

Мила съежилась на лавке. А я почувствовала, как внутри меня волной начала подниматься ярость. Картина стала четкой и простой. Типичная мать-наседка, требовательный отец, у которого неладит с женой, резко повзрослевшая дочь, живущая в постоянном напряжении...

Встала и сильно встряхнула мать Милы за плечи. От неожиданности та даже не стала сопротивляться.

– Молчать! Будете пугать дочь – все заново начнется! Тихо садитесь рядом с ней и не причитаете. Ясно?

На меня посмотрели два круглых глаза.

– Госпожа...

– Молчать! – С каждым разом низкий уверенный рык получается все лучше. – Исполнять!

Кровь аристократов не дремлет. Женщина как-то сникла и молча присела на мое место рядом с дочерью. Взяла ее за руку, погладила по волосам. Что приятно – молча. Я «доброжелательно» поглядела на пекаря. Пахнет от него вкусно. Что ж, сейчас на зуб тоже попробуем.

– Господин?..

– Керот.

– Отлично, господин Керот. Пойдемте поговорим.

Уверенно подхватила его под руку и почти потащила за собой. Подчинился он только от неожиданности, но на улице пришел в себя. Страхнул мою руку, открыл рот...

Я успела первой.

– Припадки у вашей дочери не случайны. У них есть виновник.

Челюсти сомкнулись с громким щелканьем. Этого мужчину точно не ожидал.

– Кто?! Как?!

– Вы.

Несколько минут он потратил на осознание. Потом темные, как две изюмины в булочке, глаза вспыхнули гневом на круглом лице.

– Да вы...

– Молчать! – второй раз получается еще лучше. – У вашей дочери припадки потому, что вы ее довели до этого! Вы, родители! Сейчас вы войдете в лавку, посидите рядом с дочерью и скажете ей, что все пройдет.

– Пройдет?

Ага, не безнадёжен.

– Да. Так бывает, хотя и редко. Она ведь быстро выросла, да?

– Да... Буквально за пару месяцев... это...

Это – показано реалистично и на себе. У меня такого никогда не вырастет.

– У нее сейчас все силы идут в рост, отсюда и припадки. Если вы ей обеспечите душевное спокойствие, все будет хорошо.

Мужчина прищурился на меня.

– А вы кто вообще?

– Ветана. Лекарка в лечебнице для бедных. И так практикую, – спокойно ответила я.

Кажется, пекарь что-то обо мне слышал, потому что на минуту прикрыл глаза, а когда открыл их вновь, то посмотрел гораздо более

уважительно.

– Госпожа, вы уверены?

– Более чем. Она это перерастет, просто не мучайте девочку. Ну и успокоительными отварами попоить не мешало бы какое-то время. Зайдите ко мне. Знаете, где я живу?

– Да.

– Я дам вам травяной сбор, будете заваривать и давать по паре чашек в день, с медом. Может, пара приступов еще и будет, но не сильных.

– А детям это не?..

Я только головой покачала.

– Нет. Не должно. Это просто... возрастное. Все с ней будет хорошо.

Несколько минут ушло на объяснения, но потом пекарь, просветлев лицом, вернулся в лавку и принялся успокаивать дочь, гудя, что все к лучшему.

Мол, сама понимаешь, если кто и откажется такое счастье в жены брать, значит, сам дурак и есть. И нам он никак не нужен! Жене, которая открыла не к месту рот, достался неплохой такой тычок в бок, и я уверилась, что все здесь будет в порядке.

Поблагодарила купца за помощь, попрощалась и вышла на улицу. Тут-то меня и подхватила под локоть сильная рука Лорта.

– Поговорим, госпожа?

На другой руке у него висела моя корзинка. Уже чистенькая, отмытая от яиц, и, готова поклясться, что он купил новые, взамен разбившихся.

Что ж, поговорим. Хотя бы из благодарности.

* * *

До моего дома мы шли молча. Лорт открыл рот, только когда за мной закрылась дверь.

– Зря вы это, госпожа Ветана.

– Что именно?

Я поставила на плиту чайник, выгрузила из корзины рыбу.

– Обнаруживаете себя вот так – зря. На базаре всякого народа полно. Еще догадается кто, что вы маг жизни...

Яйца, прощально кракнув, покинули меня второй раз за день. Не судьба. И все же сдаваться я не собиралась.

– Я маг воды, господин Лорт.

– Просто Лорт. И – нет. Я все знаю.

Мне осталось только вскинуть брови.

– Все? Что именно?

– За тобой храмовник следил. Старый такой, жирный... Я его убрал, уж не обессудь. Но до того он мне все выложил.

У меня перехватило горло. Храмовник?

– Храм знает, что маг жизни в Алетаре.

– Н-но я не...

– *Просто так* тебя найти нельзя. А вот когда ты *работаешь*...

– Темного крабом!

Вот теперь я поняла, в чем дело. Но только теперь. Конечно, меня нельзя найти просто так, когда я занимаюсь обычными делами, например, иду на рынок за рыбой. А вот когда я выпускаю свою силу на волю...

– Я понимаю, ты иначе не можешь. Но осторожность-то быть должна?

Я вздохнула. И решилась. Зла я в этом пожилом человеке не чувствовала.

– Маркиз знает?

– Нет. Кровью клянусь, никому не говорил. Только сейчас решился с тобой поговорить...

– Почему?

– Слишком ты себя выдаешь...

– Но...

– Нет, *силу* твою никто не видел. Но нельзя же так... каждому на помощь бросаться!

Оставалось только развести руками.

– У меня иначе не получается.

– Это как?

– Как у всех магов, – попыталась объяснить я. – На что сила реагирует. Маг воды плачет – дождь идет. Маг огня гневается – село горит. Знаете?

– Слышал поговорки. И?

– Маг жизни видит больного – и бросается на помощь. Дар не удержать. Никак.

– Темного в... И поперек!..

Лорт постучал пальцами по столу. Задумался.

– Этак ты себя выдашь, рано или поздно.

– Сама об этом думаю. Но и... не получается иначе. Не может получиться.

– Ясно. Маркизу, если что, я слова не скажу. Сколько ему еще осталось?

– Пара лет, если с моей помощью. Без нее – меньше.

- Поможешь?
- Чем смогу, – не покривила я душой.
- Верю. Только вот тебе он не защита.
- А у зайца одна защита – быстрые ноги, – грустно пошутила я.
- Э нет. Чтобы заяц выжил, он должен быть и быстрым, и умным.

Слушай, а не поискать ли тебе покровителя?

Я покачала головой.

– Храм... рано или поздно меня найдут, и надо будет бежать. А кто меня отпустит? И кто сможет бороться с Храмом?

Лорт задумался.

– Ладно. Подумаем, пока время есть. Но ты будь осторожнее. Я, конечно, рядом, а все же не всесилен.

Я посмотрела на Лорта внимательно и серьезно. А ведь...

– Скажите, Лорт, вы можете никому не рассказывать того, что я вам сейчас скажу?

Мужчина пожал плечами.

– Могу, наверное.

– Точнее, вы никому не говорите обо мне. А вот мои слова передавайте кому хотите.

– Какие?

И я рассказала мужчине про вора. Про рыжего парня, про его отца, про корабли, про склад на берегу, принадлежащий тиртанцам...

А к кому мне было еще обратиться? В стражу? Скажите, вы сами-то верите, что подобная торговля может обойтись без прикрытия? Наверняка тиртанцы кому-то отзвываются и в страже. И одно неосторожное слово станет концом для рабов.

Лорт слушал внимательно и серьезно, а потом кивнул.

– Да, госпожа. Абы кому такое не расскажешь.

– Маркизу?

– Не знаю, госпожа. Даже и не знаю...

У меня была возможность пробиться к герцогу, но как-то я сама в нее с трудом верила. Ой с трудом... Да и внимание к себе привлекать не хотелось. Герцог неглуп, он и так мной заинтересовался, незачем давать ему возможность вспоминать о себе чаще. Я бы с удовольствием держалась от него подальше – насколько возможно.

– Но что же делать?

– Эти корабли...

Вопрос я поняла и без слов.

– Портовые мальки узнавали для меня. «Черный заяц» и «Зубастая

девушка» пробудут в порту еще два-три дня, не больше. Я не знаю, когда на них погрузят людей. Ночью, определенно...

– Время есть. Это хорошо.

– Но на этом складе наверняка люди.

Лорт кивнул.

– Я подумаю, что можно сделать, госпожа Ветана. А вы будьте осторожнее. Прошу вас.

Мне осталось только грустно покачать головой. Осторожнее? Да я была бы счастлива жить спокойно. Жить, работать, не бояться завтрашнего дня... Но жизнь устроена так, что на каждого мага жизни находится слишком много желающих поживиться за его счет.

Что мне оставалось делать? Только одно.

– Спасибо, Лорт.

– Да не за что. Это с меня причитается за маркиза. Тряпку, что ли, дай? Яйца приберу...

* * *

Когда мужчина ушел, я еще с полчаса сидела, обхватив голову руками. Вот так и бывает. Стараешься, бережешься, а все равно – находится и на тебя злая воля. Что бы сейчас мне сделать? Сбежать из Алетара? Хм-м... Не самая плохая идея, но куда? И как?

Надо продумать этот вопрос. В любом случае просто улизнуть, как когда-то из дома, уже не выйдет. Я подала заявку на получение гражданства Раденора, и странно вот так сорваться с места. И искать меня будут, и отвечать придется уже перед законом.

Бежать надо не просто так, а куда-то. Например, перевестись в другой город. Или найти работу при каком-нибудь больном. Или... Надо обдумать все пути и выбрать подходящий.

Я обвела взглядом дом. Чистенькие окошки, веселые занавески из ситца, пучки трав, развешанные на стенах... Как не хочется уезжать! Светлый, как мне не хочется уезжать!

Слезы сами собой навернулись на глаза. Неужели так будет всю жизнь? Перекатиполье, трава, которая ни за что не зацепится, которую гонит ветер по своей прихоти? Неужели?

И все же лучше в бегах, чем в Храме. Я справлюсь, я обязательно что-нибудь придумаю! Заодно, кстати, оставим в Алетаре и барона... Но как же не хочется расставаться!

Слезы текли по щекам, и я вовсе не аристократически шмыгала носом. Ну и пусть! Ну и все равно! Почему все считают меня вещью, у которой нет ни чувств, ни желаний? С которой можно не считаться?! Почему маги жизни так беззащитны?!

За что?!

Глава 10

– Помогите!!!

Дикий крик прорезал шум и гам лечебницы, словно горячий нож – кусок масла. Я дернулась. Посреди лечебницы стояла женщина с ребенком на руках. И – кровь... Сколько же там было крови, сколько крови... Словно она вся в ней искупалась.

Я опрометью бросилась к ней.

– Что случилось?

– Мой сын! – Глаза женщины были безумными. А тельце на руках – мертвенно-бледным. – Помогите!!!

– Что с ним?

Я решительно направила женщину в палату, чтобы не орала посреди коридора.

– Он...

Царапинка на пальце ребенка была совсем небольшой. А кровь все лилась и лилась из нее, пропитывая одежду женщины и мальчика. И кажется, я знала, в чем дело. Есть такая болезнь. Когда мы поранимся, кровь течет недолго. На воздухе она густеет, свертывается. А вот если нет... Тогда человек может истечь кровью и из самой маленькой ранки.

Видимо, женщина – мать. Няня не была бы в таком отчаянии, а она...

– Дайте его сюда, – решительно приказала я.

– Нет! Я... он...

– Линда!

Линда была уже рядом. Обхватила женщину за плечи, встряхнула.

– Верь ей! Госпожа Ветана слов на ветер не бросает. Ты верь...

Мать не верила. Боялась, что, как только спустит ребенка с рук, искра жизни в нем затихнет. А я видела, что осталось уже немного, совсем немного, потом и я не помогу...

– Ну!

Спорить было решительно некогда. Я рванула тяжелое теплое тело из рук женщины, выпихнула ее из палаты и захлопнула дверь. Мягко опустился засов. Они есть не везде, но там, где мы лечим, – обязательно. Не хватало еще, чтобы пациенты вламывались в самый неподходящий момент.

В дверь снаружи тут же застучали, потом послышался мягкий голос Линды... Я не отвлекалась. Мальчик на моих руках уже почти не дышал. Сколько ему? Лет пять? Шесть? Да, не больше.

И сила хлынула потоком из моих рук. Она пела и звенела, она расцветала над моими пальцами золотом солнца, она проникала в тело ребенка, останавливая кровь, выжигая болезнь, заставляя восполнять утраченное – и мальчик выгнулся под моими руками, глухо закричал...

Кажется, снаружи тоже кто-то кричал. Мне было все равно. Сейчас дар оказался сильнее меня. Не впервые он вырывался на свободу, но никогда ранее – с такой силой. Я видела болезнь словно воочию. Жидкая кровь. Здоровая – она створаживается на воздухе, как молоко. Но если в ней нет таких... веществ... Она свернуться не сможет и продолжит течь.

А нет их...

Дар вспыхнул с новой силой. Я давно заметила, что сильнее и ярче всего он реагирует именно на детей. Может, потому что они меньше, и лечить их легче. А может, потому, что они никогда не верят в собственную смерть. Только в жизнь.

И вот теперь уже застонала я. Вцепилась зубами в собственную косу, чтобы не заорать в голос. Это было больно. Мало остановить кровь, потом ребенок все равно умрет. Не в этот раз, так в следующий. Надо сделать его кровь... иной.

Кровь вырабатывается внутри нашего тела. И вот там, внутри, бывают нарушения. Если их поправить... На это способны только маги жизни. Может быть, маги воды. Но боюсь, здесь и они оказались бы бессильны.

Кровь они поправить смогли бы, но она ведь не вечная! В среднем, у женщин она обновляется за три года, у мужчин за четыре, а потом – все заново. Опять заговаривать кровь, опять вызывать мага, к тому же четыре года – это крайний срок. Максимум, два^[15]. Надо воздействовать не на кровь. На костный мозг.

Этим я сейчас и занималась. Искры срывались с пальцев, впитывались в маленькое беспомощное тело, и я все яснее понимала, что успела в последний момент. Еще бы немного – и все.

Наконец ребенок застонал и открыл глаза.

– Мама?

* * *

Гентль потерял ладони. Маг жизни был в Алетаре. И выкладывался всерьез. Интересно, что он такого делал? Когда Гентль пытался представить количество силы, которое заставляло звенеть и вибрировать его не самые чувствительные приборы, мороз бежал по коже.

Такая сила... Страшноватая, честно говоря. Как ни тверди себе, что маг жизни не может вредить людям, а все же... Магия полна оговорок, примечаний, подстрочных уточнений... Впрямую маг жизни не может убить человека. Маг жизни не может отказать человеку в помощи. Но анналы Храма сберегают множество сведений о самых разных людях.

Некромант, к примеру, не может лечить, но есть болезни, от которых помогает только некромантия. Маг жизни не может убивать, но может... ускорить ход событий. Например, есть случай, когда маг жизни сводил отеки, а человек умер через несколько дней. Вода ушла, а сердце не выдержало. Маг формально невиновен, а человека нет. Не предупредил? Бывает...

Или человек пытался омолодиться, а потом... Перестарался в бурную ночь с красавицами, и получили парализованное существо. А лечить... Там и у мага жизни уже ничего не получилось.

Впрямую вредить маг жизни не может. Но умолчать о последствиях – вполне. Сделать то, о чем его попросили, и не мучиться угрызениями совести. Хотел забавляться с женщинами, сколько пожелаешь? Получи. А последствия – на твоей совести. Должен был знать, что столько организм не выдержит. Хочешь жрать в три горла – жри. Но когда лопнешь – не обращайся.

Очередная булавка заняла свое место на карте, в Желтом городе. И что магу там делать? Да еще так близко к порту, да с такой силой? Кто-то приплыл на корабле? Что вообще важного есть в том районе?

Нет, не вспомнить, сейчас не вспомнить. Гентль никогда не любил Желтый город, и вполне взаимно. В свое время его там чуть не убили, а уж лупили и вовсе каждый день. Но сам он ножки бить и не пойдет, на то другие есть. Главное, круг определен. Осталось выяснить, кто, что и где.

* * *

Я медленно отвалилась от стола, почти сползая на пол. Фу-у... Ребенок на столе уже сел и смотрел на меня большими зелеными глазами. Симпатичный мальчишка, кстати. Волосы темные, глаза зеленые, яркие, мордаха улыбчивая и любопытная.

– Тетя, а ты кто?

– Я Вета. Лекарь.

– А я Лим. Я заболел, да?

– Нет. Ты поцарапался, и у тебя сильно-сильно потекла кровь.

Личико мальчишки сморщилось.

– Помню... Мама говорит, что это очень опасно. Если у меня кровь пойдет, то не остановится, а вся-вся вытечет, поэтому мне бегать нельзя, царапаться и раниться – тоже. И я все время настойки пью, а они знаешь какие гадкие?

Я поманила мальчика пальцем.

– Лим, а тебе можно доверить секрет?

– Да.

– Тогда слушай. Ты настойки пей, и никому не говори, но тебе теперь все можно. И заживать на тебе будет, как на всех остальных детях.

Зеленые глаза изумленно расширились.

– Правда?

– Чистая правда.

– А маме рассказать нельзя?

Я покачала головой.

– Никому нельзя, малыш. Год никому нельзя рассказывать. Ты знаешь, сколько это – год?

– Знаю. Это очень долго.

Я невольно улыбнулась. Искорки дара танцевали в моей крови, и я чувствовала – получилось. Все получилось.

– Пообещай, что год никому не расскажешь.

– А потом что?

– Про то, что вылечился, – говори. А про меня не надо, ладно?

– Ладно. А почему?

Я задумалась.

– Потому что это наш с тобой секрет.

Ребенок замотал хитрой мордашкой.

– Не-а. Не пойдет.

Паршивец!

Я сделала самую таинственную рожицу, которую могла.

– Если расскажешь раньше чем через год – болезнь вернется. Услышит, что ты ее зовешь, и придет обратно, понимаешь? Я ее прогнала, но она рядом с тобой была всю жизнь, а без тебя – пока еще недолго. Так что молчи. Год молчи. А лучше – больше.

Вот теперь проняло.

Мальчишка ожесточенно закивал.

– Обещаю. Буду молчать.

Я протянула каменно-тяжелую руку, потрепала его по хохолку.

– Умничка. Пошли обрадуем твою маму?

– Пошли!

* * *

Линда уже успела влить в маму такое количество настойки пиона, что мне страшно стало. Она же на крепчайших винных выморозках и выгонках! И успокаивающий эффект там в основном не от пиона.

Наше явление с малышом произвело фурор. Дамы вскочили почти одновременно – и так же одновременно приземлились попами на скамейки. Сначала мать мальчика, а потом, вслед за ней, и Линда. А поди-ка удержи эту даму...

Даму. Темного крабом! Что ж мне так не везет-то?! Роскошное платье, хоть и изгвазданное кровью, драгоценности, да такие, что на один перстень с рубином год можно нашу лечебницу содержать, и... герб? Кому принадлежат две черные свившиеся змеи на алом фоне? Вета, ты же знаешь геральдику, тебя этому учили, как и всех дворян...

О нет! Змеи – герб семейства Моринар. Остальные на них не покушаются уже который век, а Моринары обожают этих тварей и ляпают на гербы во всех позах и разновидностях.

– Госпожа... – вежливо обратилась я, – ваш сын...

– Лим!

Женщина протянула руки, и мальчишка крепко обнял ее.

– Мам, ты чего? Я живой! И все хорошо...

Дама всхлипнула, и крепко, но крайне осторожно, видимо, сказала многолетняя практика, обняла сына. Я бы с радостью сказала ей, что опасаться больше нечего, но... Молчание – золото. А в моем случае молчание – жизнь.

– Кровь мы остановили. Просто будьте впредь осторожнее, госпожа, – мягко произнесла я. – Простите, что пришлось быть грубоватой, но у меня не было выбора.

Женщина взмахнула рукой.

– Все в порядке. Госпожа...

– Ветана. Я здесь работаю лекаркой.

– Герцогиня Линетт Моринар. Мой сын Алемико.

– Можно – Лим, – тут же встрял мальчик.

Я улыбнулась и потрепала его по волосам.

– Тебе бы искупаться...

Вот на этой ноте в помещение и ввалилась куча народа во главе с уже

знакомым мне господином Алонсо Морином, канцлером.

– Линетт! Лим!

– До-ро-гой!

Герцогиня протянула руки к мужу, предусмотрительно не пытаясь встать. Я уже заметила почти пустую бутылку из-под настойки пиона. Линда проворно убрала ее за спину и виновато улыбнулась мне, мол, бывает? Дело житейское? Бывает, конечно. Только в бутылочке была треть кварты^[16]. Столько спиртного осушить, да сразу, да без закуски...

Мальчик спрыгнул с рук у матери.

– Пап, все со мной в порядке. Правда!

Канцлер посмотрел на меня. На Линду...

– Госпожа Ветана, я ведь не ошибаюсь?

Я поклонилась.

– Ваша светлость, вы, как всегда, точны.

– Да, я помню вас. Рад, что вы в добром здравии. Итак?

Я не стала ходить вокруг да около, отлично понимая, что интересуется мужчину.

– Ваша супруга с сыном пришли сюда не так давно. У него текла кровь. Такое бывает? Нам удалось ее остановить. А ваша жена... Простите нас, мы чуть-чуть переусердствовали с успокоительным.

Линетт кивнула и икнула.

Герцог покачал головой.

– М-да... Госпожа Ветана, я очень благодарен вам за помощь. Возьмите.

И мне протянули тяжелый кошель.

Я покачала головой.

– Ваша светлость, я всего лишь выполняла свою работу. Да и вам я жизнью обязана, считайте, долг отдаю.

Герцог улыбнулся.

– Я тоже выполнял свою работу, госпожа Ветана. Не возьмете деньги?

Я снова покачала головой.

– Возможно, в лечебницу что-то нужно?

– Новые кровати! – тут же сказала я. – И часть окон застеклить не мешало бы.

– Мастеров пришлю завтра. Иди сюда, Лим.

Герцог подхватил сына на руки со всей осторожностью, кивнул одному из сопровождающих, чтобы тот помог жене. Герцогиня одарила меня благодарной улыбкой.

– Спасибо вам, госпожа Ветана.

Распрощались мы почти друзьями.

Уже потом от Линды я узнала, как было дело. Я-то сплетни не собирала и семейством Моринаров не интересовалась вообще, а зря. Мне бы хоть задуматься, как так – два герцога, и оба Моринары. И в голову не приходило! Это – не мой мир, я живу в Желтом городе и работаю в лечебнице неподалеку от порта. Какое отношение ко мне имеют все эти интриги? Да никакого!

А дело было так.

Сейчас действительно есть две ветви герцогов Моринаров. Официально, старший – Алонсо Моринар – герцог старого рода. Он получил свое место по наследству и передаст сыну. Но Рамон Моринар стал герцогом за свои подвиги на поле боя, за преданность отечеству. За заслуги, одним словом. И решил не брать другого имени. У него есть свои поместья, пожалованные королем, но другую фамилию он брать не захотел. Моринар – и все тут.

Говорят, канцлер не был против. Это же не к позору фамилии, наоборот, не каждому удастся так себя поставить и прославить. Кто-то и рад бы, а проживет жизнь, будто лопух под забором, и ничего выдающегося не совершит. Хотя лопух в хозяйстве травка полезная, целительная...

Это я отвлеклась.

Линетт Моринар – его вторая жена. В первом браке у канцлера детей не было, поэтому Рамона, который приходился ему племянником, он любил, как родного сына. Потом его супруга умерла, он женился вторично, на дворяночке из бедных, но, говорят, по взаимной любви, и Линетт Моринар родила супругу сына. Алемико Моринара. Счастливы были все. Но – недолго. У мальчика оказалась редкая болезнь, жидкая кровь^[17], поэтому надо было соблюдать крайнюю осторожность: не бегать сверх меры, избегать любых травм и обязательно пользоваться услугами мага воды.

Таковой и жил в поместье Моринаров уже шесть лет, с рождения малыша. Так что Алемико ходил к нему на процедуры, как привык, и жил жизнью почти обычного мальчика. А потом маг умер. Он был уже старым, смерть оказалась вполне естественной, маги тоже смертны. К сожалению, наложить очередное заклинание на малыша он не успел.

Линетт в панике схватила сына, села на корабль и помчалась в столицу, к мужу. Здесь-то маг воды есть, а найди его в провинции! Почему они не жили с мужем в столице? Слишком большое искушение – больной ребенок. Да и не стоило никому знать о таких тайнах рода Моринаров. В поместье это могли скрыть, в столице – уже нет, не получилось бы.

Я вспомнила придворного мага и согласилась. Такое – не скроешь.

Почему не подождали в поместье? Так пока гонец туда, пока в столице, пока оттуда с магом... Срок заклинания бы уже кончился. А так Линетт надеялась дотянуть до мужа, обновить заклинание на крови малыша, а там уж решать, что делать дальше. Расчет оказался бы верным, если бы на пристани мальчишка не навернулся с трапа, а заклинание не кончилось не ко времени.

Линетт схватила сына, заметалась – и добрые люди ей мигом указали на лечебницу. Ближе всего ведь. Она не прогадала, только вот мне-то что теперь делать? Хм-м... А почему я должна что-то делать? Я – не маг, об этом свидетельствует моя аура. Но вот если начну бегать, суетиться и прочее нехорошее – наверняка выдам себя.

Нет уж! Иногда лучшая защита – это бездействие. Остаюсь на месте. Если ко мне никто не явится – отлично. Явятся – пусть смотрят. Я заодно и про барона Артау намекну кому надо.

С этими мыслями я отправилась приводить в порядок запасы трав и смотреть, какие кровати не мешало бы заменить. Давно пора! Но деньги, которые на это выделяются, обладают странной растворимостью. И совершенно не доходят до места. А зачем всей этой нищете хорошие кровати и тюфяки? Чай, не графья!

Гр-р-р!

* * *

Алонсо сидел в карете, смотрел на жену с ребенком и ощущал нечто теплое внутри. словно в районе сердца свернулся калачиком толстый пушистый кот, и мурлычет, и так уютно становится...

Его семья.

Первый раз канцлер женился рано, еще двадцати лет не исполнилось, женился по большой любви и был счастлив. Пять лет, десять... Потом супругам захотелось детей, жена принялась лечиться, отправилась к магу воды и обнаружилось, что детей им не видать. Никогда.

Бывает такое. Органы, которые отвечают за деторождение, просто не развиваются нормально. Это никак не сказывается на здоровье, на способности женщины любить и быть любимой, но ребенка ей не родить. И даже маги могут лишь разводить руками.

Некромантия тут бессильна, смерть не может подарить жизнь. Огонь? Тоже. Вода? Маг воды, старый, еще прадеда знавший и все это время

живший в поместье Моринаров, тоже грустно качал головой. Увы... Могли бы помочь маги жизни, да где ж их взять? Говорят, раньше их больше было, а сейчас вот... Увы.

Потребительское отношение к магам жизни быстро привело к вымиранию этой особо редкой и ценной породы. Если раньше они встречались в открытую, хотя и старались сильно не афишировать свои таланты, то в последнее время... А кому ж хочется провести всю жизнь в качестве дрессированного зверя? Или храмовника? Или... Вариантов у мага жизни было много, только приятных среди них не наблюдалось.

Канцлер – впрочем, в то время он был просто Алонсо Моринар, наследник герцогства, хороший друг принца Эрика – не сдавался и продолжал искать, а вот его супруга сломалась. Отчаялась, принялась выпивать... Решила, что если ей не стать матерью, то и жить незачем. Алонсо не ждал такой неожиданно острой реакции, но Аделаида в один ужасный для него вечер напилась и высказала ему это в лицо. Он, конечно, скрутил жену, приказал магу ее протрезвить и собирался поговорить, когда она как следует придет в себя... Не успел.

Адель приняла яд. Можно было попросить принца вызвать ее дух и поругаться, но на это Алонсо не пошел. Смирился с тем, что его наследником станет Рамон, как племянничек ни отбивался, и занялся работой. Шли годы, Эрик стал королем, Алонсо – канцлером, кровная вражда задела и Рамона, и его самого, лишив брата и невестки, а потом он встретил Линетт.

Линетт была из рода давних сподвижников короны, Арнесов, росла в соседнем поместье, просто раньше Алонсо ее не замечал. А потом она приехала с визитом. И... Первая любовь обжигает. Но даже обгоревшее дерево может пойти в рост, дать новые побеги, зазеленеть по весне.

Последняя – выжигает начисто. До золы и пепла. Вот это с Алонсо и произошло. Полыхнуло, и остался он на пепелище, где и ростка зеленого найти было бы нельзя, если бы не сама Линетт. Он никогда бы не решился не то что подойти... Просто посмотреть! Вздохнуть не так!

Пусть маг, но слабенький, почти никакой. Воздух ему шепчет, для должности канцлера этого хватает, а чтобы что-то серьезное сделать – уже нет. Пусть порода у них крепкая, отец до девяноста пяти дожил, а мог бы и больше, да ведь он вдвое старше Линетт!

Вдвое!

Ему сорок, ей двадцать. Ей сорок будет, а ему за шестьдесят. Старик... Так и молчал бы он о своей любви, если бы Линетт не взяла дело в свои руки. И в один вечер... Алонсо помнил его как наяву. Помнил охоту, в

которой участвовал, как и положено второму лицу королевства, помнил Линетт в чем-то воздушно-зеленом, помнил пение рогов – и свою бешеную скачку по лесу.

Хоть так – отвлечься. Забыть о том, как вокруг любимой увиваются несколько молодых павлинов, распускают хвосты, и она смотрит на их ухаживания с одобрением. И принимает их... Есть ли горшая доля? Старик, всего лишь старик, ровесник отца. Разве девушка сможет посмотреть на него с любовью?

Никогда. А жалости и ему не надо.

Мог бы он купить понравившуюся девушку? Да сотню, коли на то пошло! Род Моринаров не беднее королевского, и надавить было чем, и... Себе самому лгать – безнадежная затея. Хотелось искренности, а не принуждения. А покупная любовь... Честнее уж к шлюхам отправиться.

Он бы так и сделал после охоты, но... Тихий крик, разорвавший лес. Призыв? Мольба о помощи? На охоте случается всякое, но страсти в этом голосе не было. И Алонсо повернул коня. Искренне считал, что если наткнется на ссорящуюся парочку, то уйдет и не станет вмешиваться.

Как же!

Каково это – смотреть, как наглый юнец отвешивает пощечину той, кого сам Алонсо любил всем сердцем? А потом пытается повалить ее на траву, и девушка отбивается все слабее и слабее... Не из кокетства, нет! Глупец тот, кто так подумал. Просто от сильной пощечины звенит в ушах, теряешь сознание, да и сил у девушки меньше, чем у мужчины. Это жизнь...

И Алонсо пустил коня в галоп. Щенка он просто проткнул кинжалом. Дуэль? Благородный поединок? Для насильника?! Вот уж что Алонсо и в голову не пришло. Способный принудить женщину к близости априори не дворянин, а значит, и поступать с ним надо, как с быдлом. Убить и забыть. Спихнуть труп ногой куда подальше, чтобы не попадался на глаза, и приняться утешать Линетт, которая рыдала в три ручья в дикой истерике.

Даже не думал тогда, что через два дня после охоты Линетт явится к нему. Он сделал все, чтобы ее репутация не пострадала. Потихоньку отвез домой, рассказал родителям, позаботился о трупе... Никто и никогда не догадался бы, что молодой баран, то есть виконт, пытался изнасиловать девушку и даже успел нанести определенный ущерб ее репутации. Только репутации, не девушке, а иначе и семейка бы так легко не отделалась.

Насильнику Алонсо с громадным удовольствием приписал государственную измену и устроил его семейке кракеновы дни. А пусть думают, кого и как воспитывают! Поделом!

Он сидел в тот вечер у камина, потягивал малиновый отвар из большой чашки и подтрунивал над самым собой, пытаясь вникнуть в очередной государственный документ. Старость – это когда ты пьешь травяные соки вместо виноградных. А то и голова, и... эх-х... возраст. Когда Алонсо доложили, что его желает видеть какая-то госпожа, он и не подумал отрываться от своего занятия.

– Проводите.

И уж давно не думал он увидеть перед собой Линетт.

– Госпожа?..

Девушке было еще сложнее, чем ему. Он это понял. Линетт не надеялась на свое красноречие.

– Я... Я пришла, потому что... Вот...

И плотный плащ упал с плеч, на которых осталась только одна тонкая сорочка. Весьма радующая мужской глаз своей простотой и прозрачностью.

Алонсо и сам не помнил, как закутывал девушку в плащ. Руки оказались быстрее головы. Кажется, он говорил какие-то глупости, что ему не нужна благодарность, что это долг, что... И замолчал, только когда на его губы легли тонкие пальцы, а ярко-зеленые глаза встретились с его темными глазами.

– Я не благодарю. Я вас люблю.

Стоит ли говорить, что в храм невеста шла уже женщиной? Алонсо за собой вины не чувствовал, на его месте и святой не устоял бы. А если бы устоял, то и поделом дураку! С точки зрения канцлера, любого, кто на его месте не поддался бы, стоило прибить. Ибо нечего кровь портить такими... снулыми рыбами! И плевать на всех, кто будет шипеть в спину. Может он получить хоть немного счастья?

Может.

Они и были счастливы. А уж когда Линетт забеременела, больше всех был счастлив Рамон. Он тогда уже получил свое прозвище, но видел бы кто Палача, который обнимает что есть сил родного дядю и вопит от радости что-то нечленораздельное. Кажется, «Ура!!!». Или «Поздравляю!!!»?

Это не важно.

Но что оказалось страшным, так это болезнь малыша. И опять была бессильна магия, и опять Алонсо ударился в поиски магов жизни... Безрезультатно. Если такие и существовали где-то, прятали их пуще всякого золота.

Везти малыша в столицу нельзя. У Моринаров хватало врагов, а причинить вред маленькому Лиму легче легкого. Оставалось Алонсо все чаще сбрасывать дела на Рамона и наезжать к семье, в поместье. И это тоже

было счастьем.

Но кто ж знал, что умрет старый маг? Что запаникует Линетт? Что так получится с Алемиго...

Хвала Светлому и Темному, еще Алетар Раденор основал рядом с портом лечебницу для бедных. И в ней нашлась лекарка, которая умудрилась остановить кровь малышу. Теперь можно отправиться к магу воды. Сегодня же! Сейчас же!

А уж потом думать, что делать дальше.

* * *

Королевский маг воды спал, но отказать канцлеру? Таких дураков в королевстве не водилось. Мужчина вышел, как был, прямо в халате, разве что плащ на него накинул. А когда узнал, в чем дело, молча кивнул.

– Идемте. Сейчас наложу на мальчика заклинание, а потом подумаем. У меня есть пара учеников. Безмозглые, конечно...

Алонсо кивнул. Ничего, бестолковый маг воды не хуже другого, лишь бы нужные заклинания знал.

Мальчик беззаботно спал на руках у отца, посапывая во сне. Алонсо прижимал к себе хрупкое тельце, а в голове билась лишь одна мысль. *Не отдам! Людям не отдам, смерти не отдам, костями лягу... Не допущу! Мой сын!*

Он ощущал руку Линетт на своем локте и готов был свернуть горы. Не потребовалось. Ренар Дирот поводил руками над маленьким телом, нахмурился, повторил процедуру, скорчил совершенно непередаваемую рожу и посмотрел на канцлера. У Алонсо сердце ухнуло в пятки.

– Что случилось?

– Ничего страшного, ваша светлость. Мальчик просто... здоров.

– КАК?!

Линетт осела на пол в обмороке. Для нее все случившееся оказалось слишком тяжелой ношей. Алонсо дернулся, но как тут поймать жену, когда у тебя на руках спит сын. По счастью, не растерялся маг. Поднял с пола герцогиню, похлопал по щекам, без всякой магии приводя в чувство.

– Ну-ка очнись! Не пугай мужа!

Герцогиня медленно открыла глаза.

– Я... не ослышалась?

– Мальчик здоров.

– Но как?!

Линетт отлично помнила, как металась по пристани, помнила кровь сына у себя на руках, свой ужас и беспомощность, свой самый страшный кошмар – почти смерть ребенка.

Почти...

Потому что потом перед ней распахнулась дверь лечебницы, ребенка выхватили из рук и унесли, а она осталась одна, совсем одна, и со всех сторон сгущались жутковатые ледяные тени, готовые отобрать у нее жизнь сына, и только теплый голос одной из служительниц не давал пропасть в жестоком и холодном мире.

Когда Лим посмотрел на нее веселыми глазенками, она и не поверила... сначала.

А потом?

– Как это может быть?

Линетт размышляла бы долго, но герцог Моринар не имел склонности к абстрактным философствованиям. Ребенок не мог выздороветь сам? Нет, не мог. Значит, его вылечили. На пристани он еще был болен, потом стал здоров. Что у нас прошло между этими двумя событиями? Карета? Э нет. Лечебница.

Линетт пока еще ничего не понимала, но в свою жену канцлер верил. Поймет. Просто нервы, силы... Какое уж тут логическое мышление, если полчаса назад у тебя на руках умирал родной сын? Умей королевский маг читать мысли, он бы нашел, что добавить к размышлениям канцлера. Но Ренар Дирот был магом воды.

– Эм-м... господин канцлер...

– Ребенок точно здоров?

– Магией клянусь.

– А жизнью?

– Ваша светлость!

Шипел маг негромко, но очень выразительно. Канцлер качнул головой, крепче ухватил сына и проследовал обратно в карету. Кучер свистнул, лошади зацокали копытами по булыжникам мостовой, и только тогда канцлер посмотрел на жену.

– Вы были только в лечебнице?

– Да. А что?

– Ничего страшного, солнышко. Теперь уже ничего страшного.

Линетт вытерла слезы.

– Я так испугалась, родной мой. Я так испугалась... Как ты думаешь, маг не ошибся? Болезнь коварна, надо бы еще проверить...

Алонсо откинулся на спинку сиденья. В общем, Линетт права,

слишком рано делать выводы. Надо собрать побольше информации, а уж потом принимать решение.

– Ладно. Думаю, до утра ничего страшного не произойдет. А с утра надо бы поговорить с племянником...

* * *

Племяннику было сейчас не до бесед. Хотя он и не спал. Рамон Моринар любил подметные письма. А уж как он любил их авторов... Во всех видах и во всех позах, используя все подручные средства. И не надо говорить про извращения! Значит, кляузничать, наущничать, лгать и подличать мы любим, а достойную награду получать не торопимся? А н-на тебе в копилку впечатлений!

Это письмо оказалось интересным.

Некто, пожелавший остаться неизвестным, настаивал на личной встрече, непрозрачно намекал, что ему известно нечто такое о казначее, что требует внимания герцога, только вот сам доносчик очень боится. А потому просит господина герцога заночевать в казармах, а уж он расстарается и придет.

Рамон подумал и остался на ночь, где просили. Хотя казармами жилище капитана гвардии мог назвать только очень скромный человек. Только и того, что комнат мало, всего шесть штук, но уж обставлены они со всей возможной роскошью. Рамон меньше всего обращал внимание на обстановку, а потому и не выкинул ничего из того, что осталось от предшественника.

Моринар не прогадал, ночью в его окно поскреблись.

– Ваша светлость, позвольте?

Моринар отодвинул шпингалет, и в окно скользнул мужчина, при виде которого Палач напрягся. Ох, не похож был этот человек на типичного доносчика, который не может разобраться с обидчиком самостоятельно или с помощью закона и прибегает к анонимным клязам. Рамон скорее поверил бы, что у этого мужчины обидчиков нет. Уже – нет. Крабы – они голодные и всеядные, а побережье Алетара богато милыми зверушками.

Лорт, а это был именно он, поднял руки, демонстрируя пустые ладони.

– Ваша светлость, я безоружен и не враг вам.

Рамон медленно кивнул, не отрывая взгляда от противника.

– Слушаю? Что вы хотели поведать о казначее?

– Ничего.

Лорту удалось удивить, брови герцога взлетели вверх.

– Вот как?

– Я ничего не знаю о казначее, ваша светлость. Я пришел, чтобы поговорить о другом, очень серьезном деле. О работорговле.

И вот тут Моринар напрягся струной.

– Работорговле?

Дядюшка, который сейчас разбирался с делами в порту, упоминал нечто... подобное. Люди пропадают, но что, как, куда – неизвестно. Свою сеть осведомителей он пока еще не наладил, а пользоваться той, которая осталась от предшественника, не стал бы и полный идиот.

– Вы уже в курсе дела, ваша светлость, – довольно согласился Лорт. – Позвольте не говорить, откуда я узнал?

– Не позволю.

– У меня был друг. Вор. Король воров. Один из. – Лорт говорил короткими рублеными фразами. – И у него пропал сын.

– Сын у короля воров?

– От неожиданностей никто не уберется, – пожал плечами Лорт. – Юношеская неосторожность... Но парня Рыжий признал, насколько мог. Взял под покровительство, приказал натаскивать на свое ремесло.

Рамон кивнул. Кажется, он даже понимал, о ком идет речь.

– И?

– Сын пропал. Отец принялся искать. Я чудом оказался рядом, когда мой друг умирал.

– Умирал – не напрасно?

Лорт хмыкнул. Не то чтобы Моринар верил в его историю, но она явно совпадала с известными герцогу фактами.

– Успел кое-что рассказать. Два корабля, они сейчас стоят в порту. «Черный заяц» и «Зубастая девушка». На каждом из кораблей есть потайной трюм, он обит железом и деревом. Есть склад на территории порта, там держат рабов. Тиртанский склад. Если что – его можно затопить, и люди погибнут. Я не знаю, на кого наткнулся Рыжий, но его пытали, потом убили.

– Не добились?

– Решили, что мертв, сбросили в воду. Кое-как он выполз на причал.

– Трогательная история. Почему нельзя было написать это сразу?

– И убить людей, которые сейчас у работорговцев? Ваша светлость, Рыжий был неглуп и осторожен, и все же... Где-то не то слово, не тот жест – он поплатился жизнью. Я не горю желанием отдавать свою. И хочу, чтобы мальчишку, если его еще не увезли из Алетара, спасли.

Моринар подумал пару минут, вздохнул...

- Я проверю ваши слова.
- Большого мне и не надо.
- И от награды откажетесь?

Лорт насмешливо фыркнул.

- До свидания, ваша светлость. Уж извините, что так в гости прийти пришлось.
- Дверь открыть?
- Спасибо, как пришел, так и уйду.

Лорт попятился к окну и быстро исчез за шторой.

Что ж, свое дело он сделал, теперь можно и к лекарке. Да, именно туда. Поживет рядом с ее домиком пару дней, уж не переломится, а Ветана все под охраной будет. Так оно спокойнее. Хорошая она девочка, правильная. Не хотелось бы, чтобы пострадала ненароком.

* * *

Не спал и храмовник по имени Гентль. Снова и снова перебирал в голове то, что знал про мага жизни. Снова и снова пытался все сопоставить. Маг жизни работает в лечебнице для бедных? Бред. Только вот карта, вот иголки, которые он лично втыкал в нее, и все сходится. Еще одна вспышка сегодня окончательно убедила его в своей правоте.

Хотя... Надо же магу на ком-то тренироваться? На тех, кого не жалко, это логично. Только почему его не раскрыли? Странно... И вот еще всплески по Алетару. То здесь, то там, без особой системы... Всплеск на рынке. Странно, что никто не заметил.

Гентль подумал, что обязательно отправится в лечебницу. И попробует выяснить, кто же там такой... Лекарь ли, служитель, он обязательно найдет мага жизни. И очень просто. Он вел разбивку не только по месту, но и по времени. Надо просто узнать, кто работал в эти дни.

Конечно, Шантр Лелуши был талантливее, но где теперь Шантр? И где сам Гентль? Он будет очень, очень осторожен. И не станет играть в свои игры, нет. Маг жизни должен служить Храму, и никак иначе. И... Сам Гентль не станет наводить справки. Этим займутся братья по вере. Так безопаснее.

Мужчина сгреб со стола свои выкладки. Сегодня еще не поздно? Поздно, но приближенный Фолкс наверняка не спит. А ради такого случая уделит время своему брату по вере. Обязательно уделит.

Дверь не хлопнула за храмовником. Хорошо смазанные петли не дали. Гентль спешил донести о полученных результатах.

* * *

Час ночи. «Проводив» гостя, Рамон закрыл окно и задумался. А ведь верно, такое дело, как работорговля, не будет существовать без прикрытия. И кто является «крышкой» на графине? Эх, если бы... Рамон с удовольствием подвел бы под виселицу Ришардов или Леклеров, но тех поди зацепи. А вдруг удастся?

Надо поговорить с дядюшкой. Тиртанский склад? Их в порту не так чтобы много, а этот должен стоять рядом с морем, если речь идет о затоплении. Но тиртанцы обнаглели. Ближайшие соседи сидят смирно, помнят про Александра Проклятого, а эти обнаглели. Решили, что им все позволено? Так мы еще раз объясним всю неправильность решения! А пока...

Недаром говорят: что знают двое, то знают все, так что надо ускориться. Сейчас же собрать отряд, лучше – личную гвардию Моринаров, – и накрыть негодяев с поличным. Затопят склад? А если заручиться поддержкой мага воды?

* * *

Два часа ночи.

К удовольствию Рамона, Ренар Дирот не спал. Не пришлось будить, выслушивать стенания, потом еще долго объяснять что-то сонному магу – против расчетных двух часов Рамон уложился за полчаса. Ренар клятвенно пообещал, что ни одна капля воды на склад не попадет, так что можно работать.

* * *

Санор Элортен стоял «собачью вахту» и был этим не слишком доволен. А кому бы понравилось? Самое неудачное время. Но что делать, если этот подлец Шерди так хорошо бросает кости? Вот и выиграл время после вечерних склянок, а Санору спихнул свою вахту.

Ладно, «Черный заяц» достаивает в порту последние деньки. Склад заполнен товаром под завязку, тайный трюм готов к перевозке, не сегодня-завтра на борт погрузят опоенных снотворным людей, и скоро, совсем уже скоро они отчалият домой, в родной Тиртан. А там...

Раденорцы, эти дикари, неправильно трактующие заповеди Светлого, почему-то ополчились на работорговцев. Хотя – за что? Все же просто и правильно. Если ты силен и богат – ты распоряжаешься чужими жизнями. А если слаб и глуп, так доверься более сильному, ему виднее, где ты принесешь пользу. Он придумает, как лучше применить твои таланты.

Раденорцы этого не понимают, а потому приказывают казнить всех работорговцев. Если ты просто приплывешь сюда с рабами – тюрьма, если кого-то обратишь в рабство – смерть.

Болваны. Ничего-то они не понимают в жизни! Вот отец Санора умен и дальновиден, он отдал сестру Санора, Силенту, в жены трею^[18] Лантару, поэтому Санор и ходит сейчас на его корабле. И у отца обеспечена старость. А что Силена плакала, не хотела замуж выходить... Да что она понимала-то в тринадцать лет? Сопля зеленая.

То-олстый, ста-арый... Зато сейчас в золоте ходит, на шелках спит, а все, что требуется, – просто ублажать трея и рожать ему сыновей. Двоих родила. Мало, надо бы еще. Авось племянники-то дядю не бросят? Возьмут в семейное дело? Отец, к примеру, доволен, обеспечен, смог пару рабынь в помощь матери прикупить, ну и себя не обидел.

И доля ему в добыче положена. Хоть и маленькая, но все не за голую матросскую медяшку работать. А еще в счет доли он может отбирать себе рабов, если кого захочет. Лучшее – своим, это же ясно и понятно.

Наверное, с этого рейса Санор все же прикупит себе рабыню. Приглядел он уже одну такую, вроде бы не очень симпатичную на личико, но какие там сиськи! Какая попка! Если она не приглянется никому из вышестоящих, обязательно надо забрать себе! Лицо – это ерунда, его можно и вуалью прикрыть. А тело там... ум-м... Разумеется, после должного обучения в сиде трея, чтобы была умна, вышколена, чтобы рта при хозяине не раскрывала, ну и...

Сладкие мечты прервал арбалетный болт, который совершенно неожиданно взлетел над планширом и клюнул Санора в горло. Перед глазами поплыли звезды, а потом их заслонило пятно тьмы, и Санор летел во мрак, мрак, мрак...

Перед тем как штурмовать склад, Рамон посоветовался с магом воды. И Ренар заверил, что точно – этот! Здесь и выход к морю (даже несколько); один – явно чтобы затопить подвал, второй – чтобы спускать бесчувственных людей прямо в лодки, минуя причал.

Нет-нет, с водой он договорится. Внутри склада и капли не попадет. И как маг воды, ответственно заявляет, что людей тут – много. Не меньше пяти-шести десятков. Столько не должно быть на складе.

Рамон кивнул, дал магу десять минут на подготовку – и скомандовал штурм. М-да... Расслабились господа работоторговцы, разжирели, потеряли хватку! Склад был взят быстро и почти бесшумно. Правда, живыми всех негодяев захватить не удалось, но Рамон рассчитывал на бумаги, документы, да и на кораблях кто-то живой да останется.

Герцог лично, в первых рядах, штурмовал склад. Полоснул саблей одного подонка, пробил кинжалом горло другому... Того, который стоял у незаметного вроде бы рычага, смогли взять живьем. На губах играла злорадная ухмылка: он еще не знал, что ни одна капля воды внутрь подвала не попадет.

Моринар приказал согнать всех уцелевших подлецов в одно помещение, благо склад большой, места хватит. Прошелся по ангару, безразлично, пинком перевернул на спину какой-то труп. Удачно. Чья-то шпага пробила мужчине горло, так что умер парень почти мгновенно, не успев закричать.

На Белесого Палача с ужасом смотрели оставшиеся в живых охранники, и уже без особого ужаса, с возмущением, несколько... купцов? Пусть будут купцы.

Моринар молча ждал, пока кто-нибудь соизволит открыть рот, и не прогадал. Первым решился один из купцов.

– По какому праву...

Про права Рамону было неинтересно, а потому он сделал жест ладонью, понятный каждому раденорскому вояке. Любителю прав резко въехали несколько раз по почкам и добавили по шее. Во имя прав и свобод личности.

Моринар молча прохаживался по складу, пока внутрь не заглянул один из солдат.

– Корабли захвачены!

И только тогда Моринар обратил внимание на купца.

– Итак... Ливар Лантар, младший сын троя Лантара. Не старший, нет, старшим ваш отец не рискует, зная, какое наказание у нас положено за ваш промысел. У вас есть выбор.

– Я не понимаю... – вскинулся красивый юноша, которого скрутили одним из первых, застав крепко спящим в комнатке при складе.

Оборудовали для себя, подонки, постарались, на тиртанский лад, с коврами и подушками. Рядом с ним еще и девушка спала, из дорогих, но ту просто заперли в комнатушке, приказав сидеть тихо. Или придется ею заняться вдесятером.

Дама оказалась понятливой и молчаливой, а Лантара скрутили как был, вытащили на всеобщее обозрение, отвесив пару плуох, и сейчас мужчина сверкал голым... всем, чувствуя себя весьма неуютно рядом с застегнутым на все пуговицы Моринаром.

Рамон повторил жест.

Солдаты тоже оказались понятливыми, и Лантару досталось поменьше, чтобы отвечать мог. Не говорить, много тут таких желающих, а именно отвечать, когда прикажут.

– Если вы добровольно отдадите мне ключи от подвала с рабами и будете сотрудничать, вас ждет повешение. Вас даже не станут пытаться, а тело отправят на родину для погребения. Если же нет... После пыток посажу на кол, а тело скормлю бродячим собакам.

– Не посмеете! – вскинулся юнец.

Солдаты без приказа добавили ему еще.

Что значит – не посмеете? За работорговлю? Еще как посмеет! А не нарушай в нашей стране наши же законы! Тебя повесят, а ты не наглей! Могут ведь и не просто повесить, и не сразу повесить...

Перспективы юный наглец оценил, но только усмехнулся.

– На моем складе нет рабов.

– А вот тут вы ошибаетесь, – Моринар хмыкнул. – У нас магия вполне законна, так что ваш склад держит маг воды. К рабам не попала ни одна капля, могу вас заверить. Дави на рычаг, не дави, вы сейчас в пузыре. Так что советую раскаться – умирать будет проще.

Ливар побледнел, но не дрогнул.

– Ищите!

Рамон вздохнул.

Ах, как же он это не любил, но выбора не было.

– Кто еще может мне помочь?

Молчание.

– Никто? Отлично. Начнем слева направо.

Солдаты послушно, по жесту холеной руки, подтолкнули к Моринару первого из тиртанцев. Того, кто стоял левее всех в шеренге.

Рамон сделал шаг, оказываясь у охранника за спиной. Рука зажимает

голову несчастного в жестокий захват, кинжал чиркает по горлу. Тело хрипит, пытается прикрыть руками страшную рану на шее, еще не веря в свою смерть, но все уже бесполезно. Кровь струями хлещет на чисто выскобленные доски пола, окрашивая их в черный цвет – в свете факелов она не алая, нет. И в противовес страшному зрелищу белеют лица тиртанцев.

– Каждую минуту я буду убивать по одному из вас. Пока кто-нибудь не скажет мне, где рабы. Тот, кто сознается первым, может рассчитывать на... более дружелюбное обращение.

На складе повисла тишина. Моринар ждал ровно шестьдесят секунд, потом вздохнул – и показал пальцем на следующего. И все повторилось вновь. Хрип, лужа крови... Один из тиртанцев принялся блевать прямо на пол... Пусть. Кровь, смерть, жестокость отлично ломают тех, кто считает себя властелином, а остальных – грязью под ногами. И дают понять, что все преходяще. Особенно их единственная и неповторимая жизнь.

Минуту Рамон отсчитывал нарочито медленно. Третий. А вот четвертым оказался тот самый «купец», который давил на рычаг. И – не выдержал.

– Стойте! Не надо! Я все покажу!!!

– Сволочь! – прошипел Ливар. – Отец же тебя...

Рамон вздохнул – и сделал рукой более резкий жест. Вот на этот раз самонадеянного парня попинали уже от души. Даже нос сломали. Кажется, сапогом. Уж зубы точно выбили, чтобы шепелявил.

– Ты еще не понял? Твой отец ничего и никому не сделает. Это ему надо теперь бояться.

И, не тратя больше времени, направился за купцом. Ренару Дироту тяжело держать воду такое долгое время, надо бы побыстрее.

Рамон знал, что на кораблях так же свирепствует его дядя, добиваясь добровольного признания, но надеялся управиться быстрее. Как-никак, за Алонсо нет такой репутации. А вот он...

Белесый Палач? К вашим услугам, господа. Как, вы в них не нуждаетесь? А все, уже поздно. Я уже здесь. Отказываетесь? Тогда платите неустойку, компенсацию и немножечко мне, за моральный ущерб. Ваш отказ ранил меня в самое сердце, а я такой нежный, такой впечатлительный...

Подвал был сделан очень хитро. Под полом склада – еще один подвал, а уж под ним – второй, тайный. Кто там будет проверять глубину с метром в руках? И затопить несложно, и рабов никто не услышит. Кричи, не кричи, вода глушит все звуки...

Отвалить в сторону несколько тюков, выглядящих весьма громоздкими, но только с виду, вытащить доски, и вот – обитая деревом трот крышка люка. А дерево это гасит звуки, как пробка. Легкое, прочное, очень дорогое...

Работорговец лично откинул в сторону люк. Рамон кивнул одному из солдат проверить, и тот полез вниз. Через пару минут из подвала понеслись такие проклятья, что герцог даже присвистнул. Чего-то и он не знал...

– Ваша светлость, тут они в цепях.

– Ключи? – вопросительно посмотрел на боцмана Моринар.

– У Лантара...

Логично.

– Знаешь, где они лежат?

– Н-нет... Лантар лично товар на цепь сажал, сам осматривал, не доверял никому. Я только дорогу...

Рамон только вздохнул и кивнул солдатам.

– Харни, у тебя, кажется, отмычка всегда под рукой?

– Никак нет, ваша светлость.

– А если прикажу?

– Так точно, ваша светлость.

Глаза солдата посмеивались. Бывший воришка, подобранный лично Рамоном, он уважал герцога, был ему предан и пошел бы ради господина хоть в огонь, не то что в подвал работорговца.

Рамон молча кивнул на темный провал.

Харни чуть поклонился – и направился к люку.

– Подожди. На полчаса хватит.

Рамон напрягся. По вискам побежали капли пота. Кракен! Спалить к водяным весь этот склад было бы куда как проще, чем создать точечный источник света, повисший над плечом Харни. Больше контроля нужно, больше умения...

Гвардеец молча поклонился и исчез в темноте. Ругательств оттуда больше не слышалось, зато начали появляться люди. По одному. Грязные, измученные, все в нечистотах, со следами от цепей на запястьях и щиколотках...

Мужчины, женщины, несколько детей, при виде которых герцога охватило желание плюнуть на показательную казнь и заняться подлецами здесь и сейчас, используя мачту от какого-нибудь корабля вместо кола для подонка-работорговца.

Видит небо, стоило бы! Сто раз стоило!

Солдаты перехватывали пленников, направляли на выход, не давая им

кинуться в ноги герцогу или хотя бы вцепиться в горло кому-нибудь из работорговцев, а там их сортировали на несколько групп – в лечебницу, по домам, в гвардейские казармы... А уж поутру разберемся точнее...

Харни с солдатом вылезли последними.

– Ваша светлость, вы этих сук побольнее казните, – от души высказался Харни. – Они знаете что удумали? Там вдоль всего подвала железяка идет, цепью обвитая, человека к ней приковали – и не дернешься. В туалет под себя, шевельнуться толком не удастся, воздуха, считай, нет... И люк в дне. Открытый... [\[19\]](#)

Рамон кивнул.

– Обещаю.

И обещание он намеревался сдержать.

На улице герцог взмахнул рукой, запуская в небо огненный столб – знак магу, что можно перестать держать склад. И повернулся к Лантару.

– Мы еще увидимся, молодой человек. Я вам обещаю. А это на память!

И над головой работорговца взвился огненный столб. Огонь, вызванный Рамоном, прицельно сожрал все волосы работорговца, оставив на память ожог на половину головы. Кажется, немного и лицо задело, ну... бывает! Все равно до свадьбы этот подонок не доживет, так и волноваться не о чем.

– Всех в тюрьму. В цепи потяжелее, пусть палачи вытряхивают подробности. Этого, – кивок на Лантара, – отдельно. Если кого раньше времени уморят – спрошу по всей строгости.

И, не обращая внимания на крики, стоны, жалобы и благодарности, направился к причалу. В шлюпку – и к кораблям. Со складом покончено, а вот с кораблей сигнала еще не было. Что это дядя там задерживается?

Помочь бы надо...

* * *

Ночной штурм корабля – зрелище не особенно впечатляющее. Особенно если приказано все делать по-тихому, чтобы не всполошилась вся акватория. И над душой твоей стоит злущий, как кракен, канцлер.

А потому и «Девушка», и «Заяц» были взяты на абордаж быстро и совершенно бесшумно. Подплыли ночью несколько лодок, по-тихому закинули крюки на борт, и рванулись на штурм.

Ладно, тихо закинуть абордажный крюк ни у кого не получится, а потому вахтенных перестреляли заранее – кого увидели. Да и немного их

было, привыкли господа работоторговцы к безнаказанности.

На палубе «Зайца» гвардейцам повезло: все прошло без особого шума и пыли. А вот на «Зубастой девушке» успели и повоевать. То ли вахтенного сняли плохо, то ли кому-то из матросов не спалось, но на корабле успели поднять тревогу. Удар, высыпали на палубу. Еще и капитан ввязался в драку, так что допрашивать сейчас было особенно некого. Половина полегла в схватке, дядя был тоже ранен в плечо.

Рамон только головой покачал.

– Как вы так неаккуратно! Дядя, ну что я Линетт скажу?

– Что муж у нее не за чужими спинами отсиживается.

– Будете отсиживаться. Отлеживаться, пока рана не заживет, – припечатал Рамон. И кивнул приплывшему с ним Харни: – Рысью в трюм. Думаю, погрузить еще никого не успели, но проверить нужно... Вы, двое, за ним!

Думал он совершенно правильно, так что вскорости из трюма начали появляться рабы. Много их сразу на корабле не переправляли, так, десятка два за ночь, а потому начинали заранее. И Рамон уже распоряжался, приказывая пересаживать пострадавших в лодки и отправить в лечебницу.

Что здесь рядом? Лечебница для бедных? Вот туда и везите! Первую помощь там точно окажут, а дальше посмотрим. Либо лекарей пригоним, либо по домам раздадим... Пострадавших – в лечебницу, и солдат, и рабов. Остальных – в казармы гвардии, будем разбираться. Матросов с корабля – в цепи и в тюрьму. А я на утренний доклад к его величеству, не возражаете, дядя? Нет? Вот и отлично...

Рамон подал знак Дироту, что все закончено, и от души зевнул. Правда, прикрылся, чтобы не заметили, а то весь образ разрушится. Палачу положено быть ужасным и устрашающим, а тут вдруг зевки! Еще бы попу почесал!

Что ж... В кои-то веки убеждаешься, что анонимные доносы – не зло. И кстати, надо найти во всем этом бардаке рыжего парня и помочь ему, что ли? Если мужчина, который рассказал герцогу про корабль, дружил с его отцом, если отец жизнью заплатил, чтобы спасти сына... Ну, такое определенно заслуживает награды. Например, маленького домика и какого-нибудь дела. Ладно, посмотрим...

Глава 11

Я думала, что у нас был безумный вечер? Не-ет... вечер у нас был просто замечательный. А вот ночь оказалась безумная. Не успела я восполнить силы, как в дверь лечебницы забарабанили. Линда распахнула ее, и на пороге оказался солдат.

– К вам сейчас доставят людей. Раненые, много... примете?

Я зашипела сквозь зубы.

– Приму, конечно, но я одна на дежурстве. Не разорваться же?

– За кем послать? – тут же сориентировался солдат.

Недолго думая, я назвала адрес Карнеша, сказав, что у него много учеников. Пусть захватывает всех, если пострадавших много.

– Очень много.

– Что случилось? Пожар? Пираты?

– Не! Палач работорговцев накрыл!

У меня чуть колени не подкосились. Палач! Работорговцев! Лорт, миленький, в ноги поклонюсь, вся выложусь, но маркизу еще десять лет жизни подарю! Спасибо, родненький! С меня причитается!

Я даже не сомневалась в своих выводах. Про работорговцев знали я и Лорт. Я ничего Моринару не говорила, значит, или на него озарение свыше (сниже?) снизошло, либо это Лорт постарался. Во второе верилось больше. Но...

Я обернулась к Линде.

– Рысью! Греем воду, как можно больше, достаем все бинты, всю карболку, кровеостанавливающие, шовный материал, иглы... Будешь помогать!

Линда закивала – и мы опрометью помчались по лечебнице. Я плюнула на все и открывала двери палат. Знаю же, где лежат выздоравливающие.

– Господа! Нужна ваша помощь! Сейчас здесь появятся раненые, много раненых, помогите им устроиться, Линда покажет, где тюфяки, берите и тащите прямо во двор, там разложите, чтобы удобнее усадить и уложить людей...

Не минула эта судьба и девушек, которые, по стечению обстоятельств, оказались в палатах лично госпожи Рионы.

– Девушки! Надо помочь Линде! Сейчас здесь будет много раненых гвардейцев...

Второго приглашения не потребовалось. Вскоре во дворе закипела бурная деятельность. Аристократок учат распоряжаться людьми. Не стоило бы, да не до конспирации сейчас, людям же плохо! Так что я указывала, как привыкла, раздавала приказания, кому-то влепила здоровенную оплеуху, чтобы слушались без пререканий – и ее приняли как заслуженное... Я еще воду тут варить буду на тему «могу ли я распоряжаться»? А ну пошла, ослица!

Мужчины раскладывали во дворе костры и таскали воду из колодца, грея ее, в чем получится – хоть бы и в жестяных тазах. Мне нужен кипяток, много кипятка. Много горячей воды...

Рядом несколько женщин рвали тряпки, еще пятеро, под командованием Линды, заваривали травы для кровеостанавливающего компресса. Еще в одном котле спешно грелась вода для бульона, а в сам котел летели травы для желудка и кишечника. Если работоторговцы, если рабы, им наверняка требуются восстанавливающее питье и хоть какая еда для начала.

Запас рыбы у нас был, он и ушел в котел. Варится быстро, пятнадцати минут хватит, хоть по чашке бульона да выдадим...

А потом начался кошмар.

Они шли и шли. Мужчины, женщины, нескольких детей принесли на руках, все в ужасном состоянии, в грязи и нечистотах, с кровоточащими ранами, истощенные... Дар просто взвыл, требуя выпустить его наружу, но здесь и сейчас я не могла этого сделать. О нет! Выплеснуть все на одного человека, свалиться в бессилии и не помочь еще сотне?! А ну молчать! И впервые я ощутила свою силу как бушующий внутри меня поток, но – покорный мне. Здесь и сейчас я была хозяйкой своей силы, своего разума, своего тела.

Люди шли и шли.

Я командовала, приказывая ложиться на тюфяки. Тем, кому вовсе уж плохо, вот сюда, слева, где Линда, остальным – сюда. Сейчас им помогут раздеться, вымыться, потом дадут чашку бульона, и я тоже подойду...

Больные не протестовали. Помогали все как могли. Здесь и сейчас люди столкнулись с громадной бедой, и какие там личные обиды? Какие склоки? Потом, все потом. А сейчас – хоть чем-то да помочь!

Я сортировала больных, а дар помогал мне в этом, шепча, кем надо заняться в первую очередь, кем во вторую. И можете меня казнить – сначала я занялась ранеными солдатами. Там требовалось и остановить кровь, и шить – и быстро. А рабы нуждались в первую очередь в мытье, чашке супа и перевязках ран от кандалов. Это не смертельно, хотя и

болезненно.

Линда распоряжалась как могла. Один за другим люди подходили к ней, их окатывали теплой водой, быстро мылили серым едким мылом, не обращая внимания на ложную стыдливость. Стой и молчи! Голая, голый – все равно! Грязь в раны попадет, заражение начнется, тогда скулить будешь!

Намылили? Теперь водой окатим...

На вымытых людей надевались рубахи – попросту простыни с прорезанной посередине дырой, ничего другого я придумать не успела, пока хоть так – и они направлялись дальше. Получали чашку супа и переходили в руки Линды. Тех, что попроще, могла перевязать и она, что посложнее – доставалось мне.

А я работала... Рваная рана, колотая рана, рубленая рана, резаная рана... Промыть, остановить кровь, перевязать на скорую руку... И никто даже не замечал, что под кончиками моих пальцев исчезают в ранах крохотные золотые искорки. Эти люди справятся, они выживут, еще как выживут! Я никому не дам уйти...

Ой!

Канцлера я даже сначала не признала. В простом темном камзоле, с раненым плечом...

– Ваша светлость?

– Здравствуйте, госпожа...

– Ветана, – привычно произнесла я. – Как же вы так?

– Клинок хороший оказался. Так и...

– Руку поднимите. Солдат, поддержи ему руку, чтобы сам не напрягался, – привычно кивнула я.

Дар горел и полыхал... ох-х! А рана-то плохая! Не знаю, что за оружие было у противника герцога, но кольчугу острие пробило. Сама рана не слишком глубокая, но в ней осталось несколько кольчужных колец. Надо чистить, резать, промывать, иначе получим горячку, которая лишит нас канцлера за пару-тройку дней. Не хотелось бы. Сын у него хороший...

– Ваша светлость, доверитесь? Резать надо, грязь вынимать, срочно!

Канцлер испытующе посмотрел на меня и махнул рукой. Здоровой. Зря он это сделал, тут же скривился.

– Делай.

Я достала из кармашка склянку с маковым молочком, накапала несколько капель в поднесенную мне чашку с водой.

– Обезболивающее. Подействует – начну. Пейте – и ждите. Солдат, как только его светлость уснет – звать меня.

И дальше, дальше. Рваная рана, нехорошая, но заживет. Промыть, стянуть края, оставить дренаж... Резаная рана, тут лучше просто перевязать, этим сейчас займется девушка госпожи Рионы. Пусть косо-криво, но сделает. Когда во двор ворвался Карнеш Тирлен, а за ним – трое учеников, я чуть не разрыдалась от радости.

– Вы пришли?! Слава Светлому!

Карнеш окинул взглядом весь двор.

– Вета... герцог?

– Рана плохая, в ней грязь. Надо резать, чистить...

– Ладно, я этим займусь, а ты здесь. Справляешься?

– Учеников оставите?

– Разумеется...

Я перевела дух – и принялась за работу.

Карнеш забрал герцога в здание, не кромсать же его на улице, как какого-нибудь босяка? Хотя перед болью все равны...

И я работала и работала. Перевязать, осмотреть, приказать дать настойку, зашить, обработать, опять перевязать... Помощь лекаря здесь была так же нужна, как и талант командовать и распоряжаться людьми. Что бы я делала, будь обыкновенной травницей, – не знаю. Наверное, растерялась бы, и моя растерянность убила бы нескольких людей так же верно, как клинок врага.

Я справлялась. Никто не остался без помощи, никто не был забыт, никто не умер. Мы работали все – и лекари, и служители, и сами больные, и гвардейцы, которые держались на ногах. Даже они, высокородные, не считали за труд принести ведро с водой или помочь с перевязкой. Здесь и сейчас все были равны, потому что справиться можно было только вместе.

В эту ночь я окончательно срослась с Алетаром, а он – со мной. Глазами людей, ждущих помощи, кровавыми ранами, криками и стонами боли, звездами в ночном небе, огнями костров и запахом вареной рыбы и карболки он вполз в меня и навсегда остался, ставя свою печать. И в свою очередь, принял меня в свои объятия – потому что все, что могла, я сейчас отдавала его людям. Алетар не был добрым или злым, как не бывает добрым или злым каждый человек, но он был моим, а я принадлежала ему.

Я не заметила, когда наступил рассвет, только в какой-то момент пошатнулась – и стала падать, вычерпав себя не то что до дна – еще глубже. Бертен, которого я так и не заметила раньше, подхватил меня и устроил в комнате для лекарей. Домой я бы сейчас не дошла. Линда поставила рядом кружку с отваром, но я уже спала, спала, спала...

– Ваше величество...

– Рамон, прекрати. Мы здесь без всего этого сборища, разговаривай нормально!

Его величество Эрик только что выслушал доклад герцога и был весьма доволен.

– Слушаюсь, дядя Эрик.

– Уши оборву, сопля!

– Не достанете, – ухмыльнулся Рамон.

Королевская семья не отличалась высоким ростом. Уж Рамон точно был повыше короля и подшучивал привычно. Моринары и Раденоры роднились между собой веками, им ли считаться титулами? Особенно если Моринары бегут от короны, как демон от храмовника?

В его величестве кровь предков проявилась особенно ярко. Большие голубые глаза, светлые волосы, собранные в хвост, и другой хвост, проявляющийся в демонической ипостаси, острый подбородок, крючковатый нос, четко очерченные скулы... Поставь его рядом с портретами предков, любой скажет – Раденор.

– Табурет подставлю. – И уже другим, полукоролевским тоном: – Вы хорошо поработали. Теперь ими займутся палачи. Уж они все вытряхнут.

Моринар поклонился.

– А Алонсо?

– Дядя был ранен, я отправил его в лечебницу. Думаю, он уже дома.

– Я заеду к нему завтра. Вы молодцы, Рамон.

Король смотрел теплыми глазами, и Рамон улыбнулся в ответ. Не так, как на палубе корабля, не играя, а искренне. Так, как когда-то улыбался молодой юноша, еще не прозванный Палачом.

– Спасибо. Но это еще не все. Я знаю, что мы ухватили только кончик цепочки...

– Размотаем. Награда за мной не заржавеет.

– Я просто выполнял свой долг, дядя Эрик.

– Вот и я свой выполню. Ладно, иди отдыхай. Небось всю ночь мотался?

Рамон пожал плечами.

– Надо было. Люди же... Если бы их увезли или убили... Кстати, мага бы наградить. Ренар Дирот сделал все, чтобы эти подонки не утопили наших людей. Держал воду почти час.

– Награжу.

Рамон кивнул. Это принципиально. Да, королевский маг – наглый, заносчивый и взгальный сукин сын (причем, половина собак открестилась бы от такого родства), но Рамон видел его после, на берегу. Тот разве что не падал. Шатался, был серым, словно плохая бумага, выглядел лет на двадцать старше своего возраста – и Рамон знал, что это означает.

Дирот отдал свою силу до донышка, и в ход пошла уже не магия – сама жизнь. За жизни других людей маг платил своими годами, не жалуясь и не торгуясь. Так-то. Хотя мог бы все бросить, еще как мог. Но держал. Держался. Это стоило благодарности.

Рамон откланялся и вышел вон. Домой, и отоспаться. И побольше, побольше. Часиков десять-двенадцать. Его величество в курсе, так что без герцога отлично справятся. А потом можно и к дяде заехать.

* * *

Когда я открыла глаза, солнце клонилось к вечеру. Ощущения были... гадкие! Вычерпанный дар ненавязчиво напоминал о себе дрожащими, как у горькой пьянчужки, руками, голова гудела, ноги ныли, горло тоже побаливало... А вы попробуйте сделать так, чтобы вас услышали? И послушали! Маг жизни, конечно, горло не сорвет, но все последствия и дар не уберет. Точно.

Кружка на столике притянула внимание, и я даже смогла дотащить ее до рта, не расплескав. Кто-то налил ее лишь наполовину, а рядом поставили еще кувшин. Глоток, другой... Малиновый взвар с медом!

Я просто застонала от блаженства. И вторую чашку налила уже сама. А потом смогла встать и по стеночке отправилась в отхожее место. Силы быстро возвращались.

Ох-х... Да чтоб тебя!

Харни Растум, видимо, караулил меня в коридоре. Увидел, расплылся в широкой улыбке.

– Госпожа Ветана! Встали? Как самочувствие?

– Я, благодарю, плохо, – по пунктам ответила я, зная, что иначе мужчина не успокоится. Склонность к словоизвержению у него невероятная – не заткнешь.

От моего ответа он замер на месте, потом подумал и расплылся в улыбке:

– О вас спрашивали...

– Кто? – стоном вырвалось у меня.

– Все, кого вы вчера лечили. Вы теперь у нас просто героиня. Так все организовать, так сделать...

Я замотала головой, едва не рухнув на пол. Самочувствие самочувствием, а соображала я быстро. И сейчас надо было выворачиваться.

– Господи Растум, вы чего-то не понимаете. Под вашим чутким руководством это могла бы сделать даже устрица с отмели! Это же вы нас учили, воспитывали лекарей, буквально с улицы брали...

Харни понял еще быстрее. И теперь его улыбка стала совершенно искренней.

– Но меня же вчера не...

– Разве? Я ничего не помню. Мне кажется, за вами сразу послали. Разве нет? И это вы все так организовали, – что было сил, отрещивалась я.

– Мы с вами, госпожа Ветана, мы с вами...

Я выдохнула.

– Да-да, благодаря вашим указаниям и инструкциям...

Вот теперь начальник сиял, аки солнышко ясное. Оно и понятно. После вчерашнего происшествия на лечебницу могут пролиться определенные блага. А могут – и лично на меня. Тут многое зависит от людей, которых мы принимали, но и от меня тоже.

А я говорю – Растум! Точка! Мне-то светиться не стоит, а вот Харни, с его попугайскими замашками и цветистыми разглагольствованиями, отлично перетянет на себя все внимание. Что и требуется.

– Госпожа Ветана, как я рад, что у меня работает такая умная женщина! Просто сокровище!

Я ответила вымученной улыбкой.

– Господин Растум, вы уж простите, я себя не слишком хорошо чувствую...

– Да-да, конечно! Эй, там...

Служительница помогла мне добраться до отхожего места – ноги тряслись. А до дома меня даже довели со всем почетом, в карете Растума. И даже разрешили завтра не приходить – пошлют за мной, ежели что.

Я сопротивляться не стала. Отдохну, отосплюсь...

Наивная.

Рамона разбудил слуга. Постучал в дверь, потом, видя, что хозяин не просыпается, вошел в комнату и потряс за плечо. Раз, другой...

– Ваша светлость, проснитесь.

– Что случилось?

Рамон перешел из состояния сна в состояние бодрствования за секунду, как большой хищный кот. Расслабленный, спокойный, но когти!

– Госпожа герцогиня прислала за вами. Говорит, вашему дяде плохо!

Вот тут его сиятельство вскочил как подброшенный.

– Воды! И одеваться!

Все было уже готово. И горячая вода, и мыло, и бритва, и свежая рубашка... Даже оружие вычистили. Слуги в доме герцога своего господина не боялись. Да, Палач. Но не сволочь ведь? Никак не сволочь. Никого пороть не приказывает, без дела не накажет, а за дело – так и не обидно, ясно же, за что попало! Чего не выносит, так это сплетен, но тут дело житейское. Кому ж охота о себе со всех языков собирать? А платит щедро, даже более чем, поможет, если попросишь. Против закона, конечно, не пойдет, но разберется честь по чести. И защитит. А это по нашим временам очень немало.

– Кого прислала Линетт?

Камердинер и тут оказался на высоте.

Быстро сбривая щетину, он махнул рукой в сторону двери, приглашая войти гонца.

– Ваша светлость, госпожа герцогиня просила вас приехать, да с магом бы. Его светлость, как вчера его принесли, так и не просыпался, утром у него жар был, потом в горячку перешло, рана напухла...

– За лекарем послали?

– Был. Сказал, что не справится. Горячка внутрь пошла, рана загноилась...

– Так быстро?

– Вроде как на клинке что-то было...

Рамон прошипел злое ругательство. Вот ведь... Не отвел дядю к лекарю, а тот и не подумал о себе нормально позаботиться. И ведь не мальчик уже, где Рамон и не заметит, дяде хуже будет...

Ничего, сейчас к магу воды, а потом и к дяде. Вылечим, никуда ты, дражайший родственничек, не денешься. Только попробуй слечь и бросить все на меня! Семью, дела... Или того хуже – умереть! Лично короля попрошу, чтобы тебя поднял и попинал ногами!

Полезная иногда штука – некромантия.

* * *

Дома я кое-как обтерлась холодной водой, а потом рухнула в постель. Хотела поспать, но ничего не получалось. Дар восстановился, и энергия гнала меня из кровати. Что ж, так тому и быть. Что же делать?

Как назло, ни одного больного не появлялось на пороге. Я махнула рукой и принялась сортировать травы. Надо решить, чего у меня не хватает, подумать, какие мази поставить вариться, а еще завтра с утра забежать к травнице и купить или дозаказать все необходимое. Лечебница – это общее, а мне нужно еще и свое, так будет правильно. А заодно можно вымыть все окна, как следует оттереть полы, прополоть сад от сорняков...

Я сейчас найду себе занятие!

* * *

Лим встретил Рамона на пороге дома.

– Дядя!

Официально они с Рамоном были братьями, но кому это важно? Дядя – так проще, а когда малыш вырастет, сам решит, как кого называть.

Рамон подхватил мальчика, осторожно прижал к себе.

– Как ты, малыш?

– Отлично!

Рамон пригляделся.

А ведь и верно: глаза блестят, щеки розовые, волосы растрепаны...

– Ты чем занимался?

– Съезжал по перилам! – честно признался Лим. – А что?

У Рамона сердце зашло.

О дядиной беде он отлично знал. Что бы он не сделал, чтобы малыш был здоров! Только вот ничего нельзя... Огонь тут не поможет, некромантия не поддержит. Вода? Да, это лучше, но... Временно, только временно. Лим может вести жизнь почти обычного ребенка, но ему надо быть гораздо осторожнее других. И мальчик об этом отлично знает.

– Лим, тебе же нельзя...

– Можно!

– Лим!

Мальчик сник, опустил взгляд. А потом вдруг просиял, улыбнулся, вскинул голову, как и все Моринары. Зеленые глаза сверкнули упрямством.

– Мы потом поговорим!

Рамон кивнул. Вот это было правильно. Сейчас же...

– Рамон!

Навстречу ему спешила Линетт. И герцог не стал тратить время на формальные приветствия. «Тетушку» он любил почти как сестренку, ценил, что она принесла свет в жизнь дяди, и уважал насколько мог.

– Как дела?

– Алонсо бредит...

– Бредит? Ренар?

Маг воды уже поднимался по лестнице. Он раскланялся, но завести учтивые речи Рамон ему не дал.

– Простите, герцогиня...

– Нет-нет, пойдёмте!

Какое там прощение, когда речь идет о жизни близкого человека? Какая учтивость? Потом раскланяемся, а сейчас – спасите его, пожалуйста! Помогите нам!

Алонсо действительно был плох.

Герцог замер на пороге комнаты, сжал кулаки. Канцлер Раденора метался в лихорадке, ничего не соображая. Покрасневшее лицо, набрякшие веки, крупные капли пота...

– Что с ним?

Ренар Дирот медленно провел ладонями над герцогом. Между его руками и телом канцлера возникло голубоватое свечение. Впрочем, ненадолго. Все чаще в нем вспыхивали красные искры, все интенсивнее становился лиловый тревожный оттенок заката.

– Не знаю.

Рамона шатнуло.

– Что?

Никогда он не слышал от Ренара ничего подобного.

– Не знаю. Похоже на яд или нечто подобное, но точно ничего не могу сказать. Его убивает собственная же кровь. Не знаю.

– Как такое может быть?! – взорвался Рамон.

Но маг только покачал головой.

– Я могу очистить кровь, но...

– Можешь – делай. – Рамон стремительно взял себя в руки. – Линетт?

– Да?

Герцогиня стояла за его плечом. Громадные глаза, наполненные слезами, стиснутые перед грудью руки, закушенная нижняя губа...

– Рамон?

– Линетт, я тебе обещаю. Все будет хорошо. Я небо с землей ради вас перемешаю, – шепнул ей Рамон. – Не пугай сына и помоги магу.

Линетт закивала.

– Да. Я все сделаю.

– Вот и умничка. – Рамон на минутку обнял тетушку, погладил ее по голове и решительно отстранил. – Все будет хорошо.

И быстро сбежал вниз по лестнице. Поймал за ухо Лима, который примерялся к алебардам на стене.

– Увижу, что огорчаешь мать, – голову оторву. Понял?

– Папе плохо?

Рамон вздохнул.

Вот что тут скажешь, глядя в громадные детские глазенки? Правду? А ведь язык не повернется...

– Папа обязательно поправится. А ты пока води себя хорошо. Понял?

– Да.

Рамон вышел на крыльцо. Итак, вчера ночью дядя был в порядке. Сегодня днем ему плохо. Что было между этими двумя событиями? Рана и лечебница. Вот в лечебницу он сейчас и отправится. Выяснит, как там и что.

* * *

В лечебнице Рамон оказался одновременно с королевским гонцом. Гонiec как раз выходил, а Рамон прибыл к зданию.

– Ваша светлость...

– Алет? – Всех гонцов Моринар отлично знал и в лицо, и по именам. – Что случилось?

Чтобы гонiec не знал, какое известие доставляет? В такое Рамон отродясь не поверил бы.

– Его величество пригласил завтра на утренний прием лекарей.

– То есть?

– За организацию работы с людьми, за помощь пострадавшим... Ну, там еще много чего сказано. Награждать будут.

Рамон кивнул. Это правильно. Есть за что. Гвардейцы, которые вернулись в казармы, все были перевязаны, все в боеспособном состоянии, никому не требовалась повторная помощь. А поди ж ты... Среди ночи, неожиданно, на голову лекарям сваливается больше сотни людей с самыми разными проблемами. И никто не остался без помощи.

Молодцы.

Ладно, сейчас он побеседует с местным начальством, а там посмотрим. Странно, что только дядя пострадал, очень странно, но?..

* * *

Харни Растум сидел в кресле и нежным взглядом смотрел на приглашение к королю. Лист пергамента грел душу, наполнял радостью сердце и ласкал глаза. Ах, хорошо, как же хорошо! Какой он молодец, что послушал старого друга Карна и принял к себе эту лекарочку! Как дальновидно он поступил! Как благоразумно!

Сам себе Растум признавался, что без лекарки не видать ему наград, как своей... спины. Когда он добрался до лечебницы, то ожидал чего угодно. Шума, гама, криков, скандалов... Нет! Шум, конечно, был, но по сравнению с возможными неприятностями это выглядело как райское пение.

Все было организовано и отлично работало. Во дворе на тюфяках сидели и лежали пострадавшие, горело множество согревающих костров, всех уже накормили по одному разу, а кое-кого и по второму, никого не оставили без помощи, в лечебнице спешно разбирались и уплотнялись силами самих больных, кое-кого уже и спать отправили... И над всем этим царила маленькая лекарка. Впрочем, маленькой она в тот момент не казалась.

Она переходила от одного больного к другому, успевая и приглядеть за всем, и отдать приказания, и организовать работу других людей, и рывкнуть на кого-то из соседей, которые явились с едой, слишком тяжелой для истощенных людей... Казалось, что у нее сорок глаз кольцом вокруг головы.

К тому моменту как Растум принял бразды правления, ему уже и делать ничего не надо было, просто приглядывать. Правда, и сама Ветана свалилась как подкошенная, но главное уже сделала. Ах умничка, какая же хорошая девочка... И как правильно поняла все тонкости момента! Конечно, она все сделала сама, но ведь он принял ее на работу! Учил, руководил, наставлял... И разве не заслуживает он награды за свою дальновидность? Еще как заслуживает! Вот и...

Размышления Харни прервал скрип двери. Ну что еще такое? Не могут обойтись без него? Дайте уж пожать момент своей славы! Предвкушение момента, пусть, но это не менее сладостно, чем сама награда.

Харни вскинул глаза и осекся, потому что в комнату, которая вдруг стала маленькой и очень неудобной, входил человек, которого в Раденоре боялись как огня. Герцог Моринар. Белесый палач.

Харни и сам не понял, как оказался на ногах, вытянувшись в струнку.

– В-ваша свет-тлость...

– Садитесь.

От повелительного жеста герцога Растума буквально бросило обратно в кресло.

Моринар садиться не собирался. Он нависал над Харни темной тенью и недобро улыбался.

– Расскажите мне, кто вчера лечил моего дядю?

– В-вашего дядю, ваша светлость?

Рамон нахмурился, понимая, что толку не будет. Да, этот испуганный толстяк сейчас рассказал бы ему все, вплоть до цвета нижнего белья любовницы, но он не может рассказать то, чего не знает.

– Вчера мой дядя, герцог Алонсо Моринар, был ранен. Его доставили к вам. Сегодня ему плохо. Кто его лечил?

Харни на миг задумался.

– Ваша светлость, мне сложно сказать. Ночью здесь дежурила госпожа Ветана.

– Она здесь?

– Я отослал ее домой. Девушка устала.

Рамон усмехнулся. Где живет госпожа Ветана, он отлично знал. Что ж, успеет он ее навестить.

– Что с больными, которых мы к вам направили?

– Все хорошо, люди лечатся.

Дверь скрипнула.

– Харни, в лечебнице не хватит перевязочного материала! Еще немного, и мы на повязки занавески порвем!

Рамон улыбнулся, разворачиваясь к входящему.

– Карн!

– Ваша светлость? Что случилось?

– Карн, кто лечил моего дядю вчера ночью?

– Я и лечил. Вета занималась основной массой, а мы с Бертом перевязали канцлера и отправили домой. Да там царапина, разве что чистить пришлось, пара колец от кольчуги попала.

– Ему стало плохо. Весь горит, у него лихорадка.

Удивленное и огорченное лицо Карна сказала Рамону больше, чем тысяча уверений. Карнеш невиновен. Он действительно поступил так, как

говорит, и не понимает, что происходит.

– Я заеду к вам?

– Да, разумеется.

Рамон распрощался и покинул лечебницу. Пару минут он думал, не отправиться ли к лекарке, но потом махнул рукой. Его ждала прорва работы, да и в порт заехать надо, а то акула из дома – рыба в пляс... Пока дядя болеет, на него пойдет двойная нагрузка.

Рамон чуть усмехнулся. Как часто люди мечтают о кончине богатых дядюшек? Чаше, чем хотелось бы храмовникам, это точно. А он готов заплатить, чтобы дядя пожил подольше.

Жизнь – особа с весьма черным и едким юмором, это уж точно.

* * *

Харни Растум только-только перевел дух от прихода Палача, только подумал, что жизнь успокаивает свое течение, как в дверь опять постучали.

Ну, тут уж Харни и вскочил, и в поклоне согнулся...

Приближенного Фолкса в Алетаре знали. Легенды ходили о его мстительности, злопамятности, жестокости и коварстве. Но – исключительно тихим шепотом. Донесут еще, мигом станешь следующим героем легенд.

– Приближенный...

– Садись, дитя Света, – махнул рукой Фолкс. Сверкнули драгоценные камни в перстнях, и Харни мгновенно преисполнился зависти. Хоть он и не бедствовал, а все же позволить себе рубин с голубиное яйцо величиной и густо-синий сапфир не меньшего размера попросту не мог. И не по чину, и не по деньгам. – Ты, верно, гадаешь, что привело меня сюда?

– Что бы ни было – не сомневаюсь, что это ко благу всех детей Света! – отрапортовал Харни, преданно выпучив глаза.

Фолкс усмехнулся. Конечно, в эти гримасы он не поверил, но тут же главное, чтобы ему не мешали? Правильно?

– Истинно рассуждаешь, дитя Света. В Храме один из слуг его выступил с предложением...

Харни всем видом изображал напряженное внимание и любопытство, но молчал.

– Случается ведь и так, что люди здесь умирают...

– Мы не можем спасти всех, – помрачнел Харни. – Пытаемся, но не всегда получается.

– Я не виню тебя в этом, но не горько ли, что люди уходят в мир иной, не очистив перед этим душу?

– Горестно сие, – закивал Харни, всеми силами запихивая обратно ядовитый вопрос: «Прачек пришлете?» И не прогадал.

Приближенный погладил подбородок, на этот раз уже другой рукой, демонстрируя перстень с изумрудом в окружении янтаря и кольцо с крупной жемчужиной голубого цвета.

– Храм принял решение прислать сюда служителя, коий будет напутствовать несчастных. Надеюсь, это не отяготит работающих в лечебнице?

Харни истово замотал головой.

– Конечно, нет! То есть не отяготит! Вы же понимаете – это так полезно и важно! И поговорить иногда хочется с умным и грамотным человеком, который снимет груз с твоей души, и...

Приближенный поднял руку, останавливая словоразлив.

– Найдется комнатка для скромного служителя?

– Постараемся найти! – отрапортовал Харни. – Только прошу не гневаться, лечебница наша не из богатых, особых условий предоставить не можем...

Приближенный повел запястьем.

– Важны не условия, а желание...

Харни опять закивал, прикидывая, что угловая комната в самый раз будет. А что там трещины по штукатурке, крыша подтекает и плесень завелась... Ну, бывает. Не дворец, чай! Пусть служитель сам и разбирается... хе-хе, с ближайшим родственником! Вот!

Приближенный удалился, довольно улыбаясь, а Харни плюнул и удрал из кабинета. На сегодня у него был явный перебор. Королевский гонец, Белесый Палач, приближенный Фолкс... Лучше сбежать, пока нелегкая кого похуже не принесла!

Вот!

* * *

Поскольку в лечебнице ничего не отыскалось, Рамон решил заняться тиртанцами. Как – заняться? На то палачи есть, профессиональные, опытные, кого угодно разговорят! Этим они и занимались остаток ночи, утро, день... Надо бы съездить, забрать протоколы да и узнать – что там интересного рассказали пленники?

В пыточных Рамон пробыл часов шесть, но рыбешка стоила рыбалки. Ох стоила! Оказывается, трей Лантар занимался своим промыслом не просто так, нет. У него был – и есть! – компаньон в Алетаре. Правда, имени компаньона никто не знает, но ведь можно и у трея спросить лично? Палачи обещают справиться. А если нет... Некромант никогда не откажет в такой мизерной помощи!

Дело поставлено на поток, у трея несколько кораблей, малым не десяток, и в год они приносят очень кругленькую сумму. Даже с учетом всех вычетов, смертей, наценок... Казна Алетара столько не зарабатывает! Ладно, зарабатывает и больше, так то казна, а не поганый работорговец! И длится вся эта история уж несколько лет, кажется, шесть, но, может, и больше. Кто ж считает? Дело матроса – плавать, а уж что там капитан прикажет...

Когда Рамон выходил из тюрьмы, руки у него чесались. И на трея, и на Тиртан, и вообще. Доберется он до этих подонков, ох доберется. Но самого жизненно необходимого ему никто не сказал! Вот ведь беда! Узники клялись и божились, что никто из них не пользуется ядами! И оружие они ничем не смазывают! К чему? Самый обычный рейс, постоять в порту, забрать рабов – и уплыть. Все как всегда! И готовиться, и... Вот первые рейсы – да! Там нервишки вибрировали, а потом расслабились, хватку потеряли... Кто ж мог ожидать? Рыжий вор? Да пес его знает! Наверное, им занимались люди компаньона, на берегу... Нет, никто не помнит. Просто Ливар шел в порт, отмечался каждый раз в канцелярии... нет-нет, он не знает, кто там... правда не знает... НЕ НАДО!!! НЕ ЗНАЮ!!!

И палач соглашался с этими выводами. Не знает...

Что ж, значит, есть и другой конец цепочки. И за него предстоит потянуть на берегу. Рамон собирался этим заняться. Или нет – пусть дядя займется, когда выздоровеет, у него лучше получается. Намного лучше.

Лишь бы выздоровел!

* * *

Я как раз стояла на коленях в пыли и ожесточенно пропалывала свой клочок земли от сорняков, когда в калитку постучались, и за забором обнаружился Харни Растум.

– Госпожа Ветана?

Сиял он так, что хоть на маяке вешай.

– Господин Растум?

Я особого энтузиазма не проявляла.

– Вы меня не пригласите войти?

– Прошу.

С неохотой я поднялась с колен. Мне оставалось совсем немного, и вдохновение было, а вот останется ли оно после визита начальства? Кто ж его знает... Пришел бы на часок попозже, я бы как раз взвар пила... Впрочем, Харни Растум не настаивал на приглашении в дом. Вместо этого он протянул мне свиток с большой печатью на шнурке.

– Госпожа Ветана, мы приглашены на завтра ко двору.

– Что?

Я едва не села попой на грядки. Я? Ко двору Алетара? Что случилось?! За что?!

Харни вовремя подхватил меня под руку.

– Да-да, я тоже был в шоке. Госпожа Ветана, надеюсь, у вас есть подходящее платье...

– Да, наверное, – отозвалась я, думая совсем о другом. – Зачем нам туда?

– Потому что мы великолепно организовали работу с ранеными людьми. И сейчас нас хотят за это наградить.

Усмехнулась, отмечая это «мы». Конечно, я и мой начальник, как же иначе?

– Господин Растум... могу ли я не ходить?

– Госпожа Ветана! Вета, ты с ума сошла?

Начальник выглядел так, словно я ему живую гадюку слопать предложила. Закусывая живыми же пиявками.

– Я могу сказатьсь больной...

– Тогда все это просто перенесут на более поздний срок. Но король будет недоволен.

Я покривилась.

– Не умею я вести себя при дворе. Я никогда...

– Ничего страшного. Я буду рядом и не дам тебе опозориться, обещаю! Вот спасибо, благодетель...

– И выгляжу я... не придворно.

– Поверь, наш монарх выше этого.

Отговорок больше не оставалось. Я вздохнула.

– Господин Растум, вы сможете приехать за мной завтра? Чтобы я точно не опоздала и не случилось никакой путаницы?

– Разумеется! Нас пригласили на девять утра, в семь склянок я буду здесь.

– Замечательно.

По понятным причинам, радости я не испытывала. Бедная моя грядка, не быть ей прополотой. Повезло сорнякам...

Стоит ли говорить, что остаток вечера и ночи я провела в делах? Подгоняла по фигуре единственное приличное платье, по иронии судьбы – черное, бархатное, сделала маску на лицо, попробовала отбелить руки...

И не успевала отбиваться от соседок. Харни не скромничал, орал на всю улицу, а крайней оказалась я. И все любопытство обрушилось на меня. Они шли по одной и парами, несли пироги и всякие милые безделушки, и у всех, у всех на устах было одно и то же. *Ко двору?! Правда?! А как?! А что?! А почему?!*

На шестой соседке я сорвалась, вышла из дома и повесила на калитку табличку «приема нет». Пошли все к кракену в пасть! Авось тот не отравится. А мне и так нервотрепки хватит!

* * *

Алемико сидел под дверью маминной спальни. Мама сейчас его не замечала, она никого не замечала. Папе было плохо. Алемико знал, что такое плохо. Это когда нельзя гулять, нельзя играть, надо смирно лежать в своей кроватке и ждать мага, который поводит над тобой руками и что-то произнесет. Потом становится лучше.

А к папе маг не приходил. То есть кто-то приходил, но это были не те люди. Был какой-то Ренар, который водил над папой руками, и папе потом было плохо. Мама плакала, а все ее утешали, и говорили, что папа обязательно поправится, только делали это такими отвратительными фальшивыми голосами, что им не верил даже Алемико. Был какой-то лекарь, который осматривал папу, а потом развел руками. Вроде бы все правильно, но откуда взялась болезнь? Забегал дядя, поговорил с мамой, стал совсем мрачным и убежал.

И Алемико стало страшно. Очень-очень страшно, так он не боялся, даже когда сам упал, а мама кричала. А вот сейчас... Папа может умереть? И его больше не будет, Алемико никогда его не увидит, он никогда не поднимет сына на руки, не поцелует его, не будет ходить с мальчиком в лес, не будет... Папы просто не будет.

Разве это возможно?

Алемико не верил в смерть, но знал, что иногда она приходит. Помнил старого мага, который умер и лежал потом, такой равнодушный и

холодный, словно это не он всего пять дней назад устраивал шторм в луже для лодочек Алемико... Папа станет таким же? А потом его сожгут и развеют пепел над морем?

Алемико этого не хотелось, но что мог сделать малыш? Только сидеть под дверью спальни и надеяться на чудо. А его все не было и не было... Алемико и сам не заметил, как уснул. Проснулся на руках у слуги, который относил его в кровать, и то сил открыть глаза не было. Слуги шептались где-то над головой, голоса слышались, словно издали...

– Бедный канцлер...

– И жену его жалко...

– А уж мальцу-то каково! Сам больной, еще и отца потеряет!

– Ты болтай поменьше! Особенно про мальчика, а то его светлость...

– Если он выживет.

– Рот прикрой...

Алемико ощутил подушку под головой, и сон утянул мальчика в свою страну, мягко заставляя забыть обо всем плохом и горестном, накрывая пушистым покрывалом колючие мысли и давая сладкое ощущение безопасности, которое бывает только в детстве.

* * *

Утро наступило слишком быстро для меня. Раз – и вот солнышко выглядывает из-за крыш. Не могло сегодня подзадержаться? Впрочем, я уже оделась, аккуратно уложила волосы в тяжелый узел на затылке, и даже позволила себе роскошь – жемчужные серьги.

Больше никаких украшений у меня не было, да и серьги я заказала, скорее повинувшись порыву, у знакомого ювелира. При мне он подобрал подходящую оправу, чуть подогнал ее и вставил две крупные грушевидные жемчужины в серебро. Впрочем, сам по себе этот жемчуг был так хорош, что сочетать его с чем-то или сверлить дырки было просто преступлением.

Вот и все. Разве что на пальце, ни с чем не сочетаясь, горело синим огоньком кольцо старой рофтерки. Снять? Ну уж нет! Я не та, что была раньше! Я не желала этого приглашения, и если уж меня заставили, буду делать как захочу!

Колечко подмигнуло голубым глазом, и я чуть успокоилась. Ну, пригласили нас ко двору. Побудем мы там пару минут в роли дрессированных обезьянок – и уйдем, ничего страшного.

Когда загремела колесами карета, нанятая Харни Растумом на

сегодняшнее утро, я уже была вполне готова. Растум осмотрел меня с легким неудовольствием. Сам он был разнаряжен так, что я почувствовала себя просто... летучей мышью!

Белая рубашка, желтый жилет, красный камзол, расшитый золотом, белые брюки, белые кожаные башмаки... Темного крабом! Драгоценностей на нем было столько, что даже страшно стало. Сколько же лет надо воровать в лечебнице, чтобы себе столько накопить?

Меня Растум оглядел с подчеркнутым неудовольствием.

– Вета, я надеялся...

Что я оденусь, как он? Лучше уж сразу головой в воду!

– Господин Растум, – отчеканила я, – моей зарплаты в лечебнице хватает лишь на самое необходимое. Мне не до предметов роскоши, к коим относятся безумно дорогие вещи.

– А...

Взгляд остановился на моих серьгах.

– Это наследство.

Харни показательно вздохнул.

– Что ж. Я понимаю...

– А повысить зарплату не предложите? – медовым голосом поинтересовалась я.

На лице начальника выразилось явственное неудовольствие. Одно дело – командовать, другое – деньги отдать. Почти из своего кармана, а то ж! Чем больше дадут мне, тем меньше сворует он!

– Мы подумаем над этим вопросом, госпожа Ветана.

– А впереди еще прием у короля, – заметила я, глядя в пространство.

– Тридцать процентов к окладу?

– Не сомневаюсь, что его величество по достоинству оценит ваши заслуги, – тут же заверила я.

Харни с облегчением выдохнул, и я подумала, что стоило бы поторговаться за пятьдесят процентов. Эх, не дано!

Карета медленно двигалась по направлению ко дворцу.

* * *

– Как он?

– Все хуже и хуже. Ренар был, опять очистил кровь, но говорит, что это не помогает, – Линетт едва не плакала.

Рамон сдвинул брови. Уж кто другой, а Белесый Палач отлично знал,

что не все нам подвластно.

– Как он сейчас?

– В сознании, но плох.

– Я могу поговорить с дядей?

– Да, конечно...

Ни Линетт, ни Рамон не заметили Алемико, который прятался под лестницей. А вот мальчик все слышал. И когда взрослые пошли вверх по лестнице, он подождал немного, а потом опрометью бросился в спальню мамы. Между маминной и папиной комнатой есть дверь, там он сможет спрятаться и подслушать, а то все его вечно выпроваживают.

Маленький... А он уже вполне большой! Вот!

* * *

На взгляд Рамона, герцог выглядел просто ужасно. Ввалившиеся щеки, запавшие глаза, сероватый оттенок прежде смуглой кожи... И лихорадочный жар, словно сжигающий его изнутри. Но темные глаза были по-прежнему умными и ироничными, в них плясали языки пламени... или отсветы затухающей жизни?

– Кажется, все? Ветер складывает крылья?

– Вот еще. Ты что – решил бросить на меня жену и сына? Дядя, у тебя совесть есть?

– Совесть есть. Вот жизни, считай, не осталось.

– Разберемся.

Рамон такой уверенности не испытывал, но говорил нарочито твердым голосом. Только с канцлером это не проходило.

– Ладно. Если что – обещание дашь?

– Какое?

– Если помру, не бросай ни Лин, ни Лима. Чтобы у нее проблем не было. Отгорюет, замуж выйдет. И сына воспитаю Моринаром, хорошо?

– Дядя...

– Обещай!

Рамон вздохнул.

– На крови поклясться?

– Обойдусь.

– Тогда обещаю.

Алонсо явственно расслабился, даже и не подозревая, что за портьерой затаил дыхание его сын. Алемико что есть силы удерживал себя, чтобы не

броситься к папе, и малышу это удалось. Стиснул кулачки, до боли впился ногтями в ладошки.

А папа с дядей говорили о каких-то государственных делах, поминали каких-то работоторговцев, корабли... Папа – умирает? Папа просит дядю позаботиться о нем и о маме? Но... как же так? В разуме малыша это просто не укладывалось. А потому Лим незаметно выбрался в мамину комнату. И поймал герцога Мориара на полпути к двери.

– Дядя!

– Лим!

Рамон подхватил мальчика на руки, и тут же об этом пожалел.

– Папа умирает?

И как тут соврешь, глядя в эти громадные зеленые глаза? Рамон честно попытался, надо отдать ему должное.

– Да что ты! Нет, конечно...

Лим взял герцога руками за лицо, уставился прямо в глаза.

– Дядя, не ври.

И Рамон смог только покачать головой.

– Не знаю, малыш. Не знаю... Я все сделаю, чтобы папа поправился, веришь?

– Верю. А маг...

– Не помогает. Тут что-то иное нужно.

– А мы его точно найдем?

– Обязательно. Верь мне, малыш, неизлечимых болезней нет. Твою победили, и папину победим!

А Лим даже зажмурился в эту секунду. Так четко пред ним встала и лечебница, и лекарка в ореоле золотых искр, и ее серьезные глаза... «Никому не рассказывай...»

Лим улыбнулся герцогу.

– Обязательно победим, дядя. Верю!

Он не расскажет. Он просто попросит. Даже если потребуется...

* * *

Двор. Королевский двор Алетара. Который славен своей архитектурой на все окрестные королевства и герцогства. Который никогда не бывал в руках врага. Который... Перечислять его красоты и редкости можно долго. И оранжерею, и коллекцию оружия, и библиотеку, в которой мечтает побывать всякий книжник, и...

Когда-то я мечтала сюда приехать, только виделось мне это иначе.

Я, в роскошном платье, бледно-зеленом, расшитом хризолитами, или синем, с сапфирами, под руку с мужем (разумеется, красавцем-принцем или хотя бы герцогом) иду по главной лестнице. Лакеи расчищают мне путь, впереди все склоняются предо мной, а король принимает нас со всем радушием.

Каких только глупостей не намечают себе соплюшки! Не важно, совершенно не важно... Сейчас передо мной никто не расчищал дорогу. Я шла под руку с Харни Растумом, которого провожали откровенно насмешливыми взглядами, как и меня саму, и придворные не кланялись, и платье было куда как проще...

И пусть!

Я все равно чувствовала себя королевой. Потому что в мечтах меня приглашали просто потому что. По титулу, по древности рода... Одним словом, по заслугам моих предков. А я ничего собой не представляла. А здесь и сейчас меня приглашали, потому что я – это я. Лекарка, которая сделала больше, чем эти павлины. Так-то!

Вот и тронный зал для малых приемов. Для больших – другой, в десять раз просторнее, с колоннами. А этот – почти домашний. И придворных немного, человек сорок.

Харни склонился в поклоне. Я присела в глубоком придворном реверансе. Король не встал нам навстречу, это высокая честь, но ответил милостивым кивком на восторженную речь Растума и повел запястьем, позволяя распрямиться.

– Встаньте. Я позвал вас, чтобы выразить свою благодарность...

– Служить вам – долг каждого человека в Алетаре, ваше величество...

– Но не все это делают так талантливо, – усмехнулся король. – А вы что скажете, госпожа Ветана?

– Долг лекаря – помогать всем, кто в этом нуждается. Мы всего лишь исполняли свою работу, ваше величество.

– Ну а я всего лишь хочу вас за это наградить. Анри!

Появившийся из-за трона чиновник протянул мне небольшую шкатулку.

– Госпожа Ветана...

Я вновь присела в реверансе, дожидаясь позволения встать и открыть подарок.

– С этого дня вы – полноправная гражданка Алетара. Думаю, это порадует вас больше, чем золото и бриллианты.

– Это драгоценный подарок, ваше величество, – прошептала я. – Буду

хранить вашу грамоту и внукам завещаю...

Слезы текли по щекам. Почему я плачу, все ведь хорошо, правда?

Его величество сделал еще один жест. На этот раз шкатулка досталась Харни Растуму.

– Ваше величество...

– Ваша закладная на дом.

Харни рассыпался в благодарностях. А я открыла шкатулку.

Бумага, всего лишь бумага.

Моя свобода, моя безопасность, мой пропуск в другую жизнь. Как гражданка Алетара, я являюсь совершеннолетней. Никто не может заставить меня выйти замуж или к чему-то принудить. Я получаю все обязанности, но прав у меня во стократ больше. Даже родители, если они меня найдут, не будут властны надо мной. Никто. Достаточно обратиться к любому стражнику и попросить о защите.

Свободна!

СВОБОДНА!!!

Я быстро вытерла слезы, помня, что у меня сейчас некрасиво опухнет лицо, и огляделась вокруг. И едва не задохнулась от ужаса. С пакостной улыбочкой, ясно показывающей, что он меня узнал, на меня смотрел барон Артау.

Глава 12

Не знаю, что бы я сказала или сделала, но спас Харни Растум. Принялся кланяться, благодарить, потянул меня из зала, и я как кукла пошла вслед за ним.

Барон меня видел. И подозреваю, что узнал. Что же делать, что делать? Еще часом раньше я решила бы бежать и только бежать. Сейчас же... А с чего это я побегу из Алетара? Здесь и сейчас я под защитой короны, даже если барон вытащит эту историю на свет. А ведь я тоже кое-что могу? Да, я сбежала от ненавистного брака, зато девчонок не калечила и не насиловала. А барон – очень даже.

Между прочим, можно всегда проверить... Я не помнила, как зовут беременную от насильника девушку, но если там проросло семя барона – такого в Алетаре и герцогам не спустят.

Закон прост. Отсечь, прижечь и бросить на площади. Выживет – хорошо, сдохнет – того лучше. Были случаи, когда и родня девушек мерзавцев на клочья раздирала – стражники смотрели в другую сторону.

Грязно, кроваво, а все же в чем-то верно. Потому и насильники тут редкость. Кому охота лишаться самого ценного, если можно по согласию? Конечно, я назвала крайний случай, были наказания и попроще, мало ли что, кто и как, но барону за изнасилования и убийства грозило именно это. И чужое подданство не поможет, только усугубит. А нечего тут гадить, к себе иди, скотина!

Так что...

Никуда я не побегу! А вот со знакомым стражником договорюсь, пусть приглядит. Найду, чем отплатить за добро.

– Мы едем в лечебницу?

– Разумеется, Вета. Ты думала такое событие не отпраздновать?

Я вообще ни о чем таком не думала, но Харни прав. Служители, служительницы, лекари – все попросту обидятся. Уж точно не поймут, если я «зажму» праздник.

– Да, что-то я...

Улыбка Харни была исполнена ехидства. Ну как же, я не подумала, а вот он, такой умный, все предусмотрел...

– Я уже распорядился, стол накроют. Едем!

Только вот никуда я не попала. И отмечать пришлось без меня, потому что, стоило нам выйти из кареты, ко мне бросилась маленькая фигурка.

– Госпожа!!!

* * *

Мальчишку я подхватила на руки автоматически. А уж потом взгляделась и узнала.

– Темного крабом! Алемико! Лим!

Да, это был Алемико Моринар, и в каком виде! Весь грязный, растрепанный, исцарапанный, словно он сюда через колючие кусты ползком пробирался. На щеках – грязные полосы от слез и пыли...

– Ты как здесь?..

– Госпожа Ветана! Помогите, пожалуйста!!!

Я посмотрела на ошалевшего Харни Растума. Вздохнула...

– Лим, что случилось?

Алемико посмотрел тоже. Очень выразительно. Пришлось перехватить его поудобнее, все же не котенок, и отойти на пару шагов в сторону. Харни демонстративно уставился в противоположный угол двора. Оставлять меня он не собирался. Подчиненные подождут, а тут Моринар! Пусть маленький, так вырастет же! И может быть, отблагодарит за участие!

Мальчик смотрел на меня громадными зелеными глазами, а по щечкам катились слезы. Катились, капали на воротник...

– Папа умирает.

– Как?

– Не знаю. У него уже все были. Маг приходит, чистит ему кровь, помогает, а папе все равно плохо. И мама плачет. И дядя был... Папа у него слово взя-а-а-ал... – тут слова мальчика превратились в откровенный рев. – Он сказал, что если умрет, пусть дядя о нас позаботится. И тот согласи-и-ился-я-я-а...

Теперь Алемико рыдал вовсе уж в голос, размазывая по щекам грязь и слезы. Я машинально прижала малыша к себе, погладила по растрепанным волосам.

– А от меня ты чего хочешь?

– Тетя Вета, помогите нам! Пожалуйста!

Я скрипнула зубами. Помочь, ага! Моринарам! Особенно канцлеру. А все будет так легко и просто! Меня впустят в его особняк, позволят подойти к канцлеру, и после чудесного – чего уж там – исцеления даже не поинтересуются, что и как? Одно дело – минимальные магические способности, которые у меня подозревают. Тут ими и повитухи обладают.

Могут беременность почувствовать на раннем сроке или определить, что плод неправильно повернут... Иногда сами не понимают – как, но чувствуют!

Это случается. Сил у таких людей больше ни на что не хватает, но они встречаются. Среди лекарей, повитух, ювелиров, стражников, моряков – там, где нужна иногда интуиция на грани разума и полное к ней доверие. А то, что у меня... Это все равно что нарисовать на себе мишень. И плакат повесить. Маг жизни. Ловите кто хотите...

Алемико завожился у шеи, привлекая к себе внимание, размазывая по мне слезинки...

– А как ты сюда-то попал?

– Просто ушел...

– Темного крабом! – не сдержалась я.

– Что? – Харни Растум далеко не отходил.

– А то, господин Растум, что этот молодой человек сбежал из дома, не предупредив, я так полагаю, ни мать, ни слуг. Я угадала?

– Д-да...

– Прогулялся пешком по Алетару, нашел лечебницу... Вам не кажется, что он заслуживает хорошей трепки?

– Кажется, – мгновенно согласился со мной Харни. – Будь это мой сын, он бы у меня на задницу месяц не сел.

– Ну и пусть, – хлюпнул носом Алемико. – Пусть выпорют, пусть хоть что... Пусть только папа выздоровеет...

И слезы хлынули потоком.

* * *

Принять решение Алемико оказалось намного проще, чем его выполнить. Хорошо, что в доме царили бардак и неразбериха. Кто-то суетился рядом с канцлером, кто-то – с герцогиней, кто-то тащил «чудодейственные травы и амулеты» по принципу «а вдруг поможет?», и мальчик остался без присмотра.

И все же было сложно выбраться через окно в гостиный. Кстати, розовые кусты под ними сажают совершенно зря, и ногу Алемико чуть не подвернул. Но вылез и направился к ограде. Моринары не боялись никого, а потому особняк окружала ажурная решетка. Через нее не пролез бы взрослый человек, но мальчишка? Да к тому же мелкий и худой для своего возраста? Вполне!

Алемико кое-как протиснулся и направился к порту. К лечебнице для бедных, он хорошо это помнил. Он часто спрашивал дорогу у прохожих, но пару раз все же заблудился. Один раз ему пришлось удирать от бродячей собаки, пролазить сквозь живую изгородь, кстати, там в него и помоями плеснули (хорошо, не попали), но мальчик упрямо шел. Шел, надеясь на чудо. И – добрался.

Так сошлось – когда он увидел лечебницу, то понял, что нуждается в паре минут отдыха, и присел на одну из лавочек, находящихся рядом. А тут и нас волны принесли. И сейчас мальчик просил о чуде, глядя мне в глаза. Что я должна была ответить? Что сказать? Да только одно.

– Поехали к тебе домой, малыш. Посмотрим.

Алемико прижался еще крепче.

– Тетя Вета, если нужно... Пусть я заболею, как раньше, ладно? Только пусть папа живой будет!

Я искренне надеялась просто отвезти мальчишку и удрать, но... После этих слов? Не помочь? Обмануть надежду, которая читается в зеленых глазенках? Может быть, магом жизни я и останусь. А вот человеком точно быть перестану.

* * *

Харни одолжил нам свою карету. Сам он отправился праздновать в лечебницу, а мы поехали к Моринарам. Растум с удовольствием поехал бы с нами, да вот беда – народ уже собрался. Пришлось выбирать между обидой всей лечебницы и возможностью отвезти мальчика домой. Харни с радостью бросил бы на растерзание лекарям меня, а сам поехал собирать медок у Моринаров, но Лим так вцепился, что отодрать его не смогли бы и стамеской. Еще и заверещал, что только тетя Вета...

Я успокаивающе подмигнула Растуму. Мол, я все помню про ваше чуткое руководство, а если зарплату поднимете на пятьдесят процентов... Растум возмущенно ответил взглядом, что я вымогательница и негодяйка, и отправился праздновать. А мы уселись в карету.

– Лим, а ты понимаешь, что меня могут просто не пустить к твоему папе?

– Пусть только попробуют не пустить!

– И попробуют, и не пустят...

– А я... Я – его сын! Имею право...

Я вздохнула. Право-то ты имеешь, да кто будет слушать мальчишку?

Во что я, дура такая, ввязываюсь?

* * *

В особняке Моринаров царила паника. Даже не так. Пожар в борделе во время потопа плюс крыша, сорванная ураганом под землетрясение. Это было ближе к истине.

Герцогиня истерически рыдала в гостиной, да так, что через до сих пор не закрытое окно (не Алемико ж было его закрывать) отзвуки доносились, слуги метались по саду, кто-то вылетел за ворота...

Я потрепала Алемико по макушке.

– Нравится? Твоя работа.

Храбрый Моринар мрачно сопнул носом.

– Я бы тебя точно выпорола.

– Ну и пусть. А папе ты поможешь?

И что оставалось делать? Я молча кивнула и полезла под сиденье. Харни Растум был лекарем, хоть и не слишком хорошим, а потому под сиденьем в его карете хранилась сумка с самым необходимым. И сильно помогала в жизни. Возьму с собой.

– Это что?

– Твоего папу лечить, – мрачно ответила я, разглядывая настойку наперстянки. По запаху, вылить бы пора. Скажу Растуму...

Я помогу. А потом... Пусть помогут мне все боги мира.

* * *

Увидев нас с Алемико, слуги замерли столбиками. Затем один из них ринулся внутрь дома с радостным воплем:

– Нашелся!!!

На миг все стихло, а потом... Больше всего Линетт Моринар сейчас напоминала ураган. Она вылетела, подхватила сына на руки, прижала к себе – и разревелась так, что к урагану добавилась еще и гроза.

– Как ты мог!? Как ты мог!!!

Алемико молча сопел и отбивался. Мать все крепче прижимала его к себе и продолжала причитать. Слуги восхищенно (О-о-о, материнская любовь!) продолжали наблюдать, так что первой надоело мне.

Я встряхнула за плечо стоящего рядом лакея.

– Живо – стакан вина для герцогини! Видишь, у нее истерика?

Голос у меня окончательно стал похож на бабушкин, так что лакей сорвался с места, не думая ни о чем. Куда там!

Когда через пару минут он вернулся с кубком вина, я была готова лечить истерику герцогини затрещинами. Останавливали лишь соображения собственной безопасности. Я же дворне не объясню, что это лечение? Еще и мне оплеух надают в ответ, чтобы герцогиню не обижала! А вот сейчас...

В вино полилось успокоительное. Несильное, нет, просто смесь настойки пиона и валерианового корня. В самый раз.

Я решительно подошла к герцогине и отобрала у нее ребенка.

– А ну – цыц!

– А... э...

Линетт Моринар пару минут была в таком шоке, что у меня все получилось. Алемико отправился на руки к ближайшей служанке, а в руки герцогини я втиснула кубок.

– Пей! Немедленно!

Получилось как надо. Линетт всхлипнула и принялась пить. Глоток, два, потом она поняла, что что-то не так, но я ловко придержала бокал за донышко, заставляя ее глотать.

– Пей, кому говорят! Успокоительное!

Герцогине ничего не оставалось, как выпить до дна и уставиться на меня.

– Это... как? Что?

– Выпила? Умничка. Это – Алемико. Живой и здоровый. Я – лекарка. Где герцог?

– Т-там... Н-но...

– Мам,пусти ее! – Алемико, солнышко! Какой же ты умница! – Тетя Вета хорошая, она мне тогда ночью помогла, она и папе поможет...

Из глаз Линетт хлынули слезы. Да, досталось бедолаге. Сначала сын, потом муж, тут любая с ума сойдет. Кто из нас не превращается в курицу, когда речь идет о родных и близких? Меня вспомнить после бабушкиной смерти...

– Папа... Алемико...

– Умер? – рявкнула я.

– Лекарь сказал – час-два...

Линетт уже рыдала в голос, и я махнула рукой. Некогда. Если так – некогда, каждая минута на счету.

– Лим, живо! Веди!!!

Мальчик схватил меня за платье и потянул за собой. Мы бежали сквозь невероятно красивый сад, по усыпанной разноцветным гравием дорожке, по богато обставленным комнатам, мимо остолбеневших слуг, вверх по лестнице... Туда, где упрямо стучало сердце канцлера, отказываясь останавливаться и не имея достаточно сил, чтобы продолжать биться.

С грохотом упала, покатилась ваза.

Алемико пинком распахнул дверь в спальню.

– Все – вон!!! Немедленно!!!

И таким страшным был этот детский крик, что слуги попятились.

– Вон!!! – добавила я.

Всего трое, впрочем, это не важно. Ничего уже не важно кроме человека на кровати и разворачивающего крылья дара.

– Лим, закрой двери на засов, – шепнула я. – Когда все кончится, мне нужна будет вода. Простая, колодезная, ладно?

И шагнула к кровати. Уже не совсем я. Маг жизни – больше человека, но меньше мага. Это просто проводник для силы вокруг нас.

Очисти разум. Ощути себя частью мира. Расслабься. Слейся с ним, и окажется, что это не ты в нем, а он в тебе. Ты – и мир, вы одно целое...

Краем уха я слышала лязг засова, но это меня уже не волновало. Только человек, лежащий передо мной. М-да. Не сказали бы мне, что это канцлер, я бы и не догадалась. Передо мной лежал умирающий старик. Сейчас Алонсо Моринар выглядел лет на сорок старше своего возраста, только глаза оставались прежними, горящими, яркими...

– Кто...

Я повела рукой, приказывая замолчать, и канцлер повиновался.

– Не важно!

И дар рванулся из меня, рассыпая по комнате золотистые искры. Здесь и сейчас я видела все, что происходит. Моя сила пронизывала тело канцлера, словно оно было хрустальным, искала причину болезни и... находила ее.

Что это?

– Нож!

Кто-то, кажется, Лим, вложил мне в руку сорванный со стены кинжал. Я коснулась языком лезвия – все в порядке, и сделала еще шаг к кровати.

– Лежите смирно. Или умрете...

Я знала это, видела, как надо резать, чтобы почти не повредить ни сосуды, ни нервы, ни мышцы. Просто старая рана, которую я чуть расширяю и углубляю. Болезненный вскрик канцлера – и крики с другой стороны запертой двери мне не мешают. Сливаются воедино, отвлекают, но

не мешают. Самое главное сейчас не люди и не больной. Даже так.

Самое важное здесь и сейчас – в моей руке! Маленький металлический шарик, красивый, ажурный, если забыть о том, что у него внутри. Комочек яда. Эту мерзость поместили в рану. Кровь касалась ее, разносила по телу, и сколько бы ни бился маг воды... увидеть-то он ее не мог! Это не вода, это трава и металл. Лечи последствия, не лечи – бесполезно. Пока не устранена причина, она так и будет убивать.

Но кто это сделал? Кто убивал канцлера, да еще таким подлым способом? Не знаю. Здесь и сейчас – это пустяк. Я увидела причину и смогла ее убрать. А вот теперь... Я видела и нечто иное. Яд поразил внутренние органы. Если бы не маг воды, канцлер умер бы еще сутки тому назад. Он проник в кровь и в кости, он отравил крепкого мужчину так, что тот превратился в старика, он убивает... Даже если маг воды очистит кровь, это все равно не поможет. Последствия останутся, и долго канцлер не протянет. А потому...

– Воды...

По счастью, у кровати стояло несколько кувшинов. С водой, с отваром, с вином... нам хватит.

– Пейте, канцлер. Если хотите жить – пейте...

– Стошнит...

– Да. Пейте...

И дар устремился на свободу, окончательно вырываясь из-под моего контроля. Я не могу просто убрать яд, он должен выйти из организма. Почему бы и не так?

Герцог глотал травяной отвар, а золотые искры танцевали по нему, внутри его, вокруг меня, освещая комнату, заставляя рану на его плече кровоточить все сильнее. Сначала сгустками крови, а потом неприятного вида зеленоватой жижей – последствия яда, отмершая ткань, ошметки гноя и гнили. Затем канцлера начало рвать фонтаном, так, что он едва успел свеситься с кровати, но яд выходил вместе с рвотой. И он сам это понимал, потому что за отваром последовал кувшин с вином...

Что-то гроыхнуло, но это было не важно, совсем не важно, потому что выходили последние остатки яда, а я все выплескивала из себя дар и никак не могла остановиться. И золотые искры танцевали в полумраке комнаты, и личико Лима было бледным и счастливым, и канцлер все больше походил на самого себя...

Только вот я, кажется, переценила себя. Голова кружилась все сильнее и сильнее, я вытянула руку вперед, последним усилием вбрасывая в тело умиравшего остатки своей силы, силы жизни, – и ковер метнулся к лицу.

Когда я научусь не падать в обморок?..

* * *

Когда Рамону доложили, что его дядя умирает, а племянник попросту пропал, Белесый Палач не разозлился, нет. Он медленно отложил перо, стараясь не закапать чернилами пергамент, и «ласковым» взглядом посмотрел на гонца.

– Что, целый дом слуг не мог уследить за одним ребенком?

Несчастный сравнялся цветом со стенкой.

– В-в-ваша с-с...

– Молись, чтобы Лим нашелся целым и невредимым. Или заказывай службу у храмовников.

– К-какую...

– Поминальную!

Больше Рамон ничего не сказал – до самого дома. Гнал коня что есть сил, а в голове стучало только одно: не надо!!! Пожалуйста, не надо... Почему это должно случиться с ним?

Дом канцлера встретил герцога шумом и гамом. И заплаканной Линетт, упавшей ему на грудь.

– Рамон!!!

– Ну, Линетт, что случилось? Где Лим?

– Нашелся!

Из рыданий выяснилось, что Лим, не сказав никому, сбежал в лечебницу.

Выпорю!

Что добрался до лечебницы пешком, через весь Алетар. Нашел лекаря, который... которая и привезла его обратно.

Молодец, но выпороть все же надо, чтобы неповадно было!

Услышав, что отец умирает, Алемико потащил лекарку в дом, и они заперлись в комнате канцлера, выгнав оттуда всех слуг! Кажется, там кричали... Линетт пыталась пробиться, но ей не открыли. А они там уже... она не знает сколько...

Рамон коротко выругался и помчался вверх по лестнице. Каково? Нет, мальчишку все же надо выдрать, как сидорову козу! Или отправить на месяц туалеты чистить по всему дому! Если пороть нельзя...

Под дверью дядиной спальни толпился народ. Кто-то пытался выбить дверь плечом... юмористы! Дубовую дверь, толщиной в ладонь, в

надежном переплете...

– Разошлись, – коротко приказал Рамон. – Иначе так и похороню!

Он плохо контролировал свою силу, но здесь и сейчас – горе и ярость неплохие стимуляторы.

Понимая, что Палачом просто так не назовут, слуги бросились врассыпную. Так, что тараканы, убегающие из-под тапка, позавидовали бы. Пара секунд – и коридор опустел. С пальцев герцога сорвался огненный шар, в мгновение ока оставив от двери горстку пепла. Засов стек на пол каплями расплавленного металла, и Рамон замер на пороге. Открывшаяся ему картина была...

Посреди комнаты, рядом с кроватью, стояла лекарка. Та самая, из лечебницы для бедных. И от нее исходил мягкий золотистый свет. Он заливал комнату, обволакивал все предметы, освещал бледное и восторженное личико Лима, который жался к девушке, а еще она протягивала руки к канцлеру, и с ее пальцев слетали десятки и сотни золотых искорок.

Они танцевали в потоке света, они обволакивали канцлера плотным коконом, они плясали по всей комнате, и Рамон понимал: то, что он видит, это... Это – магия. Высшая сильная магия, на которую не способен ни он, ни Ренар Дирот, ни его величество – никто из находящихся в Алетаре. Просто потому, что магия жизни доступна единицам. А девушка перед ним – маг жизни. Сильный, овладевший своим искусством.

Как? Он же видел ее раньше и даже не подумал! Как?

Пока Рамон размышлял на эту важную тему, девушка пошатнулась. Каким-то судорожным жестом вытянула руки, заставляя искры в безумной пляске рвануться к канцлеру, а потом медленно, словно во сне, стала падать вперед лицом, как и стояла. Рамон едва успел подхватить ее, чтобы лекарка не расшибла нос о кровать.

Подхватил, уложил в кресло, посмотрел на дядю.

– Ты как?

– Поразительно жив, – неверящим голосом ответил канцлер.

– Вот и отлично. Разберись со своими домочадцами, пока я никого не убил. Лим!

– Да, дядя? – голосом пай-мальчика отозвался маленький поганец.

– Ты сейчас откроешь нам мамину спальню, и быстро.

На лестнице слышались уже топот слуг и голос Линетт.

Не размышляя, Лим метнулся к двери, распахнул ее, Рамон вытащил из кресла тушку лекарки, кое-как перехватил поудобнее – все же не тростиночка, а нормальная девушка и весит соответственно – и бросился за

занавеску.

Они с Лимом успели вовремя.

Мальчик задернул за ними штору, задвинул засов уже со стороны герцогини и наткнулся на грозный взгляд герцога, который уложил Ветану на кровать, и готов был заниматься племянником.

– Иди сюда, солнце мое. Будешь рассказывать, где ты, негодяй малолетний, нашел мага жизни, почему никому не сказал об этом, и... И вообще!

Лим пожал плечами.

– Ну... Дядя, я не могу.

– Что?

– Вот тетя Вета проснется, она и расскажет. А я ей слово дал.

– Я тебе сейчас тоже... дам! Ремня хорошего!!! – взорвался Рамон.

Ага, как же! Лим отработанным движением нырнул под кровать, перекатился, вынырнул с другой стороны и метнулся к двери.

– Я сейчас Вете попить принесу. Она просила. Дядя, детей бить нельзя!

И хлопнул дверью, оставив Рамона размышлять над простым вопросом. Как сдержаться и не выпороть племянника в ближайшие десять минут за все его фокусы?

* * *

Меня пытались напоить водой. Холодной, вкусной... Наверное. В основном – холодной. Она лилась за шиворот, по шее, заставляла ежиться, приходя в себя. Я шевельнулась, пытаюсь оттолкнуть чашку. Не помогло. Пришлось глотать, чтобы не захлебнуться и не утонуть, и открывать глаза.

Ох, нет! Лицо, которое склонилось надо мной, я бы с удовольствием развидела обратно. Рамон Моринар! Этот-то откуда взялся? Лим? Алемико был рядом. Смотрел виноватыми глазами. Одно ухо у него было заметно больше другого, и подозрительно красного цвета.

– Тетя Вета, я не виноват.

– Правда?

– Дядя пришел уже под конец, дверь выбил, ты как раз сознание потеряла...

– Он меня дверью ушиб? – не сдержалась я.

Рамон Моринар начал медленно багроветь. С пятен на щеках.

– Стоило бы!

– Нет. Дверь он сжег.

– А починить сможет?

Я понимала, что игра окончена, а потому могла и не сдерживаться. Сейчас, когда Моринар видел меня... Видел ли? Одного взгляда на герцога хватило, чтобы понять: видел. Еще как! И забывать не станет даже за деньги.

– Я ведь вашему дяде жизнь спасла...

– Объясните мне, госпожа Ветана, как маг жизни мог столько времени оставаться незамеченным. Амулет?

– Тренировки, – буркнула я.

– Я не вижу в вашей ауре ничего нового, вы обычный человек. Но то, что было в спальне дяди, – это как?

Ответ был продуман давно. Не рассказывать же про пластинку амулета, за которую бабушка заплатила безумные деньги?

– Я и есть обычный человек. Пока не призываю свою силу. Вы же дышите? Ходите? А я... Вот!

– Поэтому магов жизни и сложно найти. Вы не выглядите магами. Ясно.

– Рада, что подарила вам ясность, – не сдержалась я. – Встать помогите?

Сильная рука обхватила меня за плечи и помогла подняться. Я оглядела себя. Так... платье цело, ворот расстегнут и намок, но в остальном – ничего страшного.

– Лим, как папа?

Алемико кивнул в сторону соседней комнаты.

– Там сейчас мама. Все хорошо...

– Выздоровел?

– Да.

– Тогда я здесь больше не нужна. Ты понимаешь, что рассказывать обо мне никому не надо?

– Да.

– Иди к маме, Лим, – вмешался Рамон Моринар. – А нам с госпожой Ветаной надо еще поговорить.

– О чем?

Мальчик уходит и не подумал.

Я улыбнулась ему.

– О личном, Лим. Обещаю, со мной ничего страшного не случится.

– Правда?

– Лим! – обиделась я. – Разве твой дядя может обидеть женщину?

Вообще-то может, и еще как, но не говорить же этого малышу? Он ведь любит Палача, всей душой любит!

– Нет, – уверенно ответил мальчик. – Но женщины всегда могут обидеться на какую-нибудь глупость! Так папа говорит, а он никогда не ошибается.

Я от души рассмеялась. Рядом так же хохотал Рамон Моринос.

– Обещаю. Я госпожу Ветану не обижу.

Лим успокоился и кивнул.

– Я... Тетя Вета, вы еще придете?

– Если я не смогу, ты сам заглянешь ко мне в гости, – решила я. – Разве нет?

– Обещаю!

Лим вышел. Мы остались в спальне герцогини наедине с Рамоном Мориносом. Герцог обвел меня насмешливым взглядом и уточнил:

– Госпожа Ветана, вы понимаете, что, как честный человек, я обязан теперь на вас жениться?

Глава 13

Выручили меня годы и годы упражнений. Аристократка – это не только роскошное платье, это еще и манеры, и воспитание. И я ответила так, как подсказала выучка.

– Ваша светлость, вы шутите.

– Отнюдь!

– Я ниже вас по положению и по рождению. Высказывая такие нелепые вещи, вы подвергаете насмешкам себя и пятнаете мою репутацию.

Рамон развалился на кровати. Я отошла на пару шагов и принялась поправлять все перед зеркалом. Волосы, воротник платья, манжеты... Мне никто не мешал. Герцог просто лежал и смотрел взглядом хищника, с которым в одной клетке заперли жертву. Мол, бегай-бегай, все равно ты никуда не денешься. Это нервировало.

Приведя себя в порядок, я обернулась к кровати. А моя стоимость растет, прошлый раз мне не свадьбу предлагали, а должность любовницы.

– Что ж. Я догадываюсь, ваша светлость, что вы хранить мою тайну не станете.

– Правильно.

– Надеюсь только, что со мной будут договариваться, а не шантажировать?

Рамон покачал головой. А потом одним слитным движением оказался рядом со мной.

– Нет. Договоров не будет. Будет свадьба.

Я тряхнула волосами. Тяжелая коса стегнула по спине.

– Ваша светлость, я не дам своего согласия.

– В Раденоре слово короля – закон для его подданных.

– Я не...

Темного крабом! А ведь я – да! С сегодняшнего утра – да.

– И откуда же вы родом, госпожа Ветана? Из Миеллена?

Я молчала, стиснув губы.

– Вета, вы понимаете, что это бессмысленно? Ваше сопротивление обречено заранее.

Я прищурилась.

– Нет, ваша светлость. Заранее обречен наш брак. Я действительно маг жизни, а потому... Мы можем обвенчаться хоть три раза, но потом разведемся, потому что наш брак будет не осуществлен. Я способна это

сделать.

– Вы не можете причинять вред людям.

– А воздержание еще никому не вредило, – ухмыльнулась я. Надеюсь, гадко. Только вот в ответ получила такую же улыбку.

– И все же я рискну. Потому что оставлять вас в чужих руках – смертельно опасно.

– Мы же не можем причинять никому вреда?

– Правильно. Но торговаться с тем же Храмом за ваши услуги я не собираюсь. Да и вообще... Вы вылечили Лима?

– Я.

– И дядю сейчас...

– Темного крабом!

Я же забыла, совсем забыла... где он? Рука опустилась в карман. Да, механически я сунула шарик именно сюда.

– Ловите.

– Что это?

Рамон ловко поймал гадость и разглядывал ее, счищая пальцами хлопья засохшей крови.

– Причина болезни вашего дяди.

– Что?!

– Кто-то, кто чистил рану, поместил это внутрь. Это шарик с ядом, видите, он там внутри? Это вещество распространялось по телу и убивало канцлера.

– Но как вы...

– Я же маг жизни. Просто вижу. Как вы – с огнем.

– Кракен! Но – кто?

– Не знаю. – Я с трудом вспоминала ту ночь. – Я вашего дядю не лечила. Дала ему маковую настойку, а потом пришел Карнеш... или Бертен? Нет, не помню. Они занимались канцлером, я была во дворе. Кто же меня подпустит к настолько высокопоставленным личностям?

– Мага жизни?

– А кто об этом знает?

– Никто вас еще не вычислил?

– Как мага воды – да. Слабенького, правда. Но на разные лекарские мелочи этого дара хватает.

Рамон Моринар усмехнулся своим мыслям.

– Неглупо, да... Такое, как сегодня, у вас часто?

– Нет. Обычно я стараюсь так глупо не подставляться.

– Дядя знает, что Лим больше не болен.

– Я лечила его одна и за закрытыми дверями. И вы бы ничего не узнали, если бы не вломились в самый неподходящий момент.

– Но узнал же.

– И забудьте.

– Э нет. Вета... Как вас на самом деле зовут?

– Тойри.

– Врете.

Я пожала плечами. Вообще-то не врала, это мое второе имя, в честь бабушки.

– Надеюсь, вы не сделаете никаких глупостей? Вроде побега или самоубийства?

– Вы приравниваете эти два действия друг к другу?

– В вашем случае – да.

– И угрожаете? Это так благородно...

Рамон вздохнул. Запустил пальцы в седые волосы.

– Ветана, вы просто не понимаете. Чудо, что вы еще живы, здоровы, не на цепи и не в ошейнике.

Вот тут я согласна.

– Вам нужна защита, а ее могут предоставить немногие.

– У меня есть выбор?

– Мы, Храм...

– Это отсутствие выбора.

– Это жизнь. Я не стану давить на вас, но я не шутил.

– Когда?

– Когда говорил о браке.

Я помотала головой.

– Не могу на это пойти.

– Даже если это будет фиктивный брак?

А вот теперь я прислушалась внимательнее.

– Вета, мне не нужно ваше тело. Уж извините, одного раза нам хватит. Чтобы брак считался законным и был подтвержден. Или вы не девушка?

Я вспыхнула.

– Значит, девушка. Тогда – простите. Придется. Но это необходимость, потом я обещаю оставить вас в покое. Занимайтесь чем хотите, лечите людей, и – да, не отказывайте в помощи мне и моим близким. Тем, за кого попросит Корона.

– И отказывайте тем, против кого попросит Корона.

– Не попросит.

– Вот как?

– Вета, есть способы убрать человека быстро. Так, чтобы он не дошел до мага жизни. Уж поверьте, и я, и его величество Эрик ими владеем.

Я верила. Вполне.

– Тогда зачем я вам?

– Я получу от этого союза свои выгоды. Которые, уж простите, вам не назову.

– И все же мне хотелось бы знать.

Уступить я не собиралась.

– Все равно не назову. Разве что пару. Например, я перестану быть объектом охоты незамужних девиц при дворе Алетара.

– Помню-помню, – не сдержалась я. – Женщины находят привлекательными ваш титул и состояние, несмотря на прилагающегося к ним мужчину.

Герцог скривился.

– Моя репутация останавливает грабителей, но не мамаш с матримониальными помыслами.

Пару минут я размышляла. А потом пожала плечами.

– Простите, ваша светлость, нет.

– Что?

– Я не выйду за вас замуж и надеюсь, что вы не скатитесь до насилия.

– Вета, я не стану настаивать и удерживать вас. Просто поверьте, что предложение остается действительным.

Верила. Но замуж не хотела.

– Я могу надеяться, что кроме короля...

– И его наследника.

– ...мой секрет никто не узнает?

– Никто другой, да.

– Благодарю.

Я попрощалась легким поклоном и направилась к двери, все еще не веря, что меня вот так отпустят. Но Моринар не стал меня удерживать.

Выскользнуть из особняка, который ожил, наполнился смехом, светом и счастливыми голосами, было несложно. Сесть в карету и приказать везти себя домой – тоже.

В лечебницу? Ну уж нет! Сегодня мне надо все тщательно обдумать. И лучшее для этого место – мой домик.

Рамон Мори́нар проводил лекарку хищным взглядом. Маг жизни! В его стране, в его городе, да фактически и в его власти... К чести герцога, мысль об использовании лекарки в корыстных целях к нему в голову даже зайти не рискнула. Побродила поблизости, разочарованно вздохнула и ушла искать почву поблагодатнее. А то отсюда патриотизмом так прет, что никаких соблазнов не напасешься.

Странные это люди! Непонятные! Казалось бы, все так просто! Это же выгода! Твоя выгода! Так рви, жри, хватай, не пускай... Нет?! Почему – нет?! Никто другой ведь о тебе не позаботится, только ты сам! Деньги, связи, власть, блага – с помощью мага жизни станет доступно и это, и многое другое. Любой мужчина прибежит, если речь пойдет о его близких. Любая женщина. Ты получишь – все! Вообще все!

Опять – нет? Отвратительно! И как с такими людьми работать?

А Мори́нарам просто не было нужно ничего из перечисленного. Деньги? Их род и так на бедность не жаловался. Власть? Куда ж еще ближе-то? Королем стать? Да Светлый упаси от этой каторги! Блага? Так на одну задницу сорок штанов не натянешь. Даже расшитых бриллиантами и с изумрудной инкрустацией. Ну будут они у тебя, а дальше-то что? Наденешь ты их по разу, край по два, кто поглупее, может, и позавидует, а дальше что? А ничего...

Вот и получается, что ничего из вышесказанного не нужно. А что реально нужно? Чтобы стоял род. Чтобы над головой было мирное небо. Чтобы Алетар стал счастливой и безопасной страной, чтобы богател и рос, а люди, живущие в нем, знали, что о них заботятся.

Наивно? Э нет. Если вы подумаете в масштабах не штанов, а вечности, то поймете, что только такие цели и можно ставить. Чтобы не только ты гордился своими предками, но и потомки, вскидывая голову, говорили: «Мой род? Да, там были по-настоящему сильные личности. Но мы станем еще сильнее!» Мало гордиться своими предками, ты сделай так, чтобы им не стыдно было смотреть на потомка!

Вот это Рамон и планировал сделать. Лекарку, конечно, надо привязывать к Алетару. И придумать, как лучше использовать. Не в один день, нет. Это задача сложная, многоходовая и так просто не решаемая, но он – справится. Обязательно справится. Они сядут с дядей, с его величеством и подумают втроем. И непременно найдут нужное решение. Жаль, принц Алекс сейчас в море, его бы тоже неплохо привлечь к совету.

Рамон хищно улыбнулся. Когда несколько веков назад Александр Прокля́тый легализовал некромантию, люди тоже думали – к добру ли? Оказалось, более чем к добру. Теперь надо подумать, как в эту структуру

впишется маг жизни. Как, куда, под какой охраной. А то похищать некроманта – дураков нет. Только трупы. А вот маг жизни...

Рамон только фыркнул, услышав угрозу Ветаны. Ага, как же! Маг жизни не может причинить человеку вред. Осознанно – не может, весь его дар противится этому. Некроманты не выращивают цветочки, маги воды не разжигают костры. Любой маг в большей степени – придаток к своему дару, чем отдельная личность. Рамон точно знал, что угроза не стоит выдохнутого девушкой воздуха, но спорить не стал. Пусть у малышки остается иллюзия выбора. Женщины – такие странные существа, совершенно нелогичные.

Хорошо, что пока на все эти ритуальные танцы есть время. Хотя и не слишком много, он точно это знает. Храм тоже подбирается к лекарке. К *магу жизни*. Вряд ли уже догадались, кто именно этот маг, но появление храмовника в лечебнице – не к добру. Надо бы заехать туда. Разнести, что ли, все их имущество?

Пару минут Рамон посмаковал эту мысль. А что? Напился герцог, устроил пьяный дебош, раздолбал вдребезги храм – что еще ждать от Моринаров? Они же первые приспешники этих негодяев, Раденоров!

Нет, не стоит.

Тут надо действовать тоньше, аккуратнее...

* * *

Дома я заварила себе малину, бросила в горячий отвар ложку меда и присела в кресло. Почти улеглась, поставила ноги на скамеечку... Сейчас бы еще кошака, чтобы мурчал под рукой. Ох, какой тут кошка? Жизнь бы сохранить!

Поправка – привычную уже жизнь. Убивать меня никто не будет, какой дурак на это пойдет? Но вот остальное... Я ни на минуту не поверила герцогу. Кто бы на его месте отказался приобрести такой дар для своего рода? Нет, если брак состоится, он будет настоящим, более чем. Мне придется рожать детей от Палача, даже не сомневаюсь. А нужно ли мне это?

Нет.

Может быть, когда я только бежала из дома, это было бы... красиво! Беспомощная магичка, благородный спаситель, чувство благодарности и выросшая из него любовь, законный брак... Тогда – да.

А сейчас?

Нет уж, простите! Мне и так неплохо. Я привыкла быть самостоятельной, привыкла носить воду из колодца, содержать в чистоте и уюте маленький домик, жить среди простых людей. И променять все это на сомнительное звание герцогини Моринар?

Я знаю, что сказали бы мать и сестра, что сказали бы подруги, няня, может, даже и бабушка. *Вета, ты с ума сошла? Немедленно соглашайся и будь благодарна!*

Наверное, сошла. Но ни благодарности, ни желания согласиться я за собой не чувствовала. А вот желание уехать подальше...

Домик жалко. И Алетар. Я полюбила этот город. И Моринар полностью прав – в любом месте повторится нечто подобное. Я не теряю контроль над своим даром, но он растет, развивается и требует выхода наружу. Может быть, из-за постоянного контакта с людьми, непрерывного его использования. Но дальше-то он будет только расти!

Я сделала пару глотков взвара. Покатала на языке чуть терпкую, сладкую жидкость, насладились вкусом малины...

Бегство – не выход. Если понадобится, я буду разговаривать и с герцогом, и с королем! Видит небо, я справлюсь! Может, я и маг жизни, но загонять себя, словно зайца, не позволю! *Не верь ни свету, ни тьме. Не бойся ни жизни, ни смерти. Это две стороны одной монеты.* И не верю, и не боюсь, так-то!

И вообще, хватит сидеть в кресле! Не пора ли вам, дама, закончить то, что вы вчера начали? Там огород недопрополот, а вы изволите высокими размышлениями терзаться?

Берегитесь, сорняки!

* * *

Его величество Эрик смотрел на Рамона с выражением живейшего интереса.

– Маг жизни? Ты нашел его?

– Ее.

– Женщина?

– Девушка, ваше величество. Лекарка в лечебнице для бедных.

– Вот как? Расскажи подробно.

Рассказ Рамона Моринара занял пять минут, потом его величество кивнул.

– Что ж. Хорошая идея со свадьбой. Жаль, если девушка не согласится.

– Согласится, ваше величество.
– Рамон!
– Дядя Эрик, я даже не сомневаюсь, что она согласится. Рано или поздно, так или иначе. В крайнем случае могу попросить у вас ее руки.
– Ты еще не узнал о ее родителях?
– Жду сведений. Пока еще слишком рано.
Его величество кивнул, потянул за кончик длинной белесой косы.
– Думаю, кровь мага жизни окажется хорошим дополнением к существующему... Если что, потом посмотрим на детей. В королевскую семью такое, наверное, лучше не вливать, но... посмотрим. Посчитаем. Сам понимаешь, конфликт сил...
– Это и у нас возможно.
– Не путай. Демонской крови в вас сущие капли. А вот в королевской семье... Сам знаешь.

Конечно. Один из самых охраняемых секретов королей Алетара. Иногда, когда на троне оказывалась женщина, а за столетия со времени Алекса Проклятого случалось и такое, она не разменивалась на людей. Чтобы родить наследника трона, призывался демон.

Маленький демоненок воспитывался в Торрине, чтобы не допустить угрозы окружающим, а потом занимал законное место на троне. Так что... Короли Алетара – демоны на треть-четверть, а бывало, что и больше. Последний раз это случилось примерно четыре поколения назад, кровь успела разбавиться, но не сильно.

Демоны, метаморфы, некроманты, огневики... Куда уж тут мага жизни? Но положительных сторон здесь всяко больше, так что... не Рамону судить. И уж тем более – осуждать.

– Ваше величество, есть ли возможность узнать хозяина?
В ладонь короля лег маленький шарик, отданный Ветаной. Его величество чутко повел ноздрями.
– Кровь... Моринаров? Яд? Откуда?
– Из раны господина канцлера.

Рамон не стал ничего скрывать в надежде на разрешение проблемы, но его величество лишь покачал головой.

– Здесь только кровь Алонсо. Его найти можно, других – нет. Если бы в первый час после того, как яд оказался в ране...
– Жалко.

– Ничего, поищем другими методами, – отмахнулся его величество. – Не в первый раз. А когда найдем – будь уж любезен, не убивай сразу. Очень интересно, кому помешал мой друг.

Они с Рамоном переглянулись и согласованно, хищно усмехнулись. Да уж. Не в первый раз.

* * *

В лечебницу я шла уже вполне спокойно. Трудотерапия – превыше всего! В огороде не осталось ни одного сорняка, в корзине для белья – ни единой грязной тряпицы, а стекла и полы блестели чистотой. И настроение сразу улучшилось. Справлюсь. Куда я денусь?

В лечебнице было тихо и спокойно, уютно пахло лекарственными травами.

– Госпожа Ветана! – Линда улыбнулась мне. – Поздравляю!

– Спасибо, – в ответ улыбнулась я. – Жаль, отпраздновать вчера не довелось, но работа...

– Никто и не обижается, все понимают, – заверила Линда.

– Вета!

Бертен сгреб меня в охапку и прежде, чем я успела опомниться, поцеловал. Нельзя сказать, что у меня не было никакого опыта, – я и раньше целовалась. Два раза. Но не так же! Этот поцелуй получился слишком интимным и личным, уж точно не для общественности.

– Берт! – Я уперлась руками в грудь мужчины, вырываясь на свободу. – Прекрати!

Голубые глаза блеснули искрами.

– Вета, ты обиделась?

Я топнула ногой.

– Бертен, ты с ума сошел! На людях...

– А если наедине?

– Тогда – тем более нет! – отрезала я.

– А если я тебе предложу руку и сердце?

Я открыла рот. Потом закрыла. Сказано было шуткой, но что-то такое горело в глазах Сенара, не позволяющее легко отнестись к его словам.

– Я бы сказала – подумаю. А до конца размышлений – все равно ни-ни...

Бертен развел руками, к немалому удовольствию наблюдающей за нами Сиенты.

– Что ж... Лучше иметь жену, которая думает, а не которая соглашается.

– Вот я и не согласилась, – чопорно ответила я и направилась

переодеваться. Бертен с Сиентой посмеивались за спиной.

М-да, плохо. Кажется, меня уже поженили с Бертенем, и мне это решительно не нравится. То есть сам Бертен нравится, а вот возможность выйти замуж... пугает.

Хм, Вета, а ты не слишком многого хочешь? За герцога не собираешься, за лекаря (кстати, второго по счету) тоже нет, так что ж тебе надо?

Не знаю. Но точно не замуж.

* * *

Не успела переодеться, как в комнату ввалился – иного слова не подберу – служитель храма. Я взвизгнула, как можно более противно. Храмовник поморщился, но я честь честью извинилась.

– Ох, простите. Думала, кто из мужчин ломится...

Извинение бедолагу тем более не обрадовало.

– Я пришел благословить тебя, чадо, перед рабочим днем...

Я хлопнула ресницами, но спорить не стала. Опустилась на колени, как и положено^[20].

– Благословите, служитель...

– Благословляю тебя на труды во имя Светлого, дитя света.

И вот не сойти с этого места, если в сей момент меня магией не прощупали. По мою душу, что ли? А ведь похоже... Что делать? Сдерживать дар что есть силы.

Скорее всего. Сдерживать, контролировать, не допускать выплесков... И лечить магией тех, кто обращается в нерабочее время.

Получится? А видно будет...

* * *

День шел спокойно. Пара переломов, отравление, избитая мужем женщина, сам муж с проломленной головой – когда жертве надоело, она взяла скалку в руки, а была дама чуть не вдвое крупнее супруга... Ребенок со сломанной рукой...

И тут я впервые не удержалась. Храмовник сычом сидел в отведенной ему каморке. А если попробовать? Ну чуть-чуть? Самую капельку? Магия – это ведь тоже наука! Если на человека ведро воды выплеснуть, сразу

заметно будет, а если пара капель упала? Да сквозь одежду и не почувствуешь!

Я попробовала потихоньку, пара искорок сбежала по пальцам, и скрылась в переломе. Мальчик и не заметил. Храмовник тоже не вылетел с воплем: «Хватайте мага жизни!» Надо, надо посмотреть, что там у него в камерке. Хотя... я ведь не разберусь. Знаний у меня недостаточно, к сожалению. Но посмотреть все равно надо.

* * *

Намерения мои подождали бы до ночного дежурства, но... осуществилось все намного раньше. И взламывать замок не понадобилось.

В лечебницу явился Белесый Палач. Мило улыбнулся ошалевшей Линде, так взглянул на Бертена, что лекарь вздрогнул, небрежным кивком приветствовал расцветшего розой Харни и... поцеловал мне руку. Сволочь белесая!

– Госпожа Ветана, мое почтение.

– Ваша светлость...

Что бы еще сказал или сделал герцог, осталось неизвестным, потому что в этот миг из своего угла появился храмовник. Увидел герцога, сравнялся расцветкой со свежепобеленной стеной и вознамерился юркнуть обратно, да куда там!

– Стоять!

Замерли все. Даже больной, который по стеночке пробирался в отхожее место.

– Что понадобилось Храму в лечебнице для бедных?

Вопрос был задан вроде бы лениво и нехотя, но ты поди не ответь... Храмовник и не пытался.

– Предстоящий Фолкс решил, что при каждой лечебнице должен служить хотя бы один пастырь. Чтобы было кому утешать и напутствовать грешные души.

– Замечательное намерение! – горячо одобрил герцог. – А тут вы молельню оборудовали, да?

И пошел прямо на храмовника. Тот как стоял, так и вlepился в стеночку.

Герцог широко распахнул дверь.

Хм-м...

На молельню это походило, как я на куртизанку. Помещение было

заставлено какими-то приборами. Поблескивали золотые проволочки, пробегали искорки между драгоценных и полудрагоценных камней...

– Это теперь нужно для душенапутствия?

Рамон Моринар даже не язвил. Не издевался, не проскальзывали в его тоне ехидные нотки. Но выглядело ужасно.

– Это... для очистки!

– Душ?

– Это место долгое время было средоточием горя и боли. Чтобы впредь было легче...

Дальше я не слушала, подозреваю, что и герцог тоже. Вот ведь бред собачий! В каждой лечебнице кто-то умирает, а кто-то и рождается. Положительные и отрицательные эмоции перекрывают друг друга, и получается вполне нейтральное место. Уж всяко без очистки обойдемся.

Рамон осмотрел приборы, а потом вдруг улыбнулся – и воздел к потолку руку, несколько театральным жестом. По пальцам герцога побежали искорки огня, над ладонью сформировался крупный огненный шарик. Храмовник побледнел. И истошно взвыли приборы. Повернулись, указывая на герцога, стрелки, засветились драгоценные камни, побежали разноцветные огоньки, словно крича: «Магия! МАГИЯ!!!»

А ведь это на меня охотятся. То есть на мага жизни.

Видимо, это понял и Рамон, потому что шарик огня впитался в его ладонь, и герцог очень недобро поглядел на храмовника.

– Душенапутствие, значит...

Бедолага сравнялся цветом со стенкой и явно прикидывал, куда бы удрать.

– Эт-то... для очистки...

Кто-то поверил? Вот и я – нет.

Герцог посмотрел на печальное зрелище, покачал головой и вынес решение:

– Ладно, чистите. Но чтобы через два дня тут была приличная молельня. Лично приеду и проверю.

Судя по кислой морде храмовника – первой службой будет зауспокойная по некоторому слишком наглому герцогу, но Моринар и не подумал обращать на это внимания. Улыбнулся.

– Мне нужен полный список всех лекарей и служителей, которые в ту ночь занимались ранеными. Корона требует.

– Ваша светлость! – Прибежавший Растум так низко поклонился, что едва пол макушкой не задел. – Такая честь...

– Господин... Русум?

– Растум, ваша светлость.

– Да, именно так. Подготовьте полный список отличившихся в ту ночь. Кто был здесь, кто что делал... Да, ко всем относится. Коронная награда ждет своих героев.

Рамон многообещающе улыбнулся, а я вдруг подумала о другом, совсем другом.

– Ваша светлость, а почему – всем? – пискнул Харни.

– Чтобы никто не соврал, не приукрасил... И да, увижу, что все написано под диктовку – глотку вырву, – проинформировал герцог.

А ведь это не просто так, нет. Что ему – мало было бы списка от Харни? Для наград-то? Более чем достаточно. А герцог требует полного рассказа... Зачем?

Шарик. Тот самый, извлеченный из раны герцога. Который неясно как туда попал, но точно неспроста. Но если кто-то думает, что я нанималась сюда таскать каштаны из огня и разносить, кто виноват... Э нет! Мое главное желание – спокойно жить и работать, а с остальным герцог пусть сам разбирается.

Моринар правильно понял мой взгляд, отвесил на прощание поклон и удалился, сообщив, что через два дня явится за списками, тогда же и моленную осмотрит.

Скрипнув зубами, уполз храмовник. Растум перевел взгляд на меня.

– Вета, а с чего вдруг такая любезность со стороны герцога?

– Любезность? – так же искренне удивилась я.

– Он тебе руку поцеловал!

Глаза у Линды были большие-большие.

Я осмотрела запястье, потом кисть... Ничего нового на них не появилось и не убавилось.

– А что в этом такого?

– Это же герцог Моринар!

– И теперь ему запрещено быть вежливым?

Зря я это сказала. В глазах Линды зажегся опасный огонь, и в следующий час на меня бы вывалили всю подноготную, но – ура! Принесли мужчину с ножевой раной, и я отправилась работать.

Да здравствуют больные! Гхм...

* * *

Гентль Шир злобно посмотрел на подручного.

– Как так? Моринар?

– Сам Палач! Явился, словно его туда приглашали, и заявил, что дело хорошее, надо бы молельню сделать.

Гентль даже ногой топнул. Молельню? Всякому отребью? А не жирно ли будет! Он бы вообще таких тварей травил, как тараканов! Ибо недостойны жизни! Вот кому и зачем нужна эта... Эта дрянь помойная? Что они хорошего делают? Жрут, гадят, плодятся как мухи... все! Его бы воля, они давно были бы загнаны в специальные работные дома и трудились на благо высших, к коим Гентль причислял и себя. А что? Маг ведь, хотя и слабый! А потому заслуживает уважения!

Мысль о том, что Моринары тоже маги, да и посильнее, чем он, храмовнику в голову предусмотрительно не приходила. Все равно выгонят.

– Молельню ему... А приборы куда?

– Н-не знаю...

Гентль принялся расхаживать по комнате.

– Сегодня все было тихо?

– Д-да...

– Точно?

– Ну... Один раз мне что-то такое показалось, но... это могло быть что угодно.

– Нет! Это мог быть только маг жизни!

– Тогда он. Но или далеко, или рядом, но очень-очень слабо...

Гентль задумчиво кивнул.

– Либо у нас слабый маг, либо искусный.

Вложить в заклинание слишком много силы – известная ошибка. Гораздо труднее воздействовать точно. Кинуть огненным шаром – несложно, куда как труднее уколоть огненной же иглой в нужную точку.

– Ладно. Поговори с этим... как его?

– Растум.

– Вот-вот. Поговори с ним и скажи, что тебе нужна еще одна комната. Перенесешь туда приборы, а эту комнату сделаешь молельней. Понял?

– Да, служитель.

– Тогда иди!

Когда за подручным закрылась дверь, Гентль молча возвел глаза к потолку, в этот миг как никогда напоминая Шантра Лелуши.

– Светлый, ты видишь ЭТО! С какими идиотами приходится работать! И чего ему на месте не сиделось?

Светлый привычно молчал. Видимо, тоже обдумывал, с какими идиотами ему приходится разговаривать...

Ночной стук в окна давно не был для меня неожиданным. Правда, увидеть мордочки двух беспризорников я все же не ожидала. Но открыла.

– Шнурок! Шнырек!

Шнурок был по-прежнему растрепан, вихраст и теперь уже вполне доволен жизнью. Шнырек же...

Мне было просто приятно смотреть на мальчишку, которого пришлось собирать малым не по частям! А сейчас почти здоров! Силы-то я в него влила – каждому на зависть!

– Здравствуйте, госпожа Ветана! – хором проговорили мальчишки. – А мы вам рыбки принесли!

Рыба была шикарной. Свежепойманной и еще хлопающей жабрами. Но... так я и поверила, что ради благодарности они пошли ночью ко мне. Да еще с рыбой.

– Ну, раз сами принесли, сами и чистите, – усмехнулась я. – А я сейчас поджарю. Будете?

У мальчишек явственно потекли слюнки. Но...

Слово взял Шнурок, как более опытный.

– Госпожа Ветана, вы уж простите... Мы по делу.

– Что случилось?

– Главный наш, Косяк, ногу сломал.

Я вздохнула и принялась собирать сумку.

– Рассказывайте.

А чего тут было рассказывать?

Шел, оскользнулся, упал, очнулся – нога торчит под нехорошим углом, на глазах опухает и болит – аж жуть! Конечно, стайка своего главаря не бросит, но помочь-то ему надо! Вдруг еще воспалится что, или хромоть будет... А он, между прочим, в ученики хотел со следующего года. К одному капитану на борт напросился, может, хромота в море и не порок, а все же...

Я сунула Шнырьку пару длинных дощечек, которые для меня лично выстругивал десятками местный столяр. У него оставались отходы производства, и подходящие переправлялись ко мне. На лубки. Разных размеров, толщины... Денег с меня за это не брали, все равно уходила продукция влет. То детям, которые носятся по всем скалам и дырам, то их родителям. Главареныша я примерно помнила, думаю, этих хватит. А если длинны будут – потерпит. Или отломают по размеру.

– Он вас послал или сами пришли?

Мальчишки переглянулись, вздохнули, потупились...

Верилось плохо.

– Ладно. Сделаем вид, что сами. Дадим возможность вашему Косяку сохранить лицо.

Шнурок весело тряхнул вихрами.

– Видишь, Шнырь! Все она понимает! А ты говорил...

Я усмехнулась. Насколько я догадалась, сломавший ногу главарь сначала гордо ругался, а потом, когда начал соображать, что может остаться или без ноги, или калекой, решил попросить единственного лекаря, который точно не откажет. Потому как дура. Меня. Рыба же, видимо, служила оплатой за прошлый раз и задатком за этот. Но не отказывать же?

– Ладно, пойдемте. Эх, опять мне рыбу самой чистить...

– А я ее снаружи вам подвешу, под козырек, чтобы кошки не добрались, – заюлил Шнурок. – Или, если хотите, буду вас обратно провожать, тогда и почистим...

Я махнула рукой. Судя по звездам, когда мы обратно пойдем, поспать уже не удастся.

– Ладно. Тогда и пожарим, и съедим.

Мальчишки не возражали.

* * *

Главареныш лежал там же, где и в прошлый раз. Только сейчас вид у него был куда как хуже. Белое лицо, прокушенная губа, слез, правда, нет, но ему определенно больно. И нога... М-да. Закрытый перелом, да еще со смещением. Но, кажется, без осколков.

– Как это ты так паршиво?

– На камне поскользнулся, а там – другой камень. И я на него упал неудачно, – скрипнул зубами мальчишка.

Нога опухла так, что смотреть было страшно. Хорошо хоть, штаны снять догадались, успели...

– Ладно. Скажи ребятам, пусть воду греют.

Говорить и не надо было, мальчишки без напоминания шустрили по пещере. Я достала маковое молочко, капнула немного на ложечку, прикинула на глаз дозу, добавила еще одну каплю к двум имеющимся.

– Слизни.

Косяк послушался.

– Горько.

– Зато больно не будет. Ногу сложить надо, вытянуть... Это неприятно. Успеешь еще наплакаться.

Парень кивнул и откинулся на спину. Глаза его постепенно мутнели.

Я осторожно прощупывала кость. Дар тоже работал, но не в полную силу, так что заметно не было. Перелом. Со смещением. Действительно без осколков, что уже неплохо. Надо вытянуть ногу, так что понадобится помощь, одна не справлюсь.

Я оглядела мальчишек, приглядывая тех, кто покрупнее.

– Так... вот ты и ты. Вас как зовут?

– Кулак.

– Бочонок.

– Сейчас помогать станете. У него кость сломалась, а края кости сдвинулись. Если не сложить – плохо будет. Я буду вытягивать ему ногу, чтобы свести осколки, а вы – его держать, где я скажу. И крепко. Справитесь?

– Поможем! – опять вылез вперед Шнурок.

Я покачала головой.

– Тут кто покрупнее нужен. Не обижайся.

Мальчишка и не подумал обижаться.

– Еще тогда Буфета возьмите. Он сейчас воду принесет.

Когда все было готово, а Косяк крепко уснул, я принялась за дело. Мальчишки держали, я тянула что есть сил и чувствовала, как смещается кость. Тут уж пришлось плюнуть на все и контролировать своим даром, чтобы отломки встали на нужные места. Впрочем, кто это заметит в полумраке пещеры? Это же не полноценное вливание дара, тут внешних проявлений почти нет.

Наконец кость совместилась, искалеченная нога сравнялась по длине со здоровой, я ловко зафиксировала ее, наложила лубки и принялась обматывать бинтами. Эх, как же мне не хватает грамотного ассистента!

Но я и так справилась! И с переломом, и с добавлением силы к месту раны. Каждый раз, когда моя рука оказывалась внизу, скрытая ногой пациента, с пальцев сползали искры, впитывались под повязкой.

– Ему теперь надо лежать... дней десять. Потом я приду, осмотрю ногу. Переломы быстро не заживают, начнет дергаться – кость опять сместится и хромать он будет всю оставшуюся жизнь. Или нагноение начнется, придется резать. Объясните ему это.

– А в туалет?

– Утку купите, – окрысилась я. – Тазик под попу подсуньте! Но чтобы

лежал!

– А...

– Что он – здесь себе применения не найдет?! Пусть вон обед на всю ватагу готовит! Подтащите ему все необходимое поближе... Ну и проводить будете. Сможете?

Мальчишки запереглядывались, а потом закивали. Мол, сможем.

– Вам бы костыли...

– Мы сделаем, я у столяра учился, – вытянулся Шнырек.

– Это хорошо. Сейчас нарисую – какие. Конечно, ему бы месяц полежать, так ведь не получится?

– Не на что, – вздохнули мальчишки.

Я покачала головой.

– Его бы тоже к нам в лечебницу...

Вообще, такой перелом заживает долго. Месяц бы парню провести с вытянутой ногой, потом еще месяц, пока кость срастется, и еще третий месяц. Но это для домашних мальчиков. А я Косяка тоже взять к себе не могу. Да он и не пойдет. Что я могу – ускорить заживление примерно втрое. Выплесни я всю силу, он бы вообще завтра-послезавтра бегал что тот конь, но и храмовники бы забегали. Не стоит. А так и по чуть-чуть, и незаметно, и нагноения не будет, и кость срастется быстрее.

– Он не пойдет, – протянул Шнурок.

– Да я и не предлагаю. У нас сейчас места почти нет. Храмовникам наши, а больным – отказываем! – чуть не плюнула я.

Мальчишки переглянулись.

– Храмовникам?

– Ну да. Сделали у нас какую-то гадость...

И тут мне в голову пришла мысль, как устроить ответную пакость храмовникам. И я спокойно описала и комнату, и ее расположение, и все, что туда натащили храмовники, особо напирая, что все приборы в основном из драгоценной проволоки и камешков и что лечебница не закрывается...

Кажется, Косяк тоже меня слышал, хотя и притворялся, что спит.

Я понимала, что подталкивала детей на нехорошее дело. Но... Прибор найти несложно. А вот камешки и проволоку – намного труднее. Уж это-то я отлично знаю. Если прибор украдут и разберут на составляющие, они ничем не будут отличаться от обычной ювелирки. И потом, Храм обязан помогать нищим и обездоленным? Обязан! У них так в книге Светлого записано! Вот и пусть помогают! А размер помощи и ее вид обездоленные и сами выберут. Даже сами возьмут, чтобы храмовники не утруждались

лишний раз!

* * *

Дома я накормила Шнурка и Шнырька жареной рыбкой и пригласила заходить через десять дней. А потом отправилась на работу. Меня ждал новый и не самый легкий день.

* * *

Нелегкий день был и у Рамона Моринара. Пока дядюшка болел, его величество с легким сердцем навесил на Палача обязанности канцлера. Хотя Рамон чуть ли не слезно просил топор и плаху.

Как же! Его Издевательское Длиннохвостое (и ядовитохвостое) Величество ответствовало, что репутацию поддерживать надо. Так что изволь пугать народ. А то палач неубедительный получится. От обязанностей не освободил, но дал приказ доставить в кабинет канцлера топор и плаху. И притащили ведь.

Сволочи!

Так что Рамон был не в лучшем настроении, когда Темный принес к нему в гости тиртанского посла.

– Я заявляю протест!

Подобных заявлений Рамон и в лучшие-то дни не терпел. А уж сейчас...

– И по поводу чего протестуете? Да вы садитесь, располагайтесь. Будьте уверены; мы во всем разберемся.

Мягкость голоса Палача насторожила бы любого. Но тиртанец с ним знаком не был и ошибочно принял ласку за уступку. Наивный посол попробовал надавить.

– Мое государство и мой правитель заявляют протест против неспровоцированного нападения на наши мирные корабли в ваших территориальных водах!

– Мирные, значит?

– Да!

– А что оборудованы для перевозки рабов – это как?

– Глупости! Ерунда! Тиртан подобным не занимается!

– Конечно. Таким некрасивым делом на нашей территории занимается

трей Лантар. А своего господина, значит, он в известность не ставит? Ах, как нехорошо...

– Трей не может вести работорговлю! К чему ему это?

– К тому, что работорговля повсеместно запрещена? К тому, что рабы – дорогой товар? Даже если треть умирает по дороге, оставшихся все равно можно продать за приличные деньги.

– Да какие там деньги, герцог? – Посол уже подуспокоился, решил, что дело на мази, и позволил себе доверительный тон. – Сколько может стоить один раб на рынке? Медяки! А оборудование судов? А перевозка? Поверьте, затраты не покроются! Уж точно не портовым отребьем!

Рамон покачал головой. Мило улыбнулся, оперся локтями на бумаги. Посол занервничал, но бежать было поздно. Да и некуда.

– А у меня другие цифры. Вчера из трюма одного корабля извлекли порядка тридцати человек, из второго – около пятидесяти. Мужчины – вполне здоровые и крепкие, на рынках Тиртана такие потянут по тридцать-сорок монет золотом. Женщины – тоже на отбор, от двадцати монет и выше, я знаю, сколько платят за некоторых рабынь на рынках Тиртана, хоть и не бывал там. Дети... тоже дорого. По самым простым прикидкам, рейс «Черного зайца» должен был принести трею больше тысячи золотом. Зараз. А есть еще и «Зубастая девушка».

Они бы вышли в море, передали рабов на галеры... Кстати, галеры мы тоже захватили. По их поводу вы не протестуете? Ах, не знаете? Так сообщаю. Сразу же после захвата работорговых судов были проведены допросы, и наши корабли вышли в море. Захвачены три галеры. На них, кстати, еще около двух сотен рабов. Даже по двадцать монет за каждого – четыре тысячи золотом. И такой рейс совершался раз в месяц, уже несколько лет. Посчитаем? Только с Алетара они собирали на четыре-пять тысяч каждый месяц. В год это шестьдесят тысяч золотом, по самым скромным меркам. Сколько у нас стоит построить корабль? Оснастить его приспособлениями? Тысяч шесть золотом? Восемь?

Корабли окупили себя в первый же год, а трей промышляет этим уже давно, сынок его признался. Лет шесть как трей договорился с кем-то в Алетаре. С кем – сынок не знает, но все же, все же...

– Шесть лет?!

– Да. За шесть лет богатство трея значительно выросло, а вот население Алетара уменьшилось. Согласитесь, это непорядок.

Рамон улыбался вовсе уж людоедски. Под пальцами проскальзывали искорки огня, но дубовый стол пока еще держался. А вот посол становился все бледнее.

– М-мы... Это вранье!

– Конечно, вранье. Так трей и будет кричать. Что там полагается по вашим законам за работорговлю?

– Н-ничего.

– А по нашим – долгая и мучительная смерть. Так... Где там ваш протест?

Рамон аккуратно взял бумагу. Собрался разорвать, но та вспыхнула в пальцах.

– Ах, какая незадача. Но я не оставлю вас с пустыми руками.

Белесый Палач ловко подхватил лист пергамента самыми кончиками пальцев, макнул перо в чернильницу, написал несколько строчек, посыпал песком, ловко свернул – и отдал послу.

– Вот это отправите домой. Передайте, что ответ мы ждем не позднее чем через десять дней.

– А...

– Да не волнуйтесь так, нет там ничего страшного. Просто если нам не выдадут трея Лантара со всем семейством, живого, здорового и способного сдать своих компаньонов, я лично сровню с пылью весь Тиртан. Давно пора.

– К-как?

– Как сровню? Не знаю. Может, вот так?

В ладонях Рамона все ярче и ярче разгорался огненный шар. А потом мужчина метнул его в принесенную плаху. Вспышки не было, грохота тоже. Просто на пол осел легкий серый пепел. И так же на пол осел лишившийся чувств посол.

Рамон печально вздохнул, встал из-за стола, без церемоний запихнул за шиворот посла свиток пергамента, похлопал по щекам – нет, бесполезно. Водичкой полить? Так нету. Не принесли. И вообще, письмо расплывется... Ладно!

Дверь была распахнута пинком.

– Убрать мусор! Доставить в посольство Тиртана!

Приказание было выполнено в мгновение ока.

Рамон хлопнул дверью кабинета и вернулся к бумагам. Он ни словом не соврал послу. Рабы – выгодный бизнес, если их не покупать, очень выгодный. Но кто прикрывал тиртанца шесть лет?

Нет ответа. Пока – нет. Но мы же люди упорные, мы обязательно поищем. Найдем. Под каждый камушек заглянем в процессе поиска, вы не думайте! М-да... Слуг позвать, пусть подметут здесь, что ли?

Апчхи! И надо ему было плаху испепелять?! Лучше б в стену...

* * *

Ночь прошла спокойно, но только у меня. А вот следующее утро порадовало. Я была очень довольна. Храмовник вопил на всю лечебницу. Харни Растум изображал статую отчаяния, служители переглядывались и перешептывались.

О ужас, о горе! Ночью кто-то влез в комнатуху, отведенную уважаемому служителю Даеру, и вынес оттуда все самое ценное! Что именно? Это не важно! Важно, что ограбили ХРАМ!!! В его личном лице! Со священных книг – и то обложки посдирали! Сами книги, кстати, оставили.

Я покачала головой.

– Вообще, у нас в лечебнице никогда раньше?..

– Никогда не воровали! – согласился Харни. – Конечно, кое-что мы запираем, все же ценность, но к нам никто и никогда не лез!

– Тогда это преступление против Храма! – пафосно возгласил храмовник.

Я разбираться не стала.

– Это дело стражи, а я пошла работать.

И ушла, чувствуя спиной злые взгляды. Интересно, за что? Между прочим, лично я ни в чем не виновата! Нигде не сказано, что это мальчишки. А если даже и они... И что? В чем трагедия?

Зато сегодня я смогу работать нормально. Храмовник беседовал со стражниками, потом отправился куда-то по своим делам, а я прошлась по палатам с личным обходом, добавляя силы там, где не справился бы сам человек. Или справился, но позднее.

Не знаю, кто именно стащил приборы у храмовников, но я очень благодарна этому человеку. Надеюсь, восстановить их не слишком просто!

* * *

Гентль был в шоке.

– Украли?!

– Да...

– КАК?!

– Н-навверное, ночью, – пискнул служитель и удрал, потому что Гентль был в ярости.

Мужчина заметался по комнате, пиная ногами мебель. Как же сложно с этими тупицами! Как же тяжело! Вот кто мог... Кому могло понадобиться... Хотя нет! Вопрос поставлен неправильно! Не успели перенести приборы, как их своровали! И ведь продадут по частям, не понимая настоящей ценности похищенного!

Гентль перестал беситься и призадумался. Потом вызвал подручного и принялся расспрашивать. И спустя полчаса узнал, что:

- В лечебнице никогда раньше не воровали. Не принято-с...
- О наличии приборов знали все – кракен сожри мерзавца Моринара!
- Приборы разок-другой пытались что-то зафиксировать, но что – непонятно. Нет, вряд ли маг жизни, такой наглости никто не наберется – колдовать рядом со служителем!

С последним Гентль мог бы сильно поспорить, но к чему тратить время на дураков? Он сильно подозревал, что это – происки мага жизни, узнавшего о том, что его разыскивают. Организовать кражу несложно.

А не прогуляться ли самому в лечебницу? Не посмотреть ли, кто там такой интересный водится? О своих умственных способностях Гентль Шир был очень высокого мнения. Уж он-то мага жизни вычислит в две минуты! И судьба Шантра ему не грозит наверняка! Он же умный! А Шантр хоть и был умный, а все равно дурак...

Обязательно надо сходить, посмотреть...

* * *

Присланная за мной карета была большой, богато украшенной и... с гербом Моринаров на дверце. Лакей тоже был образцом почтительности, хоть на стену вешай. Пришлось садиться и отправляться с визитом, но... к Алонсо Моринару.

Лим встретил меня у входа в дом. С радостным визгом повис на шее, вцепился клещом.

– Тетя Вета!!!

Обняла мальчика.

– Здравствуйте, виконт.

– Тетя Вета!!! – возмущенно заверещал будущий герцог, таща меня за руку по лестнице. – Прекрати меня так называть! Я же Лим, ты знаешь!

Навстречу уже спешила герцогиня, сегодня ничем не напоминая отчаявшуюся женщину с причала или не менее отчаявшуюся возможную вдову. Сейчас Линетт Моринар блистала. Переливалось перламутровым

шелком платье, поблескивал жемчуг в ушах и на шее...

Я на миг ощутила зависть, но потом одернула себя и чуть поклонилась. Можно завидовать платьям... Можно. А Линетт отдала бы все, чтобы уметь лечить, я уверена. Потому что когда у тебя на руках умирает близкий человек, а ты помочь не можешь, тут не то что жемчуга – душу продашь и жизнь отдашь!

– Ветана! Вы позволите мне так вас называть?

Линетт Моринар крепко обняла меня. Я даже отстраниться не успела.

– А...

– Ветана, милая, вы мою семью спасли! Спасибо вам! И за мужа, и за сына...

По щеке герцогини ползла слезинка. И платье у меня подозрительно намокало.

– Если бы Алонсо умер... Не знаю, как бы я без него... и Лим... я... вы мне... Нет таких слов! Я все для вас сделаю, все! Только скажите!

Увы, того единственного, что мне было нужно, герцогиня дать и не могла. Даже по ее просьбе меня не оставят в покое.

* * *

Канцлер, не дождавшись нас в неизвестном «там», тоже вышел в гостиную. И кое-как отлепил от меня герцогиню.

Вовремя. Я уже собиралась напоить ее успокоительным, чтобы бросила размазывать по мне свои... эмоции! Раздражает, знаете ли!

– Линетт, ты совсем засмущала нашу гостью.

Линетт Моринар покраснела.

– Ой... Я... Простите, Ветана.

– Вета, – вздохнула я. – Можете называть меня Вета, ваша светлость.

– А я для вас просто Лина! Вета, прошу вас!

– Мне не по чину, ваша светлость...

– Это легко исправить. Хотите дворянство? Личное? От короля?

Канцлер дружелюбно улыбался, но обмануть меня было уже сложнее. Начиналась большая игра.

– К чему мне дворянство, ваша светлость?

– Чтобы выгодно выйти замуж?

– Жена-лекарка? У кого-нибудь из высокородных? Шутить изволите, ваша светлость?

Я мило улыбнулась. Даже и не рассчитывайте. Этим меня не привязать

и не поймать.

Канцлер тоже это понял, поджал губы.

– Вы несправедливы к себе, Ветана. Вы умны, красивы, могли бы сделать хорошую партию.

– Не оскорбляйте меня, ваша светлость, не надо.

– Оскорбляю? Я вас? – Канцлер искренне удивился.

Я вздохнула.

– Вы же сами говорите, что я умна. И тут же предлагаете мне уйти из своего мира – в чужой. Меня отвергнут здесь и не примут – там. Я нигде не найду себе места. А что ожидает моих детей? Они станут стыдиться матери? Которая – всего лишь! – лекарка из лечебницы для нищих!

Алонсо Моринар покачал головой. Кажется, под таким углом он свое предложение не рассматривал.

– Всегда можно найти человека...

– И даже людей, которые окажутся выше этого. Но хотелось бы не искать, а просто жить.

Так тебя. Обойдусь и без благ, и без благодарностей! Сама справлюсь!

– И все же мне хочется отблагодарить вас, Ветана.

– Ваша светлость, его величество уже...

– Это – за корабли. И за рабов тоже.

– Да, люди были в ужасном состоянии. Я не понимаю, на что они рассчитывали, ведь довести их до... куда везли рабов?

– В Тиртан.

– Это далеко. Многие не выдержали бы дороги.

– Неподалеку ждали специальные рабские галеры. Здесь, в этой душегубке, людей просто собирали. Потом усыпляли, грузили на корабли, специально оборудованные для кратковременной перевозки. Они выходили в море, получали груз пряностей или тканей, или чего-то еще, пересаживали рабов на галеры и отправлялись в другой порт. Там целая система. Ничего, мы еще разберемся с этими крысами!

Я покачала головой.

– Сколько же люди сидели в этой... крысоловке?

– Дней двадцать, не больше. Это те, кто дольше всего. Товар пострадать не успевал. Не слишком сильно.

Я выругалась.

Алонсо Моринар даже и не подумал укоризненно покачать головой – видимо, мог сказать и похуже. Да и что тут скажешь? Мрази! Просто... нечисть и нелюдь! Их бы так! Кажется, последние слова я произнесла вслух, потому что канцлер усмехнулся. Очень ядовито, зло и холодно.

– Поверьте, Ветана, им это еще раем покажется. Его величество очень плохо относится к подобного рода промыслу.

– Надеюсь.

– Просто поверьте мне. И давайте вернемся к нашей теме. Я хочу отблагодарить вас за помощь. Чего вы хотите?

Я подумала. А чего я и правда хочу? Деньги? У меня есть. Может, не так много, но хватает. Я не куплю себе горностаевое манто, но дубленка, приобретенная недавно на зиму, вполне теплая и удобная. И мне к лицу. Дом? То же самое. Мне ни к чему дворец! Перебьюсь! Карета? Она будет замечательно смотреться в моем палисаднике. И огород можно пропалывать в бриллиантах...

Я покачала головой.

– Ваша светлость, у меня все есть.

– Вы так полагаете, Ветана?

– Да. Я сейчас думала и поняла, что я счастливый человек. У меня есть все необходимое. И возможность заработать на то, чего не хватает.

Канцлер покачал головой.

– У вас нет одного, Ветана. И я в силах дать вам самое важное.

– Что же именно?

– Защиту.

Удар попал в точку. Я прикусила нижнюю губу. Больно...

– Вы прекрасно понимаете, что маг жизни – это добыча. Уязвимая добыча. Вдвойне уязвимая из-за того, что вы женщина.

Спорить сложно.

– Защита – это закрыть меня в подвале? К примеру?

– Мое поместье не похоже на подвал, Ветана. И я готов предоставить вам убежище в любой момент. Хотите?

Я подумала. Медленно покачала головой. Клетка. Та же клетка. Только более просторная и с доброжелательным тюремщиком.

– Нет, ваша светлость. Не хочу.

– С вами сложно иметь дело, госпожа Ветана.

Я развела руками.

– Ваша светлость, может, вы попробуете быть откровенным? Говорят, помогает?

– Издеваетесь?

Особенно недовольным канцлер не выглядел. Даже наоборот. Конечно, с его опытом он гораздо лучше просчитывает противника. И понимает, что легко я не сдамся. Только вот ключика пока подобрать ко мне не может, потому что нет его – ключика. Нет ничего, чем можно меня шантажировать

или запугивать. Ничего.

– Как бы я посмела, ваша светлость?

– А есть что-то, чего вы не посмеете, Ветана? Вы маг жизни и в этом качестве чрезвычайно ценны для государства.

– Я знаю... Но неужели я одна?

– Говорят, кто-то есть на службе у Храма. Говорят. Но... Когда Лим болел, я искал мага жизни. Мне делали предложения, мои люди их проверяли... Это была ложь. Просто ложь.

– Думаю, вы тоже будете лгать, если я соглашусь. Кстати... На что я должна согласиться?

– Вот на это.

На стол лег небольшой свиток.

Я взяла, развернула, вчиталась. Щедро. И я не думаю, что это канцлер. Дворянство, маленькое поместье неподалеку от столицы (из коронных земель, что лишний раз свидетельствует об участии короля), крупная сумма денег.

А что в обмен? Почти ничего. Просто я считаюсь дворянкой Алетара со всеми вытекающими. Например, его величество может подобрать мне подходящего супруга. Или приказать безвыездно сидеть в поместье. Или заставить отказать больному...

Спокойно. Сейчас я более свободна. У меня ничего нет, но мне ничего и не надо. Сгорит мой дом – найду другой. Уеду из Алетара – городов на свете много, и люди везде болеют.

Только канцлеру это не нужно. Ему хочется привязать меня покрепче, а нечем. Нет у него ничего такого.

– Спасибо, ваша светлость, но для простой лекарки это слишком много. Вас не затруднит передать его величеству мои слова?

Канцлер дернул бровью.

– Его величеству?

– Не сами же вы выделяете мне кусок коронной земли?

– Простая лекарка, которая разбирается в таких вещах? Забавно...

Я поджала губы.

– Ваша светлость, а почему я не должна разбираться? Что в этом странного? Или если из простонародья, то сразу и дура?

– Не передергивайте, Ветана. Вы определенно отказываетесь?

– Абсолютно.

– Тетя Вета, ты не хочешь быть дворянкой? – Я и забыла про герцогиню, про Лима, а они были рядом. И сейчас мальчик взобрался мне на колени и обнял руками за шею. – Тетя Вета, почему?

– Потому что дворянство – это не права, а обязанности. Тяжелые для моих плеч, Лим.

– А папа поможет.

Ага, поможет он! Увязнуть поглубже!

– Нет, Алемико. Я не справлюсь с тем, что предлагает твой папа, а значит, и братья не стоит.

Алонсо картинно вздохнул.

– Тогда у нас безвыходная ситуация, Ветана. Вам ничего не надо. И того, что предлагает Корона, – тоже не надо.

Я покачала головой.

– Ваша светлость, я ведь не отказываюсь помочь. Я помогла вашему сыну, помогла вам, буду продолжать помогать людям. Зачем делать меня инструментом в руках Короны? Да еще – так. Я же понимаю, что если возьму это поместье, то до конца жизни не отработаю.

– Уже отработали. Его величество благодарен вам за мое спасение.

Я потеряла лоб.

– Ваша светлость, а кто все же поместил в рану этот шарик?

Канцлер перестал улыбаться.

– Не знаю, госпожа Ветана. Не знаю. Но обязательно разберусь.

– Сложный способ убийства, вы не находите?

Алонсо фыркнул.

– Сразу видно, что вы – лекарка. Спасти человека можете, а вот убить его...

– Уж простите, ваша светлость. – Я не обиделась, видно было, что надо мной тепло подшучивают. – Не та специализация.

– Вы не думали, как меня можно убить?

Нет. Не думала. Делать мне больше нечего...

– По улицам я так просто не хожу, защитных амулетов на мне – как на моднице кружев, да и маг я все-таки. Хотя и не из сильных. Отбиться смогу или удрать.

Я потеряла переносицу.

– Понимаете, ваша светлость, уж больно странный способ убийства. У кого-то этот шарик должен был быть, да под рукой...

– Вот, Вета. В корень смотрите. А вы понимаете, что это означает?

Хлопнула глазами. Куда бы я ни смотрела, но – не понимаю.

– Что я не первый, кого убили подобным образом.

Я некрасиво открыла рот.

– Н-но как?

– Вот так. Маг воды не найдет причину, а обычный человек сгорит

намного быстрее мага.

Я подумала пару минут.

– Да, пожалуй. Будь вы не магом, а простым человеком... И еще господин Дирот – замечательный специалист...

– День?

– Может, даже меньше. Рана загноилась, началась горячка, и не спасли.

– И проверять никто не станет. Мало ли чем там был смазан клинок?

– Но зачем это – в лечебнице для бедных? У нас же никто...

– Может, у вас просто проверяли технологию? Это возможно?

– Вполне, – подумав, решила я. – Контингент у нас подходящий, половины никто не хватится, а еще треть... Родные порадуются, что избавились.

– Сам шарик, место закладки, аккуратность исполнения, яд...

Я только головой покачала. Как-то все это сложно, очень сложно. И надо бы заканчивать этот разговор.

– Я могу идти, ваша светлость?

– Да, Вета. И подумайте, пожалуйста, над моим предложением.

– Обещаю, ваша светлость, подумать над предложением, пока оно не стало приказом.

Алонсо смотрел с грустной улыбкой.

– Ветана, этого никто и никогда не сделает.

– Разве?

– Как вы думаете, почему так мало магов жизни? Магов воды, земли, огня – много. Даже некромантов по Алетару сейчас хватает. А вот жизни...

– И почему же?

Мне стало интересно. А ведь и верно... Ладно, маги разума – те могут сойти с ума, если дар прорежется слишком рано, да часто и сходят. Но жизни?

– Потому что если вас ограничивать, вы перегорите.

Сначала я не поняла.

Услышала, обдумала, но не поняла. А потом...

– Вы хотите сказать, что...

– Если вы раз откажете, два откажете, три... Рано или поздно количество перейдет в качество. И дар просто начнет слабеть. Магия жизни не прощает подобного поведения.

– Темного крабом!

Вот теперь все становилось на свои места. Конечно же! Любой дар можно пережечь! Магам воздуха, к примеру, достаточно вложить слишком много сил, и они могут перегореть. А магам жизни... Их же запирали,

удерживали всеми правдами и неправдами, заставляли работать на себя.

Этого принять, тому отказать, а быдло вообще на порог не пускать! Вот дар и перегорал. Я начала работать в лечебнице для бедных и понимаю, что он усилился. А если бы отказалась от работы, лечила только богачей и за большие деньги, и сама попала бы в эту ловушку.

Лекарь – это ведь не тот, кто большие деньги требует, а тот, кто работает не покладая рук. И не на деньги смотрит, а на болезни.

– И вы хотите того же для меня?

– Нет, Ветана. Я хочу, чтобы вы стали... ближе к Алетару.

– Я и так делаю все возможное.

– Откуда вы родом, Ветана?

– Не думаю, что это имеет какое-либо значение, ваша светлость.

Канцлер пристально посмотрел на меня.

– Ветана, вы пользуетесь тем, что я благодарен вам и не могу угрожать.

– А чем вы можете мне угрожать, ваша светлость?

Алонсо Моринар прищурился.

– Тюрьмой, к примеру. Каторгой. пытками.

Я пожала плечами.

– Конечно, можно. Но сохраню ли я при этом дар?

– Не уверен.

– Вот видите, – развела руками я. – Велика вероятность того, что вы получите искалеченное существо вместо мага жизни. И лечить я не смогу.

– Да, с вами выгоднее работать пряником, а не кнутом. Но это не значит, что кнута нет.

– Да, ваша светлость. Безусловно, кнут есть.

– Папа!

Теперь Лим смотрел на отца. А я улыбалась. Да, со мной много что можно сделать. Но угрожать мне в присутствии жены и сына канцлер не станет – не дурак.

– Ветана, вы же все понимаете. И не хотите пойти навстречу?

Я вздохнула.

– Ваша светлость, вы тоже все понимаете. Меня все устраивает. Я благодарна за то, что у меня есть, но большего мне не надо. Просто жить в Алетаре и спокойно работать. И если ради этого потребуется оказывать Короне определенные услуги – я не возражаю. До определенного момента.

– Какого же?

– Я не стану отказывать больным людям. Мне не важно, герцог или крестьянин. Право на лекаря имеют все.

– А на мага жизни? Вас на всех не хватит.

– Пока – хватало, – обиделась я. – А если кто-то пустит сплетню обо мне, я не проиграю. Проиграет сплетник.

Канцлер понимал это не хуже меня.

– Да, вы – ценный приз. Скажите, Ветана, а если к вам приставят охрану?

Я подумала пару минут.

– Ваша светлость, ко мне приходят самые разные люди. И не всегда законопослушные. Я и воров лечила, и продажных девок...

– И не позвали стражу?

– Ну... я же воров за руку не хватала.

Канцлер кивнул.

– Допустим, охрана будет незаметна.

– Тогда я... подумаю, – чуть уступила я.

Охрана...

Соглядатаи? Это больше похоже на правду. Но протестовать бессмысленно. Все равно они будут, так или иначе.

– Спасибо. Мне не хотелось бы... давить. Я обязан вам и отлично это понимаю. Но и вы поймите. Есть интересы Короны. Против них я не пойду.

Я кивнула. Поцеловала Лима куда-то в нос, куда попала. Мальчик захихикал.

– Тетя Вета!

Ссадила его в кресло и присела в реверансе.

– Мне пора, ваша светлость. Спасибо за уделенное время.

– Оставайтесь на ужин, Ветана.

Я покачала головой.

– Спасибо, ваша светлость, но...

– Тетя Вета! Пожалуйста!

– Ваша светлость, это нечестно.

Линетт Моринар улыбалась мне.

– Вета, пожалуйста. Мы все вас просим...

И что оставалось делать?

* * *

Домой я попала ближе к полуночи. Уставшая, вымотанная и злая. Да, маскируйся, не маскируйся, а все равно уши лезут. Не получается из меня приличной простолюдинки. Вряд ли те знают, как правильно есть креветки

в сложном винном соусе! Не пользуются салфеткой автоматически и не подозревают, что в чашах с розовой водой принято ополаскивать кончики пальцев.

Вести себя за столом как свинья я бы не сумела при всем желании. Я не актриса из бродячего цирка, не смогу отыграть это достоверно, и получится смешно и глупо. А потому я просто отдалась на волю волн.

Надолго ли хватит моей легенды о том, что я всего лишь незаконная дочь? И что мне делать? Я чувствовала себя, как мышка в ловушке. Крышка захлопнулась, и можно сколько угодно метаться по ящику – это уже ничего не изменит. Совсем ничего. Остается только принять покровительство Короны, желательно на моих условиях и выгодно поторговавшись.

Что ж я за дура такая? Предупреждала же бабушка...

* * *

Канцлер проводил магессу и стоял смотрел в окно, пока Линетт не коснулась его руки.

– О чем ты думаешь?

– О том, что к девочке надо приставить охрану. Чем раньше, тем лучше.

– Надо, – согласилась Линетт. – Хорошая девочка.

– Явно из благородных? – прощупал почву канцлер.

Линетт согласно кивнула.

– Это заметно. В ней прослеживается порода, и не только. Еще воспитание, образование...

– Она говорила, что незаконнорожденная, но я плохо верю.

– Конечно! Сколько ты знаешь даже дворян, которые разбираются в поэзии времен Росара Аттского?

Алонсо подумал. Собственно, он и сам-то...

– Лин, пощади мои седины...

Жена (любимая и родная) весело рассмеялась.

– Это говорит о хорошем образовании. И поверь мне, немало достатке ее родителей. К тому же Ветана не запугана, держится спокойно, уверенно и на равных. Я твердо уверена, что она – законная дочь. Граф? Герцог – вряд ли, но графской дочерью она быть может.

– Я поговорю с его величеством. Сколько Ветана уже в Алетаре? И ни скандалов, ни поисков...

– Кто же выносит такое на люди? Конечно, происшествие замяли! Может, даже на высшем уровне.

Алонсо кивнул.

– Да, завтра же поговорю с королем. И приставлю к девочке охрану.

В одном Ветана была абсолютно права. Давить на нее не стоило. А вот постепенно склонить к союзничеству? Это можно, и это произойдет. Не сразу, не слишком легко и маленькими шажками, но будет на их стороне и маг жизни. Дайте время!

* * *

Лечебница встретила привычной суетой, шумом и гамом. Обход, новые больные, старые больные, те, кто выздоровел, и те, кто только поступил, родственники и друзья – круговорот затягивал. Выбил из привычной колеи лишь один случай.

– Все равно ты никому не нужна, кроме меня! Так что пиши!

Вопль был такой силы, что разнесся по всей лечебнице. Ответ я уже не услышала, а вот ругань, произнесенную тем же голосом, что и слова о ненужности, – вполне. И вошла в палату.

Моим глазам предстала печальная картина. На кровати лежала старушка лет семидесяти, плюс-минус пара лет, над ней наклонился здоровенный детина и орал, чего-то требуя, а бабка съеживалась на кровати.

– Что здесь происходит?

На меня оглянулись без особого почтения.

– А ну иди отсюда! Тебя тут не хватало!

– Вот и мне кажется, что не хватало, – согласилась я. – Вы, молодой человек, сами выйдете или стражу кликнуть?

Стражу мужчина не захотел. Грозно засопел и вылетел вон. Я присела рядом со старушкой, взяла в ладони сухонькую руку. Женщина смотрела темно-кариими глазами, и были эти глаза наполнены слезами.

– Что случилось, бабушка?

– Да что уж тут...

И столько безнадежности в голосе... Темного крабом! А между прочим, когда мы безжалостны к старости, не стоит забывать, что все там будут. Рано или поздно любой из нас окажется беспомощным, зависимым от близких. Эх-х...

– А вы расскажите. Вдруг чем и помогу?

– Да чем уж тут поможешь, деточка?

– Хотя бы выговоритесь. А вообще – кто знает? Может, я наследная принцесса, а тут так, погулять вышла...

– Если бы... Ах, если бы.

История оказалась простой. Аликса Ильви, так звали бабушку, разменяла уже восьмой десяток. Годы идут, отбирая родных, близких, унося друзей вдаль на волнах забвения.

У нее было две дочери. Одна уехала в Теварр, еще давно. Вышла замуж, родила дочь, но судьба оказалась жестока. Муж полюбил другую, едва ли не пинками выгнал супругу из дома, но разрешения на то, чтобы уехать обратно в Раденор, не дал. А законы Теварра в этом отношении строже и неприятнее. Да и не хотелось Тиссе Ильви возвращаться домой с позором. Она-то перья ворохом распускала, мол, замуж, за богатого... Как же! Пусть богатый, да вот Тисса этих денег все одно не увидела. Жили в маленьком домике, на подачки родни, подушки шелками расшивали на продажу, кое-как кормились...

Пока Тисса не заболела. Трясовицей^[21].

И вот тогда-то все стало окончательно плохо. Уехать не получалось. Сейчас, конечно, можно не спрашивать разрешения, дочка уже взрослая и сама решает, куда ей ехать и идти, но бывший супруг против, ему со второй девицей детей нарожать не удалось вообще, так что дочь Тиссы – наследница его состояния. И ему это очень не нравится.

Сейчас обговариваются вопросы брака. Тисса против, Рина, это ее дочка, тоже против, но что они могут сделать? Две женщины в чужой стране? Шли-то замуж, так медовые булки сулили, а надкусили – прослезились.

А кто орал-то? Так второй зять. Они с дочкой рядом живут, могут присмотреть за бабушкой, и что не нравится ни дочке, ни ее мужу, так это желание Аликусы оставить наследство внучке. Мало ли как там повернется, а тут хоть будет где голову преклонить. Не нравится им и то, что мать посылает дочери немного денег каждый месяц, и... Да много чего. Вот и возникают скандалы. А уж сейчас, когда Аликса, упав на улице, сломала шейку бедра и оказалась полностью беспомощна...

Я слушала, вздыхала и сочувствовала. Трясовицу могут вылечить только маги жизни. Если ее дочь приедет, я попробую помочь, но правду-то сказать нельзя. А вот самой бабушке...

– Вы спите. – Я погладила ее по сухонькой руке. – Поспите, я больше к вам этого типа не пущу, пусть он хоть трижды зять. А когда проснетесь, все будет лучше. Намного. И нога пойдет на поправку, и самочувствие

улучшится.

– Добрая ты душа...

Я? Да не добрая я. Просто ее очень жалко...

Постепенно Аликса задремала, и я принялась изучать болезнь. М-да, от старости лекарства нет. И магия жизни тут не поможет. Кости хрупкие, резерва у тела, считай, нет, на два-три года хватит, но и только. Предупредить, что ли? Посмотрим по ситуации.

А пока...

Крохотные золотистые искры скользили с пальцев, впитывались под сухую старческую кожу, и та светлела на глазах. Кое-где разгладились морщины, кое-где исчезли пятна – это побочный эффект. Главное происходило внутри. Очистились сосуды, ровнее застучало сердце, изрыгнули лишнюю гадость почки, чуть крепче стали старые кости, да и перелом принялся активно срастаться. Дней двадцать – и можно бегать.

Чудо? А ты не признавайся.

Я положила себе зайти дней через десять и еще подлечить бабушку. Жалко ее. Просто – жалко. Даже если одна дочь выросла дурой, а другая стервой, ей-то не легче...

К обеду я успокоилась настолько, что уже размышляла о сотрудничестве с Коронай. Что-то могу уступить я, что-то уступят мне. До определенного предела, но Раденоры – не дураки. Договоримся.

И когда на мое плечо легла чья-то рука, я даже не вздрогнула.

– Поговорим, дорогая невеста?

А вот голос заставил дернуться и резко обернуться.

Совсем рядом буравил меня жабыими глазками барон Артау. Еще месяцем раньше я стала бы паниковать. Днем раньше я бы занервничала. Но после беседы с канцлером я была настолько усталой, что на экс-жениха просто ничего не осталось. Я не вздрогнула, не дернулась, не вскрикнула, лишь подняла брови.

– Простите... сударь?

Голос – и тот был смертельно усталым. Какой там ужас – на эмоции сил не оставалось.

– Прекрати разыгрывать комедию, девчонка! Ты знаешь, кто я!

– Уберите руку, – ледяным тоном произнесла я, переводя взгляд на толстые пальцы. Страху не было, одно омерзение. И этого я когда-то боялась? Этого существа? Как... нелепо! – Или я позову стражу, и вас отсюда выкинут. Это Раденор, здесь мужчины не ведут себя как животные!

– Зови, – хихикнул барон. – Думаю, нам найдется, о чем поговорить...

Долго я не размышляла.

– Стра...

Крик оборвался на полуслове. Барон зажал мне рот и втолкнул в первую попавшуюся дверь. Темного крабом! Другое место он выбрать не мог? Это оказалась комната, отведенная храмовнику. А когда обещал приехать герцог Моринар? Сегодня? Завтра? Эх, вот бы сейчас... Было бы красиво, как в сказке.

Увы, жизнь моих мечтаний не учитывала.

Пальцы разжались, меня толкнули в глубь комнаты, я пролетела пару шагов, но на ногах устояла, извернувшись кошкой и выпрямилась во весь рост. Невеликий, но и барон не намного выше. Мне хватит.

– Вы, любезнейший, с ума сошли? – холодным тоном поинтересовалась я. – Какая невеста? Да вы вообще в своем уме? Вы кто такой?

Уверенность барона поколебалась, но не сильно.

– Ты отлично знаешь, кто я такой!

– Простите, не знаю.

– И видеть меня никогда не видела?

– И еще бы сто лет не видела, – проворчала я себе под нос. А потом уже громче: – Кажется, видела где-то. Только не помню точно, где именно.

– На собственной помолвке.

– Да не помолвлена я ни с кем! – топнула я ногой. – Вы от меня чего хотите, чтобы я за вас замуж, что ли, вышла? Глупости какие!

– Глупости, вот как?

Барон шагнул ко мне. Я стояла не дрогнув. И это его я когда-то боялась? Вот уж воистину воображение – мой худший враг, оно и гадюку превратит в дракона. Страшен не сам барон, опасно безумие в его глазах, но пока оно еще не разрослось во всю мощь. Ему интересно не сразу меня убить, а сначала помучить. А мне интересно, можно ли его вылечить. И если да – то как? Как подействует магия жизни на безумца? Это ведь тоже болезнь... наверное?

– Глупости, – спокойно подтвердила я. – Благородные господа женятся на благородных дамах, а не на таких, как я.

Барон сдвинул брови. Ага, начал заводиться. Впрочем, этого и следовало ожидать.

– Ты думаешь, я совсем дурак?

– Нет. Вы просто опасный сумасшедший.

Может, и не стоило провоцировать безумца, но иначе я никогда от него не избавлюсь.

Рука барона взлетела. Я могла уклониться от удара, еще как могла, но

вместо этого лишь чуть повернула голову. Чтобы остался след, но в голове не шумело. И усмехнулась, якобы без сил опускаясь на пол.

Мага жизни так не одолеть. Здесь и сейчас я могла убить барона десятком различных способов. Могла превратить в недвижимый кусок мяса – достаточно одной искры. Одной капли силы.

Но рисковать даром не хотелось. А к чему подставляться под пощечины? Да просто если придется звать стражу... Увидев синяк, они барона до тюрьмы доведут, да. Но упадет он по дороге раз двадцать. Почками – на кулаки. И никто не спасет.

– А ты неплохо держишься, – хихикнул Артау. – Хотя все вы, бабы, шлюхи, и годитесь лишь на одно. И то нормально сделать не можете! Только начнешь забавляться, вы уже и подыхаете! Я глазам не поверил, когда увидел тебя во дворце!

– Да кто вы такой?

– Я могу забыть лицо, Веточка, но не голос. А твой заплаканный голосок был особенно хорош. Эта горечь, эти слезы... И во дворце ты тоже плакала. Так трогательно, так мило...

Да чтоб тебя разорвало! Буду теперь знать, что молчание – золото! И что мне стоило подобрать другое имя? Не созвучное с моим старым? Но специально ж не стала менять, чтобы не путаться, когда окликнут.

– Ага. Значит, вы спутали мой голос с чьим-то другим и решили, что я ваша невеста. Начинаем разбираться. Как зовут вашу невесту?

– Ты не помнишь, как тебя зовут?

– Отлично помню. Я – Тойри Ветана, местная лекарка. Отлично живу в Алетаре и не давала согласия на брак ни с кем. Уж точно не с вами.

Барон чуть нахмурился. Засомневался?

– А твои родители?

– Я сирота.

– Да что ты? А вот моя невеста – пока еще не сирота, но ее отец опасно болен. Поехал кататься, простудился и теперь харкает кровью.

Если барон рассчитывал, что я занервничаю, стану что-то выпытывать... Я просто пожала плечами.

– Пусть сходит к лекарю. Можно даже и к нам.

– Он не местный.

– Там, где он живет, нет врачей?

– Тут маг нужен.

– И что? Я чем могу помочь? Господин... Все же, как вас зовут?

– Барон Артау! И не говори, что ты это забыла!

– Теперь запомню, – вздохнула я. – Господин барон, я не могу быть

вашей невестой. Кто бы ни была эта девушка... Надо полагать – дворянка?

– Разумеется!

– И что ей делать в лечебнице для бедных?

– Иветта постоянно возилась со всем этим сбродом.

– Многие любят играть в лекарей, но играть же, а здесь – работа!

Тяжелая, грязная, кровавая, ежедневная... Какая дворянка это выдержит?

Уверенность барона поколебалась еще больше.

– И все же я готов поклясться...

В чем был готов поклясться барон, я так и не узнала, потому что дверь комнаты распахнулась, и на пороге встали два служителя Храма. Одного из них я знала, это был тот крысеныш, который меня благословлял, другого же видела в первый раз в жизни. Впрочем, мне это не помешало.

Барон развернулся к ним, и я не упустила своего шанса. Вы думаете, что полулежащая на полу женщина беззащитна? Вы в этом уверены? Зря!

У меня есть главное оружие – мой голос.

– Помогите!!!

Я завизжала так, что слышала, наверное, вся лечебница. Барон дернулся ко мне, потом вперед, но было уже безнадежно поздно. Послышался шум, шаги, крики... Я продолжала визжать, предусмотрительно спрятавшись под столом, и Артау сделал единственное, что ему оставалось. Что он привык делать.

Выхватил оружие.

В одной руке легкий клинок, в другой – кинжал. Быстрый взгляд на меня, но я уже далеко под столом, и достать меня нет возможности, только визг несется.

– С дороги, твари!!! Заколю!!!

Увы, судьба сыграла против барона. Что сделали служители и лекари, когда по лечебнице понесся мой визг? Бросились на помощь! А коридор-то – не особо широкий. И если передние успели остановиться, то задние напирали.

Кто толкнул незнакомого мне храмовника, я, наверное, никогда не узнаю. Но мужчина сделал большой шаг вперед, а барон принял это за агрессию. Коротко взблеснул палаш... Храмовник остановился, словно наткнувшись на стену. Острие скрылось в его теле – и вновь вылезло наружу, только уже покрытое кровью.

Кто-то завизжал, бросился ловить первого храмовника... Второй. И закономерно получил палашом по горлу. Хлынула кровь.

Барон оглянулся на окно, сделал к нему шаг, второй, но было поздно. Карнеш, появившийся в дверях, сильным движением запустил ему в ноги

табуретку. Барон оступился, покатился по полу, попробовал встать, но это сложно сделать, когда у тебя в руках оружие. Минута – и на него навалились служители, схватили, связали...

Карнеш подошел к столу и вытащил меня из-под него.

– Вета, хватит визжать!

Меня сильно встряхнули и разрешили спрятаться на сильном мужском плече.

– Ты в порядке?

– Д-да... Меня почти не тронули.

– Почти?

– Только лицо. Больно...

Карнеш отстранил меня, коснулся опухающей щеки.

– Вот тварь! Это все?

– Д-да... больше он не успел.

– Я сейчас обработаю рану. Стражу позовите!

– Уже побежали, – откликнулся голос Линды. – Вета, что это за урод?

Барон на полу заскрипел зубами, но когда тебя вяжут, да еще и пинают по почкам, отругиваться сложно.

– Кракен его знает! Сказал – барон Артау, а я якобы его невеста.

– Кто?!

Теперь удивились все присутствующие. Я вытерла кровь с лица. На полу лежали два трупа. Один – с перерезанным горлом, а второй... Можно попробовать помочь ему, хотя... нет. Уже нет. Барон бил наверняка. Здесь и магия жизни не поможет. Дар лениво шевельнулся внутри, но – храмовники. Был бы кто другой, не эти твари...

Харни Растум, который, как начальство, оказывался на месте происшествия в числе первых, присел рядом, пощупал пульс на горле, осмотрел раны и покачал головой.

– Бесполезно. Вета, ты все по порядку расскажи, а то тебя лечить, а мне еще со стражей разговаривать.

Лечить меня, конечно, не требовалось, но Растум свято исповедовал принцип: «Чем несчастней человек, тем больше денег можно слупить с обидчика». Вот и нагнетал обстановку. И крови на мне хватало. Поди определи, что я не ранена и вообще невредима. Может, и синяка не будет.

Я кивнула и принялась говорить короткими отрывистыми фразами:

– Вломился. Начал угрожать. Затащил в эту комнату. Сказал, что он – барон Артау, а я – его сбежавшая невеста. Когда я сказала, что он сумасшедший – ударил меня. Потом вошли храмовники, и я смогла удрать под стол. А он напал на них. За что?

Карнеш был озадачен.

– Темный его знает. А ты правда не невеста?

– Я что – дура? От барона бегать?

Довод был признан убедительным. Хотя...

– Да от такого и соломенное чучело сбежало бы, – Линда осматривала барона, как тушку кролика на базаре. И взять бы на жаркое, да припахивает. – Невзрачный он какой-то и облезлый...

– Зато титул. И наверное, поместье свое, доход опять же, – корыстно заметила я.

Барону уже засунули кляп, так что возразить он не мог. Сквозь толпу пробивалась стража.

– Что тут происходит?

А вот и господин Самир.

Стражник охватил всю картину одним взглядом, нахмурился, а когда узнал все подробности, осмотрел синяк на моем лице, два трупa, окровавленный меч и кинжал барона, ухмылка его стала вовсе уж людоедской.

– Так... Тащим сразу в тюрьму. Говорил – барон?

Кивать было неприятно, говорить – больно.

– Ну, мы-то не обязаны каждой твари на слово верить. Сейчас оттащим в караулку, допросим, потом в Медяшку, а уж затем, если начальство решит, доложим выше...

Я опустила ресницы, чтобы никто не заметил довольного блеска глаз.

Сейчас барона как следует отколотят. Потом добавят в караулке. Потом в тюрьме для бедных – там свои порядки, и если что-то шепнут тюремщику, то барону будет весело жить. Найдется много желающих развлечь его. А уж когда дело дойдет до Замка – то есть тюрьмы для благородных... Это если дойдет. И мне его совершенно не жалко.

Пусть кричит, что барон, пусть требует. Хотя...

– Господин Самир...

– Да, Вета?

– А не может это быть тот сумасшедший? Который девушек по городу... Вы помните?

Стражник нахмурился.

– Он что-то говорил?

– Что все бабы годны только на одно, и то быстро подышают, он разгуляться не успевает, как-то так.

Я всхлипнула и закрыла лицо руками.

Господин Самир задумался.

– Ладно. Начнем с караулки. Вызовем дознавателя и разберемся.
Кажется, я уже не невеста. И почему меня это вовсе не огорчает?

* * *

Унесли увязанного колбаской барона, роняя его по дороге и обдабывая все углы. Ушел в свой кабинет Харни. Я сидела в комнате для лекарей, прикладывала примочки к уголку рта, но достаточно небрежно. Просто чтобы скрыть злорадную ухмылку.

Прощай, любезный женишок, твой голосок был так высок... И – нет, мне его совершенно не жалко. У меня просто вопрос: не есть ли это строчка из пророчества старой рофтерки? *За тобой три зла. Зло в прошлом, зло в настоящем, зло в будущем. Два зла могут сожрать друг друга, третье – тебя.*

Допустим, барон – из прошлого, храмовники – из настоящего. Вопрос: а из будущего-то кто? И кто меня жрать будет? Не хотелось бы... Немножко жалко храмовников, как-никак они тут ни при чем, пострадали просто так, но... во имя благого дела! Я теперь точно не невеста, да и сестренка в безопасности. И отца никто не заставит выплачивать слишком большой и вовремя образовавшийся долг.

А если... Зашипев от боли, я посильнее промокнула губу и разрешила себе подумать. Забавно. Маг жизни не может убивать сам. Даже не так. *Маг жизни не может убивать с помощью своего дара.* Но если по-простому?

Сегодня я была близка к тому, чтобы проверить это утверждение. Лекари – особы хоть и неприкосновенные, но дураков всегда немало. И потому в маленьком кармашке на моем рукаве был спрятан... нож? Нет, полноценным ножом это назвать нельзя. Но полоснуть по глазам хватило бы.

Не просто так я пропустила удар. Если бы не ввалились храмовники, я бы барона сама разделала, как быка на скотобойне. И рука не дрогнула бы. Благо доказательства налицо. Синяки, крики о помощи, да и моя репутация сыграли бы свою роль.

Я могла бы это сделать.

Обратная сторона моего дара – смерть. С которой я встречаюсь чуть ли не каждый день, хожу рядом, здороваюсь за руку, уговариваю подождать с выплатой по долгам и закладным, отвожу людей на другие дорожки. Я знаю ее, а она отлично знает меня.

Дар жизни, дар смерти... Так и задумаешься: не лучше ли для меня

предложение его величества? Говорят, он сам – некромант, может быть, и меня здесь не обидят? Я бы убила сегодня. Я осознанно не стала бежать после встречи с бароном, я рисковала, я... Я решила, что выше меня только звезды?

Примочка со злостью впечаталась в свежую рану, заставив зашипеть от боли. Дура, соплюха, идиотка! Все же на волоске висело! Шаг в сторону – и... Нет, правда. Надо поговорить с канцлером и решить что-то с коронным покровительством. Иначе я нарвусь, и нарвусь очень больно. Кто-то должен охранять меня от творимых мной же глупостей, это точно...

И по моим губам поползла улыбка. Интересно, как бы отреагировал барон, узнай он, что мне делал предложение руки и сердца сам Рамон Моринар?

Не поверил бы. Да и плевать теперь на барона. Из застенков его не выпустят. А если этот подонок виноват в бабушкиной смерти – туда ему и дорога. И пусть его еще помучают перед смертью!

* * *

– Как – убит? Кто посмел?!

Приближенный Фолкс в шоке смотрел на два тела своих магов.

Гентль Шир, Рилон Контар. Мертвы, оба мертвы. А магов у него не так много, это птицы редкие. Хоть самому вспоминай старое.

– С-случайность, – пробормотал заикающийся от волнения служитель.

– Случайность? – взревел приближенный.

– Д-да...

– ...и ...я такую ...случайность!

Случайность не отозвалась на страстный призыв. Вот еще, потакай тут разным извращенцам!

Путем расспросов выяснилось и все остальное. И приближенный засобирался к королю. Магов не вернуть, это так. Но пусть хоть казнят этого мерзавца! Сначала Шантр, теперь Гентль, Рилон... а работать-то с кем? С кем работать, я вас спрашиваю?

Кругом одни враги!

* * *

Королевский дознаватель – профессия почетная. И господин Элот

Синор ею по праву гордился. А то ж! Не каждый может занять эту должность, не каждый может принести личную клятву на крови его величеству, сказать о себе, что честен и неподкупен, прям и тверд... Он – может. И докапывался до самого дна гнусных интриг не раз и не два в своей жизни. Но сейчас...

Сидит перед ним человек, твердит про свои баронские права и не знает, болезный, что нет у него тут никаких прав. Не-ту. О правах-то кричать не труд, а вот ты обязанности перечисли? Одного ведь без другого не бывает. Раз ты барон, то благородный. А значит, помогай слабым, не лебези перед сильными, отвечай за тех, кто живет на твоей земле... Много их, обязанностей.

Не хочешь? Законы нарушаешь? Так отвечай по всей строгости!

Элот взглянул в бумаги.

– Барон Торрес Вейхер Артау?

– Да, это я.

– Счастлив нашему знакомству.

– А я – не очень! На каком основании меня притащили в эту... это место?

– В убийствах подозревают, – с улыбкой сообщил дознаватель.

Барон ему не нравился, активно не нравился. И скрывать своей неприязни мужчина не собирался, он тоже живой человек!

– Что?! Да я вас! Я вас!!!

Барон налился помидорным соком, забрызгал слюной и даже стукнул кулаком по столу. Выглядело это... как будто жабу надули через соломинку. Гадко.

Элот Синор покивал, посочувствовал и коварно поинтересовался:

– Господин барон, так ведь... угрожали!

– Кому? – искренне изумился барон.

– А вот, грамотка. Лекарке, в лечебнице для бедных.

Изумление в глазах барона было совершенно искренним. Он? Угрожал? Ну и что! Мелочи какие! Это же девка из простонародья, как оказалось, а вовсе не его невеста. И руку он на нее поднял, так это ж пустяки! Для чего еще существует простонародье? Только для того, чтобы служить своим господам! Любым способом!

Но Элот не просто так тянул время.

Необходимый материал от барона у него был, стражники того неплохо помяли. Он ждал, пока доставят пострадавшую от насильника девушку и маг воды сравнит кровь. А тем временем соглашался, что быдло обнаглело, но вы же понимаете, господин барон, законы... Что, конечно же, это нельзя

просто так оставлять, и лекарку надо вообще выгнать из Алетара. Что хватать благородного человека никоим образом нельзя! Что стражников надо просто прибить гвоздями к воротам... Почти час соглашался, записывал, ждал – и дождался. В кабинет заглянул маг воды, кивнул – и вышел. А Элот расцвел улыбкой.

– А теперь поговорим еще об одной девушке, господин барон?

– О ком еще?

– О некоей Милоне Фусон.

– О ком?

– Готов поверить, что ее имени вы не знали. – Элот улыбался вовсе уж благодушно. Знание того, что барону не отвертеться, добавляло мужчине радости. – Но изнасиловать девушку вам это не помешало.

– Никого я не...

– А вот она уже опознала ваш голос. И ваши благовония. Редкие, правда? Дорогие... И ребенок в ее чреве принадлежит вам.

Барон осел на стуле. Ребенок? Кто-то выжил? Он пытался угрожать, пытался подкупить Элота, пытался юлить, лгать, изворачиваться, но дознавателю и не нужно было добиваться добровольного признания. Достаточно быть уверенным для себя и для суда, а там... Палач – разберется. У них, в Алетаре, хорошие специалисты.

Так что барона увели, стражникам вынесли благодарность, а Элот принялся составлять отчет для короля. Какое решение примет его величество, он не знал, но был уверен, что виселицы барону не избежать. Если повезет, конечно.

* * *

Господин Самир зашел на следующий день. Покопался в карманах необъятного мундира и торжественно вручил мне свиток.

– Госпожа Ветана, это с благодарностью.

– За что? – искренне удивилась я.

– Оказалось, что это и правда тот упырь, который девушек резал.

Я прижала ладони к щекам.

– Ой! Правда?!

– Господин Самир, вы же все расскажете?

Линда соткалась, словно из ниоткуда.

Господин Самир вздохнул и смирился.

– Ладно. Расскажу. Только взвара нальете? Духовитый он у вас!

– Можем даже с плюшками.

Вернувшегося в ее заботливые руки возлюбленного матроса Линда откармливала как на убой и каждый день приносила что-нибудь вкусненькое в лечебницу.

От плюшек стражник тоже не отказался и принялся рассказывать. К тому времени как они донесли барона, тем даже нищие бы побрезговали. А что? Там была такая удобная лужа... две... И забор там давно стоял...

Артау еще попинали для верности и принялись колоть по всем эпизодам. Где он был во время насилия над такой-то, сякой-то и разэтакой? Сначала уговаривали словесно, потом более эффективно, с помощью подручных средств – носка с песком.

Барон пытался ругаться, но потом еще немножко побился об стол, об пол и об стены и успокоился. Стал признаваться, и стражники запереглядывались. Одно дело – свой, родной негодяй. А тут-то иностранный! Дело решил королевский дознаватель, которого пригласили спешным порядком. Одна из жертв выжила и даже была беременна от насильника. А для установления отцовства достаточно самого плохонького мага воды.

Такой в распоряжении стражи был. Пара часов, гонец туда, гонец сюда, ленивое подтверждение: да, это точно он, его семья... – и колесо закрутилось вовсе уж необратимо, затягивая барона в свои тенета.

Барон был допрошен по всем убийствам, не признался ни в одном, но его признание уже и не требовалось, доказательств и так хватало. Убийцу препроводили в личную королевскую тюрьму, стражникам вынесли благодарность, а господин Самир, может, даже орден получит. Это же здорово!

Мы все согласились, что за мужчину надо порадоваться. И я все же не выдержала.

– А за кого он меня принял? Интересно же?

– У, там целая история...

История оказалась такой, что я только зубами заскрипела.

Барон, зная о своих наклонностях, понимал, что нормальные люди за него замуж дочь не отдадут. А ненормальные... Этот сукин сын (простите, собачки!) нашел моего отца, подсунил ему пару шулеров, чтобы тот проигрался в пух и прах, и потребовал дочь в уплату долга. На что обедневший аристократ согласился с радостным визгом!

Планы едва не нарушила бабка девчонки – склочная старая стерва. Но Артау был начеку. Устроить несчастный случай оказалось весьма несложно. И – нет проблемы. Правда, сбежала сама невеста. Он готов был

поклониться, что это она, она! А оказалась какая-то тупая сука из простонародья, которая развизжалась...

Простите, госпожа Ветана.

Я, конечно же, простила. Но попросила при случае попинать негодяя еще. И побольнее, побольнее...

Господин Самир на это только руками развел. Уж простите, нет барона. Забрали и теперь не отдадут, разве что на плаху поедет, там пересечемся...

Интересоваться временем казни я не стала. Ни к чему. Бабушка не хотела бы, чтобы я туда ходила, я и не пойду. Не надо. Просто за нее отомстят – здесь. А отец... Если барон сказал правду – поделом ему. Если соврал – мне попросту все равно. Я не стану мчаться обратно, лечить, помогать своей бывшей семье. Не шевельнется ли внутри чувство вины?

Даже если и шевельнется... Отцу ничего не мешало. Если подозревала я, то подозревал и он наверняка. Но они с матерью закрывали глаза на все. На продажу дочери подонку и негодяю, на смерть бабушки...

Пришла пора платить по счетам.

А я... Моя пора тоже еще придет, даже не сомневаюсь. Но пока буду жить. Есть солнышко, есть ветки шиповника за окном, есть запах моря и роз... Да что еще надо?

– Госпожа Ветана!!!

Я подскочила и понеслась на крик. У меня есть мой дар лекаря. Иногда он приносит жизнь. Иногда смерть, как это случилось с храмовниками, с бароном... Но это от меня не зависит.

Мы не выбираем дар, но мы выбираем дорогу для него. И я найду свою! Обещаю тебе, бабушка! Я найду. И надеюсь, когда-нибудь у меня будет дочка, и я назову ее в твою честь, и она вырастет такой же доброй и мудрой, как ты.

Я расплатилась по счетам и закрывала их с чистой душой. Предстояло искать свою тропу в этой жизни. Тропу лекаря.

Примечания

1

Менингит (*прим. авт.*).

Симптом Кернига (*прим. авт.*).

Эти растения действительно дают синеватые тона, но надо соблюдать технологию и рецептуру (*прим. авт.*).

Имеется в виду рак-богомол, очень симпатичное создание (*прим. авт.*).

Имеется в виду исландский мох, который неплохо помогает при бронхите. Но поскольку в том мире нет Исландии, то и название другое (*прим. авт.*).

Алоэ (прим. авт.).

Грецкие орехи (*прим. авт.*).

Не уверена в целительной силе красной шерстяной нити, повязанной на левую руку, но многие носят (*прим. авт.*).

Да простят автору эту вольность, но слова «какао» и «шоколад» там пока не знают, индейцев майя тоже не было, поэтому пришлось слегка сократить данное Линнеем дереву какао название Theobroma, с греческого – пища богов (*прим. авт.*).

С глупой женщиной неладишь, с ней ты быта не наладишь,
Что-то скажешь невпопад, вечно будешь виноват.
Будь ты принц или крестьянин, христианин, мусульманин,
Строен ты или горбат, беден ты или богат...
Если у нее натура (говорят же, баба – дура),
А твоя кандидатура подвернулась под разгром,
Дома разразился гром, и идет семья на слом,
То прими совет поэта, здесь уже рецепта нету,
И скажу я по секрету: бросив злую бабу эту,
Удирай еще до свету на соседнюю планету,
Не признав свою вину. Хоть – в соседнюю страну.
А иначе, уж поверьте, жизнь вам будет – хуже смерти.
Нету хуже вздорных баб, если разум их – ослаб.
Так что, подводя итоги – научитесь делать ноги.

Написано автором шутки ради. Конечно, не классика, но надеюсь, доля истины здесь есть (*прим. авт.*).

Аналог наших крестных (*прим. авт.*).

Карболка (карболовая кислота, фенол) применялась для дезинфекции с 1865 года. Убивала микробы, правда, достаточно ядовита, но в отсутствие антибиотиков и то было за счастье (*прим. авт.*).

Простатит (*прим. авт.*).

Автор лично наблюдала подобное у знакомой девушки. И лечение тоже. Помогло – но без хорошего обследования повторять не советую (*прим. авт.*).

Есть такая теория. Насколько она верна – не знаю (*прим. авт.*).

Имеется в виду русская кварта, равная 1,23 л (*прим. авт.*).

Гемофилия (*прим. авт.*).

Трей – титул знатного тиртанца. Ближайший аналог – паша (*прим. авт.*).

Для тех, кто сомневается или думает, что так не поступали... Поверьте, еще как поступали! Из книги В. Мединского «Мифы о России»: «За XVII – XVIII века, основные века работорговли, из Африки вывезли примерно 15 миллионов рабов, 10 миллионов из них – мужчины, уже готовые работники. По данным ученых, на эти 15 миллионов прибывших приходится не менее 5 миллионов умерших в пути, так как везли рабов в специальных кораблях, чтобы «напихать» их в трюм побольше. Небольшие парусные корабли того времени ухитрялись перевозить за один рейс по 200–300, далее – по 500 рабов. Как говорили сами работорговцы, «негр не должен занимать в трюме места больше, чем он будет занимать в гробу». Он и не занимал. Плавающий гробик под тропическим солнцем сильно нагревался. Воды и пищи было очень мало – их тоже экономили изо всех сил. Рабов и не думали выводить из трюма для отправления нужды. По утрам, когда рабовладельческий корабль открывал свои люки, из трюма поднималось зловонное облако. Оно висело над кораблем, пока ветер не относил марево».

Форма принятия благословения разная для простонародья и для дворян. Простой народ становится на оба колена, дворянин – лишь на одно (*прим. авт.*).

Болезнь Паркинсона (*прим. авт.*).